

Jednostki języka w systemie i w tekście

3

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
WYDAWNICTWO

Jednostki języka
w systemie i w tekście

3

Jednostki języka w systemie i w tekście 3

pod redakcją

Andrzeja Charciarka, Anny Zych i Ewy Kapeli

Recenzenci

Grażyna Mańkowska, Andrzej Sitarski

Spis treści

Słowo wstępne (<i>Redaktorzy</i>)	7
Анета Банашек-Шаповалова	
Соседи в текстах различных жанров: к образу участников повседневных конфликтных ситуаций	9
Małgorzata Borek	
Marzenia — sen czy jawa? (na materiale języka polskiego i rosyjskiego)	17
Дорота Худык	
«Лицо красивое, как у святой» — соматизм <i>лицо</i> в русских и польских сравнительных конструкциях	30
Пётр Червинский	
Словарная практика и акценты языкового сознания (на основе двух лексических единиц не совсем современного языка)	41
Дорота Глушак	
<i>Конте у монсира, монсир с контом</i> — о морфологической адаптации заимствованных существительных в языке «Курантов» XVII века	65
Maciej Labocha	
О структуре семантической статьи словаря на примере словаря польско-росийского на примере польского лексемы <i>PRZECIĄĆ</i> oraz jego rosyjskich odpowiedników	75
Дмитрий Лукьянов	
Феномен доверия: философский, психологический и лингвокультурный аспект	87
Патриция Мах	
Эквивалентность и безэквивалентность русских и польских приставок <i>при-</i> и <i>przy-</i>	98

Лукаш Маршик	
Интернациональные термины-эпонимы в метаязыке лингвистики и их культурно-историческая ценность	107
Piotr J. Michalowski	
Terminy wielowyrazowe i wyrażenia terminologiczne w słowniku	118
Maria Mocarz-Kleindienst	
Audiodeskrypcja po rosyjsku — analiza językowa	128
Alicja Mrózek	
Frazeologia biblijna we współczesnej aforystyce rosyjskiej jako problem badawczy	137
Dorota Muszyńska-Wolny	
Ekwiwalencja polskich i rosyjskich porównań frazeologicznych z nośnikiem porównania będącym nazwą zawodu	152
Зденка Недомова	
К проблеме вариантов в лингвистической терминологии русского языка (теоретическое введение)	164
Лукаш Плесник	
Терминологическая система именных частей речи (русско-чешский сопоставительный аспект)	173
Anna Romanik	
<i>Креативный i культовый</i> — o modnych przymiotnikach w rosyjskich czasopismach lifestylowych	184
Anna Rudyk	
O wybranych ekspresywnych zwrotach adresatywnych (na podstawie polskich tekstów literackich i ich rosyjskich przekładów)	195
Матеуш Смага	
Наименования российских и британских футбольных клубов (сопоставительный анализ)	206
Irina Smirnova-Bereza	
Словаńskie przygody Kubusia Puchatka. Porównanie polskich i rosyjskich kultowych przekładów tekstu Alana Alexandra Milne'a	219
Mariola Szymczak-Rozlach	
Z problemów leksyki ekspresywnej języka słowackiego	233
Иоанна Василюк	
Воздействующий потенциал прецедентных высказываний (на материале заголовков электронных версий печатных СМИ: «Известия» и «Коммерсантъ»)	246

Słowo wstępne

Problematyka podejmowana w tekstach zamieszczonych w monografii odzwierciedla różnorodność perspektyw badawczych we współczesnym językoznawstwie slawistycznym, z uwzględnieniem zarówno tradycyjnych, jak i nowych ujęć metodologicznych.

W centrum uwagi autorów znajdują się zagadnienia opisu jednostek języka polskiego, rosyjskiego, czeskiego i słowackiego na jego poszczególnych poziomach.

Jednostki językowe badane są nie tylko jako elementy systemu, ale także jako komponenty zróżnicowanych gatunkowo tekstów dawnych i współczesnych. Obok analiz czerpiących z tradycji strukturalistycznej zaprezentowano również takie, w których zjawiska językowe opisywane są w szerokim kontekście społecznym, politycznym i kulturowym.

Na monografię składają się zarówno opracowania dotyczące jednego języka, jak i studia porównawcze: polsko-rosyjskie, polsko-słowackie, czesko-rosyjskie. Nie zabrakło też tekstów poświęconych kwestiom translatologicznym i terminologicznym.

Poruszany przez autorów szeroki zakres zagadnień umożliwia zapoznanie się z obszarami i kierunkami prac prowadzonych przez poszczególne ośrodki akademickie. Żywimy nadzieję, że niniejsza publikacja stanie się także źródłem inspiracji do dalszych poszukiwań badawczych.

Redaktorzy

Анета Банашек-Шаповалова

Силезский университет в г. Катовице

Соседи в текстах различных жанров: к образу участников повседневных конфликтных ситуаций

Конфликтогенность межсоседского пространства может послужить любопытным примером для экспликации конфликтных ситуаций повседневной коммуникации благодаря тому, что совмещает в себе черты взаимодействия одновременно и внутригруппового (соседи как коллектив жильцов одного дома, являющегося для них местом общего проживания), и внегруппового (проживающие в разных квартирах отстаивают свою приватную сферу от действия со стороны соседей). В пользу выбора такого объекта исследований говорит также то, что межсоседские конфликты являются весьма актуальной темой. Об этом свидетельствует многообразие текстов, по-разному и в разных целях затрагивающих проблему разногласий между жильцами многоквартирного дома¹, подобно как и само количество проблем, возникающих в пространстве такого рода².

¹ Более подробно об этом см.: А. Банашек-Шаповалова: *Документация повседневности в выбранных интернет-ресурсах (о соседских конфликтах с перспективой лингвиста)*. «Bibliotheca Nostra. Śląski Kwartalnik Naukowy» 2017, nr 2 (48), с. 38—50.

² Среди них можно назвать различного рода шумы из соседских квартир; мусор, хлам, дым на лестничной клетке; сплетни и пр. Вопрос межсоседских конфликтов представляет интерес также в отношении сопоставления русских и польских текстов. О некоторых различиях в затрагиваемых темах (связанных с национальной спецификой системоценностной ориентации и реалиями обеих стран) и/или способах освещения конфликтных ситуаций в соседском пространстве русско- и польскоязычными авторами см. также: А. Банашек-Шаповалова: *О конфликтогенности межсоседского пространства в интернет-мемах*. W: *Słowiański krąg. Słowo — myśl — obraz w tradycji i współczesności*. Red. A. Banaszek-Szapowałowa. Katowice 2019, с. 203—212.

Исследуя ситуацию конфликта, целесообразно обратиться, наряду с другими проблемами, к способам представления образов конфликтующих лиц. В предлагаемом к рассмотрению случае к ним относятся сосед-виновник спора и потерпевший. Поставленная задача заключается в том, чтобы выявить наиболее типичные приёмы, используемые при представлении соседей в текстах двух, выбранных неслучайно, жанров³. Первый из них — это корреспонденции. Переписка соседей является примером непосредственного (хотя вместе с тем также и опосредованного) общения конфликтующих лиц и касается, как правило, определённой проблемы. Второй жанр, предлагаемый к рассмотрению, представляют собой интернет-мемы. В них образы соседей соответствуют общепринятым представлениям о межсоседском пространстве.

Выбор жанров для анализа обусловлен тем, что в отобранных текстах можно было увидеть разные стороны и аспекты конфликта между соседями. В связи с этим и разбираемые образы соседей будут различны. Отличия становятся очевидными уже непосредственно в затрагиваемых темах. Так, например, тема сплетен, охотно обыгрываемая авторами мемов, не находит своего отражения в выбранных нами текстах корреспонденций⁴. Они, в свою очередь, используются среди прочего для решения проблемы экскрементов на лестничной клетке, что не находит своего выражения в мемах. Авторы обращений к жильцам-нарушителям заинтересованы как в налаживании отношений с ними, так и, несомненно, в устранении предмета своего недовольства, в то время как авторы мемов критикуют соседей-нарушителей как таковых, не непосредственно и обобщённо. В корреспонденциях, в итоге, мы получаем образ потерпевшего из первых рук (своего рода аутоэксplikация), также как и виновника спора (его как другого). Соответственно, в мемах образ как потерпевшего, так и виновника имеет скорее типизированный характер.

Исходя из сказанного, вполне обоснованным представляется замечание о том, что «чрезвычайно перспективной видится идея моделирования жанровой картины мира»⁵ с приложением жанра как «поля реализации

³ Следует при этом заметить, что вопрос о конститутивных признаках рассматриваемых жанров не ставился. Жанроведческая перспектива служит некоторым ориентиром в предлагаемом подходе, который можно определить как функционально-тематический и вписать в сформулированное Артуром Рейтером направление «сопоставительных и контрастивных исследований группы жанров (форм структурно, стилистически и/или функционально родственных) в синхроническом аспекте». См.: A. Rejter: *Genologia lingwistyczna w perspektywie analiz dyskursu: szanse i ograniczenia*. „Tekst i dyskurs = Text und Diskurs” 2008, nr 1, s. 22—23.

⁴ Для анализа было выбрано 100 фотокопий писем соседей и столько же интернет-мемов, помещённых в интернете.

⁵ А.В. Курьянович: *Эпистолярная картина мира: к вопросу определения понятия*. «Вестник ТГПУ = TSPU Bulletin» 2014, № 2 (143), с. 16—20.

определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов»⁶. Тем самым, нами предлагается исследование двух жанровых картин мира⁷, точнее говоря, определённых их фрагментов, соотносимых с человеческим фактором, задействованным в ситуации конфликта. Предметом анализа являются механизмы, используемые для представления в текстах упомянутых жанров участников межсоседского конфликта, при этом сами образы восстанавливаться не будут, а их определение следует воспринимать как последующий этап⁸.

Лингвисты, обращая внимание на значение **корреспонденций** как материала для исследований, подчёркивают то важное обстоятельство, что «частное письмо наиболее приближено к ситуации реального общения, в которой проявляется всё многообразие речевых свойств языковых единиц»⁹. Обращение к соседу в письменной форме имеет одновременно и личный, и публичный характер, поскольку письма вывешиваются в общем пространстве многоквартирного дома (напр., на доске объявлений в подъезде или в лифте) и, хотя они имеют адресата — виновника конфликтной ситуации, с текстом переписки могут ознакомиться все проходящие мимо. Нередко адресата корреспонденции можно идентифицировать не только по описанным в тексте производимым им действиям, но и, например, по обозначенному номеру этажа и/или квартиры. Виновник конфликта, следовательно, бывает точно определён: это известный сосед. Иногда в письме идентифицирует себя также и его автор, как хотя бы в таком примере: *Верните коврик, лежавший у квартиры № 38, мать Ваши!*¹⁰.

⁶ Г.Г. Слышкин. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград 2004, с. 323 (цит. по: А.В. Курьянович: *Эпистолярная...*).

⁷ Как известно, по вопросам исследования картины мира в лингвистике существует немалое количество взглядов, подходов и точек зрения. Выделяются и изучаются, помимо языковой, такие картины мира, как ментальная, культурная, идеологическая, текстовая и др. См. об этом, в частности: G. Żuk: *Językowy obraz świata w polskiej lingwistyce przełomu wieków*. W: *Przeobrażenia w języku i komunikacji medialnej na przełomie XX i XXI wieku*. Red. M. Karwatowska, A. Siwiec. Chełm 2010, с. 239—257. Вальдемар Чахур предлагает интегрирующий термин «дискурсивная картина мира» в статье: W. Czachur: *Dyskursywny obraz świata. Kilka refleksji*. „Tekst i dyskurs = Text und Diskurs” 2011, nr 4, с. 79—97. В рассматриваемом случае можно выделить также медиакартину мира, поскольку все анализируемые нами тексты, отобранные в рунете, отображают проявление партиципаторной журналистики, касаясь развлекательной функции интернета.

⁸ Подобный подход, допускающий несколько этапов анализа для описания текстовой картины мира, предлагает А. Киклевич: А. Киклевич: *Языковая vs. текстовая картина мира*. В: *Притяжение языка. Том I: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика*. Olsztyn 2007, с. 173—197.

⁹ Н.А. Калёнова: *О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике*. «Rhema. Рема» 2013, № 1, с. 80—87.

¹⁰ http://www.netlore.ru/sosedskie_ugrozy [дата обращения: 16.05.2017]. Здесь и далее цитированные тексты приводятся в оригинальной записи (не исключая ошибок).

Образ жильца-нарушителя формируется в ходе критики его действий и обращения к нему (просьба, угроза, приказ), к примеру: *Уважаемые господа, / это лифт / «эконом класса» / т.е. — без унитаза! / Поэтому терпите, / суки, до квартиры! / P.S. Хозяев собак это / особенно касается! / Спасибо... / Ваши соседи*¹¹. Характеристика соседа осуществляется также при помощи оценочных определений, грубых и бранных обозначений (в процитированном отрывке к последним следует отнести лексему *суки*). Описание может быть пополнено указанием на возможные негативные последствия критикуемого поведения, напр.: *Уважаемые жильцы верхних этажей! / Не кидайте окурки с балконов, / они могут залететь на нижние балконы / и вызвать пожар! / Мы, жители нижних этажей, / выбежать успеем, / а вот вы — сомневаюсь...*¹². Это своего рода наставительный момент, сопутствующий основной цели текста — разрешению спора. В письмах намечается также нередко будущее межсоседских взаимоотношений и возможное наказание виновника: *УВАЖАЕМОЕ «ЧМО»! / Ещё раз оставите пакеты со своим / дерьмом у дверей подъезда — будете лежать с ними рядом!!! / Ваши соседи / (Ведётся видеонаблюдение)*¹³. В случае реализации подобной угрозы сосед пострадает физически.

Характеристика автора обращения, т.е. потерпевшего, возникает главным образом из описания дискомфорта, доставляемого ему соседом. К примеру: *Вам неприятно, что в вашей квартире пахнет сигаретами. Нам это тоже крайне неприятно. Вы не хотите дома травить своих детей и травите чужих, устраивая курилку на лестнице. У нас в квартире стоит угар как в курилке!*¹⁴. Сообщения служат также выражению накопившихся у автора в связи со спором негативных эмоций, ср. фрагмент: *УРОД, / который курит в лифте! / Ты нереально задолбал!*¹⁵ Образ потерпевшего возникает вместе с тем и как следствие уважительно-иронического или, наоборот, оскорбительного обращения к соседям (соседу), ср.: *Уважаемые владельцы милых собачек!*¹⁶ — с одной стороны, и вышеприведённое обращение *УРОД*¹⁷ — с другой. Представление своей позиции манифестируется в заключительных этикетных формулах. К примеру: *Ваши терпеливые со-*

¹¹ http://pikabu.ru/story/lift_yekonom_klassa_4391467 [дата обращения: 31.05.2017].

¹² https://pikabu.ru/story/ne_kidayte_okurki_s_balkonov_3276204 [дата обращения: 28.10.2018].

¹³ http://pikabu.ru/story/quotuvazhaemoequot_chmo_1293554 [дата обращения: 28.05.2015].

¹⁴ <http://patstalom.com/blog/photo-prikoli/Письмо%20терпеливых%20соседей%20к%20уважаемым.html> [дата обращения: 30.06.2016].

¹⁵ http://pikabu.ru/story/odin_iz_moikh_sosedey_lyubit_kurit_v_lift_2081918 [дата обращения: 31.05.2017].

¹⁶ http://pikabu.ru/story/krik_dushi_na_ves_podezd_4526189 [дата обращения: 01.07.2017].

¹⁷ http://pikabu.ru/story/odin_iz_moikh_sosedey_lyubit_kurit_v_lift_2081918 [дата обращения: 31.05.2017].

*седьми*¹⁸ или *С неуважением, искренне ненавидящие тебя, твои соседи*¹⁹. Об авторе свидетельствует и общая стратегия текста. Например, это может быть попытка разрешить спор при помощи необычного, иногда шутливого, описания проблемы, как в случае текста от имени восьмимесячного Севы. Ср. фрагмент: *...когда вы курите на балконе / и бросаете окурки вниз, они попадают на нижний балкон, / На котором в это время, мирно посапывая, сплю Я, Сева, / которому 8 месяцев и у меня вся жизнь впереди и мне совсем / не хочется пострадать от вашего безрассудства! ... Сева, 8 месяцев*²⁰.

Интернет-мемы «стали в последние годы чем-то вроде официального языка интернета, предлагая шаблоны для экспрессии взглядов, тревог, желаний»²¹. Все принимаемые здесь во внимание тексты состоят из иконического и вербального компонентов. Как замечает Анна Гумковская: «Отношения между ним особые. Они рождаются из напряжения, создают привлекающий внимание читателя эффект. Можно поэтому говорить об эффекте искрения или реинтерпретации между образом и текстом, и наоборот, однако необходимым является привлечение иронии и юмора как облигаторных процессов для того, чтобы получить мем»²².

Мемы часто «улавливают» определённый момент конфликта, описывая связанное с ним состояние. Запечатлено может быть, напр., выражение чувства неловкости на лице виновника при встрече с недовольными жильцами: *Моё лицо когда соседи пришли жаловаться / из-за громкой музыки + фотография девочки*²³ или *когда во дворе вечером / наваливал саб и вышли / соседи / Здравствуйте*²⁴ + изображение исполнителя главной роли в сериале «Физрук», Дмитрия Нагиева. Аналогично передаётся образ потерпевшего в определённом моменте конфликта, напр.: *Твоё лицо, / когда соседи начинают сверлить стены дрелью* + кадр из фильма «Мстители» с актёром Робертом Дауни, который закатывает глаза, выражая раздражение²⁵, или *Слава господу! / Соседи перестали сверлить!* + фотография кошки в блаженной позе²⁶.

¹⁸ <http://patstalom.com/blog/photo-prikoli/Письмо%20терпеливых%20соседей%20к%20уважаемым.html> [дата обращения: 30.06.2016].

¹⁹ http://pikabu.ru/story/odin_iz_moikh_sosedey_lyubit_kurit_v_liftе_2081918 [дата обращения: 31.05.2017].

²⁰ <http://minsknews.by/blog/2014/01/30/obyavlenie-v-podezde-musorit-tolko-lepestkami-roz/> [дата обращения: 31.05.2017].

²¹ W. Kołowicki: *Memy internetowe jako nowy język internetu*. „Kultura i Historia” 2012, nr 21, <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/3637> [дата доступа: 27.10.2014].

²² A. Gumkowska: *Mem — nowa forma gatunkowo-komunikacyjna w sieci*. „Teksty Drukie” 2015, nr 3, с. 228. (Перевод мой — А.Б.-III.).

²³ <http://memok.net/4655> [дата обращения: 30.01.2018].

²⁴ <http://memesmix.net/meme/112h5g> [дата обращения: 4.02.2018].

²⁵ <http://memok.net/1166> [дата обращения: 30.01.2018].

²⁶ <http://memok.net/3428> [дата обращения: 30.01.2018].

Есть также мемы, которые, не сосредоточиваясь только на моменте конфликта, отображают недобрососедские отношения как таковые. Они либо описывают развитие спора во времени, либо называют причину и/или последствия конфликта, либо стремятся осветить проблему с разных сторон. Образ соседей складывается в результате повествования и связанной с ним иллюстрации. Ср.: *РЕШИЛ НОЧЬЮ ПОСЛУШАТЬ МУЗЫКУ / СОСЕДИ НАЧАЛИ ДОЛБИТЬ ПО БАТАРЕЕ / ВЫЗВАЛ МУСОРОВ, ЧТОБЫ НЕ ШУМЕЛИ* + фотография пьяного (накурившегося) парня, производителя перечисленных действий²⁷, *Соседи посмеялись / над моей временной тату* + изображение девочки с хитрой улыбкой на фоне охваченного пламенем дома (она только что отомстила соседям)²⁸, или *У этих собака гавкает / Эти сверлят круглые сутки / Эти сексом громко занимаются / Как дальше жить?* + четыре стоп-кадра речи Владимира Жириновского в Госдуме РФ, на последнем из них политик хватается за голову, ужасаясь происходящему²⁹.

Тексты мемов обыгрывают также закономерности межсоседских конфликтов, в результате чего образ соседа-нарушителя возникает в них как неизменный и одинаковый при любых обстоятельствах, ср.: *Не бывает хороших соседей. / Бывают толстые стены* + выполненное в стилистике *Atkritka* изображение отдыхающего на диване мужчины³⁰; *Говорят, что / w-fi без пароля / соседи крадут* + изображение китайского мудреца³¹; *В каком бы ты районе не поселился / сосед с дрелькой найдёт тебя и поселиться рядом* + рисунок приложенной к голове (виску) дрели, при этом на месте головы помещено изображение многоквартирного дома³².

Иногда образ соседа-виновника в интернет-мемах дополнительно конструируется при помощи характерных фраз представленного иконически типажа и стилизации его речи. Так создаются, к примеру, образы сплетниц, обсуждающих личную жизнь соседей. В одном случае это сплетни по поводу состоявшегося недавно бракосочетания: *СОСЕДКА ЗА АРМЯНИНА ВЫШЛА / РАДИ ПРОПИСКИ ЖЕНИЛСЯ НАВЕРНОЕ* + фотография четырёх бабок на скамейке у подъезда³³. В другом — доставляющего неприятности квартиросъёмщика: *Весёлый студент* (как определяет его наименование шаблона) выражается нецензурно: *Соседка снизу жалуется*

²⁷ https://pikabu.ru/story/esli_sosedi_meshayut_muzyiku_slushat_2639517 [дата обращения: 4.02.2018].

²⁸ <http://memesmix.net/meme/qratit> [дата обращения: 9.09.2018].

²⁹ <http://s020.radikal.ru/i716/1502/85/65d9b99b1b02.jpg> [дата обращения: 4.02.2018].

³⁰ http://atkritka.com/241460/?sphrase_id=661247 [дата обращения: 24.08.2018].

³¹ <http://memok.net/4638> [дата обращения: 30.01.2018].

³² <https://nehludoff.livejournal.com/459745.html> [дата обращения: 5.02.2018].

³³ <http://risovach.ru/kartinka/4974978> [дата обращения: 21.09.2015].

на громкую музыку? / похуй + изображение молодого человека с пивными кружками в обеих руках, выполненное в стиле *Advice Animals*³⁴.

Ещё один аспект представляет наставительный момент некоторых мемов. К примеру, тексты, обыгрывающие бесцеремонное обращение жильцов с дверью, содержат нечто подобное: *УВАЖАЕМЫЕ СОСЕДИ ПРИДЕРЖИВАЙТЕ ДВЕРЬ И / НЕ ХЛОПАЙТЕ ПОЖАЛУЙСТА!!!* + рисунок типичного «мужика-соседа», угрожающего кулаком, в формуле *Будь мужиком блеать*³⁵, или *Соседи, будем взаимовежливы!ы / Выходя, придерживайте дверь!* + известный большевистский агитационный плакат *А ты записался добровольцем?*³⁶ Подобного типа мемы обнаруживают определённое сходство с рассмотренными до этого письмами-обращениями. В текстах такого рода выступают одновременно и потерпевшие, и виновники.

Подводя итоги, стоит назвать наиболее характерные приёмы, используемые в корреспонденции и интернет-мемах для передачи образов конфликтующих жителей многоквартирного дома.

Итак, потерпевший в своём обращении к соседу может быть точно определён (*квартира № 38*). Он освещает проблему, описывает дискомфорт, доставляемый ему соседом (*Нам это тоже крайне неприятно*), выражая при этом накопившиеся у него негативные эмоции (*Ты нереально задолбал!*). Типичные фразы и именно такой, а не иной подбор слов дополняют самопредставление автора. Несколько иначе дело обстоит в мемах, где описание и/или изображение дискомфорта, доставляемого соседом, касается конкретного момента (*твоеё лицо когда...*) либо закономерностей межсоседских конфликтов (*В каком бы ты районе не поселился*). Помимо этого, образ потерпевшего может возникать в результате многостороннего освещения проблемы (*...Как дальше жить?*) и наставительного момента (*Соседи, будем взаимовежливы!ы...*).

Что касается нарушителя, то и он бывает точно определён в текстах корреспонденций. Кроме того, его образ рисуется в ходе критики действий и призыва прекратить вести себя неподобающим образом (*Не кидайте окурки с балконов...*), что может быть связано с негативной проекцией в смысле возможных последствий (*...будете лежать с ним рядом!*). В интернет-мемах появляется также описание / изображение виновника в конкретный момент (*твоеё лицо когда...*) и возможна характеристика вследствие разностороннего освещения проблемы (*РЕШИЛ НОЧЬЮ ПОСЛУШАТЬ МУЗЫКУ...*). Тексты данного жанра проецируют неизменный и одинаковый при любых обстоятельствах образ соседа-нарушителя (*wi-fi*

³⁴ <http://memesmix.net/meme/qmkhrq> [дата обращения: 4.09.2018].

³⁵ <http://risovach.ru/kartinka/8584908> [дата обращения: 5.02.2018].

³⁶ <http://memesmix.net/media/created/rtdn32.jpg> [дата обращения: 5.02.2018].

без пароля / соседи крадут). Стереотипность образов жителей многоквартирных домов в мемах подчёркивает стилизация речи и типичные фразы в некоторых текстах (...РАДИ ПРОПИСКИ ЖЕНИЛСЯ НАВЕРНОЕ).

Упомянутый ранее следующий этап анализа (воссоздание образов применительно к каждому жанру) стоило бы в дальнейшем пополнить за счёт сопоставительных межкультурных исследований темы межсоседских конфликтов в составе жанровой картины мира. Необходимо при этом принять во внимание также другие жанры и учесть иные составляющие ситуации межсоседского спора, напр., конфликтогенные зоны межсоседского городского пространства.

Aneta Banaszek-Szapowalowa

Sąsiedzi w różnogatunkowych tekstach:
o wizerunkach uczestników codziennych sytuacji konfliktowych

Streszczenie

Ważnym aspektem analizy relacji sąsiedzkich jest wskazanie typowych dla konkretnego gatunku wypowiedzi tekstowych obrazów sąsiadów i sposobów werbalizacji tych wizerunków. Problem omówiony jest na przykładzie korespondencji skonfliktowanych sąsiadów oraz obrazkowego memu internetowego.

Słowa kluczowe: korespondencja, mem internetowy, tekstowy obraz świata, wizerunek

Aneta Banaszek-Szapowalowa

The neighbors in some types of text:
about the images of people in everyday conflicts situations

Summary

An important aspect of the neighbours relations analysis is to indicate the typical text images for the specific type of speech genres and the ways of its verbalization. The issue is discussed based on the letters and internet memes examples.

Key words: letter, internet mem, text's worldview, image

Małgorzata Borek

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Marzenia — sen czy jawa? (na materiale języka polskiego i rosyjskiego)

Мечта разыскивает путь, — Закрыты все пути;
Мечта разыскивает путь, — Намечены пути;
Мечта разыскивает путь, — Открыты ВСЕ пути.
А.С. Грин

Marzenia od dawna interesowały wielkich myślicieli i psychologów, jednak występowały one pod inną nazwą. Przykłady tzw. łańcuchów wyobrażeń, podane przez twórców asocjacionizmu, np. przez Davida Hartleya, Johna Milla, świadczą o tym, że pod określeniem „kojarzenie wyobrażeń” mieli na myśli marzenia¹.

Z punktu widzenia psychologii marzenia rozumiane są jako „aktywność wyobrazeniowo-myślowa, której przedmiotem jest zaspokojenie dążeń, zamierzeń dotyczących własnego życia”². W wieku dziecięcym i młodzieńczym zaliczane są do jednej z najważniejszych sfer kształtowanej osobowości.

Józef Pieter definiuje marzenia jako „luźne układy skojarzeń, wyraźnie kierowane uczuciami, mniej lub bardziej egocentryczne, nastawione na antycypacyjne a zarazem namiastkowe spełnianie potrzeb i życzeń”³.

Szersze i bardziej pogłębione naukowo spojrzenie na problematykę marzeń dają zwolennicy psychoanalizy, w tym Zygmunt Freud. Psychoanalitycy traktują marzenia jako proces psychiczny, w którym ujawniają się głównie pragnienia seksualne. Obecnie uważa się, że jest to ujęcie jednostronne, gdyż w marzeniach

¹ J. Pieter: *Słownik psychologiczny*. Katowice 2004, s. 163.

² B. Dymara: *Droga do marzeń, czyli o potrzebie rozwijania wyobraźni*. W: *Świat marzeń dziecka*. Red. Eadem. Kraków 1999, s. 21.

³ J. Pieter: *Słownik psychologiczny...*, s. 163.

występują przeróżne pragnienia i uczucia, które są ważne dla subiekta w danej chwili, np. ambicyjne, lękowe, postawy zazdrości, gniewu, mściwości itd.⁴

W psychologii wyróżnia się dwie grupy marzeń⁵:

- 1) Marzenia na jawie, zwane też dziennymi — stanowią aktywność myślową, której tworzywem jest wyobrażenie sobie elementarnych doznań zmysłowych (obrazy, sceny, sytuacje bezsłowne, tzw. cicha gra słów), jak i złożonych sytuacji i zdarzeń związanych z życiem jednostki. Ten rodzaj marzeń pełni wiele ważnych funkcji, jak np. motywującą do podejmowania i realizacji różnych zadań, a także rozwijającą wyobraźnię i pamięć⁶.
- 2) Marzenia sennie — odnoszące się do przeżyć doświadczanych w czasie snu, które opisane są przez osobę bezpośrednio po śnie lub w dowolnym czasie od jego zaistnienia. Zdaniem psychologów marzenia sennie mają najczęściej jakiś związek z rzeczywistością, tj. jakimś pragnieniem, skomplikowaną sytuacją, z którą człowiek się boryka. Zdarza się jednak, że niekoniecznie są związane z podświadomością człowieka i stłumionymi pragnieniami⁷.

Z licznych badań nad treścią marzeń sennych ludzi w różnym wieku i z różnych środowisk wynika, że częściej jest ona związana ze zwykłymi czynnościami i wydarzeniami w życiu na jawie niż z przeżyciami niezwykłymi. W odróżnieniu od marzeń na jawie w marzeniach sennych przeważają wrażenia wzrokowe.

Marzeniaienne, jako bardziej uchwytne i konkretne, są poddawane dalszym podziałom i klasyfikacjom. Jedną z autorek *Encyklopedii pedagogicznej XXI wieku*, Danuta Waloszek, wyodrębnia marzenia kompensacyjne, utopijne, realne, magiczno-baśniowe oraz ciągłe, sekwencyjne, fragmentaryczne, długotrwałe, krótkotrwałe i całościowe⁸.

Celem artykułu jest próba opisu językowego obrazu marzeń na materiale języka polskiego i rosyjskiego. Przykłady do analizy zostały zaczerpnięte z narodowych korpusów językowych, stron internetowych oraz utworów literackich. Językowy obraz świata rozumiany jako struktura pojęciowa utrwalona w systemie danego języka, czyli jego właściwościach gramatycznych i leksykalnych⁹, jest najczęściej częściowo uniwersalny, a częściowo charakterystyczny dla danego języka, co najlepiej jest widoczne podczas analizy konfrontatywnej wybranych języków.

⁴ Ibidem, s. 163.

⁵ B. Dymara: *Droga do marzeń...*, s. 21.

⁶ Ibidem, s. 21—22.

⁷ Ibidem.

⁸ D. Waloszek: *Marzenia dzieci i młodzieży*. W: *Encyklopedia pedagogiczna XXI wieku*. T. 3. Red. T. Pilch. Warszawa 2004, s. 82—84.

⁹ R. Grzegorzczkova: *Pojęcie językowego obrazu świata*. W: *Językowy obraz świata*. Red. J. Bartmiński. Lublin 1990, s. 43.

W *Słowniku języka polskiego* marzenie jest zdefiniowane jako „dowolne przypadkowe kojarzenie wyobrażeń; fantazjowanie, rojenie; obraz myślowy czegoś upragnionego, przedmiot pragnień i dążeń; dążenie, pragnienie”¹⁰. Z kolei w *Словаре русского языка* znajdujemy definicję: „Мечта — 1. нечто, созданное воображением, мысленно представляемое. 2. предмет желаний, стремлений”¹¹. Poza tym w obydwu słownikach autorzy wskazują również na zastosowanie leksemów w konstrukcjach ze znaczeniem oceniającym, kiedy np. mówimy o czymś pięknym, wspaniałym: *To marzenie, nie suknia. Śledzik marzenie, palce lizać. Не устроилось, а мечта, мечта хумиков!* Konstrukcje tego typu w obydwu językach są charakterystyczne dla mowy potocznej.

Ciekawa jest etymologia leksemów *мечтать* i *marzyć*. Pochodzą one od prasłowiańskiego czasownika *mьrěti / *mьriti, który oznaczał ‘migotać, majaczyć, być ledwo widocznym, pojawiać się, roić się’. Ten z kolei pochodzi od praindoeuropejskiego słowa *mer, które oznaczało ‘błyszczeć, lśnić, migać’. Dlatego rosyjski leksem *мечта* początkowo miał znaczenie ‘przyzrak, видение’ (w tym znaczeniu był używany jeszcze za czasów Puszkina)¹².

Za podstawowe, tzw. izosemiczne konstrukcje składniowe¹³ można uznać w obydwu językach zdania z czasownikami *marzyć* / *мечтать* w funkcji predykatu, które łączą się z dopełnieniem w miejscowniku z przyimkiem *o*:

Obaj kochają rodeo, mają fantazję i marzą o życiu pełnym przygód.
(„Metropol” 20.03.2001)

Человек всегда будет мечтать — о лучшей доле, о земле и о воле, о справедливых правителях и молочных реках, о царстве добра и теплом климате, об изобилии еды и всеобщей гармонии. (В. Полеванов, *За убегающим горизонтом шамбалы* // «Наука и жизнь» 2009, Nr 2)

W języku rosyjskim predykat *мечтать* często łączy się z bezokolicznikiem:

Мне нравится — мальчик, который мечтал спеть, и не спеть, а вот... выступить. (Е. Гришковец, *Одновременно*)

Оказалось — два студента чеха, давно мечтали побывать на Ольхоне. (С. Дерюгина, *Очищение Ольхона*)

¹⁰ *Słownik języka polskiego*. T. 2. Red. M. Szymczak. Warszawa 1979, s. 115.

¹¹ С.И. Ожегов: *Словарь русского языка*. Москва 1990, s. 353.

¹² <https://etymological.academic.ru>, <https://vasmer.lexicography.online>, <https://sciaga.pl/slowniki-tematyczne/8312/marzyc> [data dostępu: 15.09.2018]

¹³ W ślad za G.A. Zołotową izosemiczne konstrukcje składniowe rozumiemy jako podstawowe konstrukcje, w których zachowana jest równowaga pomiędzy kategoryalnymi znaczeniami strukturalnych komponentów składniowych i ich kategoryalnymi znaczeniami denotatów. G.A. Зоłотова: *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва 2001, s. 127.

W języku polskim nie używa się połączenia z bezokolicznikiem, charakterystyczne jest wprowadzenie zdania podrzędnego ze spójnikiem *żeby*, *aby*.

Już jako dziecko marzył o tym, żeby zagrać w filmie. („Gazeta Wrocławska” 12.02.1999)

W języku polskim spotykamy również konstrukcję inwoluntaryną z czasownikiem zwrotnym *marzyć się* (*komuś*):

Marzy mu się mieszkanie w dziesięciopiętrowym bloku, na górze. („Polityka” 2000, Nr 19)

Ciekawy wydaje się czasownik dokonany *wymarzyć* używany w kontekście *wymarzyć sobie coś*, znajdujący odzwierciedlenie w słownikach języka polskiego: „wyobrazić sobie w marzeniach, wymyślić marząc, wyśnić, wyidealizować”¹⁴.

Piwo było takie, jakie sobie wymarzył, wyborne, chłodne, z dużą pianą. (I. Surmik, *Ostatni smok*)

Okazuje się, że słowniki języka rosyjskiego nie odnotowują formy czasownikowej *вымечтать*, chociaż jest ona spotykana w mowie potocznej. Ciekawie opisuje tę formę Larisa Pietraszewicz: „Ненароком ухо из потока прочих слов выловило занятный глагол: *вымечтать*. На первый взгляд, это завершённое действие по аналогии с, допустим, *вымолить*. То есть просишь-просишь, молишь-молишь, и вот же — услышано (кем-то) и благополучно доставлено (предположим, тебе). А вот с этим *вымечтать* всё оказалось запутаннее, это видно хотя бы в таком предложении: „*Этого не может быть, ведь это совсем, совсем не так, как я это себе вымечтал*”, — бормотал раздавленный скорбью человек. Какой безнадёжный, обречённый на несбыточность глагол совершенно-несовершенного вида”¹⁵.

Wiele przykładów świadczy o tym, że rosyjski czasownik *вымечтать* częściej występuje w znaczeniu ‘wymyślić, wyobrazić sobie’ niż w znaczeniu ‘wymarzyć’.

Своего «Жирафа» Николай Гумилёв вымечтал в Париже. (В. Быков, О. Деркач, *Книга века*)

Например, я могу вымечтать боль, т.е. вообразить себе боль другого человека настолько, что я как бы ощущаю эту боль, отождествляюсь с ней. (М. Мамардашвили, *Картезианские размышления*)

¹⁴ *Mały słownik języka polskiego*. Red. S. Skorupka, H. Auderska, Z. Łempicka. Warszawa 1969, s. 933.

¹⁵ <https://larisapetrashovich.com/glagol-vymechtat/> [data dostępu: 15.09.2018]

Bardziej zbliżony znaczeniowo do polskiego czasownika *wymarzyć* (*sobie coś*) wydaje się rosyjski czasownik *намечтать* (*себе что-то*):

— *Какая разница, что я там себе намечтала?* (Т. Веденская, Зелёный подъезд)

Пока ехал на «кукушке», намечтал себе девицу статную с переливчатым смехом. (Г. Щербакова, У ног лежащих женицин)

Jednak w określonym kontekście czasownik *намечтать*, podobnie jak *вымечтать*, nabiera znaczenia ‘wymyślić (coś)’:

Он никогда в этой мысли не участвовал, это все намечтал князь Николай Иванович. (Ф. Достоевский, Подросток)

Na uwagę zasługują również czasowniki zwrotne *rozmarzyć się* i *размечтаться*, które są eksplikowane jako 1. „wpaść w marzenia, zacząć marzyć”¹⁶; 2. „предаться мечтам, увлечься мечтами”¹⁷.

Iwan rozmarzył się na dobre, podłożywszy pod głowę specjalnie do tego celu przeznaczony walek. (M. Bujko, Złoty pociąg)

Melinda potrafi rozmarzyć się na samą myśl o swoich ojczystych stronach. („Express Ilustrowany” 2001.12.28)

А если совсем размечтаться, то — хотел бы поставить совсем новую русскую оперу. («Известия» 2002.01.22)

Сама она рассчитывала на золото и мировой рекорд. Размечталась... («Известия» 2002.04.24)

Jednak w odróżnieniu od języka polskiego, gdzie czasownik *rozmarzyć się* zawsze wyraża pozytywny stan emocjonalny związany z odczuwaniem przyjemności, w języku rosyjskim czasownik *размечтаться* często znajduje zastosowanie przy opisie niekoniecznie przyjemnych stanów emocjonalnych.

И он, незаметно для себя размечтался... Вот, — мечтал Ёжик, — кончатся у меня дровишки, и совсем станет холодно, и начну я замёрзать... (С. Козлов, Правда, мы будем всегда?)

W przytoczonym wyżej przykładzie ekwiwalentami rosyjskich predykatów *размечтался*, *мечтал* będą w języku polskim predykaty *zamyślił się*, *myślał*. Poza tym czasownik *размечтаться* w formie bezokolicznika używany jest w wypowiedzeniach ekspresywnych:

¹⁶ Mały słownik języka polskiego..., s. 709.

¹⁷ С.И. Ожегов: Словарь русского языка..., s. 648.

[...] скрипку ему, видите ли, захотелось, на свои кровные, заработанные, **посмел размечтаться её купить** — за это — к ногтю! (В. Аксёнов, *Новый сладостный стиль*)

*Ишь ты, сидит, **размечталась!** Актриса!* (В. Аксёнов, *Звёздный билет*)
*В тот же момент Эви швырнул в нее ранеткой: — **Размечталась!** — Эй!* (Ю. Лавряшина, *Улитка в тарелке*)

Przytoczone zdania mają znaczenie oceniająco-imperatywne, mające na celu pobudzić subiekt do zmiany zachowania.

Odpowiednikiem polskiego czasownika *rozmarzyć się* może być także w języku rosyjskim czasownik *замечтаться*, który ma znaczenie słownikowe „погрузиться в мечты”¹⁸:

*Слава встречался со своей настоящей возлюбленной и, видимо, **так замечтался о ней**, что не обращал внимания, что происходит дома.* (М. Воронова, *Эхо первой любви*)

Konstrukcja polska typu *mieć marzenie* i odpowiadająca jej w języku rosyjskim konstrukcja *у кого-то есть мечта*, według Galiny Zołotowej, przedstawiają sobą nieizosemiczny model zdaniowy, tzn. nie są podstawową konstrukcją przeznaczoną do wyrażania stanu emocjonalnego¹⁹.

Ojciec mój miał marzenie, abym po maturze poszedł na studia do jednej ze szkół wojskowych. („Gazeta Pomorska” 2009.12.28)

*Mimo że należał do istot niedużych, **miał wielkie marzenie.*** (M. Wojtyśko, *Bromba i inni*)

У меня всегда была мечта, что появится кто-то [...]. (С. Спивакова, *Не все*)

Ещё у нас была мечта сделать «Ромео и Джульетту» Шекспира. (С. Спивакова, *Не все*)

Nieizosemiczny charakter przytoczonych powyżej zdań związany jest z pojawieniem się dodatkowych, niejako zbędnych środków językowych²⁰, w postaci czasowników *mieć* i *быть*. Leksemy *marzenie* / *мечта* łączą się dodatkowo z przydawką wyrażoną przymiotnikiem, zdaniem podrzędnym oraz, w przypadku języka rosyjskiego, bezokolicznikiem (*мечта сделать*).

Za nieizosemiczny model zdania należy uznać również rosyjską konstrukcję *кто-то имеет мечту*:

¹⁸ Ibidem, s. 214.

¹⁹ Г.А. Зо́лотова: *Коммуникативные аспекты...*, s. 127.

²⁰ Ibidem, s. 127.

*Н**а**до им**е**ть мечту. Иначе не вырастешь вообще.* (Г. Щербакова, Армия любовников)

*Многие тогда увлекались литературой и **м**ногие имели нахальную мечту **с**тать писателями.* (А. Рыбаков, Тяжёлый песок)

Leksemy *marzenie* / *мечта* bardzo często łączą się z czasownikami, które oznaczają realizację marzeń. W języku polskim są to czasowniki zwrotne *spełnić się*, *ziścić się*, *ucieleśnić się* oraz czasownik przechodni *zrealizować*:

*Dziś **s**pełniło się moje dziecięce marzenie — powiedział austriacki alpejczyk.* („Gazeta Wyborcza” 1996.01.15)

*W końcu te moje **marzenia się** ziściły.* („Polityka” 2016.10.17)

*Uzasadnienie dla nagrody brzmi w uszach wszystkich pracowników Ośrodka jak piękna poezja, **j**ak **u**cieleśnienie wielkiego marzenia.* („Rzeczpospolita” 2004.12.11)

*Wreszcie **m**ogliśmy zrealizować swoje największe marzenie.* (A. Hellwig, Bywa, że mech śpiewa)

W języku rosyjskim rzeczownik *мечта* łączy się odpowiednio z czasownikami *исполниться*, *сбыться*, *осуществиться*, *реализовать*:

Исполнилась мечта всей жизни — Екатерина стала монахиней. («Журнал Московской патриархии» 2004, Nr 2)

Сбылась мечта миллионов вкладчиков — теперь это можно делать без риска. («Даша» 2004, Nr 8)

Осуществилась мечта многих поколений: жить на «земле Авраама». (А. Мень, Сын Человеческий)

*Однако тренеру Александру Тарханову пока не удаётся **р**еализовать мечту местных властей и бизнесменов о медалях первенства.* («Совершенно секретно» 2003, Nr 6)

Powyższe konstrukcje należą do izosemicznych modeli zdaniowych. Oprócz informacji o realizacji marzeń zawartej w centrum predykatywnym, zawierają również przydawki informujące o tym, do kogo należą marzenia.

Jeśli przyjrzymy się przydawkom przymiotnym, które określają leksemy *marzenie* i *мечта*, okazuje się, że są to najczęściej wyrazy: *wielkie*, *największe*, *dawne*, *najskrytsze*, *niedościgłe*, *dziecięce* (*marzenie*) oraz *большая*, *давняя*, *заветная*, *нахальная*, *детская* (*мечта*).

W nawiązaniu do tytułu niniejszego artykułu *Marzenia — sen czy jawa* niezwykle istotny w procesie analizy staje się rosyjski czasownik *грезить*, który posiada definicję: „мечтать, погружаться в грёзы”, natomiast *грёза* — „это

светлая мечта, призрачное видение, сновидение”²¹. Dużo więcej znaczeń rzeczownika *грёза* można znaleźć w słownikach i poradnikach internetowych: „приятная фантазия мечтателя; светлая мечта; светлая мечта фантазёра; сновидение; видение витающего в облаках; девичья мечта; мечтательный сон наяву; поэтическое название бреда; призрачное видение”²².

Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грёзы [...]. (Ф. Достоевский, *Преступление и наказание*)
Город спал и грезил во сне, и мы все, люди и куклы, были его сновидением. (Б. Хазанов, *Город и сны*)
Минута, о которой я грезил во сне и наяву все эти семь лет, наступила! (Г. Жжёнов, *Прожитое*)

Przytoczone zdania świadczą o tym, że rosyjskie leksemy *грезить*, *грёзы* są używane przede wszystkim do opisu marzeń sennych lub będących na granicy jawy i snu. Jednak w korpusie można znaleźć przykłady, w których odnoszą się one również do marzeń na jawie:

Если раньше нападающий грезил «Барселоной» или по крайней мере любимым чемпионатом Испании, то теперь он говорит, что ему всё равно куда перебираться. («Русский репортер» 2008, Nr 3)

Najbliższym odpowiednikiem czasownika *грезить* wydaje się w języku polskim czasownik *śnić* (o kimś, o czymś), który mimo wyraźnego nawiązania w nazwie do marzeń sennych znajduje również zastosowanie przy opisie marzeń na jawie:

Ballady były odzwierciedleniem marzeń hrabiny, pozwalały jej śnić na jawie. (K. Borchardt, *Szaman Morski*)
14-letnia Kasia śni o motorynce. („Naj” 2003, Nr 24/25)

Niektóre przykłady świadczą o tym, że polskie czasowniki *marzyć* i *śnić* traktowane są jako synonimy i są wymiennie stosowane w tekście w celu uniknięcia błędów powtórzeniowych:

Wszystkie kobiety bez wyjątku marzą o gwiazdach filmu i muzyki. Śnią o wyrafinowanym makijażu, fantastycznych ubraniach i premierach. (<https://sjp.pwn.pl/korpus/zrodlo/instrukta;596,1;3970.html> [data dostępu: 22.12.2018])

²¹ С.И. Ожегов: *Словарь русского языка...*, s. 148.

²² <https://поискслов.рф/wd/грезить> [data dostępu: 22.12.2018].

W *Polsko-rosyjskim i rosyjsko-polskim korpusie równoległym* można znaleźć przykłady, w których rosyjski rzeczownik *грёза* przetłumaczony jest na język polski jako *majaczenie* i *półjawa*:

Он лежал и словно грезил: мысль сменялась мыслью. (Ф. Достоевский, *Преступление и наказание*)

Swidrygajłow leżał i jakby majaczył, myśli mu się plątały. (F. Dostojewski, *Zbrodnia i kara*)

Przelotne marzenie, szczęśliwy mrok uczuć, a omdłałość woli — poniosły w kraj półjawy, gdzie fakty nieprawdopodobne stają się dokonaniem. (S. Żeromski, *Wierna rzeka*)

Мимолётные мечты, пьянящий дурман любви, ослабевшая воля уносили её в мир грёз, где совершается неправдоподобное. (С. Жеромский, *Верная река*)

Do nieizosemicznych modeli zdaniowych należą konstrukcje z połączeniem frazeologicznym *szczyt marzeń / предел мечтаний*:

[...] *jak futro ze srebrnego lisa, które było szczytem marzeń naszych babek.* (M. Wańkowicz, *W pętku Ameryki*)

Пределом мечтаний для мамы и папы было вначале мое умение нормально ходить. (А. Алексин, *Раздел имущества*)

W obydwu językach połączenia frazeologiczne *szczyt marzeń / предел мечтаний* pełnią funkcję orzeczenia imiennego i służą do wyrażania marzeń o największej intensywności. Podobne znaczenie mają frazeologizmy *być, czuć się u szczytu marzeń / достичь предела мечтаний*, przy czym informują one, że subiekt osiągnął cel, o którym usilnie marzył:

Czuła się u szczytu marzeń. Będzie mieszkać i błyszczeć w tym pięknym grodzie. (Z. Kossak, *Przymierze*)

Мне пришлось ждать ещё два года, прежде чем я достигла предела мечтаний любой танцовщицы — получила главную роль в пятиактном балете. (Т. Карсавина, *Biography & Autobiography*)

Pragnienie czegoś, co z pewnością nie będzie mogło być zrealizowane, wyraża w języku polskim frazeologizm *marzenie ściętej głowy*:

Wiedzieli, że choć się podlecza, to i tak tu powrócą. Całkowite wyleczenie to marzenie ściętej głowy. (M. Maliński, *Ale miałem ciekawe życie*)

Frazeologizm ten jest idiomem, w języku rosyjskim jego odpowiednikiem jest połączenie *пустая фантазия*.

W zebranym materiale widoczna jest bardzo duża ilość metafor ontologicznych, w których różne zjawiska abstrakcyjne, w tym wypadku marzenia, traktowane są jako konkretne przedmioty i substancje²⁴.

W naszej jadalni wisi tablica marzeń, do której każdy z członków rodziny może przyczepić kawałek swojego marzenia. Ja powiesiłam tam swoje zdjęcia z najwspanialszych wyjazdów z moimi rodzicami. (<https://sciaga.pl/tekst/15901-16-marzenia> [data dostępu: 26.08.2018])

Członkowie grupy wpłacają składki, które realną nicią zwiążują ich marzenia o wspólnym domu. Kto się wycofa, ten traci pieniądze. („Ozon” 2005, Nr 4)

Эта страстная мечта подлежала расчёту, и я точно подготовил место, куда поставлю ногу. (В. Шаламов, *Колымские рассказы*)

Казалось бы, земное происхождение обсерватории должно разочаровать: ну вот, опять эти учёные украли мечту! («Наука и жизнь» 2009, Nr 5)

Marzenia to stan psychiczny, który bardzo często przedstawiany jest jako przedmiot nietrwały, ulotny, łatwo ulegający zniszczeniu:

Ale kiedy dziecko rośnie, widzi, że nie wszystkie jego prośby zyskują aprobatę, że jego marzenia są gaszone. Kiedy zaczyna mówić czego pragnie, często słyszy „Ty?! Chyba żartujesz!”. Koło jego wielkich marzeń zaczyna kręcić się coraz wolniej. (<https://sciaga.pl/tekst/15901-16-marzenia> [data dostępu: 26.08.2018])

Слова убивают мечту, но мои мечты не сломать. (<https://twitter.com/pbaginskiy> [data dostępu: 22.12.2018])

Marzenia rozwiewają się... Cięża... (A. Zaniewski, *Król Tanga*)

Особенно в такие ночи, видишь ли, мои мечты улетают, когда со мной кто-нибудь стоит рядом. (А. Вербицкая, *Ключи счастья*)

W wielu metaforach mamy do czynienia z animizacją marzeń, które mogą zostać zamordowane przez subiekt:

[...] niszczy samą siebie, zabija się, morduje wszystkie swe marzenia. (A. Zaniewski, *Król Tanga*),

В статье утверждается, что учёные убили мечту о машине времени. („Труд-7” 2005.09.08)

Skonwencjonalizowaną metaforą w obydwu językach jest metafora ontologiczna, ukazująca marzenia i rzeczywistość jako dwa przedmioty, które mogą się zderzyć ze sobą:

²⁴ Ibidem, s. 48.

Ukazują one konsekwencje zderzenia marzeń autorów z praktyką teatralnego życia dramatu. (A. Kowalczykowa, *Dramat i teatr romantyczny*)

На мой взгляд, при столкновении мечты с реальностью человек не должен так сильно переживать. (<https://down.ctege.info/.../itogovoe-mechta-realnost-primery> [data dostępu: 22.12.2018])

Konfrontację marzeń z rzeczywistością ukazuje również metafora przestrzenna zejść (*ściągnąć kogoś*) z obłoków na ziemię / *упасть с неба на землю*.

Przywróciła go do rzeczywistości, z obłoków ściągnęła na ziemię. Nie po raz pierwszy. (A. Strączek, *Wyznanie lekarza-lapownika*)

И вдруг, среди этих радужных грёз, когда он уже окончательно решил вопрос об отставке, о поступлении в университет, весть о разорении заставила его упасть с неба на землю. (A. Шеллер-Михайлов, *Над обрывом*)

Ze względu na określone wymogi wydawnicze w niniejszym szkicu zostały przedstawione tylko niektóre, moim zdaniem najbardziej typowe metafory opisujące marzenia w języku polskim i rosyjskim. Niemniej wstępna analiza konfrontatywna polskich i rosyjskich zdań wyrażających marzenia wskazuje na to, że mniej różnic pojawia się przy konstrukcjach metaforycznych. Większe zróżnicowanie występuje przy konstrukcjach izosemicznych z predykatami wyrażonymi czasownikami *marzyć*, *мечтать*, *грезить*.

Reasumując, można stwierdzić, że marzenia są traktowane często jako zjawisko na pograniczu jawy i snu, co widoczne jest również w polsko-rosyjskim i rosyjsko-polskim korpusie równoległym:

Когда революция пробудила его, он решил, что сбывается его вековой сон о жизни особняком [...]. (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*)

Kiedy rewolucja go przebudziła, uznał, że spełnia się jego odwieczne marzenie o samodzielnym życiu [...]. (B. Pasternak, *Doktor Żywago*)

Połączenie wyrazowe *вековой сон*, które wystąpiło w rosyjskim tekście oryginału, zostało przetłumaczone na język polski jako wyrażenie *odwieczne marzenie*.

Psychologowie zgodnie podkreślają, że marzenia są niezbędną formą aktywności wyobrazeniowo-myślowej w naszym życiu. Zależnie od okoliczności marzenia mogą stanowić zwykłe popuszczenie cugli ukrytych pragnień i namiętności lub też bardzo istotny wstęp do złożonych poczynañ twórczych. Okazuje się bowiem, że zdolność do tworzenia wyobrażeń jest podobna do marzenia na jawie. Dlatego wydaje się, że problematyka marzeń zasługuje na dalsze i bardziej szczegółowe badania, w tym na językowe badania konfrontatywne.

Źródła internetowe

<http://sjp.pl/korpus>

<http://www.nkjp.uni.lodz.pl>

<http://pol-ros.polon.uw.edu.pl>

<http://www.ruscorpora.ru>

Малгожата Борек

Мечтания — сон или явь?
(на материале польского и русского языков)

Резюме

Настоящая статья посвящена структурно-семантическому анализу предложений, выражающих мечту, в польском и русском языках. Автор пытается показать сходства и различия в языковой картине мечтаний, выделяя изосемические и неизосемические модели предложений. Примеры для анализа взяты прежде всего из национальных корпусов польского и русского языков, веб-сайтов и художественных произведений.

Ключевые слова: мечта, грёза, сон, явь, модель предложения, метафора

Malgorzata Borek

Dreams — realm of fantasy or reality?
(on the material of Polish and Russian language)

Summary

The article is focused on the structural-semantic characteristics of sentences expressing dreams in Polish and Russian languages. The author aims to differentiate between isosemic and non-isosemic syntactic models including metaphorical constructions showing similarities and differences in linguistic image of dreams.

The examples for the analysis were taken from Polish and Russian literary works, national language corpora and from the internet websites.

Key words: dream, fantasy, reality, sentence, isosemic and non-isosemic model, metaphor

Дорота Худык

Жешувский университет

«Лицо красивое, как у святой» — соматизм *лицо* в русских и польских сравнительных конструкциях

Предметом настоящего исследования являются русские и польские сравнительные конструкции, в которых функцию субъекта выполняет человеческое лицо, а основание выражает избранные признаки.

Слово *лицо* в русском и польском языке является полисемантическим. Наталья О. Лапушинская, сравнивая значения соматизма *лицо* в русском, белорусском, немецком, английском и нидерландском языках, замечает, что его основное значение, а именно ‘передняя часть головы человека, свободная от головного волосяного покрова’ во всех этих языках совпадает. Это обусловлено тем, что соматическая лексика является древнейшей и присутствует в любом языке¹. Её замечание подтверждают также данные польских словарей².

В рассматриваемых нами оборотах слово *лицо* используется именно в этом основном значении. Данная лексема, в соотнесении с человеческим лицом, часто употребляется в функции сравниваемого объекта компаративных конструкций, а сравнение происходит по различным признакам.

Сравнительный оборот является языковым средством выражения мысленной операции сравнения. По своей структуре он может быть полным

¹ Н.О. Лапушинская: *Функционирование лексемы «лицо» во фразеологизмах русского, белорусского и западногерманских языков*, <http://www.pws-conf.ru/> [дата обращения: 20.09.2018].

² *Inny słownik języka polskiego*. Т. 2. Red. М. Bańko. Warszawa 2000, с. 368; *Wielki słownik języka polskiego*; <https://wsjp.pl/> [дата обращения: 18.09.2018].

или неполным³. В структуре полного оборота выделяются три основных компонента:

- 1) объект, подвергаемый сравнению, его называют также субъектом сравнения;
- 2) объект, с которым производится сравнение;
- 3) основание сравнения — общее свойство, с точки зрения которого производится сравнение⁴.

В полных конструкциях эксплицитно выражены все члены сравнения, в неполных как результат эллипсиса пропускается основа сравнения.

В настоящей статье анализу подвергаются сравнения со всеми эксплицитно выраженными членами, причём рассматриваются обороты с разной степенью спаянности компонентов, т.е. как устойчивые сравнения, так и авторские, окказиональные. Целью настоящего исследования является:

- 1) определить классы оснований сравнения,
- 2) определить классы объектов сравнения,
- 3) описать структуру таких сравнений в сопоставляемых языках.

1. Основание сравнения

Лицу присущи многие разнородные признаки. Они касаются внешнего вида (форма размер, облик, очертание и др.), физического состояния, качеств характера, умственных способностей, эмоций и чувств. Лицо может быть также объектом оценки по эстетическим параметрам. В результате этого разнообразия в отобранных нами сравнительных оборотах⁵ соматизм *лицо* в функции субъекта сравнения употреблялся довольно часто, а сами компаративные конструкции оказались многочисленными и разнообразными.

³ М.И. Черемисина, Л.А. Шамина: *Выражение сравнения в тувинском языке*, <http://www.philology.nsc.ru/> [дата обращения: 10.09.2018], с. 66; О.П. Разумова: *Градуальность признака и оценка в образных сравнениях*. Минск 1997, с. 2 [автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук].

⁴ В.В. Неверова: *Функционирование компаративных структур в интенсифицированном высказывании (на материале французского языка)*. В: *Функционально-грамматическое исследование романских языков*. Санкт-Петербург 2001, с. 224; W. Wysoczański: *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych (na materiale wybranych języków)*. Wrocław 2005, с. 35—42.

⁵ Источником языкового материала для настоящего исследования послужили интернет-корпусы: *Национальный корпус русского языка* (www.ruscorpora.ru), *Narodowy Korpus Języka Polskiego* (<http://nkjp.uni.lodz.pl/>).

В нашем исследовании анализу подвергнем сравнительные конструкции, в которых основание сравнения касается следующих признаков:

1. Проявление эмоций и состояний. Название *лицо*, относящееся к человеку и употреблённое в функции субъекта компаративных конструкций анализируемого типа, является выразителем самых различных эмоций и чувств, как положительных, так и отрицательных:

- **грусть, печаль**, напр.: *грустное* (как *дерево, потерявшее листья*), *постное* (как у *вахтёрши*), *smutna* (jak *twarz latarnika*);
- **радость, удовольствие**, напр.: *озорное* (как у *цыганёнка*), *довольное* (как у *кота*), *pogodna* (jak *niebo*), *rozpromieniona* (jak *słońce w zimie*);
- **удивление**, напр.: *zdziwiona* (jak *zadek Litwina*);
- **злость**, напр.: *злое* (как *морда у рыси*), *wściekła* (jak *zaciśnięta pięść*);
- **отсутствие эмоций**, напр.: *бесстрастное* (как *окраска казённого здания, как лицо судьы*), *холодное* (точно *истуканье, как у статуи в Эрмитаже*); *безжизненное* (как *маска, как у всех глухонемых*), *застывшее* (как *мрамор*); *неподвижное* (как *маска, как изваяние, как у мертвеца*), *каменное* (как в *покере*), *kamienna* (jak *twarz pewnego byłego premiera*), *nieporuszona* (jak *pośmiertna maska*), *nieprzenikniona* (niby *księga tajnymi znakami pisana*), *nieruchoma* (niczym *maska*), *zimna* (jak *lód*).

2. Проявление черт характера. В функции основания сравнения данных оборотов были употреблены самые разные названия признаков, характеризующих человеческий характер. Здесь можно выделить группы, выделяющие:

- **требовательность, взыскательность, стойкость** — *властное, смурое* (как у *древних ассирийских царей*), *крепкое* (как *дубовый пенёк*); *резкое* (как *топор*); *твёрдое* (как *кирпич, как арбуз, как камень*), *жёсткое* (как *камень*), *суровое и хмурое* (как *грозовая ночь*);
- **серьёзность** — *серьёзное*, (как у *гимназистки первого класса, как у мёртвого, как арбуз, как камень*), *суровое* (как у *умершей монашки*), *roważna* (jak u *doroślejszej osoby*), *stroga* (jak *noc*);
- **деликатность, кротость, спокойствие** — *кроткое* (как у *Христа*); *спокойное* (как *лёд, как смерть*), *спокойное-спокойное* (как у *святого*);
- **различные признаки, наделённые положительной оценкой** — *благородное* (как у *нашего профессора*), *блаженное* (как у *дошкольника на ёлке*), *доброе* (как у *ангела*); *szczerza* (jak *księżyc w pełni*); *życzliwa* (jak *diabli*);
- **различные признаки, наделённые отрицательной оценкой** — *хитрое* (как у *дьявола, как у смышлёной дворянки*);
- **другие** — *слащавое* (как *медовый пряник*), *onieśmielona* (jak u *chlupca*), *zacięta* (jak *portret wojownika*).

3. Проявление интеллектуальных признаков. Здесь в функции основания сравнения были употреблены прилагательные, называющие исключительно недостаток умственных возможностей, напр.: *глупое* (как у обезьяны, как решето, как у монаха, повстречавшегося с дьяволом); *пустое* (как печной изразец), *простое* (как боксерская перчатка), *bezmyślna* (jak u jogi).
4. Оценка по эстетическим признакам, причём в конструкциях обоих сопоставляемых языков употреблялись прилагательные, выражающие противоположную оценку:
 - **положительную**, напр.: *правильное* (как у статуи), *прекрасное* (точно выточенное из мрамора, как образ другого мира); *нежное* (как у подростка, как у барышни, как на дагерротипе), *piękna* (jak z obrazów Rafaela, jak posąg, jak u Matki Boskiej), *śliczna* (jak Madonna);
 - **отрицательную**, напр.: *безобразное* (как карикатура), *несвежее* (как простыня в дрянном провинциальном трактире, как мятая бумага), *отвратительное* (как у колдуна из «Страшной мести»), *страшное* (как у настоящего умирающего), *ужасное* (как в бреду), *brzydka* (jak twarz topielicy), *szpetna* (jak na fotografii z karty pracowniczej).

2. Показатели сравнения

Функцию показателей сравнения в компаративных оборотах выполняют специализированные союзы. В анализируемых конструкциях преобладают союзы *как* и *jak*, которые употреблялись соответственно в 90% русских и в 92% польских оборотов, напр.: *Она повернула к нему лицо с расширенными, удивлёнными, как у маленькой девочки, глазами* (Аксенов); *Teraz, w te wakacje, próbuję wyobrazić sobie pani piękną twarz jak księżniczki z bajki* (Lipiński). Значительно реже употреблялись другие функции: *точно* (3,8%), *словно* (3,7%), *будто* (2,5%), *нибы* (2,7), *ничуть* (5,3%), напр.: *Лицо прямое, неподвижное, такое спокойное, точно оно из дерева или из камня*. (Гиппиус); *Лицо, словно ожившая икона, — тонкое, строгое, грустное* (Друнина); *Это была маленькая подвижная женщина, с лицом красивым, будто точённым из белой кости* (Григоренко); *Twarz Cala była nieruchoma niczym maska, ale oczy wyrażały... litość, pogardę* (Surmik); *Niepokoili go jednak jego nieprzenikniona twarz niby księga tajnymi znakami pisana i na siedem pieczęci zamknięta* (Reymont).

Указанные выше функторы во многих отношениях являются синонимичными. В многочисленных контекстах они заменяют друг друга, но в их использовании наблюдаются также некоторые различия. Наиболее

частотные союзы *как* и *jak* употребляются в самых разных структурных типах сравнительных оборотов, в то время когда *точно, словно, будто, как будто* востребованы чаще в конструкциях, в которых объект выражается адъективным словом или адъективным оборотом.

3. Объекты сравнения

Объект сравнения является своего рода образцом, эталоном сравнения. Человеческое лицо как субъект сравнения в исследуемых конструкциях по названным выше признакам сопоставляется с большим количеством разнородных объектов. Среди них можно выделить следующие группы:

1. Лица людей. Здесь следует выделить следующие подгруппы:

- названия людей по возрастному или половому признаку, напр.: *нежное, как у барышни, как у подростка; правильное, как у девушки; серьёзное, как у гимназистки первого класса; блаженное, как у дошкольника на ёлке; нежное, как у подростка; poważna jak u dorosłej osoby; onieśmielona jak u chłopca;*
- названия людей по профессии или роду деятельности, напр.: *бесстрастное, как лицо судьи; постное, как у вахтёрши; сдержанно-одухотворённое, как у знаменитого пианиста, берущего финальные аккорды на благотворительном концерте в психиатрической лечебнице; острое, как у инквизитора; сосредоточенное, как у министра финансов, представляющего в парламенте бюджет; злобное и ужасное, как у преступника; глупое, как у монаха, повстречавшегося с дьяволом; twarz kamienna jak u pewnego byłego premiera; bezmyślna jak u jogi; smutna jak u latarnika;*
- названия людей по национальной принадлежности, напр.: *озорное, как у цыганёнка; простодушное, как у чухонки;*
- названия людей по их внешнему или внутреннему состоянию, напр.: *страшное, как у настоящего умирающего; мирное и спокойное, как у спящего; застывшее, как у сомнамбулы; udręczona jak u człowieka u schyłku życia;*
- названия людей по физическим признакам, напр.: *безжизненное, как у всех глухонемых;*
- названия покойников, напр.: *серьёзное, как у мёртвого; суровое, как у умершей монашки; неподвижное, как у мумии; как у трупов; brzydka jak twarz topielicy;*
- имена собственные (названия известных людей), напр.: *непроницаемое, как у Бастера Китона;*

2. Предметы: *неподвижное, застывшее, как маска (гипсовая, деревянная), как изваяние, безобразное, как карикатура; непроницаемое, как маска Будды; простое, как боксёрская перчатка; слащавое, как медовый пряник; глупое, как решето; piękna jak posąg; zacięta jak portret wojownika; nieruchoma jak (pośmiertna) maska; nieruchoma jak kamea; nieprzenikniona niby księga tajnymi znakami pisana;*
3. Действия и состояния, обстоятельства, а также их причины и результаты, напр.: *неподвижное, точно отлитое из воска; прекрасное, точно выточенное из мрамора; каменное, как в покре; ужасное, как в бреду; спокойное, как смерть; нежное, точно вылитое из воска; nieruchoma jak wyrzeczana w twardym drewnie;*
4. Лица религиозных, мифологических, сказочных и литературных персонажей, напр.: *прелестное, как у богини; доброе, ясное, чистое, как у ангела; хитрое, как у дьявола; отвратительное, как у колдуна из «Страстной мести»; piękna jak u Matki Boskiej;*
5. Явления природы (в том числе отрезки времени), напр.: *прекрасное, как буря; кроткое и ясное, как вечернее небо; спокойное, как лёд; нежное, как снег; sroga jak noc;*
6. Природные и астрономические объекты, напр.: *жёсткое, как камень; непроницаемое, как скала; неподвижное, как латунная луна; rozpromieniona jak słońce w zenicie; szczerą jak księżyc w pełni;*
7. Лица героев произведений искусства, напр.: *непроницаемое и невозмутимое, как у бронзовой статуи; мраморно холодное, как у статуи в Эрмитаже; лица чёрные, смирные и строгие, как на старинных иконах; нежное, как на дагерротипе; красивое, как у скульптуры греческого юноши; nieruchoma jak twarz posągu; śliczna jak Madonna; szpetna jak na fotografii z karty pracowniczej; piękna jak z obrazów Rafaela;*
8. Разного типа вещества: *несвежее, как мятая бумага; застывшее, бесстрастное, холодное, как мрамор; nieruchoma jak woda w stawie;*
9. Животные и части их тела, напр.: *злое, как морда у рыси; бессмысленное, как у лошади; глупое, как у обезьяны; хитрое, как у смышлёной дворняги;*
10. Растения, их части и плоды, напр.: *грустное, как дерево, потерявшее листья; жёсткое, как сосновая кора;*
11. Части тела человека, напр.: *твёрдое, как бицепс перед ударом; глупое и мёртвое, как живот без пупка; wściekła jak zaciśnięta pięść; smutna jak zadek Litwina.*

Названия объектов, употреблённые в русских и польских конструкциях анализируемого типа, являются довольно богатыми и разнообразными. В русском языке они распределяются по 11 группам, а в польском — по 9. В обоих языках доминирующими классами объектов

оказались лица людей и названия предметов. Остальные группы представлены значительно меньшим количеством примеров.

Таблица 1

Процентное соотношение групп объектов в сравнительных конструкциях.

№	Семантические группы объектов	% рос.	% поль.
1.	Лица людей	31,0	26,5
2.	Предметы	26,0	29,5
3.	Действия и состояния, обстоятельства, а также их причины и результаты	13,0	2,0
4.	Лица неестественных существ, сказочных и литературных героев	6,0	10,0
5.	Явления природы	4,5	2,0
6.	Природные и астрономические объекты	4,5	6,0
7.	Лица героев произведений искусства	4,5	16,0
8.	Вещества	4,0	2,0
9.	Животные и части их тела	3,0	0
10.	Растения, их части и плоды	2,0	0
11.	Части тела человека	1,5	6,0
Итого		100,0	100,0

Названия объектов сравнения могут приобретать разную форму: единичного существительного в именительном падеже или в косвенных падежах с предлогами, единичного прилагательного или причастия, субстантивных и адъективных словосочетаний и единичного наречия. В частности, их структура представляется следующим образом:

1. Объект выражается существительным в именительном падеже или субстантивным словосочетанием с существительным в именительном падеже в функции главного слова. Доминируют названия в виде единичных существительных. С целью создать более выразительный и более конкретный образ, одновременно усиливая интенсификацию, авторы ставят при нём определения двоякого типа — адъективные или субстантивные. Каждый из этих типов может дальше усложняться. В частности, покажем, какую структуру приобретали названия объектов сравнения в анализируемых примерах.

Итак, в русском и польском языках это следующие структуры:

S_n : *нежное, светлое, как снег; неподвижное, как маска; застывшее, как мрамор; радостное, как весна; безобразное, как карикатура; прекрасное, как буря; глупое, как решето; спокойное, как смерть; śliczna jak Madonna; piękna jak posąg; nieruchoma jak maska; sroga jak nos; pogodna jak niebo;*

$S_n + Adj_n$: *неподвижное, как гипсовая маска; строгое, грустное, словно ожившая икона; неподвижное, как латунная луна; слащавое, как медовый*

пряник; хмурое, как грозовая ночь; wściekła jak zaciśnięta pięść; nieruchoma jak pośmiertna maska;

$S_n + S_g$: *спокойное, как облик сфинкса; бесстрастное, как лицо судьи; непроницаемое, как маска Будды; nieruchoma jak twarz posągu; brzydka jak twarz topielicy;*

$S_n + \mathbf{w} (\mathbf{w}) + S_i$: *подвижное, как картины в райке; nieruchoma jak woda w stawie; szczerą jak księżyc w pełni.*

В русском языке:

$S_n + Adj_n + S_g$: *бесстрастное, как окраска казённого здания;*

$S_n + Pron_g + \dot{S}$: *прекрасное, как образ другого мира;*

$S_n + \text{без} + S_g$: *глупое и мёртвое, как живот без пупка;*

$S_n + \mathbf{y} + S_g$: *злое, как морда у рыси;*

$S_n + \text{перед} + S_i$: *твёрдое, как бицепс перед ударом;*

$S_n + Adj_n + S_{acc}$: *грустное как дерево, потерявшее листья;*

$S_n + Adj_n + \mathbf{co} + Adj_i + S_i + \mathbf{i} + \text{без} + S_g$: *круглое, мёртвое, совсем пустое лицо, как старый циферблат со стёртыми цифрами и без стрелок.*

В польском языке:

$S_n + Adj_n + Adj_n$: *kamienna jak pewien były premier;*

$S_n + Adj_n + Adj_i + S_i + \mathbf{i} + Adj_n + \mathbf{na} + Num_{acc} + S_{acc}$: *nieprzenikniona niby księga tajnymi znaki pisana i na siedem pieczęci zamknięta.*

2. Название объекта выражается относительным прилагательным (причастием) или адъективным словосочетанием с причастием в функции главного слова и приобретает разную структуру.

В русском языке:

Adj_n : *неподвижное, как бы мёртвое; непроницаемое, словно каменное;*

$Adj + \text{из} + S_g$: *грубоватое, как из камня вытесанное; грубое, неподвижное, словно вырубленное из дерева;*

$Adj_n + \text{из} + S_g + S_g$: *грубое, будто выточенное из куска дерева;*

$Adj_n + \text{из} + Adj_g + S_g$: *спокойное, словно выточенное из кипарисового дерева; красивое, будто точённое из белой кости.*

В польском языке:

$Adj_n + \mathbf{w} + Adj_i + S_i$: *nieruchoma jak wyrzezana w twardym drewnie.*

3. Название объекта выражается существительным в косвенном падеже или словосочетанием с существительным в косвенном падеже в функции главного слова и приобретает различную структуру.

В русском и польском языках:

$\mathbf{y} (\mathbf{u}) + S_g$: *прекрасное, как у святой; серьёзное, как у мёртвого; неподвижное, как у трупов; нежное, как у подростка; piękna jak u Matki Boskiej;*

y (**u**) + **Adj_g** + **S_g**: страшное, как у настоящего умирающего; приличное и безжизненное, как у нюрнбергской куклы; хитрое, как у смышлёной дворняги; спокойное, как у спящего ангела; *roważna jak u dorosłej osoby; surowa jak u pierwszych chrześcijan*.

В русском языке:

y + **Adj_g** + **Adj_g** + **S_g**: властное, смурое, как у древних ассирийских царей;
y + **Pron_g** + **S_g**: неподвижное, как у всех слепцов; благородное, как у нашего профессора;
y + **S_g** + **Adj_g** + **S_g**: красивое, как у скульптуры греческого юноши;
y + **S_g** + **в** + **Adj_l** + **S_l**: красивое, как у киноактёра в немом кино;
y + **S_g** + **Adj_g** + **с** + **S_i**: глупое, как у монаха, повстречавшегося с дьяволом;
y + **S_g** + **из** + **S_g**: отвратительное, как у колдуна из «Страшной мести»;
y + **S_g** + **на** + **S_l**: блаженное, как у дошкольника на ёлке;
y + **S_g** + **Num_g** + **S_g**: серьёзное, как у гимназистки первого класса;
y + **Adj_g** + **S_g** + **Adj_g** + **Adj_{acc}** + **S_{acc}** + **на** + **Adj_l** + **S_l** + **в** + **S_l** + **S_l**: сдержанно-одухотворённое, как у знаменитого пианиста, берущего финальные аккорды на благотворительном концерте в психиатрической лечебнице;
y + **S_g** + **S_g** + **Adj_g** + **S_{acc}** + **в** + **S_l**: сосредоточенное, как у министра финансов, представляющего в парламенте бюджет;
из + **S_g** + **или** + **из** + **S_g**: спокойное, точно оно из дерева или из камня;
из + **Adj_g** + **Adj_g** + **S_i** + **S_g**: серое, как из серого измытого дождями камня;
в + **S_l**: ужасное, как в бреду; каменное, как в покере;
на + **S_l**: нежное, как на дагерротипе;
на + **Adj_l** + **S_l**: лица чёрные, смиренные и строгие, как на старинных иконах;
перед + **Adj_i** + **S_i**: серьёзное, как перед вечной разлукой.

В польском языке:

z + **S_g** + **S_g**: *piękna jak z obrazów Rafaela*;
na + **S_l** + **z** + **Adj_g** + **S_g**: *szpetna jak na fotografii z karty pracowniczej*.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что:

1. Соматизм *лицо* в функции субъекта сравнительных оборотов употребляется довольно часто и сравнивается по различным признакам.

3. Названия объектов, употреблённые в конструкциях анализируемого типа, являются богатыми и разнообразными. В русском языке они распределяются по 11 группам, а в польском — по 9. Человеческое лицо на основании названных признаков сравнивается в основном с лицом животных, других людей или с лицами на произведениях искусства. Довольно большие группы объектов в обоих языках составляют названия предметов, с которыми по различным признакам (постоянным или изменяющимся) может сравниваться человеческое лицо.

4. Названия объектов сравнения могут приобретать разную форму: единичного существительного в именительном падеже или в косвенных падежах с предлогами, единичного прилагательного или причастия, субстантивных и адъективных словосочетаний.

5. Тенденции образования сравнений анализируемого типа в сопоставляемых языках похожи, что обусловлено близким родством сравниваемых языков и сходством культурных факторов, влияющих на них. Немногочисленные культурные различия заметны в области так наз. реалий — т.е. предметов и явлений, характерных для определённого общества в данный исторический период. В данном случае речь идёт об архитектурном объекте (*холодное, как у статуи в Эрмитаже*), герое литературного произведения русского автора (*отвратительное, как у колдуна из «Страшной мести»*), художественных произведениях, связанных с православной церковью или характерных для царской России и Советского Союза (*цепкие, как у филера; грустные, как на картине в сельсовете; строгое, как на старинных иконах*).

В большинстве случаев названия объектов сравнения в обоих языках совпадают также по структуре и принадлежат к тем же трём основным структурным группам. Отдельные различия могут обуславливаться как различиями в самих языковых системах, так и языковым материалом, который может не отражать всех возможных моделей.

Принятые сокращения

S	— имя существительное
Adj	— имя прилагательное или причастие
Num	— имя числительное
Pron	— местоимение
n	— именительный падеж
g	— родительный падеж
acc	— винительный падеж
i	— творительный падеж
l	— предложный падеж

Dorota Chudyk

„Twarz piękna jak u świętej” — somatyzm *twarz* w rosyjskich
i polskich konstrukcjach porównawczych

Streszczenie

Przedmiotem badań w niniejszym tekście są rosyjskie i polskie konstrukcje porównawcze, w których funkcję obiektu porównywanego pełni ludzka twarz. Jest to część ludzkiego ciała charakteryzująca się szeregiem cech fizycznych, mogących być wskaźnikiem stanu fizycznego i psychicznego człowieka, cech charakteru, może być również obiektem oceny. W artykule przeanalizowane zostały tylko takie konstrukcje, w których podstawa porównania odnosi się do: 1) przejawów emocji i uczuć, 2) przejawów cech charakteru, 3) przejawów cech intelektualnych, 4) oceny walorów estetycznych.

Analizie poddane zostały zwroty o różnym stopniu zleksykalizowania, zarówno sfrageologizowane, jak i okazjonalne, autorskie.

Słowa kluczowe: konstrukcja porównawcza, podstawa porównania, subiekt porównania, obiekt porównania, somatyzm „twarz”

Dorota Chudyk

‘A Face as Beautiful as That of a Saint’ — the Somatism «лицо» in Russian and
Polish Comparative Constructions

Summary

The article deals with the contrastive analysis of comparative constructions in which human face functions as a subject. Adjectives denoting some of their external features are the bases of comparison. The semantic and structural features of Russian and Polish comparison collocations of different types are analysed.

Key words: comparative construction, basis of comparison, subject of comparison, object of comparison, somatism «лицо»

Пётр Червинский

Силезский университет в г. Катовице

**Словарная практика
и акценты языкового сознания
(на основе двух лексических единиц не совсем
современного языка)**

В научной литературе, посвящённой проблемам языкового сознания¹, не удаётся найти представления о заявленном в заглавии данной работы соотношении². Между тем параметр этот, а также связанный с ним аспект,

¹ Из весьма значительного количества работ по данной теме укажем лишь некоторые: А.А. Леонтьев: *Языковое сознание и образ мира*. В: *Язык и сознание: парадоксальная реальность*. Москва 1993, с. 16—21; *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва 1996; *Языковое сознание: формирование и функционирование*. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва 1998; Т.Л. Калентьева: *Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода*. Иркутск 1998; А.А. Залевская: *Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком*. В: *Реальность, язык и сознание*. Тамбов 1999, с. 4—14; И.А. Стернин: *Коммуникативное и когнитивное сознание*. В: *С любовью к языку*. Москва—Воронеж 2002, с. 44—51; И.В. Привалова: *Этноцентричность языкового сознания*. В: *Русский язык в контексте реформирования российского общества*. Москва 2003, с. 64—67; *Языковое сознание: устоявшееся и спорное*. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва 2003; Е.Ф. Тарасов: *Языковое сознание*. «Вопросы психолингвистики», № 2, 2004, с. 34—47; Т.Н. Ушакова: *Понятие языкового сознания и структура речемыслительной деятельности*. В: *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты*. Под ред. Н.В. Уфимцевой. Москва—Барнаул 2004, с. 6—17.

² Аналогичное утверждение касалось бы также работ, посвящённых лексикографической практике, в том числе в контексте описания происходящих языковых изменений: А.А. Уфимцева: *Лексическое значение: Лексическая система и её отражение в словаре*. В: *Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование*. Москва 1988; Г.Н. Скляревская: *Реальный и ирреальный мир в толковом словаре. К вопросу о прагматическом компоненте слова*. „Scardo. Slavika”. Т. 39, 1993, с. 168—169; А. Пстыга: *Лексиче-*

видится немаловажным. Как для понимания оснований, критериев и особенностей имеющихся и не только имеющихся лексикографических описаний, так и для понимания процессов, происходящих в сознании носителей языка. Процессы эти, с одной стороны, обуславливаются не только реалиями и существующими представлениями о них (поскольку речь пойдёт главным образом о реалиях, на это и сделан упор), но и общим, скажем так, концептуально-мировоззренческим климатом, существующим и актуально себя объявляющим в обществе в данный момент. Словари в этом случае в этих процессах отыгрывают, с одной стороны, отражающую и запечатлевающую, фиксирующую имеющееся положение роль, а с другой, особенно и применительно к лексикографической практике русского языка XX века, выполняют функцию направляющую, «руководящую» и задающую.

Под этим последним, ни в коей мере не стремясь составителей словарей ни в чём упрекнуть, поскольку таковы были и во многом остаются неизбежные установки времени, а, как известно, *довлеет дневи злоба его*, — под этим последним в немалой степени можно было бы понимать то, что у Николая Лескова в его «На ножах» характеризуется очень метко как *перепотевание*. Или, говоря по-другому, как изменение и перестановка не только исходных и позиционных акцентов, но и такая переработка самой информации, которая предполагает, исходя из задач (идейно-манипулятивной направленности), что-то одно опускать, об этом не упоминая, т.е. замалчивая, а что-то, напротив, выпячивать, добавляя и искажая, нередко и просто придумывая.

К словарной практике русского языка XX века, как, впрочем, и не только словарной, а всякой публичной, с известными оговорками сказанное можно было бы относить. И при том, что процессы конца того же столетия раскрепостили десятилетиями стянутое положение вещей, инерция, как известно, особенно в сфере общественного и с ним языкового

ские инновации в современном русском и польском языках в лексикографической обработке. В: *Vocabulum et vocabularium. Сборник научных трудов по лексикографии*. Под ред. В.В. Дубичинского. Вып. 2. Харьков 1995, с. 52—59; И.А. Стернин: *Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века*. Воронеж 1997; Г.А. Заварзина: *Семантические трансформации в лексике русского языка 80—90 годов XX века и их отражение в толковых словарях*. «Известия Воронежского педагогического университета». Т. 246. Русский язык. Воронеж 1997, с. 29—32; Г.А. Заварзина: *Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80—90-е годы XX века (по материалам словарей и газетной публицистики)*. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж 1998; О.В. Загоровская: *Современная языковая ситуация и задачи лексикографии*. В: *Русский язык конца XX века*. Воронеж 1998, с. 7—8; В.В. Дубичинский: *Теоретическая и практическая лексикография*. Харьков 1998; О.В. Загоровская: *Основные процессы в развитии русской лексики на рубеже XX—XXI вв. В: Проблемы русистики на рубеже XX—XXI вв.* Воронеж 2001, с. 5—24 и др.

сознания, или ментальности (здесь возможна такая синонимия), плохо преодолимая вещь. Если слишком явные или затрагивающие, в первую очередь, реалии советской эпохи идеологические налёты, вкрапления, оценки и коннотации каким-то образом удалось в словарях последнего времени, избежав, опустить, то такие же малозаметные концептуальные повороты, системоценностные, мировоззренческие, регулятивные и реактивные компоненты языкового и не только языкового сознания и с ним восприятия продолжают в них (и не только в них) оставаться.

Подобное замечание, оговоримся опять же, никак не в укор составителям. Прерывание традиции, пусть и идеологизированной³, не объективной и односторонней, вряд ли возможно и вряд ли разумно. К этому необходимо добавить и то, что языковое сознание говорящих не может меняться в момент, и изменилось ли, если задуматься, по своему существу? Появилась новая лексика, прежняя отошла, но это поверхность, а не ментальная почва, на которую та же новая лексика попадает.

Затронув все эти важные для лучшего понимания дальнейшего обстоятельства, хотелось бы, переходя к предмету, его предварительно в кон-

³ То, что принято в литературе предмета определять как *идеологизацию* языка, а затем, как следствие и результат процессов конца XX века, соответственно, как *деидеологизацию*, проявляющуюся не только в смене целых лексических, сериями входящих (в актив) и выходящих (в пассив), пластов, но и в изменениях семантического состава, точнее было бы все же определять понятиями *советизации* и *десоветизации* (языка). Ушли реалии советского времени, с ними какие-то связанные представления, но насколько затронуло всё это имевшееся идеологическое (что понимать в данном случае под идеологией?) основание, судить без последовательных и разносторонних исследований было бы трудно. Не говоря о том, что термин *деидеологизация* сам по себе не точен, создавая впечатление, что публичный язык идеологизированным быть перестаёт, а тогда каким он становится? Возможно, мультиидеологизированным, не унитарно и не односторонне идеологизированным, но при этом, однако, не *де-*. О процессах этих см. хотя бы такие работы (из немалого их числа): Э.М. Медникова: *Идеологический компонент значений слов в словарных и несловарных текстах*. В: *Методологические проблемы социальной лингвистики*. Москва 1986, с. 22—33; Н.А. Купина: *Идеологическое состояние лексики русского языка*. В: *Русское слово в языке, тексте и культурной среде*. Екатеринбург 1997, с. 134—145; О.П. Ермакова: *Семантические процессы в лексике*. В: *Русский язык конца XX столетия (1985—1995)*. Под ред. Е.А. Земской. Москва 2000, с. 32—66; Т.А. Трипольская: *Деидеологизация словарного описания религиозного слова в русской лексикографической традиции*. «Вестник Новосибирского государственного университета». Серия: История, филология. Т. 14, № 2, 2015, с. 61—67; А.А. Карамова: *Идеологемы: определение понятия и типология*. В: *Современные проблемы науки и образования*. 2015, № 2 (часть 1) // www.science-education.ru/ru/article/view?id=2015 (дата обращения: 26.12.2018), а также две наши работы по данной теме: *Идеологический компонент в толковании лексического значения (на материале обозначения лиц)*. В: *Z zagadnień semantyki i stylistyki tekstu*. Pod red. A. Ginter. Łódź 2010, с. 13—21; *О советизации языка в аспекте семантики и стилистики текста*. В: *Teoretyczne i praktyczne aspekty badań semantyki i stylistyki tekstu*. Red. J. Wierzbński, T. Daiber, G. Gochev, I. Zlatev. Łódź 2012, с. 198—215.

тексте сказанного как-то представить и обозначить. На материале двух не специально выбранных лексических единиц, семантически близко связанных, речь пойдёт о том, как, с одной стороны, их значение и не только значение, но и употребление, отобразили себя в словарях советского и постсоветского времени. А с другой, как акценты языкового сознания и с ним восприятия повлияли на этот фиксирующий и вместе с тем направляющий по своему духу процесс (не хотелось бы говорить, управляющий, ибо это всё же не так). Процесс отражения в лексикографической практике и с этим публичного воплощения.

Материалом для так обозначенных рассуждений послужили известные объяснительные, или толковые, словари: «Толковый словарь русского языка» под ред. Дмитрия Николаевича Ушакова 1935—1940 гг. (ТСУ); «Словарь русского языка в 4-х томах», гл. ред. Анастасия Петровна Евгеньева, 2-е изд., 1981—1984 гг. (МАС); «Толковый словарь языка Совдепии» Валерия Михайловича Мокиенко и Татьяны Геннадьевны Никитиной (ТСЯС, 1998 г. изд.) для советского времени; «Большой толковый словарь русского языка», гл. ред. Сергей Александрович Кузнецов, 2000 г. (БТС); «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Татьяны Фёдоровны Ефремовой, 2000 г.; «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения», 1998 г., и «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика», 2008 г., оба под ред. Галины Николаевны Скляревской.

Выбранными для рассмотрения лексическими единицами были кажущиеся на первый взгляд, впрочем, не только на первый, неактуальными и непритягательными *агитколлектив* и *агитбригада*. Выбор их не был специально каким-либо образом обоснованным и каким-то идеологическим убеждением направляемым. Мотивацию можно было бы объяснить отчасти тем, но только отчасти, что представляющееся неинтересным, непоказательным и периферийным явление, лежащее в стороне от основных и магистральных процессов, происходящих в лексике, своей незаметностью и отстранённостью может дать неожиданный результат. Подтолкнуть восприятие, в том числе и языковое, к выводам, которые, не находясь на поверхности, не будучи столь очевидны, заметны и убедительны, если бы речь велась о чём-то другом, заставляют задуматься над движением, во многом невидимым и не ощущаемым, которое, осуществляя себя постоянно и регулярно, имеет место и производит себя в языке. Прежде всего, в понимаемых широко его семантических проявлениях и процессах.

После такого вступления, достаточного без аналитических комментариев и пояснений, перейдём непосредственно к выбранным единицам. Первой из обозначенных двух, тесно друг с другом связанных (что также было причиной их выбора), будет *агитколлектив*, передающая, что вполне

понятно и объяснимо, в первую очередь, представление о каком-то количественном составе людей. То, что сравнительно небольшим и предполагающем вероятность старшего, или руководителя, отмечая собой отнесённость к разряду себе подобных, таких, как *артель*, (*студенческая*) *группа*, (*школьный*) *класс*, (*парт*)*актив*, *партгруппа*, *партбюро*, *кооператив*, (*комсомольская*) *ячейка*, *колхоз*, *компания*, *коллегия*, *комитет*, *коммуна*, *ватага*, *громада*, *секта*, *звено*, (*воинское*) *отделение*, *взвод*, *отряд* и т.п., в разбираемом случае не будет существенным.

Важным критерием и показателем для последующего анализа являлось бы то, что отличает, характеризуя стоящее за этим словом в сознании представление, от каких-то возможных других, но при этом делает его, это представление, не индивидуально особенным, а соотносимым с какими-то близкими с ним. Что предполагало бы, с точки зрения семантики, но не лексической, а, скорее, концептуальной, группу себе подобных, входящую, с одной стороны, в нечто большее, с представлением некоей общности, типа (если в объединении) 'компания-артель-комитет-коллектив'⁴, а с другой, способную далее подразделяться на такие же далее меньшие составляющие. Иными словами, это была бы, опять же концептуально, подгруппа в так понимаемой группе, состоящая далее из каких-то последующих и её, если не составляющих, то в неё входящих, подгрупп.

Основу указанного определяющего представления в отношении того, что за *агитколлективом* стоит, помимо отмеченного, сравнительно небольшого, людского количества, составлял бы особый характер совместно осуществляемой деятельности. То, что деятельности, и то, что совместно осуществляемой, основой дальнейшего определения не будет, хотя будет необходимым параметральным входом, по крайней мере, его можно таким посчитать. Сама же сущность указанной деятельности, осуществляемой

⁴ В отношении употребляемых при характеристике и описании разбираемого предмета шрифтов с кавычками, необходимо сказать, что *курсивом* традиционно будут обозначаться слова как лексические единицы, характеризующиеся и определяемые по словарям, либо другие какие-то языковые единицы (устойчивые и свободные словосочетания, предложения). Прямой шрифт используется в том случае, когда речь идёт о называемом с помощью данного слова реальном предмете, не обязательно его референте и денотате, т.е. вне связи с лексемно воспринимаемой семантикой. Одинарные так называемые 'лапки' в виде апострофов с двух сторон, также традиционно, будут в себе заключать значение, как лексическое и словарное, так и не только, стоящее за той или иной единицей или обозначаемое при посредстве её, в том числе единицей ментальной, не только языковой. Такие же лапки, но в виде 'чёрточек', используются для представлений как концептуальных по своему характеру единиц, с семантикой им соответствующих слов либо связанных, либо, что также, не связанных, во всяком случае не непосредственно и не напрямую. Остальные кавычки особенных пояснений не требуют: «ёлочкой» передаются цитаты, в удвоенных „лапках” снизу и сверху — названия источников и научных работ, в таких же удвоенных "лапках" (сверху) прямых — переносно и образно представляемые обозначения.

совместно, обращаться будет вокруг обозначенного перед этим её характера, что следует видеть как основание разбираемого дифференцирующего различения.

Агитколлектив, но не как слово в его значении и не как представление в сознании о нём, а имеющийся в реальной действительности предметный объект⁵, в таком своём положении агитколлектив — это отчасти нечто похожее (пользуясь более ранними воображениями без уточнений и оговорок), в смысле совместно осуществляемой деятельности, на артель. Артель не как слово и не как предметный опять же объект, а (обобщённо) концептуальная группа, к которой то и другое можно было бы отнести, потому также и не вполне артель, во всяком случае, не как таковая. Объединяющим основанием этой группы было бы представление, помимо а) сравнительно небольшого людского количества; б) объединённого в своей совокупности совместно всеми осуществляемой деятельностью, то, что следует дать как в) в виде деятельности целенаправленной и общими признаками характеризуемой. Вид и характер самой такой деятельности и должен будет интересующий нас агитколлектив, равно как и что-то другое подобное, отличать. Иными словами, в такой обобщённо воспринимаемой не только 'артели' все её члены, действуя сообща, выполняют какое-то определённое, приделённое или положенное им по заданию, дело, и это задание и осуществляемое ими дело существо такого их объединения и будет определять.

Но если *артель*, согласно дефинитивной характеристике в словаре Т.Ф. Ефремовой (обращаясь к ней как к более полной и дифференцированной), если *артель* в её первом значении — это «Группа лиц одной профессии (обычно связанной с физическим трудом), объединившихся для совместной работы на основе общей ответственности, самоуправления, долевого участия в доходах», а во втором «Группа собравшихся или идущих вместе людей», то что же такое тогда агитколлектив и чем он будет отличаться от такого воображения об 'артели'?

Определение лексического значения *артели* понадобилось нам для того, чтобы увидеть в агитколлективе (как реальном объекте) то, что от 'артели', но не как слове с первым его значением, а в стоящем за ним представлении, будет 'агитколлектив' (на сей раз уже как представление) отличать.

Оттолкнувшись от реально имеющегося в действительности объекта (либо недавно имевшегося, что в данном случае не будет существенно), с одной стороны, переходим к существующему в сознании представле-

⁵ Таких понятий и с ними обозначений, как *денотат*, *референт*, хотелось бы избежать, что подводило бы неизбежно к мысли о слове с его семантикой и с этим номинативной функцией, а здесь не об этом речь.

нию, которое будет шире и обобщённое знания об этом объекте, но не в реальном, а в концептуализирующем отношении. Поскольку, и это было бы с другой стороны, имеясь в сознании в некотором, своего рода взвешенном и не до конца к объекту привязанном, хотя и связанном с ним, обобщении, представление это содержит возможность реализовать себя в виде различных значений и употреблений того или иного какого-то слова, не обязательно и не единственно данного и одного.

Отличительной характеристикой агитколлектива (от представленной по словарю Т.Ф. Ефремовой для артели), становится то, что, будучи группой лиц (обращаясь к словарному определению, но представляя это не как значение слова), не является он а) группой лиц одной профессии, б) связываемой, не только обычно, с физическим трудом. Так же как объединившихся для совместной работы в) на основе общей ответственности, г) самоуправления, д) долевого участия в доходах. А если что-либо из перечисленного в последних трёх пунктах имеет место, то это для агитколлектива, равно как и имеющегося в сознании представления о нём, не существенно.

Можно пойти, оттолкнувшись от отрицаний, по такому пути: а) если группой лиц не одной профессии, то различных; б) если не физический труд, то какой-то другой (последние три пункта, т.е. (в), (г) и (д), опустим как несущественные). Остаётся неразрешённым вопрос, точнее два вопроса, — важно ли для агитколлектива, равно как и далее представления о нём, то, что лица, его составляющие, являются, могут являться, представителями разных профессий, так же как то, что их труд не физический? При том, что это не противоречит реальному положению вещей.

Если задуматься, не так, чтобы основательно, над тем, что такое, собственно, агитколлектив, то получится, что это не важно. Несмотря на то, что это действительно так, не эти признаки составляют основу имеющихся знаний и затем представлений о нём. Из чего получается, однако не будем давать это как обобщающий вывод, что знания и представления об артели (как обобщающей разбираемое положение концептологической по своему характеру группе) и агитколлективе (как такой же какой-то группе, ещё одной в том же ряду) не симметричны. При известном сходстве, необходимо добавить, их как объектов реальной действительности. Знания об объектах и, далее, обобщающие и не всегда полностью осознаваемые представления о них с ними как таковыми не совпадают.

Отойдём, однако, от философствующих размышлений на данную тему, перейдя к материалу. Для того, чтобы представить агитколлектив как реальный объект, следует обратиться к тому, чем является характерная для него, определяемая как агитационная, деятельность.

Агитколлектив собирается, хотя, может, точнее было бы говорить, набирается из людей, в задачу которых входит необходимость участия в со-

вместно (как правило) осуществляемых действиях, воспринимаемых как информирующие обращения к населению, в задаваемом изначально, что важно добавить, идейном ключе. Существо таких обращений состоит в публичных по своему характеру выступлениях, будь то словесных, музыкальных, танцевальных, театральных и т.п., либо только словесных, перед другими людьми, для этого специально где-нибудь собираемыми либо там уже находящимися (фактор места и времени). Выступления эти, по отношению к собравшимся, как слушателям и зрителям, имеют характер, как уже говорилось, идейно их ориентирующий. И именно это важно и составляет суть разбираемого объекта реальной действительности. Агитколлектив при этом, с одной стороны, имеет состав более или менее постоянный, тех, кто входит в него. С другой стороны, он может, хотя это не обязательная, но свойственная для него черта, с даваемыми и организуемыми (обычно не им) выступлениями передвигаться, производя их по разным местам перед группами населения, объединёнными местом жительства, местом работы, местом расположения (воинской части) и пр.

Все эти знания, концентрируясь, сводятся, подводя к специфичности 'агитколлектива' (но не как объекта реальной действительности в его различных и множественных проявлениях, а как представления о нём) к двум существенным основаниям: а) выступлениям перед другими людьми, которые (выступления) имеют б) идейно ориентирующий характер. При дополнительности (своего рода второго плана), что, впрочем, следует из необходимости реализации пункта а), признака, связываемого с передвижением в пространстве (и времени) от одной, желательной и предположительно многочисленной, группы слушателей и зрителей к другой. И всё это перечисленное составляло бы концептуальную схему искомого, более или менее полного, во всяком случае необходимого и достаточного, о нём представления.

Исходя из сказанного, 'агитколлектив', но не как слово опять же, а как обобщённое представление, за ним и над ним (или, может, под ним?) находящееся, следовало бы определять, в существенных признаках для него, как такое 'объединение людей, которое, не будучи многочисленно, но при этом, будучи (обычно) примарно-равенствующим образом организовано, действует соответствующим способом для осуществления заданной цели'. Под примарно-равенствующим следует понимать наличие руководителя, или старшего, перед которым все остальные более или менее, так же как и по отношению друг к другу, равны. Далее так понимаемый 'агитколлектив' специфичность свою обнаруживает в отношении реализации ('осуществления') компонента 'заданной цели', определяясь характером ('соответствующим способом') ранее упомянутой 'целенаправленно производимой деятельности'. И это была бы, тем самым, подгруппа акционально-финитного (деятельно-целевого) проявления в составе

более общей группы 'совместности сравнительно небольшого в количественном отношении объединения людей'.

В данной подгруппе, общей с другими подобными по показателю акционально-финитного проявления, или *Act(Fin)*, если пользоваться моделирующими обозначениями, 'агитколлектив', в отношении признака *Act*, имел бы проекцией 'выступления перед другими людьми'. В отношении *Fin*, в свою очередь, определением в *Act* входящего, 'идейную (их, этих людей, выступлениями, при их посредстве и помощи) ориентацию'. Находило бы это своё выражение, соответственно, в признаке *Orat* (как правило, 'устные выступления') для *Act* и *Intent* ('идейная ориентация') в отношении *Fin*.

Памятуя о том, что перед нами не слово в его значении, каком-то из них, а представление для сознания, отвлекаясь от 'агитколлектива' как чего-то, в себе и в отношении себя специфичного, следовало бы сказать, что в голове у носителей языка имеется (вне значений различных слов, но реализуемое в словоупотреблениях через них) нечто вроде общей идеи о том, что существуют (и здесь приходится повторить) в реальной действительности такие какие-то 'объединённые группы людей, которые целью своей совместно их объединяющей деятельности полагают идейно ориентирующее воздействие на других, что осуществляется ими в ходе производимых ими словесных, главным образом, выступлений'.

Данное определение следует воспринимать также как определение предметно-понятийной и тематической вместе с тем группы, входящей в большую группу (акционально-финитного проявления при двух других компонентах, примарно-равенствующей организованности и относительно немногочисленной квантитативности), в составе которой рассматриваемый 'агитколлектив', наравне с другими, в ту же общую для них группу входящими, занимает свое для себя характерное место.

Из сказанного следуют два очередных (а точнее, три), существенных для разбираемого предмета, вопроса. Какие ещё представления, способные себя выражать с помощью значений соответствующих слов, относились бы, могли относиться к указанной группе? В чём состояла бы специфичность 'агитколлектива', как собственного, для себя, представления в этом общем ряду? И, как следствие из второго, как это затем отражается либо способно отображаться в значениях и употреблении *агитколлектива* как слова, находя своё выражение в речи и в языке?

Порядок при этом отнюдь не случаен, поскольку сначала в речи, а затем в языке, а в языке, потому что в речи. Впрочем, и это весьма относительно: можно ли в речи что-то произвести, чего нет в языке? Каким бы ни был ответ, положительным ли, отрицательным, видимо, стоит признать, что, при любых обстоятельствах и соотношениях, в речи отображается то, что имеется в представлениях говорящего, независимо от того,

нашло ли, находит ли это своё воплощение в языке или нет. И это будет исходным и наиболее важным для разбираемого нами предмета определением, в соответствующем, необходимо добавить, концептуальном ключе.

К словам, так или иначе отображающим выведенную из 'агитколлектива' концептуальную схему-формулу, предполагающую такое 'целовое проявление в деятельности для какой-либо группы людей, которое выражает себя в выступлениях, прежде всего словесного вида, связанных с идейно ориентирующим воздействием на слушающих', помимо *агитбригады*, *агитпоезда*, *агитпарохода*, *агитавтобуса* и т.п., что являлось бы непосредственным проявлением 'агитколлектива', можно было бы отнести также *секту*. Равно как и что-либо 'сектоподобное', не входя в детали и уточнения. Хотя с неизбежными оговорками, в том отношении, что эта такая идейно-религиозная либо только идейная группа, которая действует (помимо прочего) как своеобразный агитколлектив, по крайней мере в назначенных ею для этого представителях, соответствующим образом обрабатывая с их помощью других людей, непосредственно с нею не связанных. Получается, что имеющееся в сознании представление, за 'агитколлективом' стоящее, нельзя сказать, чтобы не типичное и не распространённое, реализует себя в относительно ограниченном списке лексических, с их значениями, единиц.

Говоря, в свою очередь, о специфичности представлений, связываемых с 'агитколлективом', необходимо их сравнивать с теми, которые проявляют, способны и могут себя проявлять в той же группе. И тогда, если сравнение с *агитпоездом*, *агитпароходом*, *агитавтобусом*, *агитвагоном*, *агитсамолетом*, как с употреблявшимися в недавнем прошлом словами, передающими наиболее близкое представление по отношению к *агитколлективу*, предполагает отличием 'характер передвижения' того же агитколлектива (*агитпоезд* — это 'агитколлектив, передвигающийся на поезде, специально для этого оборудованном и к этому предназначенном', *агитавтобус* — на автобусе, *агитпароход* — на пароходе и пр.), — тогда остаётся сравнить разбираемое представление с теми из ранее обозначенных, которые связываются, так или иначе, с 'агитбригадой' и 'сектой'. Как с такими, которые средством передвижения не обусловлены и с ними в сознании говорящих не связаны. Сопоставление с 'сектой', за неимением места, опустим, что же касается 'агитбригады', то её смысловой и концептуальный характер, при сравнении с 'агитколлективом', к тому же и более близкий ему, чем у 'секты', может быть обозначен следующим образом.

Обратимся для этого к словарям. И тут возникают весьма показательные и любопытные положения. МАС ни *агитколлектива*, ни *агитбригады* как объясняемых слов не содержит. Нет их также и в ТСУ. БТС толкует *агитколлектив* отсылочным образом, не отличая его от *агитбригады*: «**АГИТКОЛЛЕКТИВ**, -а; м. = Агитбрига́да». Словарь Ефремовой, объяс-

няя значение *агитбригады*, слова *агитколлектив* не фиксирует. „Толковый словарь русского языка конца XX века” слова эти не определяет (равно как и слова той же с ними тематической группы, из них дано только одно — *агитпункт*). То ли по причине того, что на их материале не отмечается „Языковых изменений” (вторая часть названия данного словаря). То ли по причине их неактуальности для языкового сознания. То ли в силу неясности тех процессов для них, которые достаточно ярко себя обнаружили на примерах других единиц. При этом, что показательно, его продолжающий в известном смысле „Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика” объясняет, но уже постсоветские, употребления таких единиц, как *агитавтобус*, та же *агитбригада*, *агитпоезд* и не входящие в избранный нами объектно-тематический круг (*агиткампания*, *агитматериалы*, *агитплакат*, *агитпоездка*, *агитпроп*, *агитпропаганда*, *агитпункт*), укладывая всё это в их значениях в агитационно-предвыборные, а не идейно-ориентирующие, как в советское время, мероприятия. *Агитколлектива* и этот словарь не содержит.

Обе рассматриваемые лексемы (*агитколлектив* и *агитбригада*) в интересующих нас значениях с толкованиями, их различающими, можно найти в „Толковом словаре языка Совдепии”.

Из отмеченного можно сделать несколько выводов. Во-первых, то, что 'агитбригада' для языкового сознания получилась более выразительной и очевидной, чем 'агитколлектив'. Возникает тогда вопрос, с чем это может быть связано.

Во-вторых, и то и другое по каким-то причинам, которые трудно усматривать как непосредственно идеологические, в словарях советского времени (ТСУ и МАС) оказались не отражены. Возможно, что их отсутствие в толковых словарях литературного языка было вызвано тем, что, с точки зрения составителей, слова эти как слова не представляли особого интереса в силу, может быть, их очевидности, а может, подхода к ним как к специфическим и потому в употреблении ограниченным (областью агитации и пропаганды). Поскольку трудно было бы говорить об их малоупотребительности в советское время.

Не исключено также то, что слишком большое обилие слов подобного рода в словарях могло бы вызвать несоответствующую реакцию со стороны тех, кто к ним обращается. И потому переизбыток их, связываясь с представлением об их тематической специфичности, возможно также сиюмоментности при смысловой очевидности, предполагал стремление такие слова не фиксировать и в толковых словарях не особенно отображать. Подобное наблюдение касалось бы целого ряда слишком идейно заряженных слов, получивших в дальнейшем (наряду с другими) определение советизмов, которые, не отражаясь последовательно в словарях советского времени, нашли своё описание, например, в «Толковом словаре

русского языка XX века», с пометой выхода из активного употребления в пассив. В первую очередь, как свидетельства отошедшей эпохи, оказавшей воздействие на развитие языка.

И, наконец, и это было бы в-третьих, получается, что 'агитколлектив', существуя в общем сознании в виде, в первую очередь, 'агитбригады', вследствие не случайно отображаемого тождества ей (в БТС) либо отсутствия при её отражении (в словаре Ефремовой), оказался, в своей для себя самого специфичности, по каким-то причинам неуловим.

В стремлении разобраться с этим вопросом, связанным напрямую с тем, что было отмечено ранее для «во-первых», обратимся к тому, как объясняются то и другое слово в словаре, где оба отображены («Толковый словарь языка Совдепии»), равно как затем и далее, через сравнение, в БТС и словаре Ефремовой (применительно на сей раз к *агитбригаде*).

Агитколлектив, в этом первом из трёх перечисленных словарей, даётся в двух для него возможных значениях: «1. Коллектив агитаторов, создаваемый при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии. МСЭ, т. 1, 25». С таким иллюстративным примером: «*Руководитель агитколлектива тов. Андреев проводит личный инструктаж агитаторов*. Агитатор, 1959, № 19. + Протченко⁶, 1975, 123». Шрифт источника (курсив для толкований значений, прямой для примеров, полужирный для цифр порядка значений) нами был изменён ради единообразия с цитатами из других словарей. И «2. То же, что **агитбригада**. Агитбригада, вар.[иант] агитколлектив. Чернявская⁷, 37. + ССРЛЯ, т. 1, 80». Получается, что в первом своём значении *агитколлектив* не вполне то же самое, что *агитбригада*, в то время как во втором он с ней совпадает.

Небезынтересным в этой цитате видится то, что толкование *агитколлектива* в первом, и различающем его от *агитбригады*, значении даётся со ссылкой на МСЭ (Малую советскую энциклопедию, 1958 г., I т., 3-е изд.). Указывается также при этом источник собственно лингвистический (+ Иван Фёдорович Протченко). БСЭ (Большая советская энциклопедия) 2-го издания (1949 г.), имея в своих объяснениях *агитпоезд* и *агитсамолет*, ни *агитбригады*, ни *агитколлектива* как самостоятельных словарных статей не содержит. Нет *агитколлектива* и в БСЭ 3-го издания (1969 г.), в то время как слово *агитбригада* имеется.

Из чего получается, что для языкового сознания *агитколлектив*, как слово и как ему соответствующее представление, будучи специфическим в первом (и основном) своём понимании, оказывается не вполне очевид-

⁶ И.Ф. Протченко: *Лексика и словообразование советской эпохи*. Москва 1975.

⁷ Т.Н. Чернявская: *Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь*. Москва 1984.

ным. Поскольку, отображаясь, хотя непоследовательно, в источниках энциклопедических и лингвистических, т.е. специальных, не отмечается по словарям, определяемым как толковые. При том, что отождествляется, через значение, даваемое как второе, с всё той же *агитбригадой*, представляясь также, по лингвострановедческому словарю 1984 г. (Татьяна Николаевна Чернявская), как её вариант. Что само по себе не случайно, ибо лингвострановедческий, или лингвокультурный, аспект предполагает, в первую очередь, отображение слов, составляющих специфику данной страны и культуры.

К представлению 'агитколлектива' необходимо также добавить то, что следует из примера, приводимого к толкованию первого значения *агитколлектива* как слова. Агитколлектив (как реальный объект, но это должно найти своё отражение и в представлении о нём) имеет руководителя (выделявшийся ранее признак примарности в отношении организованности), в задачу которого, т.е. руководителя, в частности, входит необходимость организации и проведения личного инструктажа. Напомним этот пример: *Руководитель агитколлектива тов. Андреев проводит личный инструктаж агитаторов*. Важно при этом, что личного, иными словами, в том числе, и отдельно с каждым из входящих в коллектив агитаторов.

Прежде чем постараться выяснить тот не совсем обычный вопрос, который связан с отсутствием либо, точнее, неочевидностью 'агитколлектива' в его специфичности для языкового сознания, по сравнению, скажем, с всё той же 'агитбригадой', рассмотрим её толкование как слова с его значением.

Цитируемый „Толковый словарь языка Совдепии” содержит одно объяснение (*агитбригады*): «Небольшой передвижной самостоятельный или профессиональный концертный коллектив, репертуар которого строится на злободневном материале». Приводимые в словарной статье примеры иллюстрируют обычные её разновидности: «*Выступление студенческой агитбригады*. ССРЛЯ⁸, т. 1, 80» (подчёркнуто мною — П.Ч.); отмеченную для 'агитколлектива' примарную организованность: «*Подвиг захваченного в плен белоказаками комиссара агитбригады*. Окт. рев. в сов. прозе, 5»; а также её передвижной характер: «*Я с агитбригадой отправился в Дзукую*. ДН [Дружба народов], 1979, № 1».

БТС толкует значение всё той же *агитбригады* более обобщённо, с указанием на то, что это слово было характерно для советского времени. «В СССР: небольшой самостоятельный или профессиональный коллектив, занимающийся агитационной и культурно-просветительской работой среди населения». Нет представления о том, что передвижной, что концертный, не говорится также о характере предполагаемого репертуара.

⁸ Словарь современного русского литературного языка. В 20 томах. Москва 1991—1992.

И, соответственно, как уже отмечалось, отсылочно: «**АГИТКОЛЛЕКТИВ**, -а; м. = Агитбригада».

Словарь Ефремовой определяет *агитбригаду* также в одном значении: «Небольшой, обычно передвижной, самодеятельный или профессиональный концертный коллектив, репертуар которого строился на остросовременном, злободневном материале (в СССР)». По сравнению с приведённым определением в словаре Совдепии вводятся два уточнения. То, что это коллектив «обычно» передвижной, и то, что материал репертуара был «остросовременным».

Упомянутая ранее БСЭ 3-го изд. (1969 г.), в свою очередь, сообщает о том, что *агитбригада* — это агитколлектив, агиттеатр, определяя этот коллектив не как концертный, а как театральный, уточняя также то, что выступления агитбригады предполагали распространение передового опыта.

Из чего получается, что агитбригада — это не что иное, как театральный коллектив, самодеятельный либо профессиональный, агитационной направленности, предполагающий также обычную для него возможность перемещения, с тем чтобы давать свои запланированные и организуемые выступления для различных групп населения, по месту жительства либо месту работы.

Тем самым, выходит, что агитбригада — это не что иное, как агитколлектив, точнее, какая-то его разновидность, поскольку понятие агитколлектива шире понятия агитбригады. Для выяснения соотношения между ними необходимо вернуться к определению *агитколлектива* по „Толковому словарю языка Совдепии“ со ссылкой на МСЭ в его первом значении. Согласно этому определению, *агитколлектив* — это «Коллектив агитаторов, создаваемый при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии».

Агитбригада тогда — такой «коллектив агитаторов», который, будучи создан «при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии», представляет собой «небольшой передвижной самодеятельный или профессиональный концертный (театральный) коллектив, репертуар которого строится на злободневном (и остросовременном) материале». В задачу планируемых и организуемых выступлений данного коллектива входит также распространение передового опыта среди населения.

В данном соотношении стоит обратить внимание на три существенных обстоятельства. Прежде всего, на то, что, если агитколлектив представляет собой коллектив агитаторов, то агитбригада уже не обязательно. При общей агитационной направленности выступлений в её состав могли входить не одни только агитаторы и не непременно они. Будучи самодеятельным или профессиональным концертно-театральным коллекти-

вом, она включала в свой состав неизбежно тех, кто способен к выступлениям подобного рода, а это, в первую очередь, самодеятельные либо профессиональные актёры, певцы, музыканты, чтецы и т.п. Следовательно, не агитаторы в прямом понимании этого слова, специально для этого подготовленные, т.е. знающие и ориентированные на агитацию, а не на театральные-концертные выступления перед публикой.

Следующее соображение предполагает то, что понятие агитколлектива связано, в первую очередь, с тем, что он создаётся при первичной партийной организации для проведения агитационной работы среди населения и в армии. В то время как агитбригада, хотя по существу своему тоже так создается (трудно себе представить иной какой-нибудь вариант, без участия, пусть не первичной, но всё же партийной организации), воспринимается несколько по-другому. Для понимания её и представления о ней данное положение не столь важно и общим сознанием не фиксируется, что не находит также своего отражения и в определении слова.

В то время как важно и общим сознанием фиксируется, в первую очередь, то (и это было бы третье, как следствие из второго), что агитбригада — это коллектив выступающих перед публикой с концертами и театральными постановками, как правило и обычно, передвижной и с соответствующим актуальному политическому и общественному положению репертуаром. Что об агитколлективе, если он не тождествен агитбригаде, трудно бы было сказать. В его обязанности и задачи входит другое: проведение агитационной работы как таковой, далеко при этом не обязательно в виде концертов и постановок.

На основе сопоставления того и другого приходим к выводам, во-первых, о том, что для языкового и не только языкового сознания агитбригада — явление живое, понятное и осязаемое, поскольку наглядно воспринимаемое и в своей деятельности вполне очевидное. Приезжают артисты, показывают, рассказывают, поют, развлекают, смешат. Всё это остро, жизненно и современно.

В то время как агитколлектив, и это было бы во-вторых (если это не то же самое, что агитбригада), в своих проявлениях не столь очевиден. Агитационная работа кем-то проводится, это понятно. Но то, что за этой работой стоит коллектив, и не просто, а агитаторов, т.е., в общем-то, профессионалов, а если нет, то прошедших соответствующую подготовку и инструктаж, хотя и понятно в целом, для общего восприятия не активно и мало существенно. К тому же требует дополнительных размышлений по данному поводу — кто, что, для чего, зачем, что за этим должно стоять. В частности, то, что этот коллектив создаётся при первичной партийной организации для соответствующих целей.

Поскольку все это прямо и непосредственно не воспринимается (в отличие от агитбригады с её выступлениями), представляя к тому же сво-

его рода организационную кухню, не имеющим к этому отношения мало чем и кому интересную, не вникая и не погружаясь в неё и при этом видя перед глазами агитбригаду как такой вот непосредственно себя проявляющий агитколлектив, общее, не только языковое, сознание агитколлектив понимает через агитбригаду, минуя в своих представлениях его самого.

Из чего получается, что первое, основное, значение слова для *агитколлектива* толковыми словарями не определяется (сохраняясь в специальной литературе и в энциклопедиях, хотя не во всех). В то время как второе, последующее и даваемое как единственное, отождествляется с *агитбригадой*, являющейся разновидностью агитколлектива по своему существу.

Описанное явление, связываемое с сужением исходного либо действительного представления об объектах (впрочем, не только о них), с отсечением либо забвением, вытеснением, нейтрализацией, отхождением на второй план, в пассив либо в сферу специального, каких-то важных первоначально, поскольку определяющих, признаков, можно считать вполне характерным для языкового, и не только языкового, сознания носителей характеризуемой ментальной культуры. Вполне вероятно также, не только для них.

Небезынтересной также, в связи со сказанным, была бы одна обнаружившая себя особенность. Не то, чтобы неожиданная, однако для понимания действия не только языкового сознания показательная. При том, что слово *агитбригада* по толковым словарям последнего времени (БТС и Ефремовой) объясняется как называющее явление, характерное для советской эпохи, фактически без изменений в значении оно продолжает использоваться также и в современных текстах начала XXI века. На это указывают примеры, нашедшие своё отражение в газетном корпусе русского языка. По крайней мере, 5 из открывшихся 24-х можно было бы соотнести с современными словоупотреблениями⁹. В то же самое время 13 из основного корпуса, а также 19 из того же газетного представляют собой либо примеры советского времени, либо присутствуют в воспоминаниях о нём.

Приспособленность значения слова к несоветским, или постсоветским, условиям (трудно сказать, что бы было уместнее в данном случае) можно усматривать, исходя из контекстов, разве что в более свободном от идеологических ориентиров и непосредственно агитационных в политическом смысле задач осуществляемых агитбригадами выступлений. Что, впрочем, вряд ли можно рассматривать как изменение в семантике слова. Поскольку то, что, как уже говорилось, *агитбригаду* следует понимать как «небольшой передвижной самодеятельный или профессиональный концертный

⁹ Опуская их рассмотрение, что значительно увело бы в сторону, отсылаем интересующегося читателя к материалам газетного корпуса.

(театральный) коллектив, репертуар которого строится на злободневном (и остросовременном) материале», остаётся без изменений.

В связи с чем показательным следовало бы считать адаптацию слова *агитбригада* к постсоветскому времени (при отсутствии таковой у *агитколлектива*), отмечаемую Словарём начала XXI века (2008 г.). Воспринимать ли это как актуализацию либо возврат из пассива, оставим без рассмотрения. *Агитбригада* в указанном словаре толкуется следующим образом (без отнесения к советскому времени, как в БТС и словаре Ефремовой, оба 2000 г., т.е. как современное слово): «Сокр. Агитационная бригада (группа людей, проводящая агитацию профессионально или на общественных началах)». При этом сама *агитация*, как это следует из объяснения данного слова, может иметь различный характер: «*Политическая агитация. Предвыборная агитация. Телевизионная агитация. ... Агитация избирателей. Агитация за партию. Агитация в пользу кандидата. Агитация против курения*». А также «*Экологические агитбригады. Школьная агитбригада. Конкурс агитбригад*», сохраняя первоначальной идею «*Выступления агитбригады*» и того, что это может происходить «*...на концерте, где выступает агитбригада...*».

В отношении *агитколлектива* оснований к наблюдениям подобного рода ни данный словарь, ни национальный корпус не предполагает. Все примеры в нём с этим словом относятся к советскому времени либо представляют собой воспоминания о нём. При этом их 9, и в основном только корпусе, в газетном (современном во многом) отсутствуют, что значительно меньше по сравнению с 37 общим числом по двум корпусам (плюс 1 в устном, из кинофильма) у *агитбригады*. И это служит ещё одним показателем актуальности, в том числе продолжающейся, 'агитбригады' не только как слова, но и как представления для сознания, при неактуальности и уходе в пассив (в советское время в специальную сферу) 'агитколлектива'.

Возвращаясь к мысли о стоящем за всем этим представлением о существовании в реальной действительности 'организуемых групп людей, цель деятельности которых состоит в (идейно) ориентирующем воздействии на других, что осуществляется ими в ходе производимых ими словесных, главным образом, выступлений', что определило себя в отмеченных ранее признаках, — следовало бы обратить внимание на два существенных обстоятельства, о которых, впрочем, отчасти уже говорилось.

Во-первых, на существующий семантический потенциал охарактеризованного представления (как показывают не рассмотренные нами примеры из корпуса, не обнаруживший в приводимых им словоупотреблениях), способный к реализациям не только в прямых и первых значениях слов, но и в переносных, разговорных, индивидуальных. И, во-вторых (что не то, чтобы связывалось с тем, что «во-первых», но представляло бы общее

действие с ним всё того же не только языкового сознания), — на то, каким образом, в чём, в каких проявлениях и словах, представление это (равно как любое другое) имеет возможность, себя обнаруживая, реализовать.

От чего оттолкнувшись, не то, чтобы прямо и не как следствие, но взаимосвязано с этим, следовало бы, переходя, говорить о концептуальной подгруппе. Общей с представлениями об 'агитколлективе-агитбригаде' (в данном месте их можно объединить), а также о чём-то подобном другом. О той подгруппе, которая входит в более общую концептуальную группу, совместную с отмеченной перед этим 'артелью'. По объединяющему для всей этой группы основанию в признаках акциональной финитности *Act(Fin)*, переходящему в этих признаках для подгруппы с 'агитколлективом-бригадой' к проекции в виде *Orat(Intent)*: акционально-финитного проявления в 'словесных (по преимуществу) идейно-ориентирующих выступлениях'.

Касаясь сказанного в отношении имеющегося семантического потенциала, ничто не мешает предположить использования слов *агитбригада* и *агитколлектив* в таких переносных значениях, при которых указанное перед тем представление могло бы опираться не столько на признаках словесно-ориентирующих выступлений и примарно-равенствующей организованности, сколько на чём-то другом.

Нечто подобное можно было бы наблюдать в примерах переносных значений и употреблений с *артелью*, при которых характер производимой деятельности оказывается неважным, продолжая связываться с обозначением относительно небольшой в количественном отношении группы лиц. Ср. не вполне современное на примере из МАС при 3-м значении употребление: «**3. Прост.** Группа, небольшая толпа собравшихся вместе или идущих вместе людей. *Глубоко внизу густой массой шевелился народ, и из этой гущи длинной вереницей ползли вверх по шпалам целые артели и одинокие фигуры.* Гладков, Цемент». (Подчёркнуто мною — П.Ч.) Или из ТСУ: «**2. перен.** Множество, толпа, ватага (разг., редко). *Ходить целой артелью.*». То же находим у Владимира Ивановича Даля: «|| Ватага, арава, шайка, толпа, скопъ, куча народа: *Народъ по улицамъ артелями бродить. Зимой волки артелями рыщутъ.*». Важно при этом то, что отмечено в МАС как 'небольшая толпа', 'собравшихся вместе', 'идущих вместе'. В приводимых примерах совместно производимое подобной группой передвижение в известном смысле можно воспринимать как проекцию признака акциональной финитности *Act(Fin)* (либо его замещение).

В свою очередь, *агитбригадой* можно бы было, для примера, переносно назвать небольшую группу, прежде всего, молодёжи или подростков, которые, собираясь вместе, что-либо вместе осуществляют. Не обязательно организованным при наличии старшего способом, возможно при этом, более или менее постоянно. Хотя и это не обязательно, такую группу

можно так обозвать, увидев в данный момент непосредственно в данном месте. Скажем, играют, поют, веселятся, пьют либо просто, ничего такого не делая, вместе сидят. *Собрались тут агитбригадой своей, понимаешь ли. А чем занимаются, не поймешь. Или: Где он? Спрашиваешь! Опять, небось, с этой агитбригадой своей где-нибудь шляется. Либо такой возможный пример: — Мы тут с ребятами вечер организуем, придёшь? — Да нет, не по пути мне с этой вашей агитбригадой, не вписываюсь я в вашу компанию. Как-нибудь уж без меня.*

Приведённые наугад примеры, относясь к разговорной речи, предполагают переносным обозначением то, что можно бы было назвать *компанией*, т.е. более или менее сложившуюся для совместного времяпрепровождения группу молодых людей или подростков (последние два) либо просто где-то в данный момент собравшуюся, не обязательно постоянную (как в первом примере). Отличительным признаком в данном случае было бы то, что это, помимо 'относительно небольшого в количественном отношении числа', предпочтительно, если не главным образом, 'молодёжная либо подростковая группа вместе собравшихся для совместного времяпрепровождения лиц', как организованного, так и нет, которую говорящий, и это было бы основным, воспринимает как 'некую целостность', значимую для обозначения.

Молодёжный признак при этом также может быть не обязателен, но, возможно, подразумеваясь, способен обыгрываться. Скажем, в таком примере: — *Что, опять своей агитбригадой на картошку в колхоз отправляетесь?* (о сотрудниках по работе). Или, также о них: — *Соберутся в какой-нибудь комнате агитбригадой и, пока все косточки начальству не перемоют, не успокоятся. Либо не о сотрудниках, а о знакомых: — Что это у вас тут за агитбригада на кухне собралась? Чаи гоняем, а не поём. Нет бы пить да закусывать. Поставить, что ль, некому?*

Объединяющим признаком, исходя из того, что во всех этих случаях *агитбригада* представляет собой синоним *компании*, было бы, опуская возможный, но не обязательный, хотя способный обыгрываться, признак молодёжности-подростковости, было бы представление (что было бы его следствием) о несерьёзности, необременённости, свободе от целенаправленной занятости собравшихся, собирающихся где-либо вместе людей, проводящих время в беззаботно празднующем расположении.

И тогда, исходя из сказанного, можно бы было утверждать, что для сознания 'агитбригада' в составе своих участников связывается не столько с агитационной направленностью осуществляемой ими деятельности, сколько с тем, что это 'молодые, главным образом, люди, занимающиеся не слишком серьёзным, поскольку развлекательно-увеселительным, делом, дополнительно их в таком беззаботно-пустом проведении времени объединяющим'.

Говоря о группе, совместной с 'артелью', выделенный для 'агитбригады' признак *Orat(Intent)* ('устных выступлений идейно ориентирующей направленности'), представляющий собой проявление акциональной финитности *Act(Fin)*, при таком переносе мог бы в известном, но при этом существенном смысле служить его переворачиваемым отрицанием. По принципу наоборот, как раз не то и напротив, в своей бесцельной своего рода неакциональности: */Un/Act(UnFin)*. Основанием к этому было бы закреплённое в языковом и не только языковом сознании представление об агитбригаде как «развлекающем» коллективе артистов, приезжающих со своими концертными, театральными, цирковыми и прочими выступлениями, песнями, плясками, сатирическими стихами и пр. на остросюжетные темы.

В свою очередь, 'агитколлектив', при подобного рода словоупотреблениях, мог бы предполагать больший, по сравнению с 'агитбригадой', акцент на сплочённость собравшихся либо какую-то группу, совместно себя объявляющую. При неважности признака молодёжности и подростковости, способного быть и не быть, а также характера производимой деятельности. При выраженности своего рода прокламируемой, подчёркиваемой, на основе сплочённости, организованной либо случившейся, хотя неясной и не указываемой, целенаправленности.

В подобного рода переносных словоупотреблениях как представление 'агитколлектив' можно было бы описать в виде 'группы людей, держащихся вместе (собравшись где-нибудь либо вообще), которых при этом может или должно что-то объединять, достаточным выражением чего была бы их организующая сплочённость'.

Синонимом в этом случае было бы не слово *компания*, как для *агитбригады*, а *коллектив* (равно как переносно *бригада* для *агитбригады*), смысловое отличие от которого усматривалось бы в целенаправленной ангажированности, в более «плотном» и тесном составе участников в этой связи, чем-то общим заряженным, что их сплачивает. И при этом таким основанием не является общая профессиональная либо учебная занятость (как для *коллектива*). Это, скорее и в первую очередь, нечто одновременно и добровольное, и необязательное, возможно также случайное: *О, да тут у вас, я вижу, прям тесный агитколлектив собрался. Или: Что, опять пойдёте на это мероприятие сложившимся агитколлективом? — Ты уж меня извини, но мне с вашим сложившимся агитколлективом не по пути. Не клеюсь я к вам.* В этих случаях важными видятся определители *тесный*, *сложившийся* и возможные им подобия.

Говоря о синонимах, можно бы было отметить вполне допустимую вероятность переносного взаимозаменяемого использования в разговорной речи перечисленных слов в таких оборотах, как *пойти куда-либо (организоваться, собраться, отправиться, сделать что-либо) всей артелью (бри-*

гадой, агитбригадой, всем коллективом, агитколлективом). Предполагали бы все эти употребления общим значением то, что описывается в словарях как 'всем вместе, совместно, сообща, коллективно'.

При этом, что видится важным, за каждым подобного рода словоупотреблением стоит себя выражающее субъективное отношение говорящего к обозначаемому им объекту реальной действительности, которое следует из имеющегося в его сознании представления об 'артели', 'бригаде', 'агитбригаде', 'коллективе', 'агитколлективе' и пр. За этими представлениями, каждым в их ощущаемой отдельности, стоит вместе с тем и то общее, что объединяет их в большее представление — о 'группе людей в не слишком значительном их числе, совместно себя проявляющих, собираясь либо собравшись, в какой-либо деятельности'. Представление, которое, распадаясь далее на последующих уровнях уточнения, оборачивается то тем, то другим, сопровождаясь к тому же своими коннотативными признаками.

Из всего сказанного неизбежно приходим к выводам о не прямом, далеко не прямом, соотношении того, что имеется как представление (представления) в сознании, с тем, что способно себя выражать, передаваясь в значениях слов, как прямых, так и переносных употреблений. Некое общее представление, в свою очередь (условно общее, поскольку имеющееся и существующее само по себе), способно также соотноситься и распадаться, при уточнении признаков, на другие, также в сознании имеющиеся, но не в отдельностях, а в ощущаемой связи с другими.

Из чего получалось бы, что за всем тем, о чём говорилось в отношении концептуальной группы, совместной с 'артелью', стоит, с одной стороны, представление о существовании в реальной действительности 'относительно немногочисленных объединений людей, занятых в какой-либо (профессиональной) деятельности, что, как правило, предполагает организованность их с кем-то одним во главе'. В то же самое время с другой, имеется в том же сознании представление, которое также, но при смещении в переносные употребления (для той же группы с 'артелью'), связывается с проявлениями в реальной действительности того, что 'какие-то совокупности, множества, объединения людей способны действовать и нередко действуют либо не обязательно действуют, а пребывают где-то, как-то и для чего-то, совместно'.

Эти общие представления, существующие и имеющиеся в сознании как отдельности, далее уточняются и распадаются на представления, их составляющие, с ними связанные, в них входящие и к ним относящиеся, которые, в свою очередь, распадаясь и уточняясь, способны иметь такие же их составляющие, в них входящие и к ним относящиеся представления. Всё это в своем действии и в парадигматической, виртуальной по своему устройству, совокупности имеет и не имеет вместе с тем отношение к выражающим, передающим их в своих значениях и употреблениях, словам.

Точнее было бы говорить в данном случае об асимметрии языкового знака, в его означаемом (для представления) и означающем (для значения слова). При той существенной оговорке, что наличие и виртуально-парадигматическое существование представлений в сознании следует воспринимать и определять при этом отдельно, вне семантики передающих их далее и к тому же асимметрично слов. Вне связи с отношением означаемого и его означающего, поскольку, как представляется, это отдельный, от языка, но не сознания, в употреблении себя обнаруживающий аспект.

Тем самым, если в основе указанной как концептуальная группы с 'артелью' лежит перед этим отмеченное представление об 'относительно немногочисленных объединениях людей, занятых в какой-либо (профессиональной) деятельности, что, как правило, предполагает организованность их с кем-то одним во главе', то в подгруппе с 'агитбригадой-агитколлективом' дополнительно будет представлено то, что это объединение занято в своей деятельности, будь то профессионально, будь то самодеятельно, 'идейно ориентирующим воздействием на других'. Это последнее может предполагать 'театрально-концертный характер' (для 'агитбригады' с другими подобными ей). Но может и не предполагать. Отвлекаясь от слов с их значениями и обращаясь к тому, чем это способно быть в реальной действительности (обозначаясь все же, что неизбежно, с помощью слов), с опорой на представления языкового и не только языкового сознания, допустимым видится выведение и описание как отдельных групп и подгрупп, так и некоего концептуального целого. При этом не то, чтобы вид и характер, но осязаемое внутреннее устройство данного целого, воспринимаясь как парадигматическое, можно видеть в последовательно уровнемом, с уточнениями выявляемых признаков, виртуальном расположении. Иллюстрацией подобного отношения, на примере 'агитколлектива' с 'агитбригадой', и послужило, отчасти, произведённое сопоставление двух не столько слов с их значениями, сколько стоящих за ними не вполне отошедших в прошлое представлений (адаптированных к современности, как показал материал), следующих из имевших, а также имеющих место быть объектов реальной действительности.

Цитируемые словари

Большой толковый словарь русского языка. (БТС) Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000.

В.И. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка.* В четырех томах. Москва 2000.

- Т.Ф. Ефремова: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Т. 1—2. Москва 2000.
- В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина: *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург 1998.
- Словарь русского языка в 4-х томах*. (МАС) Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. Москва, 1981—1984.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Под ред. Г.Н. Складчиковой. Санкт-Петербург 1998.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. Под ред. Г.Н. Складчиковой. Москва 2008.
- Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д.Н. Ушакова. (ТСУ) Т. I—IV. Москва 1934—1940.

Piotr Czerwiński

Практика słownikowa i akcenty świadomości językowej
(na podstawie dwóch jednostek leksykalnych języka niezupełnie współczesnego)

Streszczenie

Na przykładzie dwu nieprzypadkowo wybranych słów (*агитколектив* i *агитбригада*) omawiane są procesy przekazu oraz odzwierciedlenia w słownikach objaśniających ery sowieckiej i postsowieckiej zjawisk związanych z relacją leksyka — świadomość językowa. Omawia się także to, co i jak może być w nich przekazywane, uwzględniając istniejące — obecnie czy w przeszłości — wyobrażenia na temat obiektów realnej rzeczywistości. Wspomniane leksemy są określane przede wszystkim jako sposób ich wyrazu jednocześnie uwarunkowany wiedzą o odpowiednich obiektach realnej rzeczywistości. Poruszane kwestie przy takim podejściu zakładają możliwość określenia wzajemnego oddziaływania — z jednej strony — konceptualnych jednostek językowych, z drugiej zaś — ich wpływu (lub jego braku) na charakter praktyki leksykograficznej z uwzględnieniem zachodzących w języku i świadomości zmian. Przeprowadzona analiza, zakładająca porównanie z innymi podobnymi jednostkami, uwzględnia przejście na poziom paradygmatyczny, tj. systemowy, opisu z wyłonieniem możliwych konceptualnych grup i podgrup. Owe grupy mogą z kolei ulegać bądź nie ulegać werbalizacji w postaci utartych jednostek, w tym i przede wszystkim leksykalnych.

Słowa kluczowe: leksyka, świadomość językowa, słownictwo, znaczenia leksykalne, leksykografia

Piotr Czerwiński

The vocabulary practice and emphases on the language consciousness
(based on two lexical items of not brand new language)

Summary

The article deals with the transfer and the expressions of the phenomena connected with the *lexis* — *language consciousness* relation which is presented in the explanatory dictionaries of the Soviet and post-Soviet eras. The problem is based upon two words not accidentally chosen (*азимколлектив* and *азимбрузада*). The paper also focuses on *what* and *how* it is presented in those dictionaries taking into consideration the fact that the past and present images of objects in pure reality. The lexems in question are shown mainly as a way of their expressions at the same time being determined by the knowledge of proper objects in pure reality. This approach to these problems assumes that it is possible to determine mutual relation — on one hand — of the conceptual language units — and on the other hand — their influence (or the lack of this influence) on the character of the lexicographic practice taking into consideration the changes which take place in the language and in the language consciousness. The analysis that has been carried out assumes the comparison with the other similar units. This analysis also makes it possible to reach the paradigmatic level (the systemic one) of the description with the possible conceptual groups and sub-groups. Those groups may and may not in turn be verbalized mainly as the common lexical units.

Key words: vocabulary, linguistic mentality, lexems, word-meanings, lexicography

Дорота Глушак

Университет Марии Кюри-Склодовской

Конте у монсира, монсир с контом —
о морфологической адаптации заимствованных
существительных в языке «Курантов» XVII века*

Языковые заимствования представляют богатый материал для исследований, а особо интересным следует признать сам процесс вхождения новых слов в язык-реципиент. Слова, попавшие в русский язык из других языковых групп, приспосабливаются к новой системе. Иноязычные лексемы или в какой-то степени сохраняют, или полностью теряют следы нерусского происхождения. В настоящей статье попытаемся проследить процесс адаптации и «поведение» французских заимствований — имён существительных — в русском языке первого семидесятилетия XVII века.

Материал, являющийся предметом анализа, извлечён из «Вестей-Курантов», рукописи которых возникли в 1600—1670 гг. (т.е. все эти тексты принадлежат к допетровскому и, следовательно, к допечатному периоду)¹. Тексты, в основном, — это переводы зарубежных известий, иноязычных брошюр и газет того времени. «Куранты» выпускались в связи с важнейшими событиями, например, военными действиями, сражениями, крупнейшими политическими делами. Нередко в них описывались также интересные явления природы. Некоторые тексты являются переводами вестей с сеймов, земских собраний, пересказами статей государственных и международных договоров. Учитывая жанровые особенности, тексты можно охарактеризовать как первые опыты публицистических жанров. Рукопис-

* Druk publikacji został sfinansowany przez Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie w ramach grantu Wydziału Humanistycznego.

¹ «Вести» стали печатать с начала XVIII века, т.е. в эпоху правления Петра I, ср. <http://rusidea.org/?a=25122904> [дата обращения: 4.09.2018].

ные «Куранты» в конце XX — начале XXI вв. были подготовлены к изданиям коллективом русских лингвистов. До сих пор вышли шесть томов «Вестей-Курантов»².

Морфологическая адаптация заключается в приспособлении заимствований к грамматической системе языка-реципиента. Слово классифицируется как определённая часть речи и приобретает характерные для данного класса грамматические категории. В случае имён существительных среди обязательных средств морфологического оформления следует назвать род, число и падеж.

Адаптация иноязычных существительных на морфологическом уровне проявляется быстрее всего в склонении. Слова, которые не вполне ассимилировались в фонетическом плане (отмечаются варианты в произношении иноязычных слов или же они сохраняют иноязычное звучание), в русском языке могут регулярно изменяться по падежам³. Эта закономерность находит подтверждение в исследованиях Елены Биржаковой, Лидии Войновой и Лидии Кутиной — авторы отмечают, что процесс грамматической адаптации заимствованной лексики протекает более быстрыми темпами по сравнению с её звуковым освоением⁴.

В статье внимание сосредоточено на заимствованиях из французского языка⁵. Исследование состоит из двух основных частей: в первой из них внимание уделяется субституциям флексий и финалей иноязычных слов и связанной с этим реализацией категории рода существительных, а во второй части рассматриваются склоняемость и несклоняемость заимствований.

² Опубликованы следующие издания: *Вести-Куранты 1600—1639 гг.* Ред. С.И. Котков, издание подготовили: Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина. Москва 1972; *Вести-Куранты 1642—1644 гг.* Ред. С.И. Котков, изд. подгот.: Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина. Москва 1976; *Вести-Куранты 1645—1646, 1648 гг.* Ред. С.И. Котков, изд. подгот.: Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов. Москва 1980; *Вести-Куранты 1648—1650 гг.* Ред. С.И. Котков, изд. подгот.: В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина. Москва 1983; *Вести-Куранты 1651—1652, 1654—1656, 1658—1660 гг.* Ред. В.П. Вомперский, изд. подгот.: В.Г. Демьянов. Москва 1996; *Вести-Куранты 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг.* Ред. А.М. Молдован, И. Майер, изд. подгот.: В.Г. Демьянов. Москва 2009.

³ Ср. К. Luciński: *Anglicyzmy w języku polskim i rosyjskim*. Kielce 2000, с. 74.

⁴ См. Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина: *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград 1972, с. 239—240.

⁵ Происхождение слов определено по этимологическим словарям русского языка: *Большой этимологический словарь русского языка*. Сост. М.В. Климова. Москва 2013; *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Ред. Н.Ю. Шведова. Москва 2007; *Толковый словарь русского языка*, т. 1—4. Ред. Д.Н. Ушаков. Москва 1996; С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова: *Толковый словарь русского языка*. Москва 1995; М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*, т. 1—4. Москва 1986.

1. Субституции флексий и финалей

Реализация категории рода

Субституции представлены по схеме язык-донор — язык-реципиент. Символ «с» обозначает любой согласный. Ниже приводятся примеры, не вызывающие сомнений в оформлении флексий и финалей.

-с⁶ > -с

фр. *maréchal* > марешаль В-К⁷ V, с. 80; фр. *cardinal* > кардинал В-К I, с. 46; фр. *caporal* (ст. *corporal*) > карпарал В-К I, с. 142, корпорал⁸ (И члвѣкъ корпоралов В-К III, с. 189); фр. *banquet* > банкетъ В-К IV, с. 167; фр. *ballet* > балет В-К IV, с. 159;

-с > -с/-са

фр. *duc* > дук де Лонгвиле В-К I, с. 191 и дука де Оерия з женою своею в город Милан приѣхал В-К I, с. 136;

-е (e muet) > ∅

фр. *cornette* > корнетъ В-К VI, с. 366; фр. *rapière* > рапиер В-К I, с. 51⁹; фр. *candidate* > кандидат (скѣлоннымъ быть к одному кандидату В-К VI, с. 329); фр. *galère* > галер (еще два галѣровъ дѣлаютъ В-К IV, с. 99); фр. *brigade* > бригаъ В-К VI, с. 201; фр. *connétable* > кондестабль В-К VI, с. 476; фр. *pistole* > пистоль (пистолы В-К II, с. 94) и пистол (пистолы В-К II, с. 79);

-е (e muet) > -е/-а

фр. *comte* > конте В-К, с. 26; фр. *vicomte* > вицеконте В-К II, с. 103 и виконта В-К I, с. 190¹⁰;

-ue¹¹ > -a¹²

фр. *pique* > пика (пикою снимали В-К IV, с. 159);

⁶ В этом случае учитываются также немые согласные в конце основ.

⁷ Здесь и далее по тексту *Вести-Куранты*. Цифра с I до VI обозначает номер тома.

⁸ В случае, когда именительный падеж единственного числа восстановлен на основании форм косвенных падежей, контекст даётся в скобках.

⁹ Возможно, нулевое окончание и мужской род под влиянием польского языка.

¹⁰ Сюда же включаются и другие нижеперечисленные варианты (см. часть 2. *Склоняемость и несклоняемость существительных*).

¹¹ Во французском языке -ue — это непронизносимое сочетание.

¹² Окончание -а, вероятно, возникло под влиянием рода во французском языке или под влиянием немецкого языка, ср. нем. *Pike* (значит, субституция нем. -e > -а в русском языке).

-oi > -ои

фр. *vice-roi* > *вицерио напелскої* В-К III, с. 155 (конечно, слово следует рассматривать как письменное заимствование, так как нет связи с французским произношением).

Во французском языке существительные принадлежат к мужскому или женскому роду. В русском же выступает ещё третий род – средний. Мария Калиневич перечисляет формальные показатели рода во французском языке – это артикли, суффиксы, а также буква *-e* в конце слов женского рода¹³. В русском языке показателями рода служат окончания или суффиксы. Существительные, попадая в русский язык, всегда приобретают один из трёх родов. Заимствованные слова, чаще всего, классифицируются как имена мужского, женского или среднего родов, учитывая флексию именительного падежа единственного числа. Слова с основой на мягкий согласный зачисляются к мужскому или женскому роду на основании семантических критериев. В некоторых случаях на род существительного могут повлиять синонимы данного слова. Редко род существительного определяется по грамматическому роду, к которому оно принадлежало в языке-источнике, однако такое соотнесение может оказать влияние на колебания в роде¹⁴.

Как отмечается, иноязычные слова, принадлежащие к мужскому роду, не могут заканчиваться в русском языке на *-o*, *-a* или *-e* без дополнительных семантико-стилистических оттенков. По этой причине существительные мужского рода с окончанием *-o*, *-a*, *-e* лишаются такого окончания при переходе в русский язык¹⁵. Это подтверждается и в наших исследованиях. Итак, существительные мужского рода с вокальным исходом в процессе морфологической адаптации обычно теряют конечный гласный. Они сохраняют род, к которому принадлежали в языке-источнике, и становятся словами с нулевым окончанием. Фиксированию слов без конечного немого гласного, по-видимому, способствовал устный путь заимствования. Исключение в анализируемом материале составляют слова *конте* и *фицеконте* / *фиконта*, сохранившие конечный гласный.

Галлицизмы, у которых отмечается исчезновение «оригинального окончания», т.е. наблюдается замена исхода на гласный исходом на твёрдый со-

¹³ М. Калиневич: *Морфологическая адаптация французских заимствований в современном русском литературном языке*. „Studia Rossica Posnaniensia” 1978, nr 10, с. 50.

¹⁴ Ср. В.Г. Демьянов: *Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации*. Москва 2001, с. 74—76.

¹⁵ И.Т. Яценко: *Ассимиляция заимствованных имён существительных на уровне формально-грамматических показателей*. В: *Исследования по грамматике и лексикологии*. Ред. И.К. Белодед, М.А. Жовтобрюх и др. Киев 1966, с. 88.

гласный, классифицируются как существительные мужского рода несмотря на род, к которому они принадлежали в языке-источнике. Сравним: *бригат* В-К VI, с. 201 < фр. *brigade*, *папиер* В-К I, с. 51 < фр. *rapière*. Примеры подтверждают замену женского рода мужским в языке-реципиенте.

В некоторых случаях выявлены варианты, касающиеся твёрдого или мягкого конечного согласного основы. У галлицизмов на *-l(e)* отмечаются реализации с *l* мягким и с твёрдым, например: фр. *pistole* > *пистоль* (по всей видимости, женский род), *пистол* (мужской род). Вариант с основой на мягкий согласный — *пистоль* — отмечен 18 раз (избранные примеры: *бес пистолеи чаял* В-К I, с. 213; *пистоли i иная рухляд* В-К II, с. 94; *ic пистолеи друг по друге стреляли* В-К V, с. 84). 4 раза выявлены формы с основой на твёрдый согласный: *книги и пистолы еше не купиль и здѣсь добрых пистоловъ купити не добыт* В-К II, с. 79 (+ 2 употребления). Для остальных слов характерными оказались либо только мягкие варианты: фр. *connétable* — *кондестабль* В-К VI, с. 476; *от конестабля* В-К VI, с. 417; *коннестаблю* В-К VI, с. 406, либо твёрдые: фр. *maréchal*: *маришал* В-К I, с. 190; *марешаль* В-К V, с. 48 (+ 31).

Французские заимствования сохраняют немой согласный в финалях слов, например: фр. *banquet* > *банкетъ* В-К IV, с. 167; фр. *ballet* > *балет* В-К IV, с. 159. Данное свидетельствует о заимствовании письменным путём. В случае морфологической адаптации существительных благодаря сохранению конечных согласных слова без затруднений «вписываются» в мужское склонение.

Для одного существительного (фр. *duc*), относящегося к лицу мужского пола, характерными оказались варианты оформления конца основы. На материале «Курантов» обнаружены формы *дук* и *дука*. Интересно, что добавление флексии *-а* не влияет в данном случае на замену грамматического рода. Во всех найденных примерах отмечается существительное мужского рода. Продемонстрируем контексты: *дук де Лонгвиле* В-К I, с. 191; *дукъ Арли*¹⁶... В-К II, с. 165; *дук де Лангвала* В-К III, с. 193; *дукъ Лонгвилскои* В-К V, с. 82; *дук Орлианскои* В-К V, с. 81; *дук Беаувоортъ* В-К VI, с. 140; *дукъ де Бевоорскои* В-К VI, с. 430 и с окончанием *-а*: *дука де Оерия з женою своею в город Милан приѣхал* В-К I, с. 136; *дука де Ангвинскои Баияского князя поидет* В-К II, с. 169; *тутошнои цесарев дука де Амалѳи* В-К IV, с. 194; *поѣдет дука де Амалѳи*¹⁷... В-К IV, с. 203. Возможно, формы с флексией *-а* возникли по аналогии с известными в русском языке того периода словами, такими как *воевода*, *староста*. Формы косвенных падежей соответствуют типу склонения имён мужского рода с основой на твёрдый согласный: *корол же шпанскои учинил воеводою дука Тренова* В-К I, с. 68;

¹⁶ Утрачено 5—7 букв.

¹⁷ Утрачена 1 буква.

ожидают дука де Лонгевилла В-К I, с. 202; в Парисе городе дука де ла Волента ево лик как он был приговорен х казни В-К I, с. 197; быти радости у португалицково инѣанта s дука де Ърляницовою дочерю В-К II, с. 164; ариухъ Мантувскои дука де Ол¹⁸... дочь поимает В-К II, с. 182; дука Амалѣя мировой радости пир прошлого четверга ввечеру скончался смиренем В-К IV, с. 203; ѳранцузского генарала дука де Неваильяся турки ис пушки ядром ранили В-К VI, с. 391; что счинѣится радi супружества меж королем полским, и дщереи дука Орлеанса В-К VI, с. 440; по прошеню брата королевского дука Орленского В-К VI, с. 132; наслѣдникомъ учинил дука д Ангина В-К VI, с. 420; дуку ди Ангирису велѣл въдати приказ В-К I, с. 65; дуку де Орлиансу королевским порутчиком и горододержавцом быт В-К V, с. 81; одно генералное порутчество дуку де Орлионскому позволили В-К V, с. 78. Значит, колебания оформления конца основы характерны только для именительного падежа. Вместе с тем они не оказали влияния ни на родовую принадлежность, ни на склонение данной лексемы.

2. Склоняемость и несклоняемость существительных

Французские заимствования, которые стали именами существительными мужского или женского рода (существительных среднего рода на материале «Курантов» XVII века среди галлицизмов не обнаружено), подчиняются русской падежной системе. Они получают соответствующие окончания как для единственного, так и для множественного числа.

Здесь необходимо однако подчеркнуть, что язык письменных памятников в XVII веке характеризуется неупорядоченностью в употреблении грамматических форм, а варианты в склонении и родовом оформлении имён касаются практически наравне заимствованной лексики и исконно славянских слов¹⁹.

Неизменяемых существительных на материале «Курантов» практически не обнаружено, а неадаптированные формы в морфологическом плане — это новшество последующих эпох²⁰. В преобладающем большинстве случаев происходит включение заимствованных слов в русскую грамматическую систему. Как доказано в исследуемом материале, существительные, даже если не совсем ассимилировались, почти всегда склоняются.

¹⁸ Утрачено 4—5 букв.

¹⁹ Ср. Т. Rott-Żebrowski: *Historia rosyjskiego języka literackiego*. Lublin 1984, с. 67.

²⁰ Согласно Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной неизменяемые существительные являются новацией XVIII века, ср. *Очерки...*, с. 235.

Показательным примером послужит здесь лексема *конте* (фр. *comte*). На несклоняемость (в некоторых контекстах) французского заимствования, по-видимому, влияние оказал конечный гласный²¹. Тем не менее, видны и попытки включить слово в систему склонения, характерную для существительных мужского рода. Четыре примера подтверждают несклоняемость существительного: *Конте де Оерию да прясиденту Розу велено во Шпангю быт* В-К I, с. 181; *из горада Париса от конте де ла Листера нарочной гонец* В-К I, с. 173; *по ево ж писму что он х конте Пенаравде послалъ* В-К IV, с. 170; *под конте де Карвалом и итити им въ Оранцузскую землю* В-К IV, с. 202. Два примера свидетельствуют о том, что слово склоняется: *конту де Гаркурту итти посл[ом]* В-К II, с. 18; *с контомъ де Оуэндисом* В-К I, с. 26. Остальные извлечённые формы — *Конте де То-рино радѣть добръ о том чтоб ему войско в добромъ урядстве привести* В-К II, с. 112; *конте де Аркѣордъ опять тутъ стал* В-К V, с. 79 — даны в именительном падеже и поэтому мы не в состоянии определить, склоняется ли это существительное или нет. Один раз зафиксирована форма с русским формантом: *кондеи де Гвенсалда* В-К V, с. 78. Отмечается, что йота в конце слов иноязычного происхождения может добавляться к основам на гласный э или ê под ударением. Эти решения принимаются с целью сравнить словообразовательную структуру иноязычных основ со структурой основ исконно русских слов²².

Варианты характерны и для слова, заимствованного от французского *vicomte*. Три раза отмечается форма с окончанием -а в именительном падеже единственного числа²³: *виконта де Турена в Лотринской семль стоит* В-К I, с. 190; *виконта де Турино поѣхал в Гонтсѣрух* В-К III, с. 117; *во крещеніи имя ему выконта Сигала* В-К VI, с. 330; три раза отмечается окончание -е в именительном падеже: *Вицеконте де Тураине пришел из Оранцузской земли* В-К II, с. 103; *вицеконте де Туране* В-К II, с. 161, а также: *Оикунте де Турено* В-К III, с. 116. Выявлены следующие формы косвенных падежей: одно употребление с флексией -а в родительном падеже единственного числа (*его королевское величество полскои провѣдал ѿ приѣзде оранцузского посла вицеконта де Гарпаува* В-К III, с. 194); одно употребление с флексией -у в дательном падеже единственного числа (*виконту де Турену помогати* В-К III, с. 180); одно употребление в форме творительного падежа ед. ч.: *намъ с виконтомъ Туреном совокупитца* В-К III, с. 180 — с окончанием, характерным для имён мужского рода. В контексте: *велѣл ево нести к виконте ди Вдупу* В-К V, с. 30 можно отметить несклоняемое существительное (от исходной формы

²¹ Сохранение конечного гласного свидетельствует о письменном пути заимствования, так как во французском языке выступает немое *e*.

²² И.Т. Яценко: *Ассимиляция...*, с. 87.

²³ Возможно, это происходит по образцу слов *воевода*, *староста*.

оиконте) или же признать исходной формой вариант *оиконта* с типичным среди имён на *-а* окончанием дательного падежа.

Существительное *месье* (фр. *monsieur*) в «Курантах» XVII века отмечается во многих фонетических вариантах: *монс* (6 употреблений), *монсер* (2 употребления), *монсир* (2), *мосер* (1), *мунсер* (3), *мусер* (2). Морфологический анализ свидетельствует о том, что слово может склоняться по падежам или же оставаться неизменяемым (имеет омонимичные падежные формы). Следует однако подчеркнуть, что во всех найденных примерах основа существительного заканчивается на твёрдый согласный (не выявлена ни одна форма с конечным гласным). Слово склоняется в следующих контекстах: *гсдина мунсера Оикверерату такъже в Брюсел повезли* В-К I, с. 197; *монсира де Матерела королевског агента мирские люди осудили* В-К IV, с. 131. Таким образом, без дополнительных условий существительное изменяется по падежам как другие слова, принадлежащие к мужскому роду. Несклоняемость, а точнее, омонимичность форм, подтверждается примерами, в которых существительное ставится в дательном и творительном падежах: *дук де Лонгвиле сошолся съ монсер де Туринно* В-К I, с. 191; *итти в начале ннешняго мсца навстръчу монсь де Ламотте* В-К II, с. 24. Кроме вышеуказанных обнаружены формы именительного падежа: *монсь Оронтиснак* В-К I, с. 25; *монсь Гас[он] своею болъзнью умер* В-К II, с. 21 (+ 3); *мунсер де Оекулер* В-К I, с. 189 (+ 1); *монсеръ Гуденссуртъ* В-К II, с. 16; *мосер да кнзь Кондѣискои і тѣ меж себя совѣтывают* В-К II, с. 18; *мусер Брес де убит* В-К III, с. 129 (+ 1); *Монсир де ла Эстраде воевода дюнкеркенскои* В-К IV, с. 96. Контекстные употребления лексемы с основой на согласный уже свидетельствуют о её морфологической адаптации и попытках избежать тенденции к несклоняемости (что характерно для существительных с вокальным исходом). В свою очередь, формы косвенных падежей, которые совпадают с формой именительного падежа единственного числа, следует связать с принадлежностью лексемы к семантической группе: титулы, почётные звания. Значит, возможно, слово не изменяет свою форму подобным образом, как и известные в текстах другие заимствования, например, английское *сир* (*сер*), французское *дюк* (в «Курантах» в виде *дук*) или испанское *дон*.

В предыдущей части статьи были приведены разные контексты употребления титула *дук*. Как доказано, существительное регулярно склоняется по падежам. В исследуемых текстах лишь в одном случае слово употребляется как несклоняемое: *генерала ншего дукъ де Беворта живова в Цръградъ привезли* В-К VI, с. 430, однако в том же фрагменте выступает и форма с окончанием: *того дукау*²⁴ *видѣль* В-К VI, с. 430.

²⁴ Такое написание слова приводится в тексте.

Подытоживая анализ материала, можно сказать, что в большинстве случаев заимствованные существительные изменяются по падежам и числам как исконно славянские слова. Однако, в отличие от исконно русских слов для заимствований характерны колебания в оформлении финалей, которые довольно часты на первых этапах процесса адаптации. Выявлены два существительных мужского рода (*конте* и *фицеконте* в разных фонетических вариантах) с нетипичным для русского языка исходом на гласный. Заимствованные слова, называющие лиц, получают род в соответствии с их половой принадлежностью.

В случае двух слов — *бригат* и *рапиер* — подтверждена замена грамматического рода в процессе заимствования. В связи с вариантами оформления конца основы лексема *пистоль* — *пистол* классифицируется как существительное женского или мужского рода. Все остальные слова, несмотря на колебания оформления финалей, сохраняют род, к которому принадлежали в языке-источнике заимствования.

Как обнаруженные варианты слов, так и более или менее удачные попытки склонения существительных свидетельствуют о динамическом процессе морфологической адаптации и являются доказательством подчинения «чужих» слов законам русской языковой системы.

Dorota Gluszak

Конте у монсира, монсир с контом — o adaptacji morfologicznej rzeczowników zapożyczonych w języku „Kurantów” XVII wieku

Streszczenie

Niniejszy artykuł jest poświęcony procesowi adaptacji morfologicznej rzeczowników zapożyczonych do języka rosyjskiego. Przedmiot badań stanowią pożyczki z języka francuskiego wyekscerpowane z tekstów „Vesti-Kurantów”. Oryginały wiadomości powstały w latach 1600—1670. Badanie koncentruje się wokół dwóch podstawowych zagadnień dotyczących adaptacji gramatycznej jednostek językowych. W artykule omówiono kolejno substytucje zakończeń wyrazów i ściśle związaną z tym realizację kategorii rodzaju rzeczowników oraz odmienność i nieodmienność wyrazów zapożyczonych.

Słowa kluczowe: zapożyczenia, galicyzmy, adaptacja morfologiczna, „Vesti-Kuranty”, XVII w.

Dorota Gluszak

Конте у монсира, монсир с контом —
about morphological assimilation of foreign nouns
in “Kuranty” in the 17th century

Summary

The article is devoted to the process of morphological assimilation of foreign nouns into the Russian language. The research subject are French loanwords excerpted from the texts of “Vesti-Kuranty”. The original dispatches were created in the years 1600—1670. The study focuses on two basic issues regarding the grammatical appropriation of lexemes. The article discusses substitutions of word endings and, in close relation to it, the actualisation of the gendered nature of nouns, as well as the declinability and indeclinability of loanwords.

Key words: French loanwords, morphological assimilation, “Vesti-Kuranty”, 17th century

Maciej Labocha

Uniwersytet Śląski w Katowicach

O strukturze semantycznej artykułu hasłowego w słowniku przekładowym polsko-rosyjskim na przykładzie polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* oraz jego rosyjskich odpowiedników

Zagadnienie opisu ekwiwalencji prefiksalnych leksemów czasownikowych, w których prefiksy polskie i rosyjskie są tożsame formalnie, łączy w sobie element systemowy (gramatyczno-semantyczny) oraz pragmatyczny (kontekstualno-semantyczny). Zagadnienie to pozwala ponadto w wyrazisty sposób zbadać potencjał interferencyjny niedostatecznego opisu słownikowego. Jest to problem zarówno translatologiczny, jak i systemowy.

O ile prefiksy *npo-* oraz *nepe-* w języku rosyjskim precyzują i przede wszystkim formalnie w przeważającej większości wskazują na charakter czynności lub stanu, to ekwiwalenty rosyjskich leksemów z wymienionymi wcześniej prefiksami w języku polskim takiego formalnego wyznacznika interpretacyjnego nie posiadają (w obu przypadkach odpowiednikiem polskim jest przeważnie przedrostek *prze-*). Są to więc jednostki, które łatwo mogą interferować, zaś zadaniem leksykografii wydaje się taki opis ekwiwalencji, znaczeń i użyć notowanych jednostek, by możliwie zapobiec ich błędnej interpretacji przez użytkownika.

W niniejszej analizie weźmiemy pod uwagę znaczenia niemetaforyczne polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* oraz jego rosyjskich odpowiedników — *ПРОПЕЗАТЬ* oraz *ПЕПЕЗАТЬ*, a za podstawę hierarchizacji znaczeń w słowniku przekładowym przyjmujemy znaczenia wyodrębnione w internetowym *Słowniku języka polskiego PWN*¹, z którego zaczerpnięte zostaną eksplikacje polskojęzyczne. Eksplikacje rosyjskojęzyczne pochodzić będą z internetowej wersji słownika

¹ *Słownik języka polskiego PWN*. <http://www.sjp.pwn.pl> [data dostępu: 29.11.2018].

Jak można zauważyć, wśród znaczeń leksemów *ПРОРЕЗАТЬ* oraz *ПЕРЕРЕЗАТЬ* znajdują się nieprzenośne znaczenia wyodrębnione w polskim słowniku jednojęzycznym, choć w nieco innym podziale, natomiast większość eksplikacji odnosi się do znaczeń przenośnych. Niemetaforyczne znaczenia rosyjskie odpowiadające eksplikacjom polskim to (1) ‘пропхать, нарушить целостность чего-л. чем-л. острым’ dla leksemu *ПРОРЕЗАТЬ*, a także (2) ‘разрезать надвое’ dla leksemu *ПРОРЕЗАТЬ*. Zestawienie odpowiednich eksplikacji polskojęzycznych z rosyjskojęzycznymi upoważnia do określenia następującego, nieco zmodyfikowanego zestawu znaczeń nieprzenośnych:

[przeciąć]

1. «cięciem podzielić jednolitą całość na dwie lub więcej części»
2. «tnąc, przerwać ciągłość czegoś»

W przypadku pierwszym uzupełniliśmy eksplikację o element ‘na dwie lub więcej części’. Uzasadnić to należy przede wszystkim tym, że znaczenie krotkości w języku polskim wyrażane jest przede wszystkim za pomocą przedrostka *po-*, a zatem odpowiednim leksemem dla znaczenia niezawierającego takiego doprecyzowania jest leksem *POPRZECINAĆ* (lub jego synonimy: *POCIAĆ*, *POROZCINAĆ*, *POKROIĆ*). W eksplikacji drugiej usunęliśmy elementy ‘jakiejs powłoki’ oraz ‘zwykle skóry’, ponieważ trudno przeprowadzić jednoznaczne badanie statystyczne dla takiej konstatacji, ponadto ‘przerwanie ciągłości’ nie musi odbywać się na „powłoce”. Oba znaczenia można potwierdzić odpowiednimi skorelowanymi przykładami tekstowymi w języku rosyjskim i polskim w następujących parach przekładowych: (1) *przeciąć* — *переперезать* oraz (2) *przeciąć* — *проперезать*:

1. «cięciem podzielić jednolitą całość na dwie lub więcej części»
przeciąć* — *переперезать

Fachowo ściąga się izolację cęgami, narzynając nimi uprzednio izolację na żądanej odległości od końca przewodu, tak aby nie **przeciąć** samego przewodu⁴.

Монтер одобрительно кивнул, достал из кейса маленькие блестящие кусачки и **переперезал** провод от кнопки под столом и провод от кнопки на кушетке⁵.

2. «tnąc, przerwać ciągłość czegoś» ***przeciąć* — *проперезать***

Kurczaka przytrzymać widelcem do mięs i **przeciąć** skórę między

⁴ Korpus językowy PWN. <https://sjp.pwn.pl/korpus> [data dostępu: 2.03.2018].

⁵ Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [data dostępu: 2.03.2018].

udkiem [a] tułowiem. Udko odgiąć na zewnątrz i **przeciąć** połączenie pomiędzy nim a korpusem⁶.

Если поросёнок будет фаршироваться, то надо выделить все кости, за исключением головы и лапок, осторожно, чтобы не **прорезать** мясо и кожу, иначе фарш при варке может вывалиться⁷.

Trzeba jednocześnie zauważyć, że podejrzewana o synonimiczne do ПЕРЕРЕЗАТЬ znaczenie jednostka **прорезать надвое* jest trudno weryfikowalna tekstowo. W Narodowym Korpusie Języka Rosyjskiego (www.ruscorpora.ru) oraz wyszukiwarce internetowej Google trudno ją odnaleźć, natomiast system wyszukiwania w tej drugiej podpowiada jednostkę *разрезать надвое*, która pełni funkcję semantyzacyjną w słowniku jednojęzycznym. Ze względu na bycie elementem szeregu synonimicznego osadzonego w tym samym kontekście, a więc nacechowanego pragmatycznie tak jak leksem PRZECIĄĆ (na pół, na dwie części), warto rozpatrzyć umieszczenie w słowniku przekładowym jednostki РАЗРЕЗАТЬ w znaczeniu pierwszym leksemu PRZECIĄĆ oraz zapisać ją odpowiednio po przecinku; por. adekwatne wystąpienia tekstowe: *Круглую булочку для бургера **разрезать надвое**, слегка поджарить на сковородке-гриль половины с внутренней стороны*⁸; *Rozciąć bułkę na dwie części i podgrzać w piekarniku*⁹; *Nastawić piekarnik na grzanie od góry. **Przeciąć** bułkę wzdłuż na pół i położyć przeciętą stroną do góry na blasze do pieczenia*¹⁰. Jednak z drugiej strony, biorąc pod uwagę zasadę redundancji (technicznej), tj. niezagęszczania treści artykułu hasłowego przez synonimy, które praktycznie nic nie wnoszą do doprecyzowania znaczenia (nie są w każdym razie niezbędne), docelowo jednostka ta mogłaby się znaleźć tylko w artykule hasłowym dla polskiego leksemu ROZCIĄĆ (na pół, na dwie części)¹¹.

Z tak dopasowanymi systemowo i pragmatycznie (konsytuacyjnie) na podstawie eksplikacji słownikowych i wystąpień tekstowych parami przekładowymi porównajmy zapisy rejestru badanych słowników przekładowych dla znaczeń niemetaforycznych leksemu PRZECIĄĆ:

Wielki słownik polsko-rosyjski WP

[przeciąć]

1. перерезать; пересечь; ~ **sznurek** перерезать бечёвку; ~ **pilą** перепилить; ~ **siekierą** перерубить (топором); [...]

⁶ Korpus językowy... [data dostępu: 2.03.2018].

⁷ Национальный корпус... [data dostępu: 2.03.2018].

⁸ <https://www.ladomir-store.ru> [data dostępu: 9.03.2018].

⁹ <https://smacznydom.wordpress.com> [data dostępu: 9.03.2018].

¹⁰ <http://www.allrecipes.pl> [data dostępu: 9.03.2018].

¹¹ Być może warto w tym miejscu rozważyć również dodanie do artykułu hasłowego dla leksemu PRZECIĄĆ odrębnego znaczenia, zawężonego do rozcięcia tylko na dwie części (z tłumaczeniem *разрезать*).

Wielki słownik polsko-rosyjski [i] rosyjsko-polski REA

[przeciąć]

1. перерезать, пересечь; разрезать; ~ **piłą** перепилить; ~ **siekierą** перерубить; [...]

Wielki słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski PWN

[przeciąć]

1. пересечь 2. (*przekroić w poprzek*) перерезать 3. (*przepiłować*) перепилить [...] 5. (*np. siekierą*) перерубить 6. (*naciąć*) разрезать [...]

Co zaskakujące, *Wielki słownik polsko-rosyjski WP* (dalej: WSPR WP) rejestruje dla polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* jedynie translaty z przedrostkiem *pere-*, oznaczającym ‘rozdzielenie przedmiotu na dwie części’, a mianowicie leksemy *ПЕРЕРЕЗАТЬ* oraz *ПЕРЕСЕЧЬ*, przy czym są one oddzielone średnikiem. Umieszczenie leksemu *ПЕРЕСЕЧЬ* w tym znaczeniu jest jednak co najmniej niejasne. Otóż w słowniku jednojęzycznym, stanowiącym dla nas punkt odniesienia, występuje wprawdzie znaczenie ‘*рассечь надвое*’, jednakże oznaczone jest ono kwalifikatorem *разг.*, a więc jednoznacznie przypisane sferze potoczności, natomiast leksem *РАССЕЧЬ* posiada w badanym kontekście znaczenie ‘*с силой, ударом разрубить, разделить на части чем-л. (обычно острым)*’, co nie wydaje się równoważne znaczeniu ‘*разделить на части чем-л. режущим*’, które kryje się za leksemem *РАЗРЕЗАТЬ*, wykorzystanym — przypomnijmy — w semantyzacji wyrazu hasłowego *ПЕРЕРЕЗАТЬ* w słowniku jednojęzycznym. Niezbędne wydaje się w takiej sytuacji porównanie artykułów hasłowych dla obu leksemów (*РАЗРЕЗАТЬ* oraz *РАССЕЧЬ*):

[разрезать]

1. (*нсв.* также **резать**). *что*. Разделить на части чем-л. режущим. *Р. ножницами сукно. Р. арбуз на две половинки. Р. хлеб на куски. Р. узлы верёвок.*

2. (*нсв.* также **резать**). *кого-что*. Сделав надрез, вскрыть какую-л. часть тела. *Р. нарыв на шее. Р. опухоль. Р. живот. Боюсь, как бы не разрезали меня!*

3. *что*. Испортить, сделав порезы на чём-л. *Зачем книгу разрезал? Всё моё платье разрезала, негодница! Р. бритвой рукав. Р. себе руку. Р. палец ножом.*

4. *что*. Рассечь какую-л. среду. *Молния разрезала небесную синь. Р. носом водную гладь (о судне). Р. крыльями воздух (о птицах, самолётах и т.п.).*

5. *что*. Резко прозвучать, раздаться в воздухе. *Тишину разрезал крик о помощи.*

6. (*нсв.* также **резать**). *что*. Пролегая, разделить собой на части. *Трасса разрезала село пополам. Канал разрежет город на части.*

7. *что*. Покрывать, избороздить кожу лица, тела (о морщинах, шрамах). *Морщины разрезали лоб*.

8. *кого-что*. Осуществить прорыв в расположении войск, разьединяя, разобщая их. *Р. войска на отдельные очаги сопротивления*. [...]

[*рассечь*]

[...] 1. *кого-что*. С силой, ударом разрубить, разделить на части чем-л. (обычно острым). *Р. полено. Р. свиную тушу. Р. червя лопатой. Р. воздух чем-л.* (сделать энергичное, резкое движение рукой, как бы рубя что-л.). *Р. волны, воду* (двигаясь в воде, раздвинуть воду в стороны от себя: о пловце, катере и т.п.). *Р. армию противника* (разделить на части, прорвав фронт). // Прорезать (о лучах света, резких звуках и т.п.). *Молния рассекла небо. Выстрел рассёк тишину* (раздался, нарушив тишину). *Луч света рассёк тьму* (внезапно осветил узкой полоской).

2. *что*. Нанести рану чем-л. острым. *Р. лоб, губу. Р. кожу стеклом, ножом. Кисть глубоко рассечена*. ♦ **Рассечь гордиев узел** (см. *Гордиев*). [...]

Jak widzimy, zbieżność niektórych kontekstów, np. ‘gwałtownego przemieszczania się przez jakieś środowisko lub w jakimś środowisku’ czy ‘naruszenia ciągłości, integralności ciała lub jakiejś jego części’ oraz — odpowiednio — występowania w tych kontekstach obu leksemów, mogłaby sugerować ich ogólną wymiennność, por. przykłady użycia leksemu *РАЗРЕЗАТЬ* w znaczeniu 4. i 5. (*Молния разрежала небесную синь. Р. носом водную гладь* (o судне). *Р. крыльями воздух* (o птицах, самолётах и т.п.). [...]) *Тишину разрезал крик о помощи*.) z przykładami użycia wskazanymi w poszczególnych częściach znaczenia 1. dla leksemu *РАССЕЧЬ* (*Р. воздух чем-л.* [...]) *Р. волны, воду* [...]) *Р. армию противника* [...]) *Молния рассекла небо. Выстрел рассёк тишину* [...]) *Луч света рассёк тьму* [...]), a także niektóre przykłady użycia leksemu *РАЗРЕЗАТЬ* w znaczeniu 3. (*Р. себе руку. Р. палец ножом.*) oraz leksemu *РАССЕЧЬ* (*Р. лоб, губу. Р. кожу стеклом, ножом.*). Zauważmy przy tym, że eksplikacje w pokrywających się wariantach nie są literalnie zbieżne, co utrudnia użytkownikowi porównanie (np. znaczenie 3. leksemu *РАЗРЕЗАТЬ* — ‘испортить, сделав порезы на чём-л.’ vs. znaczenie 2. leksemu *РАССЕЧЬ* — ‘нанести рану чем-л. острым.’). Być może podobny rodzaj analizy, choć niekoniecznie sformalizowany naukowo, mógł wpłynąć na umieszczenie leksemów *ПЕРЕПЕЗАТЬ* oraz *ПЕРЕСЕЧЬ* w jednym punkcie artykułu dla wyrazu hasłowego *ПЕРЕПЕЧАТЬ*. Istotne jednak dla tej pary — poza kwalifikacją stylistyczną leksemu *ПЕРЕСЕЧЬ* — jest przede wszystkim to, że znaczenia główne i zarazem niemetaforyczne pary synonimów niepełnych, stanowiących

podstawę eksplikacji leksemów *ПЕРЕПЕЗАТЬ* oraz *ПЕРЕПЕЧЬ*, akcentując inny sposób ‘rozdzielania’ przedmiotu na części — w pierwszym przypadku chodzi o ‘rozdzielenie na części czymś tnącym’, w drugim o ‘rozdzielenie na części z użyciem siły przez uderzenie, rąbanie’ — co pociąga za sobą różne konteksty. Analiza semantyczna wychodząca poza pary jednostek będących pierwotnie naszym obiektem badawczym, a opierająca się na analizie jednostek wchodzących w skład eksplikacji tychże, może budzić niebezpieczne wątpliwości, z każdą kolejną jednostką oddalamy się bowiem niejako od pierwotnego obiektu. Zasadna po takiej analizie jest więc weryfikacja wystąpień tekstowych dla wyodrębnionego znaczenia jednostki wyjściowej, tj. leksemu *ПРЕЦИАТЬ*, które w naszym przypadku brzmi: ‘cięciem podzielić jednolitą całość na dwie lub więcej części’. O ile bez trudu możemy odnaleźć wystąpienia tekstowe potwierdzające zamiennność leksemów *ПЕРЕПЕЗАТЬ* oraz *ПЕРЕПЕЧЬ* np. w uwzględnionym już wcześniej kontekście elektrotechnicznym, to np. w kontekście kulinarnym — również wcześniej uwzględnionym — taką wymiennność trudno zaobserwować. Porównajmy:

*Специальная форма двухкомпонентных рукояток с расширенным пятном контакта с ладонью, с одной стороны, снижает давление на ладонь, с другой, — дает возможность прикладывать значительно большее усилие и, как следствие, **перерезать провод** большего диаметра¹².*

*Первая помощь пострадавшему состоит в прекращении действия на него электрического тока. [...] Отделить пострадавшего от земли, подсунув под него доску, сухую одежду; **пересечь провод** инструментом с изолирующими ручками или топором с деревянной ручкой¹³.*

*Совет — тесто лучше смазать сливочным растопленным маслом перед тем, как добавлять начинку. Рулет положить швом вниз и **перерезать** на 12 частей, каждая около 4,5 см¹⁴.*

W pierwszym i drugim przykładzie należy zwrócić szczególną uwagę na kontekst: w pierwszym mamy do czynienia z opisem narzędzia z ostrymi krawędziami tnącymi, służącego do przecinania np. przewodów, w drugim — z czynnością *de facto* ‘przerwania ciągłości czegoś’ (bez wskazania na ‘cięcie’) za pomocą specjalistycznego narzędzia (jw.) lub z użyciem siły narzędziem służącym nie do ‘cięcia’, lecz do ‘rąbania’ (*monop*). Cytat trzeci ilustruje użycie

¹² <https://shtok.ru> [data dostępu: 14.03.2018].

¹³ <http://enc.sci-lib.com> [data dostępu: 14.03.2018].

¹⁴ <http://handmadefood.ru> [data dostępu: 14.03.2018]. Może się to wydawać zaskakujące, lecz polski leksem *ПРЕЦИАТЬ* używany jest również w takim właśnie znaczeniu. Por. *Kiwi obrać ze skórki, preciać na 4 części i pokroić w niezbyt cienkie plasterki*. <https://www.doradcaszoku.pl/przepis-salatka-z-melona-kiwi-i-ryzu-391735> [data dostępu: 6.11.2019].

leksemu *ПЕПЕПЕЗАТЬ* w kontekście, w którym leksem *ПЕПЕЧЕЧЬ* jest trudny do odnalezienia. Trudno bowiem oczekiwać w kontekście kulinarnym ‘rozdzielenia na części z użyciem siły przez uderzenie, rąbanie’ (choć w pewnych szczególnych przypadkach jest to możliwe). Użycia w branych pod uwagę kontekstach potwierdzają więc eksplikacje słownika jednojęzycznego oraz niefortunne umieszczenie obu badanych leksemów w jednym tylko punkcie artykułu hasłowego dla leksemu *PRZECIĄĆ* w WSPR WP, choć — jak widać — w pewnych kontekstach para przekładowa *przeciąć* — *непечечь* może mieć uzasadnienie. Wnioski dla leksykografii wypływające z takiej analizy wskazują, że w opisie polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* należy uwzględnić osobne znaczenie ‘rozdzielenia na części z użyciem siły przez uderzenie, rąbanie’ z tłumaczeniem *непечечь*¹⁵.

Za symptomatyczny w przypadku WSPR WP należy natomiast uznać szereg związków wyrazowych pełniących — jak można przypuszczać — funkcję ilustracji hasłowej (tak wskazywałaby forma zapisu), z których tylko jeden: leksem *ПЕПЕПЕЗАТЬ* (~ *sznurek* *перепезать бечёвку*) uwzględnia jednostkę z poprzedzającej części artykułu; ekwiwalenty rosyjskie w pozostałych przypadkach to odrębne leksemy, które powinny zostać uwzględnione w osobnych punktach lub artykułach hasłowych dla leksemów *PRZEPIŁOWAĆ* / *PRZERŻNAĆ* oraz *PRZERĄBAĆ* (~ *piłą* *перепилить*; ~ *siekierą* *перерубить*). Rozwiązania zastosowane w WSPR WP należy uznać za niewłaściwe.

Wielki słownik polsko-rosyjski [i] rosyjsko-polski REA (dalej: WSPR[i]RP REA) w artykule hasłowym dla polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* w dużym stopniu powielił zakres i sposób prezentacji tłumaczeń z WSPR WP. W pierwszym ze znaczeń prezentowanych w artykule hasłowym zarejestrowane zostały rosyjskie tłumaczenia *непепезать* oraz *непечечь*, a także ilustracja hasłowa w postaci polskojęzycznych związków wyrazowych, dla których tłumaczeniami są pojedyncze wyrazy rosyjskie: ~ *piłą* *перепилить*; ~ *siekierą* *перерубить*, co uznaliśmy za rozwiązanie niefortunne. Zmiany w stosunku do zapisu proponowanego przez autorów WSPR WP polegają natomiast na oddzieleniu leksemów *ПЕПЕПЕЗАТЬ* oraz *ПЕПЕЧЕЧЬ* nie średnikiem, lecz przecinkiem, co — jak sądzimy — ma sugerować synonimiczność obu jednostek, błędną zresztą w zakresie, który przedstawiliśmy przy okazji analizy zapisów w WSPR WP. Po obu wskazanych leksemach autorzy podają dodatkowo tłumaczenie *разпезать*, którego słuszność w sensie translacyjnym uznaliśmy wcześniej, lecz podaliśmy w wątpliwość jego występowanie w tym konkretnym artykule hasłowym, ze względu na redundancję techniczną i czytelność artykułu hasłowego. Leksem ten ponadto podany jest po średniku, co z uwagi na stosunkowo bliski stopień synonimiczności z leksemem *ПЕПЕПЕЗАТЬ* również wydaje się niefortunne, szczególnie wobec

¹⁵ Ustanowienie pełnego zakresu znaczeń oraz ekwiwalentów rosyjskich dla polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* nie jest zasadniczym przedmiotem niniejszych rozważań, dlatego nie będziemy szerzej rozpatrywać przypadku leksemu *ПЕПЕЧЕЧЬ*.

rozdzielenia leksemów *ПЕПЕПЕЗАТЬ* oraz *ПЕПЕЧЬ* jedynie przecinkiem. Ostatnią ze zmian wprowadzonych w WSPR[i]RP REA w stosunku do WSPR WP jest usunięcie związku wyrazowego *претичь шнурек* wraz z proponowanym w WSPR WP tłumaczeniem *перепезать бечёвку*, a także usunięcie z tłumaczenia związku wyrazowego *претичь секира* słowoformy *монором*, podanej w WSPR WP w nawiasie okrągłym jako informacja uzupełniająca leksem *ПЕПЕПЕЗАТЬ*.

Wielki słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski PWN (dalej: WSPRiRP PWN) rejestruje tłumaczenia polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* w sposób odmienny od prezentowanego w WSPR WP i WSPR[i]RP REA. Do każdej z założonych konsytuacji, w których rosyjskie tłumaczenia są używane niemetaforycznie, autorzy słownika podają po jednej jednostce przekładowej, w większości z informacją dodatkową w nawiasie okrągłym, mającą stanowić element semantyczny. Rejestrowanych jest pięć znaczeń niemetaforycznych z następującymi tłumaczeniami: (1) *перепечь*, (2) *перепезать*, (3) *перепилить*, (4) *перепылить*, (5) *разпезать*. W przypadku tego artykułu hasłowego wątpliwości mogą budzić dwie kwestie: zakres tłumaczeń oraz sposób precyzowania kontekstu użycia (semantyzacji). Co do zakresu tłumaczeń można się zastanawiać, czy leksemy np. *ПЕРЕПИЛИТЬ*, *ПЕРЕПЫЛИТЬ* powinny znaleźć się w artykule hasłowym w formie odrębnych znaczeń (użyć). Być może lepszym rozwiązaniem byłoby podanie ilustracji hasłowej dla leksemu *PRZECIĄĆ* z użyciem tłumaczeń opartych na znaczeniach ‘cięciem podzielić jednolitą całość na dwie części’ oraz ‘tnąc, przerwać ciągłość czegoś’ (są to znaczenia szersze, nadrzędne w stosunku do znaczeń leksemów *PRZEPILOWAĆ* oraz *PRZERĄBAĆ*) z wariantami frazeologicznymi w nawiasach lub odrębnych hasłach. W języku polskim możemy bowiem użyć fraz *przeciąć piłą* czy *przeciąć siekierą*, a za bezpośrednie ekwiwalenty tłumaczeniowe w języku rosyjskim uznajemy *перепезать пилой*, *пропезать пилой* oraz *перепезать монором*; por. wystąpienia tekstowe: *Jeżeli nie zamierzamy wykonywać intensywnych prac w lesie, nieopłacalny będzie zakup pilarki mocnej i drogiej — nigdy nie wykorzystamy bowiem jej potencjału, a gałęzie, krzewy czy niewielkie deski możemy **przeciąć piłą** o mocy do 2,5 KM lub 1,2 kW¹⁶; Trochę zgłodniałym turystom, wśród których jakimś trafem się zaplątaliśmy, trudno uwierzyć, że gruby pień drzewa można **przeciąć siekierą** zanim kelnerzy wniosą tapas i odkorkują wino¹⁷; Они блокировали сад, **перепрезали пилой** цепь на воротах и при поддержке с воздуха вошли на территорию¹⁸; Вдвоем, через имевшийся в ограждении со стороны леса проем, они проникли на территорию гостиничного комплекса, подошли к подъемному крану, где Родин А.А. стал наблюдать за окружающей обстановкой, а он **монором перепрезал** кабель [...]’¹⁹; И вот теперь самое*

¹⁶ <https://www.budujesz.pl> [data dostępu: 16.03.2018].

¹⁷ <http://zniejednegogarnka.natemat.pl> [data dostępu: 16.03.2018].

¹⁸ <http://www.russ.ru> [data dostępu: 16.03.2018].

¹⁹ <https://rospravosudie.com> [data dostępu: 16.03.2018].

время, подложив лист пластикаили другого материала, чтобы не порезать обои, аккуратно **пилой прорезать** стык под углом 45 градусов²⁰. Trzeba jednak zauważyć, że rosyjskojęzyczny kontekst dotyczący przecięcia *siekierą* jest trudno weryfikowalny w odniesieniu do czynności wykonywanej na zwykłe konotowanych w tej sytuacji kawałkach drewna — podane wystąpienie tekstowe dotyczy bowiem przecięcia kabla. Nie udało nam się również poświadczyć występowania jednostki *нпрорезать монопом* w takim kontekście. W tej sytuacji jednostki *пререзать пилą* oraz *пререзать siekierą* należałoby przetłumaczyć odpowiednio jako *переперезать пилой*, *прорезать пилой* oraz *переперезать монопомом* lub z powodu wątpliwości pominąć, można je bowiem utworzyć na zasadzie swobodnego zestawienia leksemów, co jest systemowo możliwe.

Poza jednostkami *ПЕРЕПЕЗАТЬ* oraz *ПРОПЕЗАТЬ* WSPRiRP PWN podaje w odrębnym punkcie również translat *разрезать*, który uznaliśmy wcześniej za fakultatywny i bardziej adekwatny dla artykułu hasłowego leksemu *ROZCIĄĆ*.

Ciekawym faktem w przypadku WSPRiRP PWN jest to, że na pierwszym miejscu zarejestrowany jest translat *непечать*, który nosi znamiona jednostki potocznej, ponadto — jak zauważyliśmy w analizie WSPR WP — jego eksplikacja to ‘с силой, ударом разрубить, разделить на части чем-л. (обычно острым)’, stojąca w pewnej opozycji do eksplikacji nadrzędnej ‘прорвать, нарушить целостность чего-л. чем-л. острым’ oraz do eksplikacji uściślającej ‘разрезать надвое’, a także ich pojęciowych (i eksplikacyjnych) odpowiedników polskich, tj. ‘tnąc, przerwać ciągłość czegoś’ oraz ‘cięciem podzielić jednolitą całość na części’. W naszej opinii, popartej wcześniejszą analizą, translat ten powinien być fakultatywny, przypisany tylko niektórym znaczeniom (z elementem ‘siły’) i co najmniej opatrzonej kwalifikatorem *разг.* (*pot.*). Wart odnotowania jest fakt, iż translat ten w WSPRiRP PWN nie został uzupełniony o żadną dodatkową informację semantyzującą, konsytuacyjną. Jest to wyraźna wada zapisu, która może prowadzić do błędnego zastosowania i niewłaściwego osadzenia jednostki leksykalnej w strukturze (algorytmie) uzualno-kognitywnej użytkownika słownika.

Co do semantyzacji poszczególnych translatów, błędem wydaje się przede wszystkim opatrzenie rosyjskiego leksemu *ПЕРЕПЕЗАТЬ* wyjaśnieniem *пререзать в поперек*. Taka interpretacja może wynikać z przypisania wspomnianemu leksemowi jednego ze znaczeń nadawanych przez przedrostek *непе-*. I rzeczywiście, przedrostek ten może oznaczać ruch w poprzek, jak w przypadku leksemu *ПЕРЕПЕЙТИ*, jednakże w przypadku leksemu *ПЕРЕПЕЗАТЬ* trudno doszukiwać się czynności wykonywanej w *поперек*. Semantyzacja powinna więc uwzględniać wyodrębnione znaczenie — ‘cięciem podzielić jednolitą całość na dwie części’ lub używając terminologii autorów słownika — ‘przekroić na dwie części’.

²⁰ <http://remvizor.ru> [data dostępu: 16.03.2018].

Interesujące wydaje się zestawienie semantyzacji zastosowanej przy translatach *непенулить* oraz *непепыбуть*. W pierwszym przypadku elementem semantyzującym jest bezpośredni ekwiwalent przekładowy w języku polskim — *przepiłować*, w drugim natomiast autorzy słownika zamiast bezpośredniego ekwiwalentu polskiego — *przerąbać* — podają obiekt, którym można tej czynności dokonać, zaznaczając, że jest to jeden z wielu takich obiektów: *np. siekierą*. To rozwiązanie niezrozumiałe w świetle wcześniejszej decyzji leksykografów.

Ostatnim dyskusyjnym elementem semantyzacji jest podanie w tym charakterze przy rosyjskim translacie *пазпезать* polskiego czasownika *naciąć*, który objaśnia znaczenie w sposób niepełny. Trudno uzasadnić, dlaczego autorzy słownika pomijają w tej semantyzacji czasownik *rozciąć* — odnoszący się do głównego znaczenia leksemu *РАЗРЕЗАТЬ* — który wraz z czasownikiem *naciąć* wskazuje, że jednostka przekładowa odnosi się do każdego z wyodrębnionych znaczeń.

Podsumowując casus rejestrowania i opisu leksemu *PRZECIĄĆ* w części polsko-rosyjskiej słowników wraz z jego rosyjskimi ekwiwalentami *нропезать* i *непепезать* oraz uwzględniając następujące założenia: (1) traktowanie znaczenia zarówno referencjalnie (postać definicyjna), jak i aferencjalnie (użycie), (2) filiacja (podział znaczeń) właściwa dla użytkownika polskiego (na bazie filiacji słownika języka polskiego), (3) zwrotna weryfikowalność artykułów hasłowych, można zaproponować następującą postać artykułów hasłowych dla polskiego leksemu *PRZECIĄĆ* oraz jego odpowiedników *ПРОРЕЗАТЬ* i *ПЕРЕРЕЗАТЬ* w języku rosyjskim (dla znaczeń niemetaforycznych):

[пречи́а́ть]

1. (cięciem podzielić jednolitą całość na dwie lub więcej części) **перерезать что**; ~ kabel **перерезать провод** ~ na 12 części **перерезать на 12 частей** 2. (tnąc, przerwać ciągłość czegoś) **про́резать что**; ~ skórę **про́резать ко́жу**

[про́реза́ть]

1. (tnąc, przerwać ciągłość czegoś) przeciąć co; **про́резать ко́жу** przeciąć skórę

[перереза́ть]

1. (cięciem podzielić jednolitą całość na dwie lub więcej części) przeciąć co; **перерезать провод** przeciąć kabel **перерезать на 12 частей** przeciąć na 12 części

Proponowany zapis artykułów hasłowych dla badanej triady leksemów wydaje się w znacznym stopniu zwiększać użyteczność słownika rozumianą jako szereg składowych (czytelność, łatwość interpretacji i zastosowania etc.),

pozwalających użytkownikowi na poprawną rekonstrukcję znaczenia i użycia jednostki w systemie (*langue*) i tekście (*parole*).

Мачей Лябоха

О семантической структуре словарной статьи в польско-русском переводном словаре на примере лексемы *PRZECIĄĆ* и её русских эквивалентов

Резюме

В настоящей статье предлагается сопоставительный семантический анализ польской лексики *PRZECIĄĆ* и её русских эквивалентов *ПРОРЕЗАТЬ* и *ПЕРЕРЕЗАТЬ*, а также сверка результатов данного анализа с соответствующими статьями в больших польско-русских словарях. Целью анализа является определение оптимальной секвенции значений лексики *PRZECIĄĆ*, соответствующий подбор эквивалентов и, следовательно, предлагается системно адекватное и прагматически пригодное строение словарной статьи для всех трёх лексем.

Ключевые слова: лексикография, металексикография, переводные словари, словарная статья

Maciej Labocha

Reflections on semantic structure of a dictionary entry in Polish-Russian dictionary based on the Polish lexeme *PRZECIĄĆ* and its Russian equivalents

Summary

The article is devoted to a contrastive analysis of lexical (dictionary) meanings of the Polish lexeme *PRZECIĄĆ* and its Russian equivalents *ПРОРЕЗАТЬ* and *ПЕРЕРЕЗАТЬ*. The analysis also provides verification of its findings/results with the register of the three major Polish-Russian dictionaries. The purpose of the analysis is to establish a correct sequence of meanings of the Polish lexeme along with appropriate translation counterparts and suggest how to create a system-readable and pragmatically useful structure of dictionary entries for all the three lexemes.

Key words: lexicography, metalexicography, translation dictionaries, dictionary entry

Дмитрий Лукьянов

Университет им. Адама Мицкевича в Познани

Феномен доверия: философский, психологический и лингвокультурный аспект

Доверие как фундаментальное понятие является важнейшей составляющей межличностных отношений. Любые отношения между людьми, в свою очередь, основываются на взаимодействии, а также во многих случаях предполагают сотрудничество. Доверие к другим людям — это ключевое условие, соблюдение которого способствует налаживанию хороших отношений в обществе, ведёт к взаимовыгоде и пользе. С каждым годом вопрос доверия становится всё более существенным, и это, прежде всего, связано с тем, что современное общество находится «в условиях непрекращающихся процессов глобализации и трансформации»¹. Именно в таком ключе доверие становится одним из важнейших предметов рассуждения философии, социологии, психологии.

Издревле феномен доверия находился в кругу интересов многих философов (Аврелий Августин, Фома Аквинский, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Георг Гегель и др.).

В эпоху Средневековья основой философской мысли являлось понятие веры, поскольку в то время ведущую роль в жизни людей играла церковь, во главе которой стояло христианское учение. В связи с этим большое внимание в философских размышлениях того времени уделялось именно вере, а доверие считалось очень близким и тесно связанным с ней понятием. Например, в трактате *Сумма теологии*² Фома Аквинский пишет, что вера и доверие очень близкие понятия. Заметим, что многими мыслите-

¹ С.Д. Гуриева, М.Б. Борисова: *Доверие как социально-психологическое явление*. «Социальная психология» 2014, № 4, с. 126—136.

² Ф. Аквинский: *Сумма теологии*. Том IV, <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-4/41> [дата обращения: 29.04.2018].

лями не только Средневековья, но и Нового времени доверие рассматривалось в рамках философских размышлений о вере. Для Локка вера и доверие неразрывны, он видит веру как доверие к авторитету, постигаемое посредством разума³. Однако здесь стоит добавить, что в эпоху Нового времени доверие перестаёт употребляться в контексте рассуждений о вере, в связи с чем оно становится более автономным понятием. В философских трудах Гегеля⁴ и Руссо⁵ доверие рассматривается в контексте политико-экономических рассуждений.

Что касается современных интерпретаций, то доверие относят к понятиям, связанных с риском. Такое видение представлено в Стэнфордской энциклопедии по философии. Доверие — ‘это важное явление, поскольку оно позволяет нам выстраивать взаимоотношения с людьми для того, чтобы любить, обращаться за советом, оказывать помощь [...], в то же время оно включает в себя понятие риска, поскольку нет абсолютной гарантии, что люди, которым мы доверяем, не предадут нас’⁶. Из приведённого определения следует, что доверие — это сложное и в какой-то степени противоречивое явление. С одной стороны, доверие улучшает взаимоотношения между людьми, но, с другой, доверие не способно ничего гарантировать, поскольку оно отчасти связано с риском. Согласно Веронике Юрьевне Столяр, такая неразрывная связь продиктована условиями быстроразвивающегося современного мира, а также процессами глобализации⁷.

С точки зрения психологического подхода доверие считается психическим состоянием, относящимся к базисным чувствам, которое формируется с рождения и сопровождает человека на протяжении всех жизненных этапов⁸.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в психологии доверие не осмысливается изолированно. При описании данный феномен выступает в оппозиции с феноменом недоверие. Такой способ описания может быть обусловлен тем, что доверие трактуется как явление, лишённое надёж-

³ Ю.С. Уколова: *Категории «вера» и «доверие» — семантика различий*. «Наука. Религия. Суспільство» 2008, № 2, с. 192—200.

⁴ Г. Гегель: *Сочинения, т. VII*. Москва 1934.

⁵ Ж.-Ж. Руссо: *О политической экономии* http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/politekonom.txt_with-big-pictures.html [дата обращения: 15.04.2018].

⁶ *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, <https://plato.stanford.edu/entries/trust/> [дата обращения: 20.09.2018].

⁷ Ю.С. Столяр: *Доверие как инструмент управления глобальным риском*. «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради». Серия «Общественные и гуманитарные науки» 2008, № 38 (82), ч. 1, с. 330—336.

⁸ В.П. Зинченко: *Психология доверия*. В: В.П. Зинченко: *Философское наследие*. Науч. ред. Т.Г. Щедрина. Санкт-Петербург 2016, с. 258—285.

ности и устойчивости. Это свидетельствует о том, что между доверием и недоверием проходит тонкая граница, вследствие чего одно может легко перейти в другое. По мнению Аллы Борисовны Купрейченко, доверие и недоверие тесно соотносятся друг с другом постольку, поскольку, их появление зависит от одних и тех же обстоятельств (условий)⁹. Исходя из этого, можно сделать вывод, что доверие и недоверие не относятся к взаимоисключающим феноменам. Эти явления, согласно психологическому подходу, скорее, наоборот, взаимосвязаны и взаимодополняемы.

Кроме всего вышеуказанного, стоит обратить внимание на то, что сложность изучаемого явления заключается ещё и в том, что носителями разных лингвокультур одно и то же понятие может восприниматься неодинаково. Известно, что в языках существуют слова, которые одинаково переводятся, однако очень часто за этими словами стоят специфические различия в тех смыслах, которые подразумевает носитель языка, употребляя данное слово. В связи с этим различия в понимании доверия (в том числе у исследователей философии и психологии) могут быть вызваны тем обстоятельством, что о данном феномене у представителей того или иного народа сформировались собственные представления. Для того чтобы понять, как представителями различных культур понимается феномен *доверие*, необходимо провести концептуальный анализ. В данном исследовании доверие рассматривается с позиций носителей двух языков: польского и русского.

Как отмечают исследователи, занимающиеся методологией описания концептов, Оксана Михайловна Смирнова¹⁰ и Ирина Григорьевна Серова¹¹, в первую очередь необходимо обращать внимание на лексикографические данные, а именно дать анализ словарных толкований значений слова (имени концепта)¹².

Рассмотрим данные, представленные в словарях русского и польского языков:

⁹ А.Б. Купрейченко: *Психология доверия и недоверия*. Москва 2008.

¹⁰ О.М. Смирнова: *К вопросу о методологии описания концептов*. «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского». Серия «Филология. Искусствоведение» 2009, № 3, с. 247—253.

¹¹ И.Г. Серова: *Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности*. «Вопросы когнитивной лингвистики» 2007, № 1, с. 15—22.

¹² Там же.

<i>Большой толковый словарь русского языка</i> под ред. Сергея Александровича Кузнецова ^{а)} .	<i>Słownik PWN</i> ^{б)} .
Убеждённость в чьей-л. искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-л. Заслужить д. Завоевать д. Питать д. Терять д. Лишить доверия. Не внушать доверия. Пользоваться полным доверием. Войти (вкрасться, втереться) к кому-л. в доверие (хитростью заслужить такое отношение). Выразить доверие (правительству, кабинету и т.п.). Офиц. Одобрить деятельность правительства, кабинета и т.п.	1. przekonanie, że jakiejś osobie lub instytucji można ufać. 2. przekonanie, że czyjeś słowa, informacje itp. są prawdziwe. 3. przekonanie, że ktoś posiada jakieś umiejętności i potrafi je odpowiednio wykorzystać.
<i>Толковый словарь русского языка</i> под ред. Татьяны Фёдоровны Ефремовой ^{в)} .	<i>Inny słownik języka polskiego</i> pod red. Mirosława Bańki ^{г)} .
Убеждённость в честности, добросовестности, искренности кого-л., чего-л., в правильности чего-л. и основанное на этом отношении к кому-л., чему-л.	1. forma rzeczownika czasownika zaufać. 2. jeśli mamy zaufanie do kogoś lub do czegoś, to sądzimy, że możemy zaufać tej osobie lub rzeczy. 3. jeśli mówimy komuś coś o zaufaniu, to mówimy mu z nadzieją, że nie powie o tym nikomu innemu. 4. jeśli przyjmujemy, akceptujemy itp. coś z zaufaniem, to przyjmujemy lub akceptujemy to bez zastrzeżeń.

а) С.А. Кузнецов: *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 2000, с. 265.

б) *Słownik PWN*, <https://sjp.pwn.pl/> [дата обращения: 17.06.2018].

в) Т.Ф. Ефремова: *Толковый словарь русского языка*, <https://www.efremova.info/>. [дата обращения: 4.11.2019].

г) М. Bańko: *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa 2000.

В русском языке, как видим, доверие находится в системе нравственных представлений. Оно связывается с понятиями, принадлежащими к области этики: добросовестность, честность, искренность, правильность. Также стоит заметить, что, согласно словарям русского языка, слово *дове-рие* выступает только в одном значении. В связи с этим можно предположить, что в современных словарях русского языка доверие представлено

в самом обобщённом виде, так как с учётом одного значения невозможно в полной степени описать данное явление и показать его существенные черты. В таком случае необходимо рассмотреть глаголы *доверить* и *доверять*, которые также репрезентируют концепт *доверие*, поскольку они являются мотивирующими словами при образовании существительного *доверие*, ср.:

Доверить — доверять '1. Считать кого-то или что-либо способным оправдать возлагаемые на него надежды 2. Передавать, вручать с доверием'¹³.

Обратим внимание на первое значение из большого академического словаря. В нём выделяется важная черта, согласно которой человек обладает определёнными особенностями/умениями. Думается, что данное определение описывает доверие, возникающее в деловых партнёрских отношениях.

Однако следует указать, что в дефинициях глаголов *доверить* — *доверять*, в отличие от определений существительного *доверие*, представлено больше деталей, так как благодаря им можно заметить, что доверие подразделяется на два типа: доверие на профессиональном (деловом) уровне и обычное доверие между близкими людьми.

Обратим также внимание на словарь польского языка (*Inny słownik języka polskiego*). В нём выделяются четыре значения, одно из которых ссылается на производящее слово *zaufać*, толкуемое следующим образом: '1. jeśli zaufaliśmy komuś, to powierzyliśmy mu swój los, swoje sprawy lub jakieś tajemnice, ponieważ byliśmy przekonani, że nie oszuka on nas i nie skrzywdzi, 2. jeśli zaufaliśmy jakiejś osobie, instytucji lub jej słowom albo informacjom, to uznaliśmy że to, co ona mówi jest prawdą, 3. jeśli zaufaliśmy czemuś, np. czyjś radom lub jakimś produktom, to uznaliśmy, że jest dobre i że możemy z tego korzystać, 4. jeśli zaufaliśmy czyjś umiejętnościom, zdolnościom itp., to uznaliśmy, że ta osoba je posiada i dzięki nim nie zawiedzie naszych oczekiwań lub osiągnie to co zamierzała'¹⁴.

Учитывая приведённые значения слова *zaufanie*, а также значения его производящего глагола *zaufać*, заметим, что в данном словаре выделяется несколько типов доверия (доверие к человеку, к организации). Кроме того, выделяются конкретные представления, входящие в содержание данного слова. Согласно рассматриваемым статьям о словах *zaufanie*, *zaufać*, доверие — это:

— уверенность в том, что человек нас не обманет, не предаст, поэтому мы можем доверить ему любую информацию, в том числе тайны;

¹³ Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. Москва—Ленинград 1954.

¹⁴ M. Bańko: *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa 2000.

- уверенность в том, что предоставленная информация от человека или организации основывается на правде;
- уверенность в том, что тот или иной продукт является качественным;
- уверенность в том, что человек обладает умениями и способностями, благодаря чему он сможет оправдать наши ожидания и достичь своих целей.
- уверенность, связанная с абсолютным/полным принятием (одобрением).

Анализ словарных данных показывает, что в большинстве случаев толкования значений лексемы *доверие* одного языка отличается от толкований значений другого. В словарях русского языка доверие в первую очередь связывается с понятиями этики, и только благодаря производящим словам *доверить* — *доверять* мы узнаём, что доверие также касается разного рода отношений между людьми. В свою очередь, в польских словарях доверие описывается более детально: представлены условия, при которых способны существовать отношения, основанные на доверии.

Обратим внимание на другую важную составляющую словарных данных, а именно на приведённые примеры употребления слова *доверие* в сочетании с другими лексическими единицами. Неслучайно подчёркивается, что анализ лексической сочетаемости ключевого слова позволяет установить важнейшие черты соответствующего концепта¹⁵. Для определения лексической сочетаемости воспользуемся не только примерами из словарных статей, но также материалами из корпусов русского и польского языка (*Национальный корпус русского языка*¹⁶, *Narodowy Korpus Języka Polskiego*¹⁷).

Перейдём непосредственно к анализу слов, сочетающихся с лексемой *доверие*. На основании контекстов, в которых встречается лексема *доверие*, в количестве около 4000, а лексема *zaufanie* в количестве 3500, мы выявили, что существительное *доверие* в большинстве случаев выступает в качестве объекта, зависящего от глагола. Список таких глаголов, а также частотность их употребления со словом *доверие* приведены в таблице 1.

На основании таких глаголов, как *zdobyć* — *zdobywać*, *budować* — *zbudować*, *zyskać* — *pozyskać*, *nabrać* — *nabierać*, *zasługiwać* в польском языке и *завоевать*, *заслужить* в русском, можно определить, что в сознании носителей обоих языков доверие — это ценность, для обладания которой необходимо прикладывать усилия. Стремление к доверию оказывается далеко не простым. Доверие нуждается в доказательствах, что его действительно заслуживают. Можно предположить, что доверие в данном случае

¹⁵ О.М. Смирнова: *К вопросу о методологии описания концептов...*, с. 247—253.

¹⁶ *Национальный корпус русского языка*, <http://www.ruscorpora.ru/> [дата обращения: 19.07.2018].

¹⁷ *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, <http://nkjp.pl/> [дата обращения: 30.07.2018].

Таблица 1

Частотность употребления глаголов, сочетающихся с существительными
zaufanie и *доверие*

Польский язык	Частотность	Русский язык	Частотность
<i>mieć</i>	457	<i>терять/потерять</i>	228
<i>utracić/stracić/tracić</i>	220	<i>подорвать/подрывать</i>	153
<i>wzbudzać/budzić</i>	164	<i>оправдать/оправдывать</i>	135
<i>cieszyć się</i>	128	<i>оказать/оказывать</i>	88
<i>darzyć/obdarzyć</i>	108	<i>завоевать</i>	84
<i>zdobyć/zdobywać</i>	83	<i>заслужить/заслуживать</i>	82
<i>podważać</i>	69	<i>восстановить/восстанавливать</i>	79
<i>zyskać/uzyskać/pozyskać</i>	64	<i>вернуть</i>	78
<i>budować/zbudować</i>	53	<i>пользоваться</i>	78
<i>odzyskać</i>	51	<i>повышать/повысить</i>	75
<i>nadużyć/nadużywać</i>	32	<i>вызвать/вызывать</i>	73
<i>zasługiwać na</i>	27	<i>злоупотреблять/злоупотребить</i>	65
<i>nabrać/nabierać</i>	26	<i>войти/входить</i>	63
<i>zawieść</i>	19	<i>укрепить/укреплять</i>	41
<i>poderwać/podrywać</i>	19	<i>втираться/втереться</i>	38
<i>zwiększyć</i>	13	<i>чувствовать/ощущать/ испытывать</i>	25
<i>nadszarpnąć</i>	11	<i>сохранить</i>	20
<i>wrócić/przywrócić</i>	10	<i>снижать</i>	15
<i>zniszczyć/niszczyć</i>	8	<i>оценить/ценить</i>	12
<i>podkopać/podkopywać</i>	8	<i>лишиться</i>	9
<i>okazać, naruszać, udzielać</i>	6	<i>относиться с,</i>	6
<i>zachować</i>	3	<i>иметь, нарушать</i>	3

рассматривается как некоторая награда, для достижения которой стоит потратить большое количество сил, и только после этого добиться её.

Теперь необходимо обратить внимание на глаголы обладания, поскольку они характеризуют уже тот этап отношений, на котором доверие имеется, то есть в данном случае его уже не нужно доказывать. В польском языке к глаголам обладания относятся слова *mieć*, *cieszyć się*, в русском — *пользоваться*. Заметим, что в польском языке глагол *mieć* — это самый частотный глагол (457 употреблений). В то же время в русском языке аналогичный глагол *иметь* оказывается одним из менее употребляемых. Редкое использование глагола *иметь* обусловливается тем, что в русском языке в отличие от большинства европейских языков отношения обладания выражаются не с помощью глагола *иметь*, а с помощью

конструкций *у меня / у тебя есть*. Однако значение обладания в русском языке обнаруживается в других глаголах через выделение пресуппозиции. В связи с этим важно уделить внимание глаголам *оправдать, злоупотреблять* и др., поскольку в пресуппозиции этих слов содержится информация 'ты чем-то обладаешь'. Как видим, в обоих языках имеется представление, согласно которому люди, находящиеся в отношениях, обладают доверием.

Однако стоит отметить, что для того чтобы вести отношения, основанные на доверии, одного обладания/имения недостаточно, поскольку наличие таких глаголов в русском языке, как *оправдать, повышать, укреплять, ценить, сохранить* показывает то, что доверие нуждается в постоянном развитии, улучшении или же поддержании на том же самом уровне. Что касается подобных польских примеров, то к ним относятся глаголы *zwiększyć* и *zachować*.

Как мы знаем из рассматриваемых ранее философских и психологических подходов, доверие — противоречивое понятие, поскольку оно необязательно является гарантией надежности и прочности отношений и может быть связано с риском и неопределённостью. В связи с этим заметим, что в обоих языках имеется большой пласт глаголов, подходящих для описания отношений, в которых существование доверия ставится под сомнение, то есть оно или перестаёт существовать, или его качество значительно ухудшается. К данным примерам относятся глаголы *utracić/stracić/tracić, podważać, zawieść, podrywać, nadszarpnąć, zniszczyć/niszczyć, podkopywać, naruszać, терять/потерять/утратить, подорвать/подрывать, лишиться, нарушить*.

На основании глаголов, сочетающихся с именем концепта, можно определить общую содержательную сторону доверия, которая заключается в следующем: доверие выступает в роли некой награды (ценности), для достижения которой необходимо приложить усилия. Однако и в случае обладания нужно иногда приводить доказательства, что доверие действительно является заслуженным. При всём этом доверие легко потерять, ухудшить его качество, поскольку оно отчасти соотносится с риском.

Таким образом, можно выделить три этапа, связанных с доверием: предварительный этап, собственно этап доверия, этап потери/утраты доверия. Предварительный этап характеризуется тем, что человек старается заслужить доверие. Собственно этап доверия — это тот период, в котором отношения основываются на доверии, люди им обладают. Заметим, что данный этап, как правило, характеризуется тем, что люди, выполняя определённые условия, стараются сохранить доверие. Потеря/утрата доверия — это нежелательный этап в отношениях, но поскольку доверие в какой-то степени является риском, оно может прекратить существование. Вместе с тем следует добавить, что этап потери/утраты доверия не

означает его полного исчезновения — возможно, ухудшается только его качество. Например, анализируя словосочетания *zniżyć zaufanie*, *osłabić zaufanie*, *poderwać zaufanie*, *podważać zaufanie* и т.д., можем определить, что уровень доверия становится ниже, но не исчезает полностью.

Отметим также, что может существовать четвёртый этап. Основанием для его выделения служат глаголы *wybudować*, *zwrócić*, *odzyskać*, *wrócić*. Их наличие свидетельствует о том, что после утраты/потери доверия всё-таки есть возможность его восстановления.

Интересно заметить, что в русском языке словом *доверие* могут управлять глаголы *чувствовать*, *ощущать*, *испытывать*. Суммарное число всех таких сочетаний невелико — оно равняется 25, однако в польском языке данных глаголов в сочетании с именем изучаемого концепта совсем не обнаруживается. Таким образом, предположительно, наличие данных глаголов показывает, что у русских доверие в некоторых случаях может основываться на эмоциях, а не на фактах или доказательствах. В свою очередь, отсутствие таких глаголов в польском языке свидетельствует о том, что доверие не может основываться на чувствах/эмоциях.

Таблица 2

Частотность употребления прилагательных, сочетающихся с существительными *zaufanie* и *doверие*

Польский язык	Частотность	Русский язык	Частотность
<i>pełne</i>	214	<i>полное</i>	175
<i>wzajemne</i>	109	<i>взаимное</i>	64
<i>duże/wielkie</i>	87	<i>безграничное/неограниченное</i>	59
<i>bezgraniczne/nieograniczone</i>	47	<i>высокое</i>	51
<i>ogromne</i>	32	<i>большое</i>	48
<i>publiczne</i>	20	<i>особое</i>	31
<i>małe</i>	13	<i>всякое</i>	26
<i>stuprocentowe</i>	11	<i>слепое</i>	14
<i>pewne</i>	11	<i>безусловное</i>	12
<i>głębokie</i>	7	<i>величайшее</i>	12
<i>powszechne</i>	6	<i>общее</i>	12
<i>najwyższe</i>	6	<i>огромное</i>	12
<i>własne</i>	5	<i>общественное</i>	10
		<i>исключительное</i>	9
		<i>абсолютное</i>	9
		<i>глубокое</i>	8
		<i>излишнее</i>	7
		<i>известное</i>	6

Для создания более полного представления сравниваемых концептов перейдём к анализу прилагательных, сочетающихся с лексемой *доверие*.

На основании примеров, приведённых в таблице 2, можно прийти к следующим выводам.

В русском и польском языках обнаруживается большое количество одинаковых прилагательных, сочетающихся с лексемой *доверие* (*pełne* — *полное*, *wzajemne* — *взаимное*, *bezgraniczne* — *безграничное*). Это в свою очередь означает, что носители обоих языков воспринимают доверие подобным образом.

Кроме того, выявляется, что в обоих языках доверию свойственна высокая степень проявления, поскольку с именем изучаемого концепта сочетаются такие прилагательные, как *полный*, *безграничный*, *большой*, *абсолютный*, *pełny*, *duży*, *stoprocentowy*. Заметим, что в корпусе русского языка прилагательных, обозначающих небольшую степень проявления, нами обнаружено не было. В польском языке такое прилагательное (*małe*) встречается, однако его использование не говорит о принципиальных различиях двух языков, поскольку в корпусе число употреблений с данной лексемой равняется 13.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в польском и русском языках слово *доверие* главным образом сочетается с прилагательными, обозначающими высокую степень проявления признака. В связи с этим можно сказать, что и концепт *доверие* чаще всего соотносится с его пониманием как полного.

Итак, доверие представляет собой противоречивое понятие. С одной стороны, оно является инструментом, гарантирующим безопасность и снижающим риски, но, с другой стороны, оно не даёт гарантии надёжности и уверенности. Однако в условиях современного быстроразвивающегося мира доверие становится необходимым источником сотрудничества, партнёрства, хороших отношений. Доверие, несмотря на его тесную связь с риском, создаёт некоторую платформу, благодаря которой возможно человеческое развитие. Доверие является важным элементом общества, поскольку оно необходимо на многих уровнях: доверие к близкому человеку, к целой организации, различным институтам: социальным, экономическим, политическим.

В связи с тем, что доверие играет большую роль в жизни общества, оно изучается в рамках многих научных дисциплин: философии, психологии, лингвистики и др. В данной статье была предпринята попытка рассмотреть доверие с различных позиций, в том числе с точки зрения носителей польского и русского языков. Таким образом, была выявлена общая содержательная сторона доверия, а также выделены связанные с ним этапы.

Dmitrii Lukianov

Fenomen zaufania: aspekt filozoficzny, psychologiczny i lingwokulturologiczny

Streszczenie

W niniejszym artykule rozpatrywany jest fenomen zaufania, które stanowi obiekt zainteresowania wielu dyscyplin. Autor opisuje, jak wybrane pojęcie jest interpretowane z punktu widzenia filozofii oraz psychologii. Ponadto przeanalizowano definicje wyrazu *zauwanie* w polskich i rosyjskich słownikach oraz przedstawiono dane korpusowe. Pozwoliło to odpowiedzieć na pytanie, jak rozumiane jest zaufanie w polskiej i rosyjskiej przestrzeni językowo-kulturowej.

Słowa kluczowe: zaufanie, koncept, analiza konceptualna, lingwokultura

Dmitrii Lukianov

The phenomenon of trust: philosophical, psychological, linguocultural viewpoint

Summary

The paper is dedicated to the phenomenon of trust, which is the object of interest for a lot of disciplines. In the study the author describes how the concept trust is understood in philosophy and psychology. In addition, the author makes an analysis of the definition of trust in Polish and Russian dictionaries and he examines corpus data. Basing on that the author manages to answer the question how the phenomenon of trust in Polish and Russian languaculture.

Key words: trust, concept, languaculture, conceptual analysis

Патриция Мах

Силезский университет в г. Катовице

Эквивалентность и безэквивалентность русских и польских приставок *при-* и *przy-*

Как известно, приставки и префиксация наблюдаются как в польском, так и в русском языках. Приставка как предмет изучения относится одновременно к вопросам словообразования и морфологии. Процесс приставочного способа словообразования в обеих языковых системах происходит одинаковым путём, а семантика и толкование приставок умещаются в рамках тождественного раздела языкознания. На первый взгляд, может показаться, что сопоставление слов, образованных в этих языках с помощью префиксации, не вызывает особых трудностей, так как польский и русский языки являются близкородственными (принадлежат к славянской группе), благодаря чему обладают большим количеством сходств и аналогий. Однако длительность процесса их самостоятельного формирования в ходе исторического развития привела к образованию независимых семантических и словообразовательных структур, характерных для каждого языка. Кроме того, формальные сходства далеко не всегда совпадают в семантическом отношении и даже бывают обманчивы. Одной из важных особенностей, которую следует уточнить, является различие в изучении тематики приставки между обоими языками. В русском языкознании вопрос приставки занимает существенное место с самого начала его создания. По мнению А.Н. Тихонова, русские приставочные глаголы представляют собой 90% всех глаголов¹, вследствие чего лингвисты уделяют очень

¹ Н.И. Стефанова: *Семантика русских глагольных приставок в префиксальном словообразовании: на материале ЛСГ глаголов трудовой деятельности*. Москва 1999; <http://www.dissercat.com/content/semantika-russkikh-glagnolnykh-pristavok-v-prefiksalsnom-slovoobrazovanii-na-materiale-lsg-gla> [дата обращения: 15.07.2018].

много внимания префиксации, посвящая ей немалое количество статей, монографий и учебных пособий.

Вместе с тем недостаточная изученность префиксации в сопоставительном плане русского и польского языков вызвала интерес к рассмотрению данного вопроса. В частности, обратим внимание на приставки *при-* и *przy-* и проследим, какое влияние они могут оказывать на лексическое и/или грамматическое значение слов и их морфемный состав как в русском, так и в польском языках. Кроме того, подробное описание лексических единиц с данными префиксами может способствовать эффективности обучения приставочному способу словообразования, равно как и самой изучаемой приставке.

Сопоставление слов, образованных путём префиксации, происходит в основном на словообразовательном уровне. Однако описание приставочного способа словообразования представляет собой далеко не простой вопрос, так как глагольные префиксы обычно обладают значительным числом разнообразных функций. При этом не все они до сих пор подробно описаны, что в первую очередь наблюдается в польском языкознании. Кроме того, отдельному бесприставочному глаголу может сопутствовать большое количество префиксальных образований, и каждое из них семантически будет отличаться друг от друга.

Префиксация глаголов тесно связана также с категорией вида. В этом плане затруднения и препятствия рождает выбор соответствующей приставки, которая вместе с исходным глаголом создавала бы видовую пару, определяя тем самым, главным образом, завершённость действия посредством глагола совершенного вида. Помимо упомянутого изменения вида глагола, префиксы определённым образом модифицируют значения своих основ, о чём в своих работах упоминал Максим Анисимович Кронгауз². Отметим, что предметом нашего рассмотрения была лексическая и словообразовательная семантика, а не видовые значения приставки. В связи с этим анализ выбранных польских и русских слов с приставками *при-* и *przy-* разных частей речи проводился с упором на эквивалентность или безэквивалентность приводимых лексических единиц в сопоставляемых языках. В качестве примеров своё место находят также имена существительные и прилагательные, несмотря на то, что в основном они образуются при помощи суффиксации, а префиксация в их случае происходит значительно реже (напр. *przyproże*, *пригород*). Источниками иллюстративного материала были преимущественно словари. Среди них *Толковый словарь русского языка* С.И. Ожегова³, *Słownik języka polskiego* PWN⁴, *Сло-*

² М. Кронгауз, Д. Пайар: *Глагольная префиксация в русском языке*. Москва 1997.

³ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова: *Толковый словарь русского языка*. http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt_with-big-pictures.html [дата обращения: 16.01.2018].

⁴ *Słownik języka polskiego* PWN. <https://sjp.pwn.pl/> [дата обращения: 21.04.2018].

варь морфем русского языка А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой⁵, а также *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka polskiego* Н. Jadackiej⁶. Незаменимым элементом анализа оказался переводной *Большой словарь польско-русский и русско-польский* С. Хватова, М. Тимошука.⁷

Приставкам в польском и русском языках в толковых словарях приписывается большое количество различных значений, которые учёные — лингвисты, напр., В.В. Виноградов⁸, А.Г. Исаченко⁹, Д.В. Якунина¹⁰, В. Смех¹¹, А. Богуславский¹², постоянно старались и стараются расширять, дополнительно изучая те или иные приставки по их семантическим свойствам и признакам. Сопоставляя дефиниции изучаемых приставок, приводимые в традиционных русских и польских грамматиках, можно заметить расхождения между описанием приставки *при-* и *przy-*. Так, на первом этапе анализа нами было замечено, что отсутствие более или менее совпадающих толкований префиксов в русском и польском языках имеет свои последствия при сравнении отдельных слов. Это нашло своё отражение, в частности, в том, что сопоставляемые языки, в стремлении передать недостающую форму, часто используют асимметричные способы, отвечающие собственным принципам и правилам построения слов. Именно на этой основе производилась классификация, в соответствии с которой можно было сопоставить, а затем выявить отличия между выбранными словами русского и польского языков, отдельно учитывая при этом разные части речи. Количественный состав изучаемого материала составил около 100 русских и 100 польских единиц, из которых в статье было использовано по 50 наиболее наглядных примеров для каждого языка. Стоит также подчеркнуть, что анализ проходил в двух направлениях: с русского языка на польский и с польского на русский язык, поскольку лишь двусторонний взгляд позволил сделать ряд замечаний для исследования.

Основу производившегося деления можно представить следующим образом. Во-первых, выделялись лексические единицы, являющиеся полными эквивалентами, в случае которых семантические функции приставок и реализующие их слова полностью пересекаются. Во-вторых, в от-

⁵ Т.Ф. Ефремова, А.И. Кузнецова: *Словарь морфем русского языка*. Москва 1986.

⁶ Н. Jadacka: *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka polskiego*. Warszawa 1988.

⁷ С. Хватов, М. Тимошук: *Большой словарь польско-русский и русско-польский*. Warszawa 2014.

⁸ В.В. Виноградов, Л.В. Щерба: *Грамматика русского языка*. Москва 1952.

⁹ А.В. Исаченко: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Москва 1960.

¹⁰ Д.В. Якунина: *Приставка при-: построение семантической сети*. «Московский лингвистический журнал» 2001, № 5, с. 125—165.

¹¹ W. Śmiech: *Derywacja prefiksalna czasowników polskich*. Wrocław 1986.

¹² А. Богуславский: *Перфективные глаголы в русском языке*. Москва 1963.

дельной группе представлены слова — частичные эквиваленты, при которых не всем словам-аналогам свойственна схожая приставка. В-третьих, последнюю группу составили безэквивалентные единицы, т.е. не соотносимые по своему значению в другом языке. Слова из этой группы передаются поэтому либо описательным способом (чаще всего без участия какой-либо приставки), либо с использованием другой приставки, не соотносимой по формальным признакам с приставкой сопоставляемого языка.

1. Полные эквиваленты

Необходимо сказать, что в польском языкознании приставка *przy-* описана недостаточно. Это касается, в первую очередь, определения её семантических функций. Вместе с тем её значение с давних времён продолжает оставаться практически неизменным, о чём свидетельствуют, в частности, приставочные слова, которые можно найти в *Słowniku staropolskim*¹³, напр., *przyjść*, *przybiec*. Первоначальная функция данного префикса заключалась в выражении пространственных отношений, а именно ‘приближения к цели’, что имеет непосредственную связь с глаголами. В связи с этим до сих пор основным значением, которое вносит *przy-*, является именно локативность. В таком случае значение обуславливает сам глагол.

Аналогичное положение находим также в русском языке: основное значение префикса *при-* связано с приближением, присоединением и близостью¹⁴. Совсем другое определение приставки *при-*, отличающееся от традиционного подхода и теории по вопросам существования инвариантов, вводит в русское языкознание Дарья Владимировна Якунина¹⁵, которая исследует связи между подзначениями данного префикса. Толчком для принятого ею анализа послужили недостаточно разработанные сведения о значении префикса *при-* и слишком обобщённые работы, представляющие данную приставку исключительно как видовую. Исследовательница, в доказательство многозначности *при-*, выделяет 23 подгруппы её различных значений.

Среди слов, которые являются полными эквивалентами, сохраняя тождественную приставку, можно выделить прежде всего глаголы, обозначающие движение, проявление действия в неполной степени и доведение действия до определённого результата.

¹³ *Słownik staropolski*. <http://www.staropolska.pl/sownik/> [дата обращения: 24.06.2018].

¹⁴ А. Соколкина: *К вопросу эволюции аспектуальной категории (приставочные глаголы в «Хождении за три моря Афанасия Никитина»)*. Падуя 2018, с. 87. http://tesi.cab.unipd.it/57645/1/Anna_Sokolkina_2018.pdf [дата обращения: 4.07.2018].

¹⁵ Д.В. Якунина: *Приставка при-: построение семантической сети*. «Московский лингвистический журнал» 2001, № 1, с. 125—160. http://mjl.rsuh.ru/issues/_num_5-1-2001.pdf [дата обращения: 6.07.2018].

Оказывается, что именно первоначальная функция приставок *при-* и *przy-* в дальнейшем остаётся актуальной. Эквивалентность практически всех приводимых префиксальных слов связана со сходством значений основ глаголов движения и в польском, и русском языках. Тем самым, приставки, которые с ними сочетаются, являются тождественными, поскольку в этом случае сам глагол определяет значение приставки:

- а) 'глаголы, обозначающие доведение движения до цели, до определённого места': *принести* — *przynieść*, *приехать* — *przyjechać*, *прибежать* — *przybiec*, *притягивать* — *przyciągać*, *прилететь* — *przylecieć*, *прибыть* — *przybyć*, *приходить* — *przychodzić*, *пришвартовать* — *przysuwać*;
- б) 'глаголы, обозначающие сжатие, уплотнение в результате давления сверху, проявление действия в ограниченной, неполной степени': *притоптать* — *przydeptać*, *прижать* — *przycisnąć*, *придушить* — *przydużyć*, *прикрыть* — *przykryć*, *примерзнуть*, *пришурить* — *przymrużyć*;
- в) 'глаголы, обозначающие доведение движения, действия, состояния до определённого результата, достижение определённой цели': *приневолить* — *przymusić*, *приучить* — *przyuczyć*;
- г) 'глаголы, обозначающие завершённость действия, доведение состояния до какого-л. результата': *присниться* — *przyśnić się*, *приготовить* — *przyrządzić*, *приласкать* — *przytulić*, *примерить* — *przymierzyć*, *приблизить* — *przybliżyć*, *прибить* — *przybić*;
- д) 'присоединяется к глаголам, обозначающим интенсивность, усиленное проявление действия, состояния': *присматриваться* — *przypatrywać się*, *приглядываться* — *przyglądać się*, *прислушиваться* — *przysłuchiwać się*;
- е) 'присоединяется к глаголам, обозначающим привыкание, утрату новизны в совершении действия': *притерпеться* — *przyzwyczać się*.

2. Частичные эквиваленты

- а) 'глаголы, обозначающие действие, сопутствующее какому-л. другому действию': *припевать* — *przyśpiewywać*, но: *приплясывать* — *podrygiwać*, *приговаривать* — *przymawiać* (однако оно обладает совсем другим значением — *skazywać*);
- б) 'прилагательные, обозначающие расположенность в непосредственной близости от чего-либо': *прибрежный* — *przybrzeżny*, *придорожный* — *przydrożny*, *пристанционный* — *przystacyjny*, *приусадебный* — *przyzagrodowy*, но: *личный*, *состоящий при* (хотя существует форма *прибочный*, которая обозначает внебрачного ребёнка и является устаревшей), *пригородный* — *przygruntowy* — *кое-что при почве*, *пригородный* — *podmiejski*, *придворный* — *nadworny*

(*przydworny*), *прижизненный* — *za życia* (с предлогом), *приморский* — *nadmorski*.

Говоря о происхождении характеризующей в данной приставке семантики, необходимо сказать, что всем балто-славянским языкам присуще родственное этимологическое соответствие между предлогом *при* и приставкой *при-*¹⁶. Неслучайно поэтому они имеют одинаковое или близко связанное друг с другом значение, что наблюдается в приведённых примерах, напр., *прибрежный* — *przybrzeżny* ('przy brzegu'), *придорожный* — *przydrożny* ('przy drodze'), *пристанционный* — *przystacyjny* ('przy stacji'), *приусадебный* — *przyzagrodowy* ('przy zagrodzie'). Несмотря на это, существует целый ряд примеров, когда слова с польскими и русскими приставками не являются эквивалентными. Так, вместо префикса *przy-* в польских лексемах в их соответствиях на русском языке, в частности, наблюдается описательный способ передачи с использованием предлога *при*.

В свою очередь, русские прилагательные данного типа также не находят своих полных эквивалентов в польском языке, в котором используется в этих случаях приставка *nad-*, *na-* или *pod-* в зависимости от сочетания предлога с существительным (*nad morzem, pod miastem, za życia*). Причину таких отличий исследователи пытаются объяснить, прибегая к способу представления приставок *при-* и *przy-*. В то время как в польском языкознании обращается внимание на сочетаемость предлога *przy-* с существительным в предложном падеже, в русском делается упор на определение месторасположенности, подчёркивая семантику, а не грамматический аспект. При этом не указывается на связь префикса с предлогом. Среди приводимых примеров по этой причине встречаются также и географические названия — *Приамурье, Приуралье, Приднестровье, Приднепровье, Приморье*, которые переводятся на польский язык как имена собственные. Оставляется префикс *przy-*, при том, что такие образования для самого языка не типичны.

3. Безэквивалентные единицы

- а) 'глаголы и существительные, обозначающие добавление, пополнение чего-л.': *прибавить* — *dodać*, *придать* — *dodać*, *прикинуть* — *dorzucić*, *пристроить* — *dobudować*, *присчитать* — *doliczyć*, *прикупить* — *dokupić*, *приписать* — *dopisać* (слово *przypisać* имеет другое значение), *приладить* — *dopasować*, *приказывать* — *dopowiedzieć*, *присмотр* — *dogląd, dozór*, *приписка* — *dopisek*, *приплата* — *dopłata*, *прибавка* — *dodatek*, *прибыль* — *dochód*, но: *привкус* — *posmak*.

В большинстве случаев русским словам с приставкой *при-* соответствуют польские слова с приставкой *do-*, которая в польском языке при-

¹⁶ А. Соколкина: *К вопросу эволюции...*, с. 87.

даёт словам семантику совершения какого-либо дополняющего действия ('wykonanie jakiejś czynności uzupełniającej'). Префикс *przy-* также может иметь такое значение, однако значительная часть лексем, относящихся к этой группе, считается устаревшими, напр., *przykupić*, *przytupnożyć* или *przydać*. В свою очередь, в русском языке такие слова относятся к активному лексическому составу.

- б) 'прилагательные, обозначающие ослабление какой-либо черты или уменьшение интенсивности чего-либо': *przygruby* — толстоватый, *przydługi* — длинноватый, *przyduży* — великоватый, *przybrudzony* — грязноватый, *przyciasny* — тесноватый, *prymały* — маловатый, *przykrótki* — коротковатый.

Если речь идёт о прилагательных с приставкой *przy-*, следует заметить, что они характеризуются двумя противопоставляемыми значениями. С одной стороны, они указывают на недостаточность либо неполную интенсивность признака (*przygłupi*, *przykrótki*, *przygruby*, *przyciasny*, *przyduży*). Словам с приставкой *при-* подобная семантика не свойственна, а значение неполноты передаётся с помощью суффикса *-оват-*.

- в) 'глаголы, обозначающие речевое действие, высказывание': *przymówić* — поругать, пожурить, *przyobiecąć*, *przyrzec* — пообещать, *przygadać* — потешаться, *przywitać* — поприветствовать, *przywitać się* — поздороваться, *przywołać* — позвать, призвать, *przygnębić* — подавить, *przy pieczętować* — поставить печать, *przysłowie* — поговорка, пословица.

Выбранный материал позволил обнаружить определённую закономерность: в большинстве случаев польским глаголам с приставкой *przy-*, обозначающим речевое действие, в русском языке соответствуют образования с *по-*. В ходе изучения вопроса выявились также другие связи между приставкой *при-* и *przy-*, а именно: русским и польским отглагольным существительным соответствуют часто в другом языке беспрефиксные конструкции.

Русский язык	Польский язык
1. <i>прихватка</i> — <i>łapka kuchenna, rękawica</i>	1. <i>przytulanka</i> — детская мягкая игрушка
2. <i>причёска</i> — <i>fryzura, uczesanie</i>	2. <i>przysmak</i> — деликатес, лакомство
3. <i>прикосновение</i> — <i>dotyk</i>	3. <i>przycisk</i> — кнопка
4. <i>прикол</i> — <i>żart</i>	

Как известно, для подавляющего большинства приставок, выступающих в славянских языках (в том числе русском и польском), характерны

сходства с предложениями в формальном и семантическом отношениях, что, в конечном итоге, может определять их семантику. Однако выделение полных эквивалентов слов с изучаемыми приставками в польском и русском языках приводит к немалым затруднениям, поскольку смыслы, которые придают лексическим единицам приставки, настолько разнообразны, что при тщательном рассмотрении представляют собой полностью не тождественные понятия. Если речь идёт о глагольной префиксации, в её центре находятся «словообразовательные категории производных глаголов»¹⁷. Исследование данной проблематики оказывается сложным также и потому, что славянские словари непоследовательно фиксируют приставочные глаголы, которые нуждаются в дальнейшем описании связей категории вида и залога с рассматриваемой словообразовательной категорией.

Проведение подробного анализа польской приставки *przy-* в сопоставлении с её русским аналогом *при-* позволило обнаружить и раскрыть особенности, не наблюдаемые при внешнем, поверхностном рассмотрении приставок, начиная с их толкования, переходя к структуре и заканчивая на их семантике. Было замечено большое число примеров, подтверждающих сходство обоих префиксов, что касалось практически всех глаголов движения. Наряду с этим был выявлен целый спектр несоответствий, несовпадений и даже неточностей, которые в дальнейшем требуют проведения углублённых и всесторонних исследований.

Как показал проведённый анализ, слова с приставками *при-* и *przy-* далеко не всегда и не полностью являются эквивалентными. Единицам, принадлежащим к частичным эквивалентам в одном языке, могут соответствовать слова с другими приставками. При этом здесь не обнаруживаются чёткие закономерности, касающиеся употребления одного какого-либо префикса. Среди безэквивалентных единиц также выявляются связи между словами в польском и русском языках, поскольку в большинстве приведённых примеров используется другой, но определённый префиксный эквивалент. Более того, данное соответствие можно было бы объяснить или истолковать исходя из истории и дефиниций изучаемых приставок.

¹⁷ Н.П. Савицкий: *Словообразовательная структура глагольных неологизмов в русском и чешском языках и некоторые общие вопросы теории словообразования*. В: *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. Ред. Г.И. Нешименко. Москва 1987, с. 41.

Patrycja Mach

Ekwiwalentność i bezekwiwalentność
rosyjskich i polskich przedrostków *npu-* i *przy-*

Streszczenie

Niniejszy artykuł został poświęcony zjawisku ekwiwalentności i bezekwiwalentności rosyjskich i polskich przedrostków *npu-* i *przy-*. Materiał badawczy zaczerpnięto z *Толкового словаря русского языка* С.И. Ожегова i *Słownika języka polskiego PWN*, na podstawie których podjęto próbę przedstawienia podobieństw i różnic między leksemami z danymi przedrostkami. Przeprowadzona analiza pozwoliła potwierdzić postawioną tezę o licznych rozbieżnościach między badanymi prefiksami i argumentować przyczyny takiego zjawiska.

Słowa kluczowe: przedrostek, prefiksacja, ekwiwalencja, *npu-*, *przy-*

Patrycja Mach

Equivalence and non-equivalence Russian and Polish
prefixes *npu-* and *przy-*

Summary

The aim of this article is to present the phenomenon of equivalency and non-equivalency among Russian and Polish prefixes *npu-* and *przy-*. The lexical material was taken from *Толковый словарь русского языка* С.И. Ожегова and *Słownik języka polskiego PWN* in order to demonstrate similarities and differences between chosen lexemes with prefixes *npu-* and *przy-*. The analysis confirmed that equivalent Polish and Russian prefixes *npu-* and *przy-* are not parallel in each situation what the research has shown.

Key words: prefix, prefixation, equivalence, *npu-*, *przy-*

Лукаш Маршик

Остравский университет

Интернациональные термины-эпонимы в метаязыке лингвистики и их культурно-историческая ценность*

Имена собственные являются одним из важных потенциальных и неисчерпаемых источников формирования терминологических наименований. Их использование в терминологии любой научной дисциплины, в том числе лингвистики, имеет устойчивую традицию. Монолексемные и полилексемные выражения, в составе которых встречается имя собственное или его дериват, называются в специальной лингвистической терминологии эпонимами, эпонимическими названиями или эпонимическими наименованиями.

Необходимо отметить, что термин *эпоним* имеет два разных значения. В *Словаре русской ономастической терминологии* Наталия В. Подольская определяет эпоним как «лицо, чем-л. знаменитое, имя которого послужило для образования любого другого онима»¹. Во многих других словарях и энциклопедиях лингвистической терминологии данный термин также традиционно определяется как «лицо, от имени которого произведено название народа, местности и т.п.»², хотя приведённое толкование считается

* Предлагаемая статья выполнена в Остравском университете в рамках проекта «Корпусы русской и чешской терминологии (подготовительный этап для издания переводных словарей)» SGS08/FF/2017-2018. Проект осуществляется с помощью средств целевой поддержки специальных исследований в высшем образовании, предоставленных Министерством образования Чешской Республики в 2018 г.

¹ Н.В. Подольская: *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва 1988, с. 150—151.

² О.С. Ахманова: *Словарь лингвистических терминов*. Москва 2016, с. 528; *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т.* Общ. ред. А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов. Москва 2008, с. 229.

в настоящее время несколько устаревшим. Один из известных авторитетов русского терминоведения Владимир М. Лейчик подчёркивает, что уже во второй половине XX века изменяется семантика данной лексической единицы. В метаязыке лингвистики эпоним начинает фигурировать в качестве термина, причём под этим понятием разумеется не лицо, давшее название объекту, а именно название объекта, на который было перенесено имя собственное³. Таким образом, в настоящее время все эпонимы без исключения (непроизводные и производные образования) объединяет общий источник их формирования, которым становится ономастическая лексика. В рамках терминологических и фразеологических эпонимических словосочетаний ономастическая лексика сочетается с апеллятивной⁴.

Евгения М. Какзанова, признанный специалист в области изучения эпонимов в русской лингвистике, также определяет эпонимы либо как разные аффиксальные производные от имени собственного, либо как непроизводные (корневые) слова, образованные от имени собственного без-аффиксным способом, т.е. путём метонимического переноса имени собственного на название объекта.

Третью, наиболее частотную группу эпонимов представляют собой термины-эпонимы, содержащие в своём составе имя собственное и имя нарицательное в обозначении научного понятия⁵. Из приведённого выше определения эпонимов, созданного Е.М. Какзановой, вытекает, что эпонимами считаются не только слова, но также терминологические словосочетания.

Кроме того, в лингвистической терминологии можно встретиться с более широким термином *эпонимия*, под которым разумеется «образование новых слов на основе имён собственных»⁶. В связи с эпонимией выделяются семантический, морфологический и синтаксический способы образования эпонимов.

Среди лингвистов в настоящее время дискуссионным остаётся вопрос о том, какие категории имён собственных можно считать основой для создания эпонимов. В связи с этим выделяется узкое и широкое понимание эпонимов. Главная разница заключается именно в том, что некоторые лингвисты относят к эпонимам лишь выражения, образованные при участии

³ В.М. Лейчик: *Обсуждение проблем эпонимии в современной науке*. В: *Язык и право: Актуальные проблемы взаимодействия. Материалы научно-практической Интернет-конференции*. Ред. В.Ю. Меликян. Ростов-на-Дону 2011, с. 135, <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1> [дата обращения: 4.09.2018].

⁴ Н.В. Новинская: *Термины-эпонимы в языке науки*. «Вестник Российского университета дружбы народов». Серия: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания» 2013, № 4, с. 35, <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33852312> [дата обращения: 8.09.2018].

⁵ Е.М. Какзанова: *Имя собственное в термине*. Москва 2015, с. 7.

⁶ В.Д. Старичёнок: *Большой лингвистический словарь*. Ростов-на-Дону 2008, с. 716.

антропонимов. В отличие от этого другие учёные считают, что составной частью эпонимов являются также образования, созданные на основе топонимов⁷. В ещё более широком понимании эпонимов к ним можно отнести все выражения, созданные на основе любого имени собственного (антропонима, топонима, мифонима, космонима, этнонима и т.п.).⁸

Бесспорным является тот факт, что термины-эпонимы вводят в научное зрение культурно-историческую информацию. «Эпонимические термины тесно связаны с культурной историей общества и историей развития науки и техники. В них наиболее чётко прослеживается авторство»⁹. В.М. Лейчик отмечает, что огромному количеству терминов, обозначающих разные предметы, явления или законы, даются названия по имени или фамилии учёных, которые их открыли¹⁰. По сути дела эпоним — «это памятник именам собственным, которые увековечили себя в нарицательных понятиях»¹¹. Иначе говоря, имя собственное в термине-эпониме выполняет мемориальную функцию, оно ссылается на своего носителя, причём данный носитель может быть известен лишь в узком круге специалистов в определённой области науки и техники¹². Следовательно, огромная ценность эпонимов заключается именно в том, что благодаря именам собственным в их основе они становятся значительными языковыми памятниками своего времени.

Одной из важных отличительных черт терминов-эпонимов является сохранение ономастической информации, что считается признаком имени собственного. Под ономастической информацией Наталия В. Васильева понимает имеющийся у человека комплекс знаний о данном имени собственном. Сюда входят не только сведения об имени собственном как языковой единице и информация о его носителе, но также разные коннотации и ассоциации, которыми данное имя собственное обладает для конкретных носителей языка или членов лингвокультурного сообщества¹³. Татьяна А. Майкова обращает внимание на то, что энциклопедическое значение онима включает в себя разного рода информацию, что по своей сути

⁷ Н.В. Новинская: *Термины-эпонимы в языке науки...*, с. 34, <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33852312> [дата обращения: 8.09.2018].

⁸ М.М. Дзюба: *Епонімічні найменування в українській науковій термінології*. «Українська мова» 2010, № 3, с. 55, http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ukrm_2010_3_7 [дата обращения: 9.09.2018].

⁹ А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева: *Общая терминология. Терминологическая деятельность*. Москва 2014, с. 214.

¹⁰ В.М. Лейчик: *Люди и слова. Как рождаются и живут слова в русском языке*. Москва 2009, с. 40.

¹¹ Е.М. Какзанова: *Имя собственное...*, с. 22.

¹² Ю.В. Сложеникина: *Основы терминологии. Лингвистические аспекты теории термина*. Москва 2016, с. 35.

¹³ Н.В. Васильева: *Собственное имя в мире текста*. Москва 2009, с. 29—30.

позволяет изучать термины-эпонимы в качестве отражения национально-культурного компонента терминологической картины мира¹⁴.

Следует подчеркнуть, что на уровне слов и словосочетаний национальную картину мира в первую очередь отражают именно имена собственные, которые становятся составной частью терминов-эпонимов. В связи с культурологическим аспектом имён собственных Е.М. Какзанова называет эпонимические термины «именами-униками, в которых имена-уникумы обозначают уникальные явления и благодаря именам собственным отождествляют их индивидуальность»¹⁵. Таким образом, термин-эпоним является ономастическим кодом определённой культуры, определённой научной области. Он, безусловно, способен затруднить межнаучную коммуникацию, если употребляется вне среды своего происхождения. Однако, не следует забывать, что несомненным преимуществом огромного количества терминов-эпонимов является их интернациональный характер — в рамках терминологии данной научной дисциплины их можно найти в идентичном виде и значении во многих языках.

В начале настоящей статьи мы уже упоминали о том, что термины-эпонимы представлены практически во всех терминологиях любой отрасли науки. Их значительная часть встречается, прежде всего, в медицине и анатомии, физике, химии и математике. В приведённых отраслях науки эпонимические наименования принадлежат к наиболее изученным среди лингвистов и специалистов данных научных дисциплин. Термины-эпонимы встречаются также в лингвистической терминологии, хотя по сравнению с другими научными дисциплинами они представлены в ней слабее и их число невелико. Вместе с тем они обладают рядом специфических черт и заслуживают достаточного освещения в лингвистических исследованиях. В связи с этим в нашей работе обратим внимание на интернациональные эпонимы, встречающиеся в русской лингвистической терминологии. Отметим, что в лингвистике, в отличие, например, от медицины, до сих пор отсутствует систематизированная лексикографическая фиксация терминов-эпонимов. Таким образом, в рамках данного исследования источником терминов-эпонимов в метаязыке лингвистики являются разные словари лингвистических терминов русского

¹⁴ Т.А. Майкова: *Термины-эпонимы в составе англоязычной терминологической лексики предметной области «социология»*. «Вестник Российского университета дружбы народов». Серия: «Теория языка. Семиотика. Семантика» 2017, Т. 8, № 2, с. 330, journals.rudn.ru/semiotics-semantics/issue/download/978/126 [дата обращения: 4.09.2018].

¹⁵ Е.М. Какзанова: *Антропонимы и термины-эпонимы в свете межкультурной коммуникации*. В: *Образовательные технологии в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве. Сборник научных докладов. IV Международная виртуальная конференция по русистике, литературе и культуре*. Вермонт, Ереван 2011, с. 98—99, http://mesi.cliro.unibo.it/data/_uploaded/file/atti/konferencia_4.pdf [дата обращения: 8.09.2018].

языка¹⁶. На основе их сплошного просмотра была составлена выборка более ста эпонимических терминологических единиц. Почти все лингвистические термины-эпонимы можно считать интернациональными, поскольку с ними можно встретиться не только в русском языке, но также в других языках. Они являются составной частью международной лингвистической терминологии.

Данное исследование терминов-эпонимов в метаязыке лингвистики обращает внимание на их культурно-историческое наследие. В связи с этим оно позволяет сохранить в нашей памяти имена собственные, прежде всего, имена и фамилии учёных, которые на определённом этапе внесли свой вклад в развитие лингвистики. Некоторые из них постоянно остаются в памяти лингвистов, а отдельные из них, к сожалению, постепенно забываются. В соответствии с более широким пониманием эпонимов в нашей статье уделяется внимание не только антропонимам, но также другим именам собственным (мифонимам, литературным онимам, топонимам и т.п.), которые были в разные периоды развития языкознания запечатлены в лингвистических терминах-эпонимах. Подчёркнём, что составной частью международной лингвистической терминологии являются моноксемные (например, *гумбольдтианство*, *марризм*, *солецизм*) и полилексемные термины-эпонимы — главным образом, двухкомпонентные (*азбука Морзе*, *Грассмана закон*, *Майнхофа правило* и др.) и трёхкомпонентные (к примеру, *Балканский языковой союз*, *Копенгагенский лингвистический кружок*). Среди них эпонимические терминологические словосочетания занимают доминирующую позицию, а их общее количество гораздо превышает общее количество моноксемных лингвистических терминов-эпонимов.

Самую распространённую группу в рамках международных терминов-эпонимов в русской лингвистической терминологии представляют собой наименования, созданные на основе антропонимов (т.е. личных имён, фамилий, псевдонимов или прозвищ). Е.М. Какзанова для их обозначения употребляет термин *эпоним антропонимического содержания*¹⁷. В таких терминах-эпонимах сохраняется преимущественно память о выдающихся лингвистах и лицах, связанных с данной наукой.

В русской лингвистической терминологии можно найти несколько интернациональных терминов-эпонимов, образованных от личных имён.

¹⁶ О.С. Ахманова: *Словарь лингвистических терминов...*; Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов и понятий*. Назрань 2016; В.Д. Старичёнок: *Большой лингвистический словарь...*; *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий*. Русский язык: в 2 т...; *Русский язык. Энциклопедия*. Гл. ред. Ф.П. Филин. Москва 1979; *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва 1990.

¹⁷ Е.М. Какзанова: *Имя собственное...*, с. 45—63.

Ярким примером данного типа является термин *кириллица* ('один из славянских алфавитов, возникший в конце IX века, [...] творческая переработка византийского алфавита'¹⁸). Большинство учёных считает, что кириллица была создана учениками славянских просветителей и проповедников христианства св. Кирилла (до принятия монашества — Константина) и св. Мефодия и названа в честь одного из них. Как о создателе кириллицы прежде всего говорят о Клименте Охридском. В свою очередь, на личное имя древнегреческого баснописца Эзопа ссылаются лингвистические термины *эзоповская речь* и *эзопов язык* ('особый стиль изложения, представляющий собой совокупность иносказаний, призванных замаскировать прямое, непосредственное выражение идей и принципов, противоречащих официальной точке зрения'¹⁹). В русском языке ввёл данное выражение в общее употребление писатель Михаил Е. Салтыков-Щедрин²⁰.

В международной лингвистической терминологии можно встретить также термин-эпоним, образованный от псевдонима. Речь идёт о термине *эсперанто* по отношению к искусственному международному языку²¹, который был так назван от псевдонима Доктор Эсперанто (в буквальном смысле 'доктор надеющийся'). Данный псевдоним использовал польский окулист Людвиг Лазарь Заменгоф, который создал эсперанто в 1887 году²². Следует упомянуть, что в русском языке данная лексема относится к несклоняемым терминологическим единицам.

В терминологии почти любой научной дисциплины наиболее частотными являются термины-эпонимы антропонимического содержания, в составе которых выступает фамилия выдающихся деятелей данной области. Языкознание в этом плане не становится исключением. В лингвистической терминологии самое высокое количество терминов-эпонимов представляют фамильные эпонимы. В качестве примеров приведём некоторые из них. Это, например, *Ваккернагеля закон* ('сформулированные Я. Ваккернагелем ритмикосинтаксические правила расположения слов в простом предложении, действовавшие в индоевропейском праязыке и древних индоевропейских языках'²³), который получил название в честь своего открывателя, швейцарского лингвиста Якоба Ваккернагеля. В свою очередь, термином *Виноградовская школа* в языкознании обозначается лингвистическая школа, объединяющая учеников и последователей знаме-

¹⁸ Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов...*, с. 176.

¹⁹ *Русский язык. Энциклопедия...*, с. 402.

²⁰ В.Д. Старичёнок: *Большой лингвистический словарь...*, с. 703.

²¹ Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов...*, с. 578.

²² В.Д. Старичёнок: *Большой лингвистический словарь...*, с. 717.

²³ *Лингвистический энциклопедический словарь...*, с. 79.

нитого русского лингвиста Виктора В. Виноградова²⁴. Термин *гипотеза Бернштейна*, как и его вариант *гипотеза Бернштейна* ('гипотеза, согласно которой социальный успех членов общества зависит от уровня владения языком'²⁵), ссылается на фамилию английского психолога и социолога Басила Бернштейна, причём вместо данных эпонимических терминов лингвисты очень часто употребляют также синонимичный термин *гипотеза языкового дефицита*. В термине *Дармстетера закон* ('объяснение фонетических процессов, происходивших в четырёхсложных словах в начальный период превращения галльской латыни в старофранцузский язык, сформулированное в конце 19 в. А. Дармстетером'²⁶) запечатлена фамилия известного французского филолога и специалиста по иудаизму Арсена Дармстетера.

Далее, эквивалентные друг другу термины *закон Гавлика* и *правило Гавлика* ('закономерность развития славянских редуцированных гласных в зависимости от их фонетической позиции'²⁷) ссылаются на фамилию знаменитого чешского лингвиста Антонина Гавлика, причём в рамках данного терминологического словосочетания лингвисты очень часто заменяют приведённые апеллятивные компоненты *закон* и *правило*. Сформулированный немецким лингвистом Теодором Зибсом для праиндоевропейского языка фонетический закон получил в честь своего создателя название *закон Зибса* ('закон, по которому в позиции после начального спираанта индоевропейский звонкий придыхательный чередуется с глухим'²⁸). *Код Грея* ('*n*-мерная двоичная система в виде графа'²⁹) был назван в честь исследователя Феликса Грея. В термине *Лескина закон* ('закон сокращения конечных долгот в пралитовском языке'³⁰) хранится фамилия немецкого лингвиста Августа Лескина, который его сформулировал. В термине *неогумбольдтианство* ('направление зарубежного языкознания, характеризующееся преимущественным вниманием к семантической стороне языка, стремлением изучать язык в тесной связи с культурой данного народа'³¹) заметна фамилия немецкого философа Вильгельма Гумбольдта. Фамилия знаменитого финского филолога Эмиля Н. Сетяля запечатлена в термине *Сетяля теория* ('гипотеза о чередовании ступеней количества звуков в уральском праязыке'³²), которую учёный развил.

²⁴ Там же, с. 84.

²⁵ Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов...*, с. 84.

²⁶ *Лингвистический энциклопедический словарь...*, с. 127.

²⁷ Там же, с. 91.

²⁸ Там же, с. 166.

²⁹ Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов...*, с. 187.

³⁰ *Лингвистический энциклопедический словарь...*, с. 264.

³¹ Там же, с. 330.

³² Там же, с. 444.

Кроме того, терминами *Фортунатовская школа* или *Московская фортунатовская школа* обозначается лингвистическое направление, которое сложилось в результате преподавательской и научной деятельности известного русского учёного Филиппа Ф. Фортунатова³³. Термин *Шахматова закон* употребляется для обозначения фонетического закона праславянской акцентуационной системы, и он получил название в честь своего создателя, великого русского лингвиста Алексея А. Шахматова³⁴. *Шрифт Брайля* ('рельефно-точечная азбука для слепых'³⁵) был разработан французским тифлопедагогом Луи Брайлем, в честь которого он получил своё название.

Опираясь на более широкое понимание антропонимов во всём их многообразии, к данной группе эпонимов можно отнести также эпонимы, образованные при участии литературных онимов. В лингвистической терминологии можно встретиться, например, с термином *веллеризм* и его графическим вариантом *уеллеризм*. Оба варианта термина обозначают особый вид фразеологического высказывания. Они были образованы от имени литературного персонажа Веллера, слуги в романе *Посмертные записки Пиквикского клуба* Чарльза Дикенса³⁶. К данным терминам-эпонимам можно отнести и лингвистический термин *яфетическая теория*, который ссылается на Яфета, сына библейского персонажа Ноя³⁷. Этот термин связан с так наз. «новым учением о языке» советского лингвиста Николая Я. Марра.

Общепризнанными терминами-эпонимами являются также образования, созданные на основе мифонимов и теонимов, которые в связи с более широким пониманием антропонимов можно отнести к эпонимам антропонимического содержания. Однако, следует отметить, что Е.М. Какзанова такие эпонимы не включает в данный разряд, а выделяет их в самостоятельную группу и называет эпонимами мифологического содержания³⁸. При этом она отмечает: «Эпонимические интернационализмы, образованные от мифонимов, — это особый пласт языка, в котором находит своё отражение культура народов мира»³⁹. Следовательно, культурно-историческое наследие таких эпонимов также велико. Термины мифологического содержания встречаются и в международной лингвистической терминологии. Например, в термине *венусоним* ('собственное имя любого природно-физического объекта на Венере'⁴⁰) запечатлена латинская форма

³³ Там же, с. 316.

³⁴ Там же, с. 587.

³⁵ Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов...*, с. 563.

³⁶ F. Čermák: *Wellerismus*. V: *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha 2016, с. 2093.

³⁷ *Лингвистический энциклопедический словарь...*, с. 626.

³⁸ Е.М. Какзанова: *Имя собственное...*, с. 74—77.

³⁹ Там же, с. 76.

⁴⁰ Н.В. Подольская: *Словарь русской ономастической терминологии...*, с. 45.

имени богини Венеры. В термине *огамическое письмо* ('буквенное письмо древнеирландского и пиктского языков, употреблявшееся на Британских островах в эпоху раннего Средневековья'⁴¹) отражено имя бога Огма из кельтской мифологии, которому приписывается создание данного письма. В термине *океаноним* ('собственное имя океана и его части'⁴²) прослеживается имя древнегреческого бога Океана, а в термине *селеоним* ('собственное имя любого природного объекта на Луне'⁴³) хранится имя Селены, богини Луны в древнегреческой мифологии.

В лингвистической терминологии можно выделить также термины-эпонимы, компонентом которых становится топоним. Е.М. Какзанова для таких образований употребляет термин *эпоним топонимического содержания*⁴⁴. Данные термины-эпонимы в большинстве своём созданы на основе наименований городов. К примеру, в термине *Женевская лингвистическая школа* ('направление структурного языкознания, опирающегося на идеи *Курса общей лингвистики* Фердинанда де Соссюра'⁴⁵) упоминается швейцарский город Женева, с которым Фердинанд де Соссюр был очень тесно связан. Термины *Пражская лингвистическая школа* и *Пражский лингвистический кружок* соотносятся со столицей Чешской Республики Прагой. Термин *SOLEЦИЗМ* ('речевой оборот, нарушающий синтаксическую правильность, но не влияющий на восприятие смысла'⁴⁶) образован от названия древнего города Сола в Малой Азии, жители которого плохо говорили по-гречески⁴⁷. Терминологическое сочетание *Харьковская лингвистическая школа* ('одно из направлений [...] языкознания второй половины XIX в., представители которого [...] исследовали язык в широком культурном и историческом контексте'⁴⁸) связано с наименованием украинского города Харьков.

В международной лингвистической терминологии можно найти также следы названий других географических объектов, главным образом, наименований стран, областей, горных хребтов и т.п. В качестве примера можно привести ряд терминов. Так, это термины *балканистика* ('совокупность историко-филологических дисциплин, объединяющих комплексные сравнительно-исторические и типологические исследования [...] языков народов Балканского полуострова'⁴⁹), *балканизм* и *Балканский языковой союз* ('термин, применяемый для обозначения особого типа языко-

⁴¹ Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов...*, с. 287.

⁴² Н.В. Подольская: *Словарь русской ономастической терминологии...*, с. 90.

⁴³ Там же, с. 115.

⁴⁴ Е.М. Какзанова: *Имя собственное...*, с. 64—73.

⁴⁵ Т.В. Жеребило: *Словарь лингвистических терминов...*, с. 129.

⁴⁶ Там же, с. 436.

⁴⁷ В.Д. Стариченко: *Большой лингвистический словарь...*, с. 601.

⁴⁸ *Лингвистический энциклопедический словарь...*, с. 569.

⁴⁹ Там же, с. 62.

вой общности, совокупности языков Юго-Восточной Европы⁵⁰), которые ссылаются на Балканский полуостров. К этому кругу относится и термин *богемистика* ('наука, занимающаяся чешским языком, литературой и культурой'), в котором запечатлена Богемия, т.е. латинское название территории, на которой позднее образовалась Чехия. В свою очередь, термин *египтология* ('комплекс историко-филологических дисциплин, занимающихся изучением истории, культуры, языка и письменности Древнего Египта'⁵¹) ссылается на Египет. В терминах *кавказские языки* ('условное название совокупности около сорока автономных языков Кавказа'⁵²) и *кавказоведение* ('комплекс гуманитарных дисциплин, изучающих языки, фольклор, историю, культуру народов, говорящих на кавказских языках'⁵³) запечатлён Кавказ. Термин *синология* ('комплекс научных дисциплин, изучающих язык, литературу, историю, материальную и духовную культуру Китая'⁵⁴) создан на основе латинского наименования Китая.

В лингвистической терминологии встречаются также эпонимические термины, образованные от космонимов: например, *марсионим* ('собственное имя любого объекта, рельефа на Марсе'⁵⁵), образованный от наименования планеты Марс, которая получила своё название от имени древнеримского бога войны Марса; *меркурионим* ('собственное имя любого объекта, рельефа на Меркурии'⁵⁶), созданный на основе наименования планеты Меркурий, причём планета получила своё название от имени древнеримского бога торговли Меркурия.

Своеобразным типом эпонимических терминов в лингвистике становится термин *библеизм* ('ставшее общеупотребительным слово или выражение, восходящее к тексту Библии'⁵⁷), образованный от названия священного собрания текстов Библии.

Подытоживая, следует подчеркнуть, что в данной статье рассмотрена лишь небольшая часть международных эпонимических терминов в метаязыке лингвистики, с которой можно столкнуться в словарях и энциклопедиях русской лингвистической терминологии. Как показывает материал, термины-эпонимы представляют собой пёструю смесь разных терминов в рамках лингвистической терминологии. Их исследование способствует более глубокому пониманию истории развития данной дисциплины и де-

⁵⁰ Там же, с. 63.

⁵¹ Там же, с. 147.

⁵² Там же, с. 208.

⁵³ Там же, с. 207.

⁵⁴ В.Д. Старичёнок: *Большой лингвистический словарь...*, с. 244.

⁵⁵ Н.В. Подольская: *Словарь русской ономастической терминологии...*, с. 79.

⁵⁶ Там же, с. 80.

⁵⁷ В.Н. Немченко: *Основные понятия лексикологии в терминах*. Нижний Новгород 1995, с. 20.

тельности выдающихся языковедов. При этом оно является интересным как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения науки о самом языке.

Lukáš Maršík

Internacionalne terminy eponimiczne w metajęzyku lingwistyki i ich wartość kulturowa oraz historyczna

Streszczenie

Szczególną dziedziną słownictwa każdego języka są eponimy, czyli wyrazy pochodzące od nazw własnych lub zwroty zawierające nazwy własne. W terminologii dowolnej dyscypliny naukowej, włącznie z lingwistyką, istnieje duża liczba takich wyrażeń. Artykuł ten poświęcony jest aspektowi historycznemu oraz kulturowemu międzynarodalnych terminów eponimicznych w terminologii lingwistycznej języka rosyjskiego. Terminy eponimiczne odnoszą się przede wszystkim do nazw obiektów geograficznych lub do imion i nazwisk wybitnych postaci związanych z lingwistyką. W związku z tym eponimy uważane są za istotny element dziedzictwa kulturowego w języku. W danym artykule zwrócono uwagę nie tylko na same znaczenia terminów eponimicznych w lingwistyce, lecz przede wszystkim na nazwy własne (osób, postaci mitologicznych, miast i innych obiektów geograficznych), występujące w ustalonych terminach lingwistycznych.

Słowa kluczowe: terminologia lingwistyczna, internacionalizm, termin eponimiczny, aspekt kulturalny eponimów, wybitne postaci lingwistyki

Lukáš Maršík

International eponymic terms in metalanguage of linguistics and their cultural and historical value

Summary

Eponyms are a specific field of vocabulary of every language; they are the terms that are derived from proper nouns or the proper nouns create a part of them. In terminology of any scientific branch, including linguistics, we can trace a high amount of these terms. This article focuses on historical and cultural aspect of international eponymic terms in Russian linguistic terminology. These terms refer mainly to the names of significant geographic objects and to the names of important people connected with linguistics; this makes them an important phenomenon of cultural heritage in a language. Thus, we pay attention not only to the meanings of the eponymic terms in linguistics, but predominantly to proper names (persons, mythological characters, names of cities and geographical objects) which we can find in these linguistic terms.

Key words: linguistic terminology, internationalism, eponymic term, cultural aspect of eponyms, significant linguists

Piotr J. Michałowski

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Terminy wielowyrazowe i wyrażenia terminologiczne w słowniku

We współczesnych dwujęzycznych słownikach terminologicznych jednym ze standardowych elementów artykułów hasłowych jest prezentacja łączliwości terminów w obu językach. Niezależnie od tego, że w poszczególnych produktach leksykograficznych odbywa się ona w różny sposób, ich użytkownicy otrzymują dostęp do wielowyrazowych jednostek leksykalnych oraz innego rodzaju wyrażzeń, zawierających terminy należące do przedmiotu opisu. Tego typu jednostki językowe mają różny status, po pierwsze, z punktu widzenia samego słownika, gdzie występują jako terminy hasłowe lub jako element mikrostruktury, którego celem jest prezentacja łączliwości terminów hasłowych, a po drugie, z punktu widzenia swojej struktury językowej i konceptualnej.

Dla potrzeb niniejszego artykułu przeanalizowano trzy następujące słowniki terminologiczne z językiem polskim i rosyjskim, w których przedmiot opisu stanowi terminologia ekonomiczna:

1. *Podręczny polsko-rosyjski słownik biznesmena*¹ (dalej: Słownik nr 1),
2. *Polsko-rosyjski, rosyjsko-polski słownik terminów ekonomicznych, handlowych i finansowych*² w dwóch tomach (dalej: Słownik nr 2),
3. *Rosyjsko-polsko-angielski słownik terminów ekonomicznych*³ (dalej: Słownik nr 3).

¹ J. Lukszyn, A. Marchwiński, D. Muszyńska-Wolny, R. Petelczyc, M. Timoszuk, W. Zmarzer: *Podręczny polsko-rosyjski słownik biznesmena*. Warszawa 2004.

² S. Chwatow, S. Szadyko: *Polsko-rosyjski, rosyjsko-polski słownik terminów ekonomicznych, handlowych i finansowych*. Konstancin-Jeziorna 2015.

³ W. Dubiczinskij, S. Chwatow, P. Michałowski: *Rosyjsko-polsko-angielski słownik terminów ekonomicznych* [w przygotowaniu].

Słownik nr 1 jest podręcznym słownikiem polsko-rosyjskim zawierającym 465 terminów hasłowych i ponad 4500 wyrażen terminologicznych. Artykuły hasłowe zostały uporządkowane w pięciu klasach tematycznych:

1. Bank (finanse, papiery wartościowe, produkty bankowe);
2. Firma (działalność gospodarcza);
3. Giełda (operacje giełdowe);
4. Handel (umowy, ceny, ubezpieczenie, transport, służba celna);
5. Marketing (badania rynku, reklama).

Słownik nr 2 to polsko-rosyjski i rosyjsko-polski glosariusz zawierający około 70 000 terminów i wyrażen terminologicznych ułożonych w porządku alfabetycznym. Głównym zadaniem tego słownika jest prezentacja łączliwości terminów z zakresu gospodarki i produkcji, handlu, bankowości i finansów, marketingu, reklamy i *public relations*, zarządzania, giełd, ubezpieczeń, podatków i cel w obu językach, a także zestawienie polskich i rosyjskich terminów i wyrażen z ekwiwalentami w drugim języku.

Słownik nr 3, nad którym pracuje zespół autorski pod kierownictwem prof. W. Dubczyńskiego, będzie zawierać około 700 terminów hasłowych i ponad pięciokrotnie więcej wyrażen terminologicznych ułożonych w porządku alfabetyczno-gniazdowym. Ma mieć charakter dydaktyczny, co w najwyższym stopniu zdeterminuje jego makro- i mikrostrukturę, które zostały zaprojektowane w sposób umożliwiający użytkownikowi samodzielną naukę oraz pod kierunkiem wykładowcy. Zadaniem tego opracowania ma być opis podstawowej rosyjskiej terminologii z dziedziny ekonomii i dyscyplin pokrewnych, a także zestawienie jej z ekwiwalentami w językach polskim i angielskim. Zgodnie z założeniami słownik ma stanowić rosyjsko-polsko-angielskie minimum terminologiczne odpowiadające programowi nauczania języka *business communication* na kierunkach filologicznych i lingwistycznych.

Mikrostruktura Słownika nr 1 składa się z trzech podstawowych elementów:

- 1) termin hasłowy;
- 2) definicja terminu hasłowego;
- 3) lista wyrażen terminologicznych, w skład których wchodzi termin hasłowy.

Mikrostruktura Słownika nr 2 składa się z dwóch podstawowych elementów:

- 1) termin hasłowy;
- 2) lista wyrażen terminologicznych, w skład których wchodzi termin hasłowy.

Mikrostruktura Słownika nr 3 składa się z pięciu podstawowych elementów:

- 1) termin hasłowy;
- 2) krótka charakterystyka gramatyczna terminu hasłowego;
- 3) definicja terminu hasłowego;
- 4) lista wyrażen terminologicznych, w skład których wchodzi termin hasłowy;
- 5) lista wybranych elementów gniazda słotwórczego terminu hasłowego.

Jeśli chodzi o terminy hasłowe, to w słownikach nr 1 i nr 2 w tej roli występują różne części mowy, choć zauważalna jest wyraźna przewaga rzeczow-

ników. W Słowniku nr 3 jednostkami hasłowymi są wyłącznie rzeczowniki, będące jednocześnie głównymi terminoelementami serii terminologicznych, np. *акция, налог, цена*. Zgodnie z definicją seria terminologiczna to zbiór terminów o jednakowej strukturze morfologicznej, ze wspólnym terminoelementem bazowym⁴.

Prezentacja łączliwości terminów hasłowych w omawianych słownikach stanowi jeden z elementów mikrostruktury (lista wyrażen terminologicznych) i w każdym z nich odbywa się w nieco innej formie. W Słowniku nr 1 łączliwość terminów hasłowych zaprezentowano w następujący sposób:

- 1) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z frazą przymiotnikową (wyrazem pełniącym funkcję przydawki w związku zgody)⁵ w pre- lub postpozycji, czyli posiadające strukturę typu **N+Adj** lub **Adj+N**⁶;
- 2) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z rzeczownikiem w przypadku zależnym, czyli o strukturze typu np. **N+Ngen**, **N+Ndat**;
- 3) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z rzeczownikiem w przypadku zależnym z przymikiem, czyli o strukturze typu np. **N+praep+Ngen**, **N+praep+Ndat**;
- 4) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z czasownikiem jako człon podrzędny, czyli o strukturze typu np. **V+Ngen**, **V+Ndat**;
- 5) zdania, w których termin hasłowy występuje w funkcji podmiotu.

W Słowniku nr 2 łączliwość terminów hasłowych przedstawiono w następujący sposób:

- 1) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z frazą przymiotnikową, czyli posiadające strukturę typu **N+Adj** lub **Adj+N**;
- 2) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z rzeczownikiem w przypadku zależnym (z przymikiem lub bez niego), czyli o strukturze typu np. **N+(praep)+Ngen**, **N+(praep)+Ndat**;
- 3) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje w przypadku zależnym (z przymikiem lub bez niego), czyli o strukturze typu np. **N+(praep)+Ngen**, **N+(praep)+Ndat**;
- 4) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z czasownikiem jako człon podrzędny, czyli o strukturze typu np. **V+Ngen**, **V+Ndat**.

⁴ Por. *Języki specjalistyczne. Słownik terminologii przedmiotowej*. Red. J. Lukszyn. Warszawa 2005, s. 97.

⁵ W przypadku terminów rosyjskich w tej roli występuje przymiotnik albo imiesłów przymiotnikowy czasu teraźniejszego lub przeszłego (czynny lub bierny). W przypadku terminów polskich — przymiotnik albo imiesłów przymiotnikowy czynny lub bierny.

⁶ Do sformalizowanego zapisu struktury wyrażen terminologicznych zastosowano skróty łacińskich nazw części mowy i przypadków: N — Nomen — rzeczownik; V — Verbum — czasownik; Part — Participium — imiesłów; Adj — Adjectivum — fraza przymiotnikowa; praep — praepositio — przymek; gen — genetivus — dopełniacz; dat — dativus — celownik; acc — accusativus — biernik; abl — ablativus — narzędnik; loc — locativus — miejscownik. Np. zapis **Ngen** oznacza 'rzeczownik w dopełniaczu'.

W przygotowywanym Słowniku nr 3 łączliwość terminów hasłowych prezentowana jest w następujący sposób:

- 1) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z frazą przymiotnikową, czyli posiadające strukturę typu **N+Adj** lub **Adj+N**;
- 2) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z rzeczownikiem w przypadku zależnym (z przyimkiem lub bez niego), czyli o strukturze np. **N+(praep)+Ngen**, **N+(praep)+Ndat**;
- 3) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje w przypadku zależnym (z przyimkiem lub bez niego), czyli o strukturze np. **N+(praep)+Ngen**, **N+(praep)+Ndat**;
- 4) wyrażenia, w których termin hasłowy występuje z czasownikiem jako człon podrzędny (z przyimkiem lub bez niego), czyli o strukturze np. **V+(praep)+Ngen**, **V+(praep)+Ndat**.

W dalszej części przedstawiono przykłady wyrażen terminologicznych pochodzące ze Słownika nr 3, zgodnie z kolejnością ich prezentacji w artykułach hasłowych. We wszystkich przykładach terminy hasłowe wyróżniono podkreśleniem.

1. Wyrażenia z frazą przymiotnikową, np.: *transakcja giełdowa* — биржевая сделка; *transakcja walutowa* — валютная сделка; *kredyt konsumpcyjny* — потребительский кредит; *podatek dochodowy* — подоходный налог. Jak widać, dla terminów rosyjskich charakterystyczna jest struktura **Adj+N**, a dla terminów polskich — struktura **N+Adj**. W przypadku języka rosyjskiego struktura **Adj+N** jest typowa również dla wyrażen języka ogólnego. Jeśli chodzi o język polski, to dla wyrażen języka ogólnego charakterystyczne są obie struktury, przy czym struktura **N+Adj** jest typowa raczej dla wyrażen sfrageologizowanych.
2. Wyrażenia z rzeczownikiem w przypadku zależnym, np.: *kredyt pod zastaw* **N+praep+Nacc** — кредит под залог **N+praep+Nacc**; *podatek od zysku* **N+praep+Ngen** — налог на прибыль **N+praep+Nacc**; *umowa najmu* **N+Ngen** — договор найма **N+Ngen**, *umowa o dostawę* **N+praep+Nacc** — договор поставки **N+Ngen**, *umowa o dostawę* **N+praep+Nacc** — договор поставки **N+Ngen**, *umowa o dostawę* **N+praep+Nacc**.
3. Wyrażenia z terminem hasłowym w przypadkach zależnych, np.: *blokada kredytu* **N+Ngen** — замораживание кредита **N+Ngen**; *podatek od sprzedaży* **N+praep+Ngen** — налог с продаж **N+praep+Ngen**; *podlegający opodatkowaniu* **Part+Ndat** — облагаемый налогом **Part+Nabl**.
4. Wyrażenia z czasownikiem i terminem hasłowym jako członem podrzędnym, np.: *nakładać podatek* **V+Nacc** — облагать налогом **V+Nabl**; *pokrywać straty* **V+Nacc** — возмещать убытки **V+Nacc**; *ściągać podatek* **V+Nacc** — взимать налог **V+Nacc**; *ubiegać się o kredyt* **V+praep+Nacc** — обращаться за кредитом **V+praep+Nabl**.

Zarówno w polskiej, jak i rosyjskiej literaturze przedmiotu funkcjonuje wiele nazw omawianych połączeń wyrazowych, które w niniejszym tekście do tej pory określano mianem *wyrażeń terminologicznych*. Wśród nich można wymienić m.in.: *termin wielowyrazowy*; *termin dwu-, trój-, wieloelementowy*; *termin wielokomponentowy*; *łańcuch terminologiczny*; *skupienie terminologiczne*; *teleskopowa jednostka terminologiczna*; *wielowyrazowa jednostka terminologiczna*; *wyrażenie terminologiczne*⁷. Część z wymienionych terminów ma znaczenie synonimiczne. Niektóre z nich jednak łączy relacja generyczna lub relacja kontradiktoryjności, inne można uznać za synonimy aspektowe⁸.

Na podstawie literatury przedmiotu oraz analizy jednostek leksykalnych obecnych na listach prezentujących łączliwość terminów hasłowych w trzech wspomnianych słownikach, można wyróżnić kilka różnych typów tych jednostek. Po pierwsze, znajdują się tam terminy wielowyrazowe, nazywane również terminami wielokomponentowymi lub skupieniami terminologicznymi, które można zdefiniować jako powtarzalne w tekstach specjalistycznych połączenia wyrazowe o ustalonej definicji, pełniące funkcję nominacji pojęć specjalistycznych, będące elementami systemu terminologicznego⁹.

W grupie terminów wielowyrazowych należałoby zwrócić szczególną uwagę na dwie podgrupy:

- 1) łańcuchy terminologiczne — terminy wielowyrazowe powstałe poprzez dodawanie do terminu bazowego kolejnych komponentów określających. W strukturze łańcucha rolę terminu bazowego pełni rzeczownik, a jako podrzędne komponenty określające występują frazy przymiotnikowe, wyrażenia przymkowe, rzadziej rzeczowniki w przypadkach zależnych¹⁰;
- 2) teleskopowe jednostki terminologiczne (inaczej: terminy teleskopowe) — łańcuchy terminologiczne, których komponentami są wielowyrazowe jednostki terminologiczne połączone ze sobą na zasadzie subordynacji semantycznej, a podstawowe ogniwo występuje w kilku złożonych formacjach¹¹.

⁷ Zob. m.in. S. Gajda: *Wprowadzenie do teorii terminu*. Opole 1990; A.D. Kubacki: *Skupienia terminologiczne w polskim języku specjalistycznym*. „Przegląd Glottodydaktyczny” 2009, t. 26, s. 35—40; J. Lukszyn, W. Zmarzer: *Teoretyczne podstawy terminologii*. Warszawa 2000; W. Mela: *Termin wielokomponentowy w słowniku specjalistycznym*. W: *W dialogu języków i kultur III*. Red. K. Fordoński, Ł. Karpiński. Warszawa 2013, s. 125—132; A. Starzec: *Rozwój polskiej terminologii motoryzacyjnej (od początku do 1945 roku)*. Opole 1984; U. Żydek-Bednarczuk: *Słownictwo z zakresu motoryzacji we współczesnym języku polskim*. Katowice 1987.

⁸ Szerzej na temat relacji semantycznych zob. P. Michałowski: *Podstawy modelowania terminograficznego*. Warszawa 2017, s. 35, 45—53.

⁹ Por. S. Gajda: *Wprowadzenie do teorii terminu...*, s. 96; A. Starzec: *Rozwój polskiej terminologii motoryzacyjnej...*, s. 62.

¹⁰ Por. *Języki specjalistyczne...*, s. 65.

¹¹ J. Lukszyn, W. Zmarzer: *Teoretyczne podstawy terminologii...*, s. 100.

Po drugie, na listach prezentujących łączliwość terminów znajdują się również wyrażenia terminologiczne *sensu stricto*, które można zdefiniować jako wyrażenia powtarzalne w tekstach specjalistycznych, zawierające w swojej strukturze terminy jedno- lub wielowyrazowe, nieposiadające jednak funkcji nominacji pojęć specjalistycznych, a co za tym idzie — także znaczenia systemowego. Wyrażenia terminologiczne to, inaczej mówiąc, przykłady użycia terminów hasłowych.

Cechy, jakie powinno posiadać połączenie wyrazowe, by zostało uznane za termin wielowyrazowy, można sprowadzić do następującego zestawu:

- 1) co najmniej dwa elementy strukturalne;
- 2) zgodność gramatyczna elementów strukturalnych;
- 3) nominacja pojęcia specjalistycznego;
- 4) jednoznaczność i ustalona definicja;
- 5) wartość systemowa w odnośnym leksykonie terminologicznym;
- 6) powtarzalność w tekstach specjalistycznych z danej dziedziny wiedzy i wysoka frekwencja;
- 7) neutralność stylistyczna i kontekstowa¹².

W tym miejscu warto przyrzeć się kilku rosyjskim wielowyrazowym jednostkom leksykalnym oraz ich polskim ekwiwalentom, a także zastanowić się nad ich statusem oraz celowością umieszczenia w dwujęzycznym słowniku terminologicznym.

Pierwszy przykład: *федеральное государственное унитарное предприятие* o strukturze **Adj+Adj+Adj+N** i ekwiwalent polski — *federalne państwowe przedsiębiorstwo unitarne* o strukturze **Adj+Adj+N+Adj**. Obie jednostki leksykalne należy uznać za terminy wielowyrazowe, ponieważ posiadają wszystkie wymienione wcześniej cechy.

Analizując budowę obu terminów, można zauważyć, że stanowią one modelowe przykłady łańcuchów terminologicznych — każdy terminoelement w ich strukturze¹³ odpowiada jednemu poziomowi hierarchii pojęć. W przedstawionym w dalszej części tekstu zapisie za pomocą różnych typów nawiasów i cyfr oznaczono poszczególne terminy odpowiadające kolejnym poziomom hierarchii pojęć.

Termin rosyjski: ${}_4\langle\text{федеральное} {}_3\{\text{государственное} {}_2[\text{унитарное} {}_1(\text{предприятие})]\}\rangle$

Termin polski: ${}_4\langle\text{federalne} {}_3\{\text{państwowe} {}_2[(\text{przedsiębiorstwo}) \text{unitarne}]\}\rangle$

Terminem bazowym, do którego dodawano kolejne określenia, tworząc trzy terminy pochodne, jest oznaczony cyfrą 1 w indeksie dolnym wyraz *предприятие* / *przedsiębiorstwo*. ${}_2\text{унитарное предприятие}$ / ${}_2\text{przedsiębiorstwo}$

¹² Por. S. Gajda: *Wprowadzenie do teorii terminu...*, s. 96; W. Mela: *Termin wielokomponentowy...*, s. 126.

¹³ Tu: wyraz.

unitarne to typ przedsiębiorstwa, a więc te terminy nazywają pojęcie na drugim poziomie hierarchii. Z kolei *государственное унитарное предприятие* / *państwowe przedsiębiorstwo unitarne* znajduje się na trzecim poziomie hierarchii i stanowi typ przedsiębiorstwa unitarnego. *федеральное государственное унитарное предприятие* / *federalne państwowe przedsiębiorstwo unitarne* znajduje się na czwartym poziomie hierarchii i stanowi typ państwowego przedsiębiorstwa unitarnego.

Drugi przykład: *льготный кредит на финансирование аренды оборудования* o strukturze **Adj+N+praep+Nacc+Ngen+Ngen** i dwa ekwiwalenty polskie:

- 1) *preferencyjny kredyt na dzierżawę urządzeń* o strukturze **Adj+N+praep+Nacc+Ngen**,
- 2) *preferencyjny kredyt leasingowy* o strukturze **Adj+N+Adj**.

Trzy podane jednostki leksykalne należy uznać za terminy wielowyrazowe, ponieważ spełniają one wszystkie wymienione wcześniej cechy.

Analizując budowę terminu rosyjskiego, można zauważyć, że jest on teleskopową jednostką terminologiczną. W przytoczonym dalej zapisie za pomocą różnych typów nawiasów i cyfr oznaczono poszczególne terminy wielowyrazowe będące ogniwami tej jednostki.

\langle льготный $\}_2$ [$\}_1$ (кредит)> на финансирование] аренды оборудования}

Terminem bazowym jest wyraz *кредит*, który wchodzi w skład następujących terminów wielowyrazowych stanowiących ogniwa jednostki teleskopowej: *кредит на финансирование*, *кредит на финансирование аренды оборудования*, *льготный кредит*.

Analizując budowę polskiego terminu *preferencyjny kredyt na dzierżawę urządzeń*, należy stwierdzić, że jest on również teleskopową jednostką terminologiczną. Poniżej oznaczono poszczególne ogniwa tego terminu.

$\}_3$ {preferencyjny $\}_2$ [$\}_1$ (kredyt)} на dzierżawę urządzeń]

Terminem bazowym jest wyraz *кредит*, który wchodzi w skład następujących ogniów jednostki teleskopowej: *кредит на dzierżawę urządzeń*, *preferencyjny кредит*.

Analizując budowę polskiego terminu *preferencyjny kredyt leasingowy*, należy stwierdzić, że jest on typowym łańcuchem terminologicznym. A oto struktura tego terminu:

$\}_3$ {preferencyjny $\}_2$ [$\}_1$ (kredyt) leasingowy]}

Rolę terminu bazowego pełni wyraz *1kredyt*, termin pochodny *2kredyt leasingowy* oznacza typ kredytu, znajdujący się na drugim poziomie hierarchii pojęć, natomiast termin *3preferencyjny kredyt leasingowy* nazywa typ kredytu leasingowego znajdujący się na trzecim poziomie hierarchii pojęć.

Powracając do kwestii prezentacji łączliwości terminów w dwujęzycznym słowniku terminologicznym, można podjąć próbę sformułowania wstępnych wniosków dotyczących typów jednostek językowych obecnych na listach wyrażzeń, w skład których wchodzi terminy hasłowe, oraz celowości zamieszczania ich w słowniku.

Jeśli chodzi o wyrażenia o strukturze **N+Adj** lub **Adj+N**, gdzie N oznacza rzeczownik będący terminem hasłowym, to w przeanalizowanych słownikach były to w znacznej mierze terminy wielowyrazowe (dwuwyrazowe), np.: *kredyt hipoteczny* — *ипотечный кредит*; *podatek eksportowy* — *экспортный налог*; *transakcja międzybankowa* — *межбанковская сделка*. Nie zmienia to jednak faktu, że istnieje wiele wyrażzeń terminologicznych o takiej samej strukturze, będących (jak wspomniano wcześniej) przykładami użycia terminu hasłowego, np.: *drogi kredyt* — *дорогой кредит*; *wysoki podatek* — *высокий налог*; *nieopłacalna transakcja* — *невыгодная сделка*.

W przypadku wyrażzeń o strukturze typu np.: **N+(praep)+Ngen**, **N+(praep)+Ndat**, gdzie N oznacza rzeczownik będący terminem hasłowym, występują wśród nich zarówno terminy wielowyrazowe, np.: *akcje na okaziciela* — *акции на предъявителя*; *podatek od wartości dodanej (VAT)* — *налог на добавленную стоимость (НДС)*; *transakcja z opcją walutową* — *сделка с правом выбора валюты*, jak i wyrażenia terminologiczne, np.: *akcje przedsiębiorstwa* — *акции предприятия*; *kredyt w banku* — *кредит в банке*; *porzuty na warzywa* — *спрос на овощи*.

Wśród wyrażzeń o strukturze typu np. **N+(praep)+Ndat**, **N+(praep)+Ngen**, **Part+Nabl**, gdzie Ngen, Ndat, Nabl oznaczają termin hasłowy w przypadkach zależnych, zdarzają się terminy wielowyrazowe, np.: *zarządzanie ryzykiem* — *управление риском*; *kierownik ds. marketingu* — *управляющий по маркетингу*. Wydaje się jednak, że częściej taką strukturę posiadają wyrażenia terminologiczne, np.: *wolny od podatku* — *свободный от налога*; *podlegający opodatkowaniu* — *облагаемый налогом*; *potrącenie podatku* — *удержание налога*.

Jeśli chodzi o wyrażenia z czasownikiem o strukturze typu np. **V+(praep)+Nacc**, **V+(praep)+Nabl**, gdzie Nacc, Nabl oznaczają termin hasłowy jako człon podrzędny, można stwierdzić, że praktycznie wszystkie tego typu konstrukcje stanowią przykłady użycia terminów hasłowych, np.: *ustalić marżę* — *установить маржу*; *ściągać podatek* — *взимать налог*; *udzielać kredytu* — *предоставить кредит*; *wycofywać się z transakcji* — *отказываться от сделки*.

Należy zauważyć, że z punktu widzenia użytkowników dwujęzycznego słownika terminologicznego obecność terminów wielowyrazowych różnych typów, a także wyrażeń terminologicznych jest równie pożądana. Tego rodzaju produkt leksykograficzny realizuje bowiem kilka funkcji. Zróżnicowana jest również grupa jego użytkowników.

Po pierwsze, korzystają z niego tłumacze tekstów specjalistycznych o różnym poziomie znajomości języka i odnośnej dziedziny wiedzy, poszukujący zarówno ekwiwalentów terminów z tej dziedziny, jak i przykładów ich użycia, dzięki którym będą w stanie poprawnie konstruować teksty z ich zastosowaniem.

Po drugie, użytkownikami takiego słownika są również osoby uczące się obcego języka specjalistycznego, dla których bardzo ważne jest znalezienie terminów w języku ojczystym i obcym oraz informacji na ich temat oferowanych przez słownik. Chodzi tu np. o definicje w obu językach, krótkie charakterystyki gramatyczne i wybrane elementy gniazd słowotwórczych. Równie ważne dla tej grupy użytkowników jest poznanie przykładów użycia terminów. Informacje dotyczące terminów oraz prezentacja wyrażeń terminologicznych, w skład których one wchodzi, umożliwią tej grupie użytkowników prawidłowe konstruowanie tekstów w języku obcym.

Podsumowując można stwierdzić, że umieszczenie w dwujęzycznym słowniku terminologicznym nie tylko terminów wielowyrazowych, lecz również wyrażeń terminologicznych stanowi jeden ze sposobów realizacji funkcji dydaktycznej słownika¹⁴. Spis takich wyrażeń powinien zostać stworzony na podstawie analizy frekwencyjnej i zawierać tylko te jednostki, które charakteryzują się wysoką częstotliwością występowania w tekstach specjalistycznych.

¹⁴ P. Michałowski: *Podstawy modelowania terminograficznego...*, s. 156.

Пётр Михаловский

Многословные термины и терминологические сочетания в словаре

Резюме

Статья посвящена многословным терминам и терминологическим сочетаниям, а также их представлению в современных русско-польских и польско-русских словарях. Многочисленность названий, употребляемых по отношению к языковым единицам данного типа, заставляет задуматься над их статусом, а также над их адекватным описанием в терминологическом словаре. В статье обсуждается структура таких единиц, а также их представление в избранных двуязычных словарях экономической терминологии.

Ключевые слова: многословный термин, структура термина, терминологическое сочетание, терминологический словарь

Piotr J. Michałowski**Multi-word terms and terminological expressions in dictionaries****Summary**

The paper raises the question of multi-word terms and terminological expressions, as well as their presentation in contemporary Russian-Polish and Polish-Russian dictionaries. The numerousness of names used in relation to language units of such kind makes it necessary to discuss their status as well as their relevant description in terminological dictionaries. The author of the paper examines the structure of such units and their presentation in the selected bilingual dictionaries of economic terminology.

Key words: multi-word term, structure of term, terminological expression, terminological dictionary

Maria Mocarz-Kleindienst

Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II

Audiodeskrypcja po rosyjsku — analiza językowa

Audiodeskrypcja (AD) zgodnie z zapisem w ustawie o radiofonii i telewizji jest werbalnym, dźwiękowym opisem obrazu i treści wizualnych zawartych w audycji audiowizualnej, skierowanym do osób z dysfunkcją narządu wzroku, umieszczonym w audycji lub rozpowszechnionym równocześnie z audycją¹. Ta usankcjonowana prawnie na potrzeby programów audiowizualnych usługa wykracza poza przestrzeń audiowizualną, coraz częściej bowiem AD wykorzystywana jest także w spektaklach teatralnych, na wystawach dzieł sztuki, podczas wydarzeń kulturalnych i sportowych, zwiedzania miast, a nawet pokazów mody. Jak podają polskie badaczki Agnieszka Chmiel i Iwona Mazur, AD została wprowadzona w Stanach Zjednoczonych przez Joela Snydera, a następnie przeniesiona na grunt europejski — do Wielkiej Brytanii, gdzie opracowano pierwsze europejskie standardy tej techniki². Oprócz Wielkiej Brytanii, która pozostaje europejskim liderem AD, usługa ta bardzo dynamicznie rozwija się także w Niemczech, Hiszpanii, Belgii, krajach skandynawskich, Polsce³. W tym miejscu warto nadmienić, że również na gruncie polskim zostały wypracowane standardy tworzenia AD, m.in. przez jej pionierów w Polsce oraz założycieli Fundacji Audiodeskrypcja — Barbarę Szymańską i Tomasza Strzymińskiego. W 2010 roku stworzyli oni *Standardy tworzenia audiodeskrypcji do produkcji audiowizualnych*. Dwa lata później Izabela Kuentler, Urszula Butkiewicz i Ro-

¹ Ustawa z 25 marca 2011 roku o zmianie ustawy o radiofonii i telewizji oraz niektórych innych ustaw, Dz. U. 2011, nr 85, poz. 459, s. 6.

² A. Chmiel, I. Mazur: *Audiodeskrypcja*. Poznań 2013, s. 33.

³ I. Mazur: *Projekt ADLAB i funkcjonalizm w przekładzie — w stronę strategii audiodeskrypcyjnych*. „Przekładaniec” 2016, nr 28, s. 11—22, doi:10.4467/16891864PC.14.001.1708 [data dostępu: 15.09.2018].

bert Więckowski przygotowali opracowanie *Audiodeskrypcja — zasady tworzenia* na potrzeby Fundacji Kultury bez Barrier⁴. Przed upowszechnieniem się w języku polskim terminu *audiodeskrypcja* (z ang. *audio description*), w latach 90. ubiegłego stulecia funkcjonował inny termin — *tyflofilmy*, odnoszący się do filmów opatrzonych werbalnym opisem treści wizualnych (m.in. *Ekstradycja III, Psy, Seksmisja, Vabank, Tato, Sara*)⁵.

Metoda ta jest coraz częściej stosowana także w Rosji, wcześniej była znana w ZSRR, jednak z tą różnicą, że bardziej rozpowszechniony jest tam termin *tyflokomentarz* (*тифлокомментирование*, TK), wcześniej *tyfloprzekład* (*тифлоне перевод*). Według Siergieja Nikołajewicza Wańszyna pierwszym radzieckim filmem opatrzonym TK i udostępnionym w 1978 roku niewidomej widowni w jednym w moskiewskich kin był melodramat historyczny *Kleopatra* produkcji USA⁶. Narodziny rosyjskojęzycznej audiodeskrypcji w czasach tzw. żelaznej kurtyny sprawiły, że oba te nurty — zachodnioeuropejska (przejęta ze Stanów Zjednoczonych) audiodeskrypcja i rosyjski tyflokomentarz — rozwijały się paralelnie, niezależnie i przez długi czas nie korzystano z wzajemnych doświadczeń. Oczywiście zmiany ustrojowe w rzeczywistości radzieckiej, następnie rosyjskiej, spowolniły tempo rozwoju tej usługi. Jednak, podobnie jak w tradycji anglosaskiej, później także polskiej, długoletnie zaangażowanie osób — od amatorów, pasjonatów, po profesjonalnych audiodeskryptorów dostrzegających społeczne potrzeby takiej działalności — zaowocowało stworzeniem standardów AD/TK⁷ także w realiach rosyjskich. Niezwykle aktywną na tym gruncie postacią jest wspomniany wcześniej S.N. Wańszyn, który na potrzeby departamentu opieki społecznej mieszkańców Moskwy opracował razem z małżonką koncepcję TK i zaprezentował ją w publikacji pt. *Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых. Инструктивно-методическое пособие* (Tyflokomentarz, czyli werbalny opis dla niewidomych. Poradnik szkoleniowo-metodyczny).

Podobnie jak w USA, Europie Zachodniej czy Polsce, także w Rosji pojawiły się regulacje prawne, na mocy których producenci rosyjscy są zobligowani do nagrania na taśmach filmowych lub innych nośnikach (z filmami fabularnymi i animowanymi) wersji dla osób z dysfunkcją wzroku. Minimum 10% produkcji krajowych finansowanych z budżetu federalnego powinno być opatrzonych

⁴ http://www.fdc.org.pl/gallery/Audiodeskrypcja-zasady-tworzenia_Fundacja-Kultury-bez-Barrier.pdf [data dostępu: 18.09.2018].

⁵ Szerzej na ten temat: G. Adamowicz-Grzyb: *Tłumaczenie filmowe w praktyce*. Warszawa 2014, s. 163; także: H. Szczepański: *Co to jest tyflofilm?* <http://www.opoka.org.pl/biblioteka/I/IC/tyflofilm.html> [data dostępu: 19.09.2018].

⁶ С.Н. Ваньшин, О.П. Ваньшина: *Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых: Инструктивно-методическое пособие*. <http://www.rehacomp.ru/services/indevelop/tiflocomment> [data dostępu: 25.11.2018].

⁷ W dalszej części pracy oba terminy (w pełnym brzmieniu i wersji skróconej) w odniesieniu do usługi na gruncie rosyjskim będą stosowane zamiennie.

usługą TK. 1 stycznia 2018 roku weszło w życie rozporządzenie zobowiązujące właścicieli lub najemców sal kinowych do wyposażenia pomieszczeń, w których odbywają się projekcje filmowe, w sprzęt umożliwiający osobom niewidomym swobodne korzystanie z TK.

W tradycji rosyjskiej można wyróżnić następujące propozycje typologiczne TK:

- 1) tyflokomentarz przygotowany (подготовленное тифлокомментирование), bezpośredni lub odtwarzany — tyflokomentator ma możliwość wcześniejszego przygotowania skryptu, który następnie jest zapisywany i automatycznie odtwarzany w trakcie projekcji filmu lub czytany bezpośrednio przez samego tyflokomentatora;
- 2) tyflokomentarz na żywo, tj. bez uprzedniego przygotowania skryptu (прямое тифлокомментирование), przy czym tyflokomentator może mieć możliwość wcześniejszego zapoznania się np. z materiałem filmowym, dziełem sztuki, albo być takiej możliwości pozbawiony, np. w przypadku opisu werbalnego meczu piłki nożnej transmitowanego na żywo⁸.

Taka koncepcja typologiczna TK⁹ zapewne wiąże się z realiami pracy i możliwościami kompetencyjnymi osób zawodowo lub niekiedy amatorsko zajmujących się tą usługą. Warto odnotować, że stale rosnące społeczne zapotrzebowanie przyczyniło się do systemowego kształcenia tyflokomentatorów na gruncie rosyjskim¹⁰.

Po tym krótkim wprowadzeniu w realia funkcjonowania usługi audiodeskrpcji w Rosji przejdźmy do analizy językowej materiału na przykładzie dwóch filmów należących do tzw. klasyki kina radzieckiego: *Moskwa nie wierzy łzom* (Москва слезам не верит) w reżyserii Władimira Mieńszowa z 1979 roku oraz *Gorzki romans* (Жестокый романс) Eldara Riazanowa z 1984 roku. Oczywiście analiza taka będzie mieć charakter wybiórczy, zdeterminowany rozmiarami niniejszego opracowania. Jej obiektem będą zjawiska leksykalne i składniowe. Trzeba w tym miejscu podkreślić, że na pierwszy rzut oka przygotowane przez audiodeskrpcję skrypty cechuje lakoniczny, niewyszukany styl wypowiedzi, który — z uwagi na ograniczony wymogami temporalnymi produkcji audiowizualnej dobór komponentów (z reguły kilkusekundowe informacje AD umieszczane są w przerwach pomiędzy dialogami) — nie zaskakuje bogactwem i różnorodnością środków leksykalnych i składniowych. Ten podyktowany również ograniczeniami percepcyjnymi osób z dysfunkcją wzroku umiar

⁸ С.Н. Ваньшин, О.П. Ваньшина: *Тифлокомментирование...*, <http://www.rehacomp.ru/services/indevelop/tiflocomment> [data dostępu: 25.11.2018]

⁹ Przedstawiona koncepcja typologii TK nie jest jedyną wypracowaną na gruncie rosyjskim. Oprócz niej istnieje inna, przyjmująca za kryterium np. rodzaj obiektu, na który nakierowana jest ta usługa — szerzej na ten temat we wspomnianej pracy S.N. Wańszyna.

¹⁰ Szczegółowo tę kwestię opisuje S.N. Wańszyn w swojej pracy *Тифлокомментирование...*, <http://www.rehacomp.ru/services/indevelop/tiflocomment> [data dostępu: 26.11.2018]

w doborze poszczególnych komponentów skryptu zasługuje na naukowy opis, chociażby z uwagi na społeczną potrzebę uświadamiania tego typu ograniczeń.

Zacznijmy od zjawisk leksykalnych, a konkretnie od nazw własnych. Generalnie w materiale fabularnym dominują nazwy osobowe służące do identyfikowania postaci. Ich obecność odnotować możemy zatem także w skryptach. Znamienne jest jednak, że nazwy takie z reguły nie pojawiają się w pierwszych kadrach filmu. Na początku następuje krótki opis postaci poprzez wskazanie najbardziej typowych cech, takich jak kolor włosów, wiek, płeć, kształt twarzy, profil sylwetki, znaki szczególne. Oto kilka przykładów:

- 1) *Вечер. Вдоль кирпичного здания идет девушка. У нее каштановые волосы до плеч, зеленые глаза, светлая кожа, овальное приятное лицо, белая блузка с коротким рукавом, украшенная вышивкой.* (MnWŁ, 02:17¹¹)
- 2) *Девушка с каштановыми волосами входит в здание.* (MnWŁ, 03:20)
- 3) *Коля высокий, широкоплечий.* (MnWŁ, 04:35)
- 4) *У Люды темнорусые волосы. Спускавшийся за Людой молодой человек садится напротив, неотрывно смотрит на Люду. Люда показывает обложку.* (MnWŁ, 10:30)
- 5) *Молодой человек широко улыбается.* (MnWŁ, 05:30)

Autor skryptu zwraca uwagę na cechy zewnętrzne i wygląd bohaterów, informując o kolorze włosów, ich długości, kolorze oczu, owalu twarzy, sylwetce, ubiorze. Zauważamy przy tym pewną redundancję informacyjną poprzez powtórzenia w krótkim odstępie czasowym informacji na temat *девушки с каштановыми волосами* / *dziewczyny o kasztanowych włosach*. Ten zabieg powtarzania ma zapewne na celu utrwalenie w pamięci osoby niewidomej obrazu bohaterki i jego rekonstrukcji w dalszych partiach filmu — w ten sposób stymuluje się aktywność poznawczą widza. Znamienne, że imię bohaterki w skrypcie zostało użyte nieco później, około 10 minuty, dopiero po tym, jak najpierw padło z ust kolejnej bohaterki — współmieszkanki hotelu robotniczego:

- 6) — *Здравствуйте!*
— *Кать, чё завалила?*
— *Ага, два балла не добрала.*
AD: Катя читает книгу. (MnWŁ, 03:25)

¹¹ W tekście zastosowano następujące skróty tytułów filmowych: MnWŁ dla filmu *Moskwa nie wierzy łzom* oraz GR dla filmu *Gorzki romans*. Obok skrótów umieszczone są tzw. kody czasowe informujące o czasie, w jakim pojawia się dana sekwencja w filmie. Jeżeli w danym przykładzie zacytowano dłuższą wypowiedź, wtedy w nawiasie pojawia się tzw. kod wyjścia, tj. zakończenia danej wypowiedzi. Oba analizowane filmy zostały udostępnione przez Mosfilm na: <https://www.youtube.com/watch>. Zarejestrowane kody czasowe odnoszą się właśnie do tych wersji.

Analiza AD filmów wykazała stosunkowo wysoką powtarzalność nazw osobowych przy względnie niewielkiej liczbie zaimków osobowych mogących potencjalnie zastąpić powtarzające się w skrypcie antroponimy. Taki zabieg jest oczywiście uzasadniony ich podstawową funkcją wskazującą, nie zaś *stricte* nominacyjną. Pozbawione funkcji denotacyjnej zaimki są używane z dużą ostrożnością jedynie w tych miejscach, gdzie formy typu *y него, ee, она* itp. jednoznacznie wskazują na konkretną postać, a osoba niewidoma nie musi zastanawiać się, z jaką postacią należy powiązać wyartykułowaną przed chwilą przez lektora/tyflokomentatora formę zaimkową. Co ciekawe, rosyjski TK nie wyklucza stosowania np. zaimków nieokreślonych tam, gdzie zgodnie z realiami w filmie owa nieokreśloność zjawisk czy obiektów faktycznie ma miejsce. Potwierdza to następujący przykład:

- 7) *На капитанском мостике стоят Паратов и Ларуса. Он что-то показывает ей вдали.* (GR, 32:40)

Nawet uważne śledzenie kadru przez osoby widzące nie gwarantuje możliwości rozpoznania, o jaki, ułożony gdzieś w okolicy linii horyzontu, obiekt chodzi. W związku z tym tyflokomentator rosyjski nie doprecyzował znaczenia tego zaimka, pozostawiając otwartą sferę domysłów także dla widza z dysfunkcją wzroku.

Pośród innych zjawisk leksykalnych na uwagę z całą pewnością zasługują nazwy kolorów, które ze swej natury odwołują nas do postrzegania wzrokowego. Jednak w AD używa się podstawowych nazw kolorów, mimo że osoby niewidome od urodzenia odbierają je w sposób abstrakcyjny, są pozbawione pamięci wzrokowej mapy kolorów. Badania naukowe dowodzą, iż kolorystyka znajduje się w zasięgu możliwości poznawczych osób niewidomych. Mają one bowiem kontakt z takim słownictwem i potrafią właściwie zastosować je w kontekście¹². Nazwy kolorów są obecne w sekwencjach dialogowych słyszanych w codziennych sytuacjach życiowych, zatem osoby z dysfunkcją wzroku tworzą swoją mapę kolorystyczną i potrafią się nią posługiwać.

- 8) *У нее каштановые волосы до плеч, зеленые глаза, [...] белая блузка с коротким рукавом.* (GR, 08:06)
 9) *Паратов в белом наряде на белой лошади с ярким букетом роз.* (GR, 05:24)
 10) *На ней бордовая шляпка с пером и бордовое пальто с бордовым воротником.* (GR, 07:50)

¹² M. Mocarz-Kleindienst: *Słowo z perspektywy audiodeskryptora*. W: *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza. Polszczyzna w tekstach przekładu*. Red. A. Pstyga, M. Milewska-Stawiany. Gdańsk 2016, s. 82.

Przeanalizowany materiał z dwóch filmów dowodzi wysokiej częstotliwości użycia następujących leksemów: *белый, зеленый, черный, светлый, голубой, коричневый, бордовый, каштановый*, przy czym dwa ostatnie odnotowano tylko raz: *бордовый* w GR, zaś *каштановый* w MnWŁ.

Rosyjscy tyflokomentatorzy ostrożnie podchodzą do kwestii użycia przymiotników wartościujących. Dzieje się tak dlatego, że w standardach AD zaleca się obiektywizację w przekazywaniu treści, a przymiotniki wartościujące mogłyby tę zasadę naruszyć. Ponadto z reguły mają one szeroki zakres konotacji, niekiedy także denotacji (np. leksem *интересный, модный*), utrudniające sprawne dopasowanie znaczenia do danego kontekstu filmowego. Nie oznacza to bynajmniej, że takich przymiotników w ogóle nie spotykamy w materiałach rosyjskiej AD. Podany w dalszej części opracowania przykład zawiera przymiotnik jakościowy. Jego ogólny sens jednak zostaje skonkretyzowany poprzez pojawienie się kolejnego przymiotnika — tym razem względnego:

- 11) *У Люды пышная прическа, клипсы, она одета в модное клетчатое платье.* (MnWŁ, 12:20)

Przechodząc do analizy zjawisk składniowych, należy zauważyć wyraźną dominację zdań prostych, najczęściej zbudowanych według podstawowego schematu: *Кто ? → co robi?*:

- 12) *Коля убегает.* (MnWŁ, 05:06)
13) *Таня улыбается.* (MnWŁ, 05:57)
14) *Паратов бежит с букетом.* (GR, 05:38)

Przywołane konstrukcje czynne w sposób przejrzysty, zwięzły i bezpośredni informują o aktualnie rozgrywających się na ekranie wydarzeniach czy czynnościach wykonywanych tu i teraz (dominują czasowniki w czasie teraźniejszym, denotujące akcję, stan lub proces). Tak skonstruowane wypowiedzi, słyszane w trakcie projekcji filmu przez osoby niewidome, niewątpliwie usprawniają odbiór i przetwarzanie informacji w nich zawartych. Odnotowano także stosunkowo wysoką frekwencję równoważników zdań, również sprzyjających — poprzez swoją skondensowaną formę — zwięzłości informacyjnej wypowiedzi słyszanych w przerwach pomiędzy dialogami:

- 15) *Среди поддонов с хлебом.* (MnWŁ, 11:20)
16) *Небольшая квартира. [...] В руках альбом с фотографиями.* (MnWŁ, 37:26)

W tym miejscu warto zwrócić uwagę na bardzo częste stosowanie okoliczników miejsca, sposobu i czasu. Oto kilka przykładów:

- 17) *Люда вприпрыжку спускается по эскалатору метрополитена. [...] Спускавшийся за Людой молодой человек садится напротив, неотрывно смотрит на Люду.* (MnWŁ, 13:06)
- 18) *Поглядывая на Катю, мальчик криво улыбается.* (MnWŁ, 37:26)
- 19) *Подняв голову, Катя задумчиво смотрит ему вслед. Опустив взгляд, сидит неподвижно.* (MnWŁ, 55:27)
- 20) *За окном пасмурный день. По стеклу сбегает капли дождя. На будильнике без двадцати час. Сев на кровать, Люда смотрит на Катю. Та лежит лицом к стене.* (MnWŁ, 56:22)
- 21) *Во дворе Паратов прохаживается под зонтом и поглядывает в сторону дома Окудаловых.* (GR, 30: 10)

Ten przykładowy materiał wskazuje na bardzo częste posługiwanie się przede wszystkim okolicznikami miejsca, pozwalającymi precyzyjniej zlokalizować w umyśle miejsce akcji, wypracować plan przestrzenny rozgrywających się akcji, relacje przestrzenne pomiędzy osobami uwikłanymi w wydarzenia lub obiektami stanowiącymi tło dla takich wydarzeń. Okoliczniki sposobu, licznie reprezentowane przez przysłówki, wyrażenia przymikowe, także zwroty imiesłowne, pomagają z kolei opisać zachowania bohaterów, stworzyć wyobrażenia o uczuciach i przeżyciach emocjonalnych towarzyszących poszczególnym bohaterom filmowym.

Zaprezentowana pokrótce charakterystyka językowa rosyjskiej AD ujawnia pewne tendencje w zakresie doboru i selekcji treści opisów na potrzeby osób z dysfunkcją wzroku. W takim opisie pojawiają się frazy identyfikujące bohaterów, określające ich wygląd zewnętrzny (kolor i długość włosów, sylwetka, wzrost), wiek, elementy stroju czy inne atrybuty (np. okulary, laska), rzadziej pochodzenie. Na poziomie gramatycznym realizacja tych opisów odbywa się poprzez zastosowanie szerokiego spektrum rzeczowników, w tym nazw osobowych, i przymiotników (wskazujących na nazwy kolorów, znacznie rzadziej wartościujących). Powołując się na klasyfikację struktury bohaterów literackich Jamesa Phelana, która została przeniesiona przez A. Chmiel i I. Mazur na bohaterów filmowych, można stwierdzić — na podstawie przeprowadzonej analizy opisów — dominację warstwy mimetycznej, z bohaterem jako jednostką. Znacznie rzadziej pojawiały się opisy ukierunkowane na porządek tematyczny, czyli skoncentrowanie uwagi na bohaterach jako reprezentantach konkretnych warstw społecznych. Należy dodać, że w obu analizowanych filmach tematyka różnic społecznych jest kluczowa, jednak została ona dostatecznie wyeksplikowana w samych partiach dialogowych bohaterów (w skryptach AD, np.: *Паратов в белой рубашке на белой лошади с ярким букетом роз*). W ogóle natomiast nie odnotowano — z racji gatunku filmu — wymienionego przez J. Phelana porządku syntetycznego, w którym bohater filmowy jest traktowany jako sztuczny

konstrukt¹³. Wysoki udział okoliczników miejsca jest uzasadniony potrzebą opisów kluczowych dla każdego filmu parametrów czasowych i przestrzennych. W kontekście tego drugiego warto zauważyć następujące prawidłowości: stosuje się ogólny opis sceny (sprzyjają temu równoważniki zdań i zdania proste nierozwinięte), ewentualnie potem następuje przejście do opisu szczegółów istotnych dla akcji filmu. Sporadycznie w AD pojawiają się opisy trudnych do zidentyfikowania lub nieoczywistych dźwięków, jak np. odgłos wprawionego w ruch mechanizmu silnika maszyny parowej (w filmie GR).

Reasumując, ten lakoniczny i zwięzły w swej treści intersemiotyczny przekład obrazu w słowa na potrzeby osób niewidomych i niedowidzących jest w rzeczywistości rezultatem wielogodzinnej żmudnej pracy audiodeskryptora, wymagającej bardzo często także konsultacji z potencjalnymi beneficjentami takiej usługi, zdobycia wysokich kompetencji językowych, psychologicznych i kognitywnych.

¹³ A. Chmiel, I. Mazur: *Audiodeskrypcja...*, s. 131—132.

Мария Моцаж-Клейндиенст

Аудиодескрипция по-русски — языковой анализ

Резюме

Аудиодескрипция как вербальная звуковая передача визуального кода помогает людям с нарушениями зрения приобрести недоступную им информацию в визуальном коде. Эта услуга все чаще присутствует в аудиовизуальных программах как в странах Западной Европы, в Польше, так и в России, где принято именовать ее *тифлокомментарием*. В настоящей статье предпринимается попытка описать избранные языковые явления в русских версиях аудиодескрипции, приложенных к двум кинокартинам, т. наз. классике советского кино: *Жестокий романс* и *Москва слезам не верит*. Анализу были подвергнуты лексические и синтаксические средства. Поскольку аудиодескрипция представляет собой сжатое описание образов, в статье дается также попытка определить, какие объекты, присутствующие в кинообразах, подвергаются интерсемиотическим описаниям, так чтобы фильм отвечал потребностям лиц с нарушениями зрения.

Ключевые слова: аудиодескрипция, тифлокомментарий, тифлоперевод, скрипт

Maria Mocarz-Kleindienst

Audio description in russian — linguistic analysis

Summary

Audio description as audio-verbal communication of visual content meets the needs of visually impaired people. This narration service is increasingly common in audiovisual productions in western European countries, in Poland as well as in Russia. In Russia, it is most frequently referred to as *tyflokomentarz*. This paper provides a description of selected linguistic phenomena in the Russian versions of audio description, developed for the two Russian classic films: *A Cruel Romance* and *Moscow Does Not Believe in Tears*. The paper focuses on the lexical and syntax issues. Due to the fact that audio description is brief and concise communication of visual content, the paper analyses which objects present in the picture are most frequently intersemiotically described for the needs of the blind and visually impaired.

Key words: audio description, movie, script, audio-visual translation

Alicja Mrózek

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Frazeologia biblijna we współczesnej aforystyce rosyjskiej jako problem badawczy

W rosyjskiej literaturze współczesnej — czyli umownie datowanej od końca wieku XX¹ — wiele jest utworów odwołujących się do innych dzieł literackich lub wykorzystujących powszechnie znane sformułowania, zwroty lub frazemy² celem wywołania u odbiorcy odpowiednich konotacji. Aforyzmy³ nie stanowią tu wyjątku, znajdziemy bowiem wśród nich wiele takich, które zawierają

¹ Jako cezura przyjęty został rok 1991 — przede wszystkim jako rok ogromnych przemian w Rosji, które radykalnie zmieniły dotychczasowy porządek i znalazły swoje odzwierciedlenie we wszystkich sferach życia Rosjan — nie tylko w polityce czy gospodarce, ale także w kulturze i literaturze.

² Ze względu na różnorodny charakter i specyfikę omawianych biblizmów używamy w odniesieniu do nich terminu *frazem*, rozumianego zgodnie z definicją W. Chlebdy jako „[...] każdy — niezależnie od jego statusu semantycznego i struktury formalnej — znak językowy, stanowiący nazwę potencjału treściowego, którą w danej sytuacji dla wyrażenia tego potencjału mówiący przywołuje (odtwarza) w charakterze jego względnie stałego symbolu”. Por. W. Chlebda: *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole 1991, s. 27.

³ Aforyzm rozumiany jest tu jako: „[...] zwarte sformułowanie, zwykle jednozdaniowe, ogólnej prawdy o charakterze filozoficznym, psychologicznym czy moralnym, odznaczające się stylistyczną wyrazistością i błyskotliwością [...] (Por. apoftegmat, gnoma, maksyma, sentencja, złota myśl)” oraz „zwężone zdanie, wyrażające myśl moralną, filozoficzną itp., maksyma, sentencja, „złota myśl”. *Słownik terminów literackich*. Red. J. Sławiński. Wyd. II, popr. Ossolineum 1988, s. 15; W. Kopaliński: *Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych z almanachem*. Warszawa 2000. Definicji aforyzmu jako gatunku brak jest jednoznaczności, mimo że badacze raczej zgodnie nazywają charakterystyczne dla niego cechy, m.in. krótkość, zwartość, ironię, humor, paradoks, błyskotliwość, samodzielność (lub kontekstowość) itd. Por. badania Jana Trzy-nadłowskiego, Kazimierza Orzechowskiego, Jadwigi Stawnickiej, Krzysztofa Wicharego, Piotra Michałowskiego, Wojciecha Chlebdy i innych.

aluzje literackie, znane cytaty z innych tekstów pisanych i wypowiedzi ustnych⁴. Ich intertekstualność powoduje, że rosną wymagania w stosunku do odbiorcy, który, by w pełni docenić intencje autora, musi wykazać się erudycją. Pewną grupę stanowią także aforyzmy nawiązujące do zjawisk czy pojęć, charakterystycznych i czytelnych zapewne tylko dla rosyjskojęzycznego kręgu odbiorców⁵.

Materiał badawczy jest bardzo obszerny i niniejszy szkic został ograniczony wyłącznie do inspiracji literackich pochodzących ze szczególnego dzieła literackiego, za jakie uznaje się *Biblię*, i ich reprezentacji w aforystyce rosyjskiej. Wielu aforystów wykorzystuje bowiem biblizmy w swoich utworach⁶. W poniższym tekście zaprezentujemy istniejące w literaturze naukowej klasyfikacje frazeologizmów biblijnych, ilustrując je wybranymi przykładami aforyzmów, które zawierają wskazane jednostki. Niektóre z przytoczonych przykładów będą zaliczane do biblizmów bezdyskusyjnie, niektóre zaś tylko przez pewną grupę badaczy. Zaprezentowane klasyfikacje czasem się zazębiają, czasem sposób podziału wynika z rozumienia samego pojęcia biblizmu. Należy więc wobec tego podjąć próbę zaprezentowania, czym on jest dla badaczy.

Według Stanisława Koziary⁷ *bibilizm* jest terminem stosunkowo nowym. Jedno z pierwszych użyci badacz odnotowuje w pracy Ireny Bajerowej z końca lat 80. XX wieku, kiedy termin ten zastosowany został dla określenia wyrazów i zwrotów zaczerpniętych z *Biblii*⁸. Koziara przywołuje także termin *frazeologizm biblijny*, który, jego zdaniem, należy rozumieć jako tradycyjnie pojmowany zbiór jednostek takich, jak na przykład idiomy czy frazemy, lub jako obszerniejsze frazy, takie jak przysłowia czy sentencje. Z kolei Krystyna Długosz-Kurczabowa definiuje *bibilizm* jako wszystkie jednostki języka (nazwy własne, jednostki leksykalno-frazeologiczne, pojęcia) przejęte z *Biblii* i funkcjonujące później poza jej obrębem. Anna Maria Komornicka pisze o zwrotach

⁴ W badanym przez nas materiale (około 8000 aforyzmów) łączna liczba aforyzmów, zawierających odniesienia i cytaty z innych dzieł literackich wyniosła około 200.

⁵ W przypadku tej grupy liczba tego typu aforyzmów wynosi około 180.

⁶ W analizowanym materiale liczba aforyzmów zawierających biblizmy przekracza 250. Aforyzmy pochodzą m.in. ze zbiorów: И. Иванюк, Б. Крутиер, Г. Малкин, В. Сумбатов: *Антология современного афоризма. Классика XXI века*. Москва 2006; *Современная отечественная афористика*. Сост. В. Шойхер. Москва 2002; oraz ze stron internetowych autorów: Jewgienija Kaszczewaja (Е. Кашеев: *Афоризмы от Кащеева*. <http://kashcheev.ru>) i Leonida Suchorukowa (<http://www.aphorism.ru/author/a7948.shtml>; http://www.aphorism.ru/author/a7948_2.shtml [data dostępu: 1.08.2018]), a także z książki L.S. Sukhorukov: *All About Everything*. Brighton 2005).

⁷ S. Koziara: *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Kraków 2001.

⁸ I. Bajerowa stosowała ten termin zarówno do opisu zwrotów używanych w języku literackim, jak i potocznym. I. Bajerowa: *Kilka problemów stylistyczno-leksykalnych współczesnego polskiego języka religijnego*. W: *O języku religijnym. Zagadnienia wybrane*. Red. M. Karpluk, J. Sambor. Lublin 1988, s. 23, cyt. za S. Koziara: *Frazeologia biblijna...*, s. 29.

biblijnych⁹, a Zenon Leszczyński rezygnuje z nazywania takich jednostek biblizmami lub frazeologizmami biblijnymi (zgodnie z tradycją) i wprowadza nowy termin *formalne stereotypy językowe pochodzenia biblijnego*¹⁰. Teresa Zofia Orłoś pisze z kolei o skrzydlatych słowach, do których zalicza zwroty frazeologiczne pochodzenia biblijnego. Badaczka wspomina, że „najwięcej z tradycyjnie pojmowanych skrzydlatych słów związanych jest właśnie z *Biblią*, antykiem i literaturą światową. Zaliczyć je można do tzw. europeizmów czy też internacjonalizmów”¹¹. *Biblizm* według definicji Wojciecha Chlebda oznacza natomiast „jednostkę języka o dającym się ustalić pochodzeniu od tekstów biblijnych, niezależnie od swojej postaci formalnej (wyraz — grupa wyrazowa — zdanie) i statusu semantycznego kodowaną w pamięci językowej danego narodu i odtwarzaną w produkcji tekstów danego języka”¹².

O terminologii dotyczącej biblizmów piszą także m.in. rosyjski znawca frazeologii biblijnej Walerij Mokijenko¹³ oraz Kira Dubrowina, która w swoim artykule biblizmy definiuje następująco: „Библейские фразеологизмы [...] это устойчивые обороты (словосочетания и предложения), которые по своему происхождению восходят к Библии — Священному Писанию, состоящему из целого ряда книг *Ветхого* и *Нового Завета*”¹⁴. Michaił Tichonienko uważa, że frazem pochodzenia biblijnego to: „[...] устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением, восходящее к текстам Библии”¹⁵. Z kolei Alfija Mahmutowa i Galija Hisa-

⁹ Termin *zwrot* używany jest przez autorkę raczej w znaczeniu potocznym i „nie określa wyłącznie odpowiadających temu pojęciu frazemów” — zob. S. Koziara: *Frazeologia biblijna...*, s. 20.

¹⁰ Z. Leszczyński: *Perspektywy uchwycenia zasobu formalnych stereotypów językowych pochodzenia biblijnego w polszczyźnie*. W: *Język a chrześcijaństwo*. Red. I. Bajerowa, M. Karpluk, Z. Leszczyński. Lublin 1993, s. 95—119.

¹¹ T.Z. Orłoś: *Skrzydlate słowa pochodzenia biblijnego w języku czeskim i polskim*. W: *Problemy frazeologii europejskiej II. Frazeologia a religia*. Red. A.M. Lewicki, W. Chlebda. Warszawa 1997, s. 123. Orłoś dodaje także, że według badań w słownikach skrzydlatych słów biblizmy stanowią aż 40% zarejestrowanych frazeologizmów.

¹² W. Chlebda: *Biblizmy języka rosyjskiego. Koncepcje opisu leksykograficznego*. W: *Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiańskich*. Red. R. Łużny, D. Piwowarska. Kraków 1998, s. 17.

¹³ В.М. Мокиенко: *Языковая картина мира в зеркале фразеологии*. W: *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Red. nauk. W. Chlebda. Opole 2007, s. 49—66; В.М. Мокиенко: *Славянская фразеология и религия: от политеизма к полифразеологизации*. W: *Problemy frazeologii Europejskiej II...*, s. 51—65.

¹⁴ К.Н. Дубровина: *От Библии до библейских фразеологизмов русского языка*, s. 1, <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-biblii-do-biblejskich-frazeologizmov-russkogo-yazyka> [data dostępu: 1.09.2018].

¹⁵ А. Махмутова, Г. Хисамова: *Фразеологизмы-библейзмы на практических занятиях по русскому языку со студентами национального отделения университета*. „Studia Rossica Poznaniensia” vol. XXIX: 2001, s. 205. <http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Stu>

mowa opisują biblizmy w ten sposób: „Библеизмы — это языковые единицы, заимствованные из *Библии* или испытавшие семантическое воздействие библейских текстов, употребление которых связано с образным, метафорическим переосмыслением имён персонажей, реалий и сюжетов *Библии*, а также других книг Священного Писания”¹⁶. Wyraźnie widać, że w niektórych aspektach definiowania biblizmów wśród badaczy panuje zgoda, w innych zaś poszczególne wizje okazują się rozbieżne.

Otrzymujemy zatem zestaw różnych terminów używanych do określenia biblizmów:

- wyrazy i zwroty zaczerpnięte z *Biblii* (Bajerowa),
- frazeologizmy biblijne (Koziaara, Mokijenko, Dubrowina, Tichonienko),
- wszystkie jednostki języka przejęte z *Biblii* i funkcjonujące poza jej obrębem (Długosz-Kurczabowa),
- zwroty i aluzje biblijne (Komornicka),
- formalne stereotypy językowe pochodzenia biblijnego (Leszczyński),
- zwroty frazeologiczne pochodzenia biblijnego (Orłós),
- jednostki języka o dającym się ustalić pochodzeniu od tekstów biblijnych (Chlebda, Mahmutowa, Hisamowa),
- frazeologizmy międzynarodowe (Połczaninowa).

Ta różnorodność terminologiczna sygnalizuje problemy, o których wspomina Chlebda: „Как ни странно, хотя в литературе по данной теме термин ‘библеизм’ в свободном и широком употреблении, он понимается скорее интуитивно, так как термин этот до сих пор не был дефинирован, и вопрос о границах библейской фразеологии, т.е. об объёме и содержании корпуса библейских фразеологизмов, или, наконец, о допустимой степени отдалённости данной единицы от библейского источника, остался открытым”¹⁷.

Chlebda przyznaje także, że choć temat ten pozostaje otwarty, to jednak korpus frazemów biblijnych jest stosunkowo dobrze opracowany: „Лучше же других изучен именно фразеологический его (pytania o *Biblię* w języku — A.M.) [...] аспект в виде корпуса библейских фразеологизмов. Он находится в центре внимания исследователей не только потому, что библейских фразем намного больше, чем слов (ок. 90% всего корпуса библеизмов [...]). С познавательной точки зрения фраземы, пожалуй, даже интереснее

dia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2001-t29/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2001-t29-s205-212/Studia_Rossica_Posnaniensia-r2001-t29-s205-212.pdf [data dostępu: 3.09.2018].

¹⁶ М.И. Тихоненко: *Аспекты классификации библейских фразеологических единиц как компонента художественного текста*. <http://elib.bsu.by/handle/123456789/49484> [data dostępu: 12.12.2018].

¹⁷ W. Chlebda: *Библия в языке — язык в Библии*. W: *Problemy Frazologii Europejskiej II...*, s. 69.

лексем, так как являются знаками не только объектов, но и целых ситуаций, выражают не только понятия, но и суждения, оценки, отношения”¹⁸. Nadal jednak trzeba stawiać pytanie o to, które z frazemów można uważać za biblijne.

Od dawna badacze próbują ustalić korpus biblizmów — zarówno w języku polskim, jak i rosyjskim. Jest to niezwykle trudny i żmudny proces, biorąc pod uwagę wpływ, jaki *Biblia* wywierała na rosyjską i polską kulturę, literaturę i język¹⁹. Problem wynika między innymi z faktu, że „korpus biblizmów nie jest wielkością daną i ustaloną, lecz kształtującą się [...]”²⁰. Ponadto, jak pisze Teresa Orłóś: „Podobnie jak w całej Europie [...] pewne związki frazeologiczne, występujące w *Starym* i *Nowym Testamencie* utrwaliły się w języku i część użytkowników nie zdaje sobie nawet sprawy z ich pochodzenia”²¹. To samo zjawisko zauważają również inni badacze²². Np. mimo obserwowanego w ostatnich dekadach w Rosji powrotu leksykonu biblijnego do języka ogólnego, do języka literatury czy mediów, Władimir Mielnikow zwraca uwagę na ciągle niewielką świadomość pochodzenia pewnych, upowszechnionych od dawna frazemów: „Но незнание современными россиянами Книги Книг будет преодолено не скоро: более чем семидесятилетняя политика государственного атеизма дала свои плоды. До сих пор для многих является откровением, что источником значительной части распространённых крылатых выражений является *Библия*”²³.

Takie frazemy mają charakter sentencji, mądrości ludowych i są interesujące właśnie ze względu na swoją specyficzną pozycję w powszechnej świadomości Rosjan, dla których nie odnoszą się one do *Biblii*, a do rosyjskiej historii i postaci historycznych, którym przypisuje się ich autorstwo. Teresa Orłóś pisze: „Podobnie jak w całej Europie [...] pewne związki frazeologiczne, występujące w *Starym* i *Nowym Testamencie* utrwaliły się w języku i część użytkowników nie zdaje sobie nawet sprawy z ich pochodzenia”²⁴. Do frazemów takiego typu należy na przykład biblizm ‘Kto nie jest z nami, ten jest przeciwko nam’ lub ‘Kto mieczem wojuje, od miecza ginie’.

Przykładowa biblijna scena pojmania Jezusa w Ogrójcu, opowiadająca także o postawie apostoła Piotra, kończy się apelem Chrystusa, który nawołuje do

¹⁸ Ibidem, s. 68.

¹⁹ Czyt. dokładnie: W. Chlebda: *Biblizmy...*, s. 15—16.

²⁰ Ibidem, s. 26.

²¹ T.Z. Orłóś: *Skrzydlate słowa...*, s. 124.

²² W Polsce poziom tej świadomości jest oczywiście wyższy niż w Rosji ze względu na 70 lat odcięcia Rosjan od wszystkiego, co miało związek z religią i na bardziej radykalną niż w Polsce walkę państwa z Kościołem.

²³ *Вечные истины. Крылатые слова, пословицы, поговорки библейского происхождения*. Составил В.Г. Мельников. Новосибирск 2000, s. 1. Электронная библиотека. [książka dostępna w formacie PDF].

²⁴ T.Z. Orłóś: *Skrzydlate słowa...*, s. 124.

zaprzestania przemocy i nieodpowiadania złem na zło, do powstrzymania się od zemsty, czyli niejako jest zaprzeczeniem starotestamentowego wezwania *oko za oko, ząb za ząb / око за око, зуб за зуб*. Frazem *Kto mieczem wojuje, ten od miecza ginie / Взявшие меч, мечом погибнут*²⁵ w badanym materiale aforystycznym wykorzystano trzykrotnie. Nigdy nie został jednak przywołany w swojej pełnej, pierwotnej postaci. Aforyzmy bowiem nie odwołują się raczej bezpośrednio do frazy biblijnej *Взявшие меч, мечом погибнут*, wszystkie natomiast wykorzystują bardziej rozpowszechniony wariant tego frazemu: *Кто с мечом (к нам) придёт, (тот) от меча (и) погибнет*. Pochodzi on ze znanego radzieckiego filmu w reżyserii Siergieja Eisensteina według scenariusza Piotra Pawlenki *Aleksander Newski*. W scenariuszu fraza ta brzmiała następująco: *Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет. На том стояла и стоит русская земля!* Jak piszą Chlebda i Mokijenko, jest to „ostrzegawcza dewiza patriotyzmu rosyjskiego”²⁶, czytelny sygnał polityczny. W filmie, który miał premierę w roku 1938, czyli w przeddzień przełomowych wydarzeń w historii świata, słowa te przypisano tytułowemu bohaterowi²⁷.

Podczas gdy sens biblijnej wypowiedzi Jezusa ma wydźwięk pacyfistyczny, jej filmowa parafraza brzmi jak ostrzeżenie przed atakiem i zapowiedź kontrataku w przypadku napaści i agresji. Ostrzeżenie, że stosowane metody mogą się obrócić przeciwko napadającemu²⁸.

Przytoczymy zatem oryginalną wersję biblijną, frazę z filmu oraz niektóre aforystyczne transformacje biblizmu:

Bibilizm: *Взявшие меч, мечом погибнут*.

Fraza z filmu: *Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет*.

Aforyzmy wykorzystujące dany frazem w mniej lub bardziej zmodyfikowanej formie:

Кто на нас с добром пойдёт, от добра и погибнет.

Кто к нам с мечтой придёт, от мечты и погибнет.

Кто к нам без водки придёт, тот за родимой и побежит.

²⁵ Biblizm ten pochodzi z *Ewangelii według św. Mateusza 26, 52* (*Евангелие от Матфея* (гл. 26, ст. 52): „Взявшие меч, мечом погибнут” i w pełnym wariacie brzmi następująco: „Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут”. Scena pojmania Jezusa w Ogrójcu, gdy Piotr chcąc bronić Chrystusa dobył miecza i obciął ucho jednemu ze sług arcykapłana. Jezus zwrócił się do niego wówczas takimi właśnie słowami: „Schowaj miecz swój do pochwy, bo wszyscy, którzy za miecz chwytają, od miecza giną”. Cytaty z *Biblii* w języku rosyjskim pochodzą z Przekładu Synodalnego, w języku polskim — z *Biblii Tysiąclecia*. <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/> oraz <https://biblia.deon.pl/> [data dostępu: 12.12.2018].

²⁶ W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szuleżkova: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask 2003, s. 258. „Kto z mieczem do nas wejdzie, od miecza też zginie”.

²⁷ S. Kozłara: *Frazeologia biblijna...*, s. 30.

²⁸ Ibidem, s. 30—31.

Wracając do kwestii korpusów, obserwujemy problem wynikający z tego, że ich twórcy różnie definiują *biblizm*. Leksykolodzy i leksykografowie podają własne definicje (które zostały przywołane wyżej) i różnie odpowiadają na pytanie „co to znaczy biblijny?” i „co znaczy frazeologiczny?”. Należy bowiem zauważyć, że ilościowy korpus jest wypadkową, z jednej strony, sposobu rozumienia i interpretowania samej biblijności, z drugiej zaś, przyjęcia określonych granic pojęcia frazeologiczności. Ograniczenie doboru jednostek do korpusu może być także wynikiem ograniczenia się autorów tylko do jednego z wielu dostępnych przekładów *Biblii*.

Podjęmowane są próby klasyfikacji i oszacowania rozmiarów korpusu biblizmów, choć na przykład w języku polskim dostępne dane nie pozwalają na dokładne określenie jego wielkości. Zdaniem Chlebdy, korpus liczy około 1000 jednostek przy założeniu, że przy doborze przyjmie się szerszą, frazematyczną definicję terminu *biblizm*.

Tego rodzaju rozbieżności powodują wyróżnienie kolejnej grupy frazemów, których część badaczy nie włącza do korpusu biblizmów. Są to jednostki, które bez wątplenia mają odniesienie do *Biblii*, ale nie mają w niej formalnego odpowiednika tekstowego, ponieważ stanowią na przykład aluzję do pewnych wydarzeń lub scen biblijnych. Do nich należeć będą jednostki o bardzo dużej frekwencji użycia — zarówno w języku ogólnym, jak i m.in. w aforystyce, choć nie zawsze są one włączane do korpusu z podanych wyżej powodów (na przykład *syn marnotrawny* / *блудный сын* czy *zakazany owoc* / *запретный плод*). Znaczenie tych frazemów wiąże się z określonym fragmentem *Biblii* i odzwierciedla jakiś epizod bądź wydarzenie biblijne. Na sporną kwestię przynależności takich frazemów do korpusu biblizmów zwracają uwagę badacze tacy jak Dubrowina, która wspomina, że „[...] значение Б[иблейских] Ф[разеологизмов] может быть тесно связано с внутренней формой выражения и/или с каким-либо фрагментом библейского текста, отражающим соответствующий эпизод данного сюжета, наиболее существенный в семантике этого оборота”²⁹.

Frazem *syn marnotrawny* / *блудный сын* (*powrót syna marnotrawnego* / *возвращение блудного сына*), w *Biblii* pojawia się jako tytuł przypowieści o miłosiernym ojcu³⁰. W samej przypowieści syn nigdy nie jest jednak określany mianem ‘marnotrawnego’. W języku rosyjskim znaczenie zostało dodatkowo poszerzone dzięki różnemu rozumieniu wyrazu *блудный* od znaczenia oznaczającego osobę, która zgubiła drogę, w tym też zesła z utartej ścieżki i pragnie na nią wrócić do znaczenia opisującego człowieka, który prowadzi

²⁹ К.Н. Дубровина: *От Библии...*, s. 102.

³⁰ W *Ewangelii według św. Łukasza* (15, 11—32) znajdziemy przypowieść o miłosiernym i wybaczącym ojcu oraz o synu, który roztrwoniwszy część majątku ojca, wraca skruszony na łono rodziny.

rozwiązły tryb życia i który nie stosuje się do żadnych norm etycznych. Kiedy mowa o synu marnotrawnym, obydwa te znaczenia łączą się i obie postawy uosabia jedna postać.

Aforyści wykorzystują zarówno frazem *блудный сын*, jak i *возвращение блудного сына*:

Возвращение блудного сына в отчий дурдом.

Время шло, а блудный сын превратился в блудного отца.

Всё-таки блудный сын значительно меньше позорит своих родителей, чем блудная дочь.

Zabawnym i dla Rosjan czytelnym nawiązaniem do danego frazemu jest zapewne tytuł radzieckiej kreskówki z lat 80. XX wieku *Возвращение блудного попугая*. Opowiada ona historię rozpieszczonej papugi, która uciekła z domu i, zaznawszy różnych przykrości życia „na wolności”, wróciła do swojego właściciela³¹.

Kolejną kategorią niejednoznacznych, czy też spornych biblizmów mogą być frazemy, które sama *Biblia* „przejęła” z innych źródeł. Orłós wskazuje na takie frazemy, które trafiły do *Biblii* ze źródeł antycznych, greckich, rzymskich czy nawet babilońskich. Autorka przywołuje na przykład frazem *być w siódmym niebie*³² — stosowany zarówno przez Babilończyków, jak i przez Arystotelesa, by pojawić się również w *Biblii* oraz w apokryfach. Podobnie jest z frazemem *oko za oko, ząb za ząb*³³ / *oko за око, зуб за зуб*, w przypadku którego nie tylko *Biblia* może być traktowana jako jego źródło, ponieważ genealogia tego sformułowania sięga starożytnych zasad prawa — tzw. Prawa talionu, wymienionego także m.in. w Kodeksie Hammurabiego, gdzie mowa jest o karze równej skutkom popełnionego przestępstwa. Podobnie rzecz ma się z przywołanym już frazemem *kto mieczem wojuje, od miecza ginie*. Wspomniany frazem badacze wiążą z okresem starożytnego Rzymu — *Кто воюет мечом, от меча и погибает* — *Qui gladio ferit, gladio perit*.

Oprócz kwestii niejednorodnej terminologii i wątpliwości co do zawartości korpusu biblizmów języka polskiego i rosyjskiego tak polscy, jak i rosyjscy ba-

³¹ *Возвращение блудного попугая*, *Powrót marnotrawnej papugi* / *Ucieczka papugi* — radziecka seria filmów animowanych stworzona przez Aleksandra Kurlandskiego i Walentina Karawajewa w latach 1984—1988. Interesujący jest także fakt, że w polskiej dystrybucji film funkcjonuje pod dwoma tytułami, z których pierwszy (*Powrót marnotrawnej papugi*) jest nawiązaniem do biblijnej frazy, drugi zaś, *Ucieczka papugi*, zupełnie nie zachowuje tego „biblijnego” odwołania, co mniej uważnego widza może nie naprowadzić na trop biblijnych odniesień w radzieckiej bajce dla dzieci.

³² В. Серов: *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. Москва 2003. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/282/%D0%91%D1%8B%D1%82%D1%8C [data dostępu: 3.09.2019].

³³ *Ветхий Завет, Левит* (гл. 24, ст. 19—20).

dacze zajmujący się biblizmami dokonują podziału korpusu biblizmów w danym języku na różnego rodzaju kategorie według przyjętych przez siebie, a co za tym idzie, również niejednorodnych, różnych kryteriów.

Podziały stosowane w słownikach czy leksykonach frazemów (w tym biblijnych), według kryterium formalnego z reguły grupują jednostki w kategorie wyrażen, zwrotów i fraz.

Ponadto badacze stosują m.in. następujące rodzaje podziału biblizmów³⁴:

1. Podział biblizmów według stopnia rozpoznawania pochodzenia (Dubrowina)³⁵ oraz tego, czy kojarzą się z *Biblią* we współczesnej świadomości językowej (stałe związki wyrazowe, skrzydlate frazy/wyrażenia; Połczaninowa³⁶); czy pochodzą z języka liturgicznego, czy też straciły, zdaniem nosicieli języka, asocjacyjny związek z tekstami biblijnymi³⁷. Przykładami biblizmów, których faktyczne pochodzenie nie jest oczywiste dla rosyjskiego odbiorcy, mogą być przytoczone już wcześniej wyrażenia *kto mieczem wojuje i kto nie jest z nami, jest przeciwko nam*³⁸;
2. Podział według rozmiarów i charakteru przekształceń, typów modyfikacji, jakim były poddawane frazemy biblijne (Dubrowina³⁹), a także podział oparty na braku modyfikacji lub na rodzajach modyfikacji biblizmów (Stanisław Bąba⁴⁰), na przykład: *głos wołającego na puszczy / глас вопиющего в пустыне, rzucić (w kogoś) kamieniem / бросить камень*. Te modyfikacje mają swoje źródło w przekładach *Biblii* i mogą być wiernymi przekładami konstrukcji łacińskich lub też swobodnymi parafrazami biblijnych konstrukcji składniowych.

Stopień modyfikacji i ich częstotliwość w analizowanym materiale szczególnie widać na przykładzie dwóch biblizmów: praktycznie nie poddawanych modyfikacjom frazemie *trzydzieści srebrników*⁴¹ / *тридцать сребреников*

³⁴ Chodzi zarówno o kryteria klasyfikacji, jak i o wyodrębniane grupy (czy też kategorie) biblizmów.

³⁵ К.Н. Дубровина: *От Библии...*, s. 2.

³⁶ Е.О. Полчанинова: *Афоризмы как наглядный материал для изучения употребления библейских фразеологизмов в современном немецком языке*, <https://cyberleninka.ru/article/v/aforizmy-kak-naglyadnyy-material-dlya-izucheniya-upotrebleniya-bibleyskih-frazeologizmov-v-sovremennom-nemetskom-yazyke>, s. 65.

³⁷ Ibidem, s. 64.

³⁸ Należy zaznaczyć, że w niektórych tłumaczeniach *Biblii* dany cytat brzmi nieco inaczej: „Kto nie jest przeciwko nam, ten jest z nami” — *Ewangelia według św. Marka* (9, 40), *Biblia Tysiąclecia*. Wyd. Pallotinum <https://biblia.deon.pl/rozdzial.php?id=308> [data dostępu: 1.10.2019].

³⁹ К.Н. Дубровина: *От Библии...*

⁴⁰ S. Bąba: *Główne typy innowacji frazeologicznych*. W: *Stalość i zmienność związków frazeologicznych*. Pr. zbior. pod red. A.M. Lewickiego. Lublin 1982, s. 17—25. Por. także: S. Bąba: *Z życia wybranych zwrotów biblijnych we współczesnej polszczyźnie*. W: *Biblia a kultura Europy*. Łódź 1992, s. 167—177.

⁴¹ Wyrażenie pochodzące z *Ewangelii wg św. Mateusza* (*Евангелие от Матфея*, гл. 26, s. 14—16), gdzie oznacza sumę, jaką zapłacono Judaszowi za zdradzenie Jezusa. Według pra-

i niezwykle często modyfikowanym *zakopać swój talent / зарыть талант в землю*.

W przypadku ‘trzydziestu srebrników’ na 11 zastosowań w aforyzmach gramatyczna forma frazemu (użycie go w innym przypadku) zostaje zmieniona tylko raz. W niektórych utworach następuje kontaminacja i połączenie z innym frazeologizmem:

*Тридцать серебреников — это покупательная или продажная цена?
Как ни набивал себе цену, больше тридцати серебреников никто не давал.
Молчание — золото, слово — тридцать серебреников.*

Frazem *zakopać talent*⁴² / *зарыть талант в землю* odznacza się dużą frekwencją, bowiem w aforyzmach został on przywołany aż 25 razy. Zmodyfikowano go na różne sposoby praktycznie w każdym z utworów, często także łącząc z innymi frazemy:

*Кто гребёт деньги лопатой, обычно ею же и зарывает свой талант.
Талант сначала заливают, затем зарывают.
Чаще талантам помогают зарыться.
Наша земля талантами богата: многие их даже зарывают.*

3. Podział (według Chlebdy⁴³) na jądro, czy też kanon frazemów biblijnych, których biblijne pochodzenie nie wywołuje wątpliwości (przywołany już *syn marnotrawny*), oraz peryferie, których związek z *Biblią* jest pośredni, problematyczny i rodzi pytania o to, czy faktycznie mamy do czynienia z biblizmami. Te peryferyjne biblizmy Chlebda dzieli z kolei na jednostki,

wa Mojżeszowego była to wartość odszkodowania wypłacanego za zabitego niewolnika. <http://www.historycy.org/index.php?showtopic=63604> [data dostępu: 12.12.2018].

⁴² Zwrot ten pochodzi z biblijnej przypowieści o talentach (*Ewangelia wg św. Mateusza* (25, 15—30). Pierwotnie talenty nie oznaczały uzdolnień, jak obecnie, tylko monety o dużej wartości. Teraz „ze względu na fonetyczną zbieżność z rzeczownikiem *talent* „szczególne uzdolnienia” frazem *zakopać w ziemi swój talent* używany bywa najczęściej w sytuacjach mówienia o marnowaniu czyichś zdolności, konieczności pielęgnowania uzdolnień itp”. W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szuleżkova: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów...*, s. 193. W *Biblii* przypowieść mówi o panu i sługach, którym pan przed wyjazdem wręczył talenty. Słudzy różnie z nimi postąpili — w większości udało im się owe talenty pomnożyć, ale jeden ze sług ze strachu przed swoim panem otrzymany talent zakopał. Kiedy pan po powrocie zażądał od sług zwrotu przekazanych im wcześniej pieniędzy, nagrodził tych, którzy talenty pomnożyli, a ukarał sługę, który talent ukrył.

⁴³ W. Chlebda: *Библия в языке...*, s. 69—70.

które mają z *Biblią* związek znaczeniowy⁴⁴, oraz jednostki, których związek jest formalny⁴⁵.

4. Podział na kategorie według Anny M. Komornickiej⁴⁶, która aluzje biblijne dzieli:

a) z formalnego punktu widzenia na:

— epitety: aluzje do osób: Judasz, Marta i Maria, Apostoł:

Богов предают апостолы.

Истинность Мессии определяют Иуды.

Надо быть святым, как Иуда, чтобы продать Христа за бесценок.

— porównania: *łagodny jak baranek, mądry jak Salomon*,

— przenośnie: *sól ziemi, wdowi grosz*:

Не зарытые таланты — соль земли.

— zwroty przysłowiowe: *oko za oko, ząb za ząb; głos wołającego na puszczy* (w aforyzmach frazem cytowany jest bez zmian, bądź w wersji skróconej lub w połączeniu z innym frazemem):

Око за око, зуб за зуб — остальное посредникам.

Принцип «зуб за зуб» особенно хорош при посещениях стоматолога.

Око за око, зуб за зуб, ум за разум.

— utarte przysłowia: *Kto mieczem wojuje, od miecza ginie; Oddajcie co cesarskie — cesarzowi, a co boskie — Bogu*:

Кто к нам с мечтой придёт, от мечты и погибнет.

— określenia, które zachowały „aureę” biblijno-religijną: Amen, mesjanizm.

⁴⁴ Jednostki te mają silny związek z przysłowiami języka narodowego i kwestia ich pochodzenia może być rozstrzygnięta zarówno na korzyść pochodzenia biblijnego, jak i na korzyść anonimowych mądrości ludowych — wskazują na to pojawiające się tam różnego rodzaju prawdy ogólne.

⁴⁵ Opiera się często na imionach własnych, a ze względu na swoją zawartość jednostki te raczej odnoszą się do biblijnych wydarzeń i obrazów. W. Chlebda: *Библия в языке...*, s. 69.

⁴⁶ A.M. Komornicka: *Słownik zwrotów i aluzji biblijnych*. Łódź 1994, s. 11—12. Wszystkie kategorie Komornickiej wraz z przykładowymi frazemami podajemy za badaczką w języku polskim, po czym przytaczamy rosyjski aforyzm, w którym udało się odpowiedni frazem zidentyfikować. Nie wszystkie frazemy udało się w materiale badawczym znaleźć, wobec tego tylko część z kategorii jest zilustrowana.

b) w związku z zawartością myślową na⁴⁷:

- zwroty pochodzące od postaci autentycznych: Piłat, Judasz,
- zwroty pochodzące od postaci fikcyjnych: *Syn Marnotrawny*, *Miłosierny Samarytanin*,
- zwroty odnoszące się do wydarzeń i sytuacji: *plagi egipskie*, *manna z nieba*, *potop*,
- słowa i nauki bezpośrednio kierowane przez Jahwe (*Stary Testament*) lub Chrystusa (*Nowy Testament*): *dobry pasterz*, *ziemia mlekiem i miodem płynąca*,
- cytaty relacji innych osób, takich jak: Mojżesz, Ewangelisci, św. Paweł,
- prócz zwrotów bezpośrednio wziętych z *Biblii* są i takie, które jedynie nawiązują do tekstu *Starego* lub *Nowego Testamentu*.

5. Pionierskie próby klasyfikacji opartej na stanowisku historycznym według Stanisława Skorupki⁴⁸. Badacz wyróżnił trzy grupy zespołów frazeologicznych: dosłowne cytaty odpowiednich miejsc biblijnych; parafrazy; wyrazy i połączenia wyrazowe oparte na postaciach lub obrazach biblijnych.

6. Podział według Stanisława Koziara, którego podstawę może stanowić czynnik o charakterze formalnym (odpowiedniość danego fragmentu tekstu): cytat, *quasi*-cytat, parafraza lub semantycznym (sposób odniesienia do znaczenia źródłowego): synteza, tawestacja, aluzja⁴⁹.

Ponadto Koziara zaproponował podział na kategorie tematyczne⁵⁰. W korpusie materiałowym wyróżniono wiele dominant tematycznych, ale przywołane zostaną tylko te, dla których udało się odnaleźć ilustrację wśród aforyzmów:

1) postacie biblijne i pochodne nazwy osobowe

- starotestamentowe (Adam i Ewa, Kain i Abel, Noe, Mojżesz)

Межрѣберная невралгия — реакция Адама на Еву.

Братские отношения зарождались ещё во время Авеля и Каина.

Порой кажется, что в Ноев ковчег сели безбилетники.

О том, что Моисей автор горячей десятки, узнаешь, только попав в преисподнюю.

⁴⁷ Niektóre aforyzmy jedynie nawiązują do biblijnych postaci, np.: *Только в отчем доме можно стать блудным сыном* ('Syn Marnotrawny') lub *Умывая руки, пачкаешь совесть* (Piłat).

⁴⁸ Za: S. Koziara: *Frazeologia biblijna...*, s. 23.

⁴⁹ Ibidem, s. 31—32. Na materiale języka czeskiego pięć klas biblizmów wyróżnił Patrik Ourednik. Kluczowe w jego kategoriach jest odniesienie biblizmu do tekstu kanonicznego. P. Ourednik: *Aniz jest co noveho pod sluncem. Slova, rceni a uslovi biblickeho puvodu*. Praha 1994. Cyt. za: S. Koziara: *Frazeologia biblijna...*, s. 31.

⁵⁰ S. Koziara: *Obrazy świata biblijnego utrwalone w polskiej frazeologii (wprowadzenie do opisu)*. W: *Frazeologia a językowe obrazy świata...*, s. 183—190.

- nowotestamentowe (Judasz, Jezus — ale wyłącznie w kontekście Judasza)

Иуда был первым, кто за поцелуй получил предоплату.

Надо быть святым, как Иуда, чтобы продать Христа за бесценок.

- godności, funkcje, zawody (apostołowie, cesarz/cezar, prorocy, patrioci)

Богов предают апостолы.

Бogu — богово, но, сначала, всё-таки, — кесарю...

Нет пророков в своем Отечестве — одни патриоты Родины.

(można ewentualnie uzupełnić ten punkt o członków rodziny — A.M.: brat, żona, syn)

Все люди — братья, а некоторые — ещё хуже.

Не ревнуй жену свою! Бог с ней...

Возвращение блудного сына в отчий дурдом.

- części ciała (oczy, zęby, ręce, twarz, policzki, żebra)

Око за око, зуб за зуб, ум за разум.

Наша правая рука не знает, что мы можем её одной левой.

Постоянно умывая руки, мы демонстрируем своё лицо.

Если вас ударили по лицу, подставьте другое.

Ударили по одной щеке? — Надувай посильней другую!..

Глядя на дочерей Евы, испытывал межрёберную невралгию.

- 2) zachowania rytualne (kamienowanie, krzyżowanie, mycie rąk — na przykład przed modlitwą)

Если нельзя бросить камень, то почему бы не бросить тень?

Большинство из тех, кто „смирненно несёт свой крест”, уверено, что висеть на нём будут другие.

Думаю, умывать руки научились раньше, нежели мыть.

- 3) biblijne miejsca i fakty historyczne

- nazwy miejscowe (Golgota)

Тернист путь на Голгофу.

- 4) flora biblijna

- drzewa

Больше всего запретных плодов на древе желания.

*Древо жизни пошло на гробы.
Древо разума произрастает из шишек на лбу.
Древо познания осыпается печатным листом.*

— owoce (jabłka — w domyśle)

Запретные плоды сладки, но плохо перевариваются.

— części roślin (liść figowca)

Фиговый листок — первый крик моды.

5) bestiariusz biblijny

— zwierzęta (owce, byki/cielce, kozły, jagnięta)

*Среди заблудших овец всё больше блудливых баранов.
Золотой телец живёт по волчьим законам.
Козлами отпущения легче всего делать баранов.
Не каждый агнец божий жертвенный. Большинство заказывают на мясо.*

6) życie i realia codzienne

— artefakty (srebrniki, talenty/moneta, arka/łódź, wieniec/korona, krzyż, czara, miecz)

*Тридцать сребреников — это покупательная или продажная цена?
Талант зарывают, чтобы не портил газон.
Порой кажется, что в Ноев ковчег сели безбилетники.
Что ни говори, а лавровый венец сваливается куда чаще тернового.
Одни несут на Голгофу свой крест, другие — молотки и гвозди.
В чашу терпения — лучшие не доливать.
Кто к нам с мечтой придёт, от мечты и погибнет.*

— choroby (bielmo na oku)

Бельмо в чужом глазу... не проморгаешь!

— minerały (kamienie)

Кто изобрёл бумеранг? Тот, кто первым бросил камень!

W artykule zaprezentowaliśmy propozycje badaczy odnośnie do klasyfikacji biblizmów według określonych kryteriów. Przywołane klasyfikacje są w wielu

miejscach spójne, w niektórych przypadkach bardzo szczegółowe⁵¹, w innych zaś ogólne.

Analizując materiał badawczy, podjęliśmy próbę opisu relacji, która zachodzi między aforyzmem a wykorzystanym w nim biblizmem, oraz ustalania charakteru i stopnia modyfikacji tego ostatniego. Istotne było dla nas również wyodrębnienie w zebranym materiale zakresu tematycznego, a także to, jaka jest frekwencja użycia konkretnych jednostek; dlaczego aforyści wykorzystują tylko niektóre biblizmy, a inne, wydawałoby się szczególnie „atrakcyjne”, pojawiają się w aforyzmach rzadko lub wcale.

Badane aforyzmy tworzą na tyle różnorodną grupę, że wydaje się konieczne spojrzenie na nie tylko przez pryzmat wskazanych klasyfikacji, ale także — jak można założyć — zastosowanie nowej, odrębnej klasyfikacji, która pozwoliłaby na ich bardziej precyzyjne zbadanie i znalezienie odpowiedzi na postawione powyżej pytania.

⁵¹ Głównie dotyczy to podziału tematycznego.

Алиция Мрузек

Библейская фразеология в современной русской афористике — попытка классификации

Резюме

В статье представлены некоторые классификации, относящиеся к библейской фразеологии. Кроме того, рассматриваются предлагаемые исследователями методы анализа афоризмов, в которых используются библеизмы.

Ключевые слова: афористика, библеизм, фразеология, категория, классификация

Alicja Mrózek

The classification of biblical phraseology vs contemporary russian aphorism — initial description

Summary

The article attempts to present types of classification applied by researchers with regard to biblical phraseology as well as the issue of choosing the tools for analysis of aphorisms, which construction is based on such idiomatic expressions.

Key words: biblical phraseology, aphorism, category, classification

Dorota Muszyńska-Wolny

Uniwersytet Warszawski

Ekwiwalencja polskich i rosyjskich porównań frazologicznych z nośnikiem porównania będącym nazwą zawodu

Porównania są obszarem niemal nieograniczonej twórczości,
w której inwencja bierze górę nad konwencją, kreacja nad
imitacją, a wyobraźnia nad pamięcią.

Mirosław Bańko¹.

Porównanie jest jednym ze sposobów opisywania przez człowieka rzeczywistości, wyodrębnienia jej elementów i tych cech, które mówiący uważa za istotne i które oswaja, porządkuje, interpretuje i wartościuje. U podstaw niniejszej analizy porównań frazeologicznych w języku rosyjskim i polskim leży założenie, że są one doskonałym sposobem poznania fragmentu językowego obrazu świata. Charakteryzują je bowiem cechy, takie jak powtarzalność, regularność, stałość, odtwarzalność, powszechność, a prócz tego obrazowość i ekspresywność. Jak powiedziała Danuta Rytel, „stałe zwroty porównawcze najpełniej spośród wszystkich frazeologizmów odtwarzają w sposób obrazowy osobliwości otaczającej przyrody, zwyczajów, historii, kultury i wszystkich przejawów życia społecznego”².

Do porównań frazeologicznych można też odnieść słowa Anny Pajdzińskiej, która twierdzi, że „frazelogizmy mogą być wielorako wykorzystywane w badaniach językowego obrazu świata, utrwalają bowiem postrzeganie rzeczywistości przez daną wspólnotę komunikatywną, właściwe owej wspólnocie kon-

¹ M. Bańko: *Słownik porównań*. Warszawa 2007, s. 10—11.

² D. Rytel: *Frazelogiczne warianty i synonimy ustalonych porównań w języku czeskim i polskim*. W: *Staość i zmienność związków frazeologicznych*. Red. A.M. Lewicki. Lublin 1982, s. 69.

ceptualizację, kategoryzację i wartościowanie”³. Polscy badacze Andrzej Maria Lewicki i Anna Pajdzińska dzielą frazeologizmy na idiomy i frazemy, przy czym te ostatnie charakteryzują jako „utrwalone połączenia wyrazów, których sens mieści się w zakresie znaczeniowym wyrazu dominującego semantycznie, jakkolwiek całe połączenie jest nieregularne znaczeniowo”⁴. Porównania frazeologiczne zaliczyć należy do frazemów.

Niniejsza analiza przeprowadzona jest tylko na materiale niegradacyjnych porównań frazeologicznych z nazwą tego samego zawodu w języku polskim i rosyjskim, gdyż celem jest sprawdzenie, czy obraz przedstawicieli tych zawodów jest zbieżny, czy odrębny w świadomości językowo-kulturowej Rosjan i Polaków. Analizie nie są poddane te porównania frazeologiczne, które nie mają odpowiedników w drugim języku. Zawód rozumiemy tu jako „zajęcie stałe, fachowo wykonywane w celach zarobkowych, którego ktoś się wyuczył”⁵, dlatego też pominięte są te porównania, które nazywają funkcje, stopnie wojskowe itp. (np. *general*).

Minimalna struktura porównania składa się z trzech elementów: obiektu A (członu porównywanego, *comparandum*) i obiektu B (członu porównującego, *comparatum*, komparatu), które są porównywane, oraz elementu C, czyli *tertium comparationis*, co można ująć schematycznie jako: A jest C tak jak B. Czwartym elementem jest łącznik (koniunktor), w roli którego najczęściej występuje spójnik — w języku polskim *jak*, a w języku rosyjskim *как*, np. *ktos* (A) *jest pijany* (C) *jak szewc* (B). Analizowany materiał leksykalny pozwoli więc na uzyskanie pogłębionej informacji o elemencie B, tj. obiekcie posiadającym tę samą cechę, jaką posiada A, wykraczającej poza definicję słownikową, uwzględniającej bowiem specyficzne dla danego języka i kultury fakultatywne, kontekstowo realizowane konotacje semantyczne⁶.

Słownik porównań języka rosyjskiego Walerija M. Mokienki⁷ odnotowuje w sumie dość dużą liczbę, bo aż 72 konwencjonalne (odtwarzalne) konstrukcje porównawcze, zawierające nośniki porównania będące nazwą zajęcia zarobkowego. W polskiej leksykografii jedynym, jak dotąd, słownikiem poświęconym konstrukcjom porównawczym jest *Słownik porównań* Mirosława Bańki⁸, w którym odnotowano jedynie jedną taką konstrukcję (*machać/wymachiwać czymś jak dyrygent*). Materiał badawczy został więc uzupełniony o dane z opra-

³ A. Pajdzińska: *Przydatność frazeologizmów w badaniach językowego obrazu świata. W: Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Teoria. Zagadnienia ogólne*. Red. S. Bąba, K. Skibski, M. Szyszka. Poznań 2010, s. 97.

⁴ A.M. Lewicki, A. Pajdzińska: *Frazeologia*. W: *Współczesny język polski*. Red. J. Bartmiński. Lublin 2001, s. 319.

⁵ *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*. T. 48. Red. H. Zgólkowa. Poznań 2004.

⁶ A. Pajdzińska: *Przydatność frazeologizmów...*, s. 92.

⁷ В.М. Мокиенко: *Словарь сравнений русского языка*. Санкт-Петербург 2003.

⁸ M. Bańko: *Słownik porównań...*

cowań autorów, takich jak Włodzimierz Wysoczański⁹, Gabriela Wilk¹⁰ i Ewa Młynarczyk¹¹.

Najbogatszy zbiór porównań frazeologicznych znajdujemy w monografii W. Wysoczańskiego *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych*, w której autor przebadiał porównania frazeologiczne typu *X jak Y* w językach polskim, rosyjskim i serbsko-chorwackim. Wyodrębnił on trzy zasadnicze kompleksy pojęciowo-asocjacyjne: NATURA — CZŁOWIEK — BÓG, WIARA, WIERZENIA, RELIGIA. W kompleksie CZŁOWIEK badacz wyodrębnił makrogrupę *Organizacja społeczna życia człowieka*, a w niej grupę *Działalność zawodowa*. Ten sam autor w artykule *Nazwy zawodów i zajęć w porównaniach frazeologicznych (na materiale frazeologii i paremiologii)*¹² przeprowadza klasyfikację wymienionych w tytule jednostek języka. Poniżej przedstawiona jest ta typologia, a wśród przykładów wyodrębnione są te nazwy zawodów, które występują w porównaniach frazeologicznych zarówno w języku rosyjskim, jak i polskim:

I/ Nazwy tradycyjnych rzemiosł:

- *kowal, druciarz, cieśla, tkacz, młynarz, smolarz, kuśnierz, tracz, piekarz, szklarz;*
- *krawiec — портной, szewc — сапожник, kucharz — повар, rzeźnik — мясник.*

II/ Nazwy profesji prostych, zwykle fizycznych i najemnych oraz zawodów wymagających jakiegoś przygotowania bądź przyuczenia:

- *goniec, laufer, kurier, tragarz, grabarz, łaziebnik, rybak, owczarz, pastuch, łowczy, chłopak u szewca, pacholę hetmańskie, najemnica, najemnik, robotnik dniówkowy, wyrobnik, parobek, fomal, płaczka pogrzebowa, lokaj, kat, miyszkorz (gw.);*
- *gruzчик, пожарник, кочегар, лесник, купчик, прислуга, нянька;*
- *praczka — прачка, gospodyni (księdza) — домработница, stróż — сторож.*

III/ Nazwy kupców, handlarzy oraz właścicieli i pracowników lokali gastronomicznych:

⁹ W. Wysoczański: *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Na materiale wybranych języków*. Wrocław 2005; Idem: *Nazwy zawodów i zajęć w porównaniach frazeologicznych (na materiale frazeologii i paremiologii)*. „Acta Universitatis Wratislaviensis” nr 2747, „Slavica Wratislaviensis” CXXXIII. Wrocław 2005.

¹⁰ Г. Вильк: *Лингвокультурные особенности русских и польских устойчивых сравнений, характеризующих трудовую деятельность*. В: *Устойчивые сравнения в системе фразеологии*. Отв. редактор В.М. Мокиенко. Санкт-Петербург—Грайфсвальд 2016.

¹¹ E. Młynarczyk: *Polska frazeologia rzemieślnicza — problematyka i założenia opisu*. W: *Problemy frazeologii europejskiej X*. Łask 2015; Eadem: *Wybrane historyczno-kulturowe aspekty frazeologii rzemieślniczej*. „Studia językoznawcze” t. 11, 2012. Szczecin, s. 137—150.

¹² W. Wysoczański: *Nazwy zawodów i zajęć...*, s. 443—452.

- *szynkarka, karczmarka, karczemnik*;
- *купчиха, купец, старьевщик*;
- *przekupka / krupna baba* — (базарная) торговка.

IV/ Nazwy przewoźników, osób związanych z transportem:

- *flisak*;
- *боцман*;
- *dorożkarz / furman / woźnica* — *извозчик*.

V/ Nazwy zawodów prestiżowych, wymagających wykształcenia:

- *fizyk, metafizyk, aptekarz, pigularz, adwokat, aplikant sądowy, przysiężny, bankier, lichwiarz, uczonec*;
- *doktor / lekarz* — *доктор, сędzia* — *судья*.

VI/ Nazwy zawodów twórczych:

- *dobosz, organista, piszczyk, aktor, tenor*.

Spis porównań rosyjskich W. Wysoczańskiego można uzupełnić o porównania z takimi członami określającymi (nośnikami porównania), jak: *артист, артистка, музыкант, запевала, актриса, актёр, жонглёр, акробат, барахольщик, батрак, бурлак, подёщик, приказчик, прокурор, профессор, слуга, служанка, солдат, солдатик, сыщик, угольник, философ, фокусник, циркач, часовой, эквилибрист*, które wymienia w swoim słowniku porównań języka rosyjskiego Walerij M. Mokienko¹³.

Tylko 14 spośród kilkudziesięciu przykładów porównań frazeologicznych zarówno w języku rosyjskim, jak i polskim tworzy pary, w których człon określający oznacza ten sam zawód. Można je podzielić na 3 grupy:

- 1) ekwiwalenty pełne: *kominiarz* — *трубочист*, *przekupka* — *торговка*, *wyrobnik* — *подёщик*;
- 2) ekwiwalenty częściowe: *dorożkarz / furman / woźnica* — *извозчик*, *parobek* — *батрак*, *szewc* — *сапожник*;
- 3) ekwiwalenty zerowe: *doktor / lekarz* — *доктор*, *gospodyni (księdza)* — *домработница*, *kucharz* — *повар*, *pracza* — *прачка*, *rzeźnik* — *мясник*, *sędzia* — *судья*, *stróż* — *сторож*, *uczonec* — *профессор*, *żołnierz* — *солдат*.

Wśród tych 14 par tylko 6 tworzy ekwiwalenty semantyczne pełne lub częściowe.

Największy stopień ekwiwalencji można odnotować w grupie 1.

W parze *kominiarz* — *трубочист* podstawę porównania w obu językach stanowią cechy, takie jak: brudny i czarny, w parze *przekupka* — *торговка* — kłótniwy, wulgarny, a w parze *wyrobnik* — *подёщик* — ciężka praca ponad siły.

¹³ В.М. Мокненко: *Словарь сравнений...*

<p style="text-align: center;">KOMINIARZ</p> <p>— brudny, umorusany jak kominiarz</p> <p>— czarny jak kominiarz</p>	<p>=</p> <p>=</p>	<p style="text-align: center;">ТРУБОЧИСТ</p> <p>— грязный как трубочист</p> <p>— чёрный как трубочист</p> <p>— у кого-л. нос чёрный / шея чёрная как у трубочиста</p>
<p style="text-align: center;">PRZEKUPKA (krupna baba)</p> <p>— swarliwa / swarzy się / kłóci się jak przekupka (krupna baba / ze straganu)</p> <p>— zachowuje się jak przekupka</p>	<p>=</p> <p>=</p>	<p style="text-align: center;">/базарная/ ТОРГОВКА</p> <p>— браниться / ругаться как базарная торговка / как торговли на вшивом рынке ('вульгарно, грубо')</p> <p>— вести себя как базарная торговка / как торговли на базаре ('вульгарно, грубо')</p>
<p style="text-align: center;">WYROBNIK</p> <p>— haruje, tyra jak wyrobnik</p>	<p>≈</p>	<p style="text-align: center;">ПОДЁНЩИК</p> <p>— как подёнщик — 1. <i>неодобр.</i> О человеке, выполняющем тяжёлую, грязную, малооплачиваемую и неблагодарную работу; 2. О человеке, за оплату или другие блага, выполняющем какую-л. деятельность на духовном поприще.</p> <p>— работать / выходить на работу как подёнщик ('слишком тяжело работать — обычно на духовном поприще')</p> <p>— стоять как подёнщик [ненужный] ('стоять в полном опустошении, без сил после завершения какой-л. работы — обычно творческой')</p>

W dwóch pierwszych parach (*kominiarz* — *трубочист*, *przekupka* — *торговка*) odnotowujemy pełną ekwiwalencję, przez co rozumiemy tożsamość semantyczną, zbieżne nacechowanie stylistyczne oraz tożsamą strukturę formalno-gramatyczną. W przypadku trzeciej pary, tj. *wyrobnik* — *подёнщик* występuje lekkie odchylenie znaczeniowe, gdyż w porównaniu rosyjskim *стоять как подёнщик* pojawia się konotacja nie tylko z ciężką pracą i poczuciem wyczerpania, ale też z poczuciem pustki, braku sił i zbędnością po wykonaniu pracy — zazwyczaj twórczej¹⁴.

¹⁴ Por. przykład z Narodowego Korpusu Języka Rosyjskiego: „И становилось жаль, что так скоро все кончено, что революция уже победила, что он, как поденщик после расчета,

Чęściową ekwiwalencję obserwujemy w grupie 2:

DOROŻKARZ, FURMAN, WOŹNICA		ИЗВОЗЧИК
— kłać / wymyślać jak dorożkarz / furman	=	— ругаться как извозчик
— upić się jak dorożkarz	=	— пить / пьян как извозчик ('до бесчувствия')
— ubrać się jak furman ('ubrać się bez gustu')	×	
SZEWC		САПОЖНИК
— pić / spać się / rozpić się / upijać się jak szewc	=	— накуликаться / настукаться / пить / напиваться / нарезаться / пьян как сапожник
— kłać jak szewc	=	— ругаться как сапожник
— kłamać jak szewc	×	
— kręci jak szewc kopytem / butem ('nie mówi wprost')	×	
— garbić się jak szewc	×	
— zły jak szewc	×	
— leci jak szewc na Boże Ciało	×	
— wystroił się jak szewc na Boże Ciało	×	
— biec / lecieć / śpieszyć się jak szewc (z butami) na jarmark; / leci jak szewc po skórę	×	
— ciągnie jak szewc skórę ('dba o swoje')	×	
— ciekawy jak szewc	×	
— błady jak szewc	×	
	×	
	×	— играть [в карты] как сапожник ('играть плохо', <i>прост.</i> , <i>неодобр.</i>)
	×	— играть [на музыкальном инструменте] как сапожник ('играть плохо' — <i>прост.</i> , <i>неодобр.</i>)
	×	— работать как сапожник ('неумело, неискусно')

PAROBEK (FORNAL) — pracuje jak parobek (ciężko)	=	БАТРАК — работать / трудиться как батрак ('выполнять, трудную, непосильную и подневольную работу')
— ciekawy jak żydowski parobek	×	

W ekwiwalentach *dorożkarz / furman / woźnica* — *извозчик* oraz *szewc* — *сапожник* zbieżność dotyczy takich cech, jak skłonność do przeklinania i upijania się, jednak w języku polskim człon określający *dorożkarz* konotuje także zły gust dotyczący ubrania, zaś człon *szewc* — skłonności do kłamstwa, kręactwa, złości, garbienia się, bladeść, ciekawskość, spóźnialskość, która powoduje pośpiech, oraz nadmierną dbałość o własną korzyść¹⁵. W rosyjskich porównaniach z komparatem *szewc* znajdujemy także element negatywnej oceny pracy szewca: jeśli ktoś pracuje jak szewc, to pracuje źle, byle jak. Na takie konotacje nie wskazuje materiał leksykalny języka polskiego, pomimo że funkcjonuje w nim znacznie większa niż w języku rosyjskim liczba porównań frazeologicznych z tym nośnikiem porównania. Częściowa ekwiwalencja występuje też w parze *parobek* — *батрак*, które łączy znaczenie bardzo ciężkiej pracy, zaś język polski dodatkowo konotuje ciekawskość, jednak (z niewiadomych przyczyn) tylko żydowskiego parobka.

Zerowa ekwiwalencja semantyczna występuje w pozostałych parach:

DOKTOR, LEKARZ — mądry jak doktor — nienawidzi jak lekarz lekarza	≠	ДОКТОР — слушать кого-л. как доктор ('внимательно')
GOSPODYNI (KSIEDZA) — skąpy(a) i chciwy(a) jak księży gospodyni	≠	ДОМРАБОТНИЦА — относиться к кому-л. как к домработнице ('презрительно, уничижительно') — обращаться с кем-л. как с домработницей ('плохо, жестоко, надменно-оскорбительно')

¹⁵ O zdecydowanie negatywnej ocenie charakteru i zachowania tych właśnie rzemieślników pisze m.in. Ewa Młynarczyk: „Lekceważący stosunek otoczenia do szewców S. Bystron wiąże z faktem, że wyrobem i naprawą butów zajmowali się często ludzie słabsi, kalecy — tacy, którzy nie mogli wykonywać pracy wymagającej tężyzny fizycznej, por. J.S. Bystron: *Przysłowia polskie*. Kraków 1933, s. 107—108. Postrzeganie szewców jako obywateli drugiej kategorii wynikało również z faktu, że rzemieślnicy ci celem pozyskania materiału łupili ze skóry zdechłe konie, co uważano za zajęcie bliskie hyclom, osobom wykonującym najbardziej pogardzany zawód. Językowym wykładnikiem takiego wartościowania jest przysłowie *Szewc to pierwszy po hyclu...*”. E. Młynarczyk: *Polska frazeologia rzemieślnicza...*, przypis 24, s. 175.

		— смотреть на кого-л. как на домработницу ('неуважительно, надменно-пренебрежительно')
KUCHARZ — cieszy się jak kucharz mokrym drzewem ('nie cieszy się')	≠	ПОВАР — разделяться с кем-л. как повар с картошкой ('о лёгкой и быстрой расправе над кем-л.' — <i>прост., шутл.-ирон.</i>)
PRACZKA — czerwony(a) jak praczka	≠	ПРАЧКА — груба как прачка (<i>устар., неодобр., народн.</i>)
RZEŹNIK — gruby / tłusty jak rzeźnik	≠	МЯСНИК как мясник. <i>Прост., неодобр.</i> 1. О кровожадном, жестоком человеке. 2. О плохом, неумелом хирурге. — полоснуть (резануть) по чему как мясник; <i>Прост. Неодобр.</i> 1. О грубом человеке, решительно разделяющем тушу какого-л. животного (например после охоты). 2. О хирурге, решительно, но неверно делающем операцию. — руки у кого-л. как у мясника; <i>Прост. Неодобр.</i> 1. О чьих-л. измазанных кровью руках. 2. О жестоком человеке, скомпрометировавшем себя кровопролитиями, убийствами.
STRÓŻ — chrapie jak stróż — wystroił się / wygląda jak stróż w Boże Ciało* (u W. Wysockańskiego: <i>jak szewc w Boże Ciało</i>)	≠	СТОРОЖ — стоять как сторож 1. Настороженно и упорно стоять; 2. О неподвижно стоящем дереве.
UCZONY — mówić / pisać jak chiński uczony (dużo i niezrozumiale)	≠	ПРОФЕССОР — как профессор 1. О знатоке своего дела, эрудите; 2. О солидном, умно рассуждающем (не по своему возрасту) молодом человеке — <i>шутл.-ирон.</i>

ŻOŁNIERZ		СОЛДАТ
— stać prosto / trzymać się prosto jak żołnierz — walczyć jako prosty żołnierz	≠	— вести себя как сверхсрочный солдат ('быть послушным, механически подчиняться кому-л.') — у кого словно рота солдат (пере)ночевала во рту ('о неприятном ощущении и запахе во рту — обычно после похмелья', <i>прост.</i> , <i>шутл.-ирон.</i>) — топтать как рота солдат ('о людях тяжело, шумно расхаживающих где-л.', <i>неодобр.</i>) — смотреть / глядеть на кого-л. как солдат на вошь ('враждебно') — стоять как солдаты в строю ('о деревьях')

W przypadku nośnika porównania *doktor/lekarz* — *доктор* polskie porównania konotują mądrość przedstawiciela tego zawodu jako człowieka, który musi posiadać dużą wiedzę, by dobrze wypełniać swe zawodowe obowiązki. Jednocześnie język polski odnotowuje także konkurencję zawodową lekarzy, zawodową zawiść, często tak dużą, że prowadzi do nienawiści. Z kolei w języku rosyjskim utrwalona została typowa dla dobrego lekarza czynność poprzedzająca postawienie diagnozy — uważne słuchanie pacjenta.

Drugą parę stanowią porównania z nośnikami (*księdza*) *господыни* — *домработница*. Człony te nie należą do tożsamyh odpowiedników w obu językach. Gospodyni księdza zajmuje pozycję społeczną znacznie wyższą niż przedstawicielka służby domowej — *домработница*. Stąd też, zapewne, znaczące różnice konotacyjne. Stereotypowa gospodyni księdza oceniana jest negatywnie jako osoba skąpa i chciwa. W rosyjskich porównaniach z nośnikiem *домработница* nie są konotowane cechy samej przedstawicielki tego zawodu, lecz stosunek innych ludzi do niej — lekceważenie, pogarda, złe traktowanie. Jest to jedyne (spośród tu analizowanych) porównanie frazeologiczne nie charakteryzujące samego przedstawiciela zawodu, a konotujące jedynie relację innych osób wobec tegoż.

Polskie porównanie *cieszy się jak kucharz mokrym drzewem* nie jest charakterystyką kucharza, lecz odnosi się do niesprzyjających okoliczności towarzyszących pracy czy jakiemuś zdarzeniu. Ma ono odcień ironiczny. Żartobliwe jest też rosyjskie porównanie *разделиться с кем-л. как повар с картошкой*,

w którym pod obrazem sprawności, z jaką wprawny kucharz obiera ziemniaki, kryje się ocena łatwości pokonania przeciwnika.

W konstrukcji z nośnikiem porównania *praczka* w języku polskim pojawia się cecha konotacyjna dotycząca wyglądu zewnętrznego (*praczka* ma twarz czerwoną od wysiłku i gorącej pary wodnej), zaś w języku rosyjskim porównanie daje charakterystykę zachowania przedstawicielki tego zawodu.

Podobną jak w poprzednim przypadku różnicę widać w porównaniach frazeologicznych z nośnikami *rzeźnik* i *мясник*. W języku polskim porównania konotują jedynie cechy wyglądu zewnętrznego (*rzeźnik* — gruby / tłusty), zaś w języku rosyjskim konotowana jest przede wszystkim cecha okrucieństwa. Ponadto *rzeźnikiem* określa się w rosyjskich porównaniach nieudolnego chirurga. To znaczenie istnieje też w języku polskim, jednak ma ono charakter metaforyczny, nie ma natomiast porównań frazeologicznych z tym słowem.

Oba polskie porównania frazeologiczne z nośnikiem *stróż* wyrażają ironiczną ocenę zachowania przedstawicieli tego zawodu. Porównanie *chrapie jak stróż* świadczy o niesolidności stróża, który w pracy śpi, zamiast pilnować powierzonego mu mienia, natomiast *wystroił się / wygląda jak stróż w Boże Ciało* stanowi krytyczną ocenę zbyt wystrojonego człowieka. Z kolei w języku rosyjskim porównanie *стоять как сторож*, przeciwnie niż to jest w języku polskim, wyraża raczej pozytywną ocenę jego wytrwałości podczas pracy. Do stojącego nieruchomo stróża w rosyjskim obszarze językowym porównywane są też drzewa.

Porównania frazeologiczne z nośnikami *uczony* i *пофеец* świadczą o odmiennym postrzeganiu przez Polaków i Rosjan osób wysoko wykształconych. W polskim porównaniu wyrażona jest dwojaka konotacja: *uczony* mówi/pisze dużo, a o niezrozumiałości wywodu świadczy przymiotnik *chiński*. Z kolei w języku rosyjskim do profesora porównywane są osoby dobrze się na czymś znające, erudyci, co oceniane jest pozytywnie, choć jeśli porównanie to odnosi się do młodego człowieka wypowiadającego się zbyt rozumnie jak na swój wiek, wyrażenie to uzyskuje zabarwienie ironiczne.

Ostatni zawód: *żołnierz* / *солдат* również wywołuje u Polaków i Rosjan odmienne asocjacje. W języku polskim konotowana jest tylko cecha żołnierskiej wyprostowanej postawy. Jest to bliskie omawianemu już rosyjskiemu porównaniu *стоять как сторож*. W języku rosyjskim porównania świadczą o asocjacjach dotyczących zarówno cech psychicznych (bezwolne posłuszeństwo), cech fizycznych (odór, głośny chód), a także typowych warunków życia żołnierza (obecność wszy). W języku rosyjskim do żołnierzy stojących równo w szeregu porównywane są też drzewa.

W większości analizowanych porównań frazeologicznych w roli nośników porównania występują nazwy zawodów rzemieślniczych, w tym wiele takich, które oznaczają zawody już dziś nieistniejące lub rzadko spotykane, chociaż

przez wiele wieków były na tyle istotne w życiu danej społeczności, że stały się podstawą do stereotypizacji cech przedstawicieli tych zawodów.

Jak widać, „zestawiając podobne związki frazeologiczne należące do różnych języków, zauważyć można działanie dwóch przeciwstawnych tendencji. Jest to, z jednej strony, tendencja do uniwersalizmu, z drugiej — tendencja do separatyzmu, do podkreślania swoistości języków i językowych obrazów świata. Pierwsza z nich wiąże się z podobieństwem doświadczeń poznawczych i ogólnym podobieństwem procesów myślenia, a także z istnieniem kontaktów między poszczególnymi językami i kulturami, druga — z odmiennością geograficzno-przyrodniczego i społeczno-kulturowego środowiska, w jakim żyją poszczególne grupy ludzi, i z odmiennością treści myślowych u reagującego na to środowisko człowieka”¹⁶.

Wydaje się zaskakujące, że w przypadku analizowanych jednostek różnice są tak duże. Użytkownicy języka polskiego i rosyjskiego przypisali przedstawicielom tych samych zawodów w przeważającej mierze różne cechy. Według słów A. Pajdzińskiej „każdy język stanowi swoistą interpretację świata, nie zaś jego odwzorowanie”¹⁷. Z powodu bliskości geograficznej i kulturowej oraz współzależności historycznych można by się spodziewać podobnego w obu społecznościach typu asocjacji związanych z profesjami. Tymczasem większość z analizowanych par ekwiwalentów różni się pod względem znaczeniowym. Różne są też cechy, które dana społeczność językowa przypisuje referentom. Potwierdza to pogląd Ryszarda Tokarskiego, że: „konotacje semantyczne [...] pokazują subiektywizm myślenia człowieka, wykorzystują kryteria wartościowania świata”¹⁸. Każdy z analizowanych języków zachowuje więc odrębność, a poprzez porównania frazeologiczne przejawia się specyfika danego etnosu.

¹⁶ J. Maćkiewicz: *Internacjonalizmy frazeologiczne a językowy obraz świata (na przykładzie frazeologizmów morskich)*. „Poradnik Językowy”, 1988, z. 7, s. 488.

¹⁷ A. Pajdzińska: *Przydatność frazeologizmów...*, s. 89.

¹⁸ R. Tokarski: *Konotacja jako składnik treści słowa*. W: *Konotacja*. Red. J. Bartmiński. Lublin 1988, s. 52.

Дорота Мушиньска-Вольны

**Эквивалентность польских и русских устойчивых сравнений
с компаратом названием профессии**

Резюме

Сравнение — это один из способов описания человеком действительности, выделения её элементов и тех признаков, которые говорящий считает существенными и которые осваивает, упорядочивает, интерпретирует и оценивает.

Настоящий анализ проводится только на материале устойчивых сравнений с названием одной и той же профессии в польском и русском языках. Это позволяет проверить, является ли образ представителей данных профессий близким или различным в культурно-языковом сознании поляков и россиян. В анализированной группе оказались как полные эквиваленты, так и частичные и нулевые.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, название профессии, межъязыковая эквивалентность, контрастивный анализ

Dorota Muszyńska-Wolny

**The equivalence of polish and russian phraseological comparisons,
with the comparison carrier being the name of a profession**

Summary

The comparison is one of the ways of describing reality, distinguishing its elements and those features that a speaker considers to be important and which the speaker familiarizes, organizes, interprets and values.

This analysis is conducted on the material of phraseological comparisons with the name of the same profession in Polish and Russian. This allows to review whether the image of the representatives of these professions is convergent or separate in the linguistic and cultural awareness of Russians and Poles. In terms of the degree of equivalence, the analyzed group included full, partial as well as zero equivalents.

Key words: phraseological comparison, name of profession, cross-language equivalence, contrastive analysis

Зденка Недомова

Остравский университет

К проблеме вариантов в лингвистической терминологии русского языка (теоретическое введение)*

«Отсутствие взаимнооднозначного соответствия между планом выражения и планом содержания, являющееся причиной существования в естественном языке как синонимии, так и полисемии, в терминологических системах порождает существование, с одной стороны, дублетов, триплетов и т.п., т.е. двух, трёх и более терминов, по существу соотносимых с одним и тем же референтом, с другой — многозначность терминов, когда один и тот же термин имеет не одну научную дефиницию, а несколько. В этом выражается противоречивость не только термина, но и слова»¹.

В нашей статье попытаемся сначала представить частные результаты работы русистов Остравского университета в рамках проекта, посвящённого лингвистической терминологии. Далее в виде теоретического вступления обратим внимание на освещение проблемы терминологической вариативности и синонимии в работах русских языковедов.

Научно-исследовательский коллектив, включающий двух преподавателей, двух аспирантов и одну студентку магистерского обучения кафедры славистики, исследовали лингвистическую терминологию в рамках двухлетнего проекта *«Корпусы русской и чешской лингвистической тер-*

* Предлагаемая статья выполнена в Остравском университете в рамках проекта «Корпусы русской и чешской терминологии (подготовительный этап для издания переводных словарей)» SGS08/FF/2017-2018. Проект осуществляется с помощью средств целевой поддержки специальных исследований в высшем образовании, предоставленных Министерством образования Чешской Республики в 2018 г.

¹ *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ред. В.Н. Ярцева. Москва 1990, с. 509.

минологии (подготовительный этап для издания переводных словарей)» на 2017—2018 гг.

Объектом исследования проекта является лексика словарей лингвистической терминологии русского и чешского языков. Проект имеет целью восполнить существующую в науке лауну, связанную с отсутствием в научном пространстве Чешской Республики актуальных переводных словарей лингвистической терминологии.

Русисты из Остравы, задействованные в проекте, занимаются двумя видами деятельности. Во-первых, они составляют массив для баз данных переводных словарей и, во-вторых, исследуют эту часть специальной лексики в русском языке в сопоставлении с чешским. Прежде всего надо сказать несколько слов о деятельности по составлению базы данных переводных словарей лингвистической терминологии. В течение первого года двухлетнего исследования (2017 г.) проводилась цифровая обработка и редакция трёх переводных словарей, изданных в Чехословакии во второй половине XX века.² На сегодня массив (в виде почти 10 тыс. заголовочных слов) для нового переводного русско-чешского словаря лингвистической терминологии, полученный с помощью обработки упомянутых словарей, включает термины, которые обозначают понятия всех уровней языка: термины теории и истории языка, лексикографии, диалектологии, сравнительного языкознания, лингвистики текста и других областей языкознания.

В 2018 г. состав терминов в нашей базе пополнялся новейшей русской и чешской лингвистической терминологией из актуальных книжных источников. Специальная русскоязычная литература для выборки (почти 4 десятка названий) была приобретена членами исследовательского коллектива в 2017 г. в Москве во время их стажировки. В ходе дальнейшей работы база данных была дополнена новыми терминами (почти 10 тыс. заголовочных слов), отбираемых по трём критериям:

1. Включалась терминология новых лингвистических направлений (прикладная и компьютерная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика и др.);
2. В базу вошли термины из современных общелингвистических словарей русского и чешского языков³;

² L. Man, L. Koval: *Rusko-český slovník lingvistické terminologie*. Praha 1960; Z. Šiška: *Lingvistický slovník pro rusisty*. Olomouc 1988; R. Zimek, Č. Nováček: *Rusko-český a česko-ruský slovník lingvistických termínů*. Praha 1981.

³ В.Д. Старичёнок: *Большой лингвистический словарь*. Ростов-на-Дону 2009; А.Н. Тихонов: *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий в 2 томах*. Москва 2009; P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová: *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha 2002; P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová: *Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha 2017.

3. База пополнялась также терминами из словарей частной лингвистической терминологии (типа словарей В.Н. Немченко)⁴.

На данный момент у нас сформировался массив объёмом свыше 20 тыс. заголовочных слов для русско-чешского словаря лингвистических терминов, который подвергся редакции специалистов-носителей обоих языков с филологическим образованием. После тщательной проверки по корпусам обоих языков и после рассмотрения многочисленных вариантных форм терминов можно считать данный проект лишь подготовительным этапом для следующего проекта, полностью посвящённого созданию современного переводного словаря лингвистических терминов.

В рамках последующего научного проекта необходимо решить некоторые важные вопросы, связанные, например, с видом словаря (книга или электронный носитель), типом словаря (переводной или толковый), структурой словарной статьи, объёмом словника. Необходимы будут консультации не только со специалистами по русистике и богемистике, но также с лексикографами и терминографами, со специалистами по вычислительной технике. Составленная база данных представляет собой только начало очередного этапа продолжительной работы.

Как мы уже отметили, второй областью деятельности в рамках проекта является исследование лингвистической терминологии: все члены коллектива обсуждают результаты своего анализа терминологии в выступлениях на конференциях и в журнальных статьях. В 2017 г. они приняли активное участие в 2 конференциях в Чехии, в 2 конференциях за границей (в Польше и Словакии) и опубликовали 8 своих докладов. Их выступления были посвящены целям проекта и проблемам терминографии. Кроме того, доклады касались изучения некоторых тенденций развития терминологии. Частные исследования соотносились и с рассмотрением терминологии конкретных уровней обоих сравниваемых языков.

Проблематике лингвистической терминологии славянских языков была посвящена конференция *Area Slavica 2*, организованная в Остравском университете в октябре 2017 г. Её тема была связана с теоретическими и практическими проблемами изучения термина в славянских языках, которые были также рабочими языками конференции. Прозвучавшие на ней доклады были посвящены восточно-, западно- и южнославянским языкам, а также славянским микроязыкам. По итогам конференции издана коллек-

⁴ В.Н. Немченко: *Основные понятия морфемики в терминах: краткий словарь-справочник*. Красноярск 1985; В.Н. Немченко: *Основные понятия словообразования в терминах: краткий словарь-справочник*. Красноярск 1985; В.Н. Немченко: *Основные понятия фонетики в терминах: учебный словарь-справочник*. Нижний Новгород 1993; В.Н. Немченко: *Основные понятия лексикологии в терминах*. Нижний Новгород 1995; В.Н. Немченко: *Грамматическая терминология: словарь-справочник*. Москва 2011.

тивная монография «Area Slavica 2», в которой помещены главы двух исследователей описываемого проекта⁵.

В 2018 г. членами коллектива рассматривались и другие вопросы лингвистической терминологии в озвученных ими 9 докладах на конференциях в Чехии, Польше и России, а также в 2 статьях, опубликованных в журналах. Их тематика весьма широка: понимание термина и терминологии в русской, чешской и словацкой лингвистике; проблематика так наз. аналитических прилагательных в терминологии и др. Четыре темы — терминологическая система именных частей речи (русско-чешский сопоставительный аспект), терминология словообразования, проблема интернациональных эпонимов в лингвистической терминологии и проблематика вариантов в терминологии — были представлены на III Сосновецком лингвистическом форуме.

Перейдём ко второй части нашей статьи. В составленной базе данных русских и чешских лингвистических терминов широко отражены терминологическая вариативность и синонимия. В связи с необходимостью детального изучения собранного нами материала с этой точки зрения, именно данной проблематике в качестве теоретического вступления посвящена наша статья.

Вопросы вариантов в терминологии изучаются в России многими языковедами. Это Константин Яковлевич Авербух, Галина Анатольевна Иванова, Юлия Владимировна Сложеникина, Виктор Андреевич Татарinov, Сергей Дмитриевич Шелов и др.⁶ Мы рассмотрим концепции трёх учёных, которые в наибольшей степени соответствуют целям нашего проекта. Это концепции Владимира Моисеевича Лейчика, Елены Вячеславовны Мариновой и Сергея Викторовича Гринева-Гриневича.

В.М. Лейчик занялся изучением типологии вариантных терминологических форм уже в 1973 г., дополняя её в позднейший период, в начале

⁵ З. Недомова: *Терминосистема стилистики русского языка в сравнении с терминологической системой чешского языка*. V: *Area Slavica 2. (Slovanské jazyky ve světle termínu)*. Red. I. Bogoczová, Z. Nedomová. Ostrava 2018, с. 211—221; Л. Плесник: *Терминология глагольной системы русского языка (в сопоставлении с чешским языком)*. V: *Area Slavica 2. (Slovanské jazyky ve světle termínu)*..., с. 201—210.

⁶ К.Я. Авербух: *Терминологическая вариативность: теоретический и прикладный аспекты*. «Вопросы языкознания» 1986, № 6, с. 38—49; Г.А. Иванова: *К проблеме синонимии и вариантности в терминологии*. «Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского». Сер. Филология, вып. 1 Нижний Новгород 2005, с. 104—109; Ю.В. Сложеникина: *Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция*. Москва 2010; В.А. Татарinov: *Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва 1988; С.Д. Шелов: *О вариативности и синонимии в терминологии*. «Известия РАН. Серия литературы и языка». Том 73, № 5, с. 3—17.

90-ых гг.⁷ Структура вариантных форм в его концепции представляет собой два вида вариантов:

1. Варианты, не имеющие материальной общности. Они включают: а) дублиеты (варианты с нулевым семантическим расхождением, к примеру *языкознание* — *лингвистика*) и б) концептуальные синонимы, встречающиеся в рамках одной терминосистемы, например *подошва* — *почва* [горной выработки].
2. Варианты, схожие формально (с богатой внутренней дифференциацией семи разных подвидов). К ним принадлежат: а) лексико-семантические варианты (*концерт* [С. Рихтера] — *концерт* [для скрипки с оркестром]); б) грамматические варианты (*водослив* — *водосброс*; *океанский* — *океанический*; *отломок* — *обломок* [кости]); в) фонетические варианты (*металлургия* — *металлургия*); г) орфографические варианты (*аппроксимация* — *аппроксимация*); д) межструктурные варианты, возникающие в результате корреляции полного и краткого варианта; е) стилистические варианты (*эпилепсия* — *падучая*); ж) комплексные варианты (речь идёт о межкатегориальной многозначности: *сопротивление* [деталь] — *сопротивление* [электрическому току]).

Исследователь уделял внимание проблематике вариантов и синонимов в рамках одного языка, в связи с чем его классификация, к сожалению, не может считаться адекватной для сопоставления двух языков.

Далее следует остановиться на концепции Е.В. Мариновой, которая в своей диссертации⁸, посвящённой синонимии и вариантности в лингвистической терминологии, считает терминологическую синонимию разновидностью лексической синонимии. Основное различие между синонимией терминов и синонимией общеупотребительных слов в её понимании заключается в том, что в терминологической лексике преобладают синонимы, тождественные по семантике и стилистической окраске (т.е. абсолютные синонимы, или дублиеты), а в общеупотребительной лексике синонимичные слова различаются в семантическом или стилистическом отношении (т.е. являются относительными синонимами).

Под вариантностью автором понимается «свойство конкретной языковой единицы иметь такие модификации (видоизменения, разновидности), которые не нарушали бы её тождества. [...] Термин, как и общеупотребительное слово, может варьироваться в плане выражения или в плане со-

⁷ В.М. Лейчик: *Термины-синонимы, дублиеты, эквиваленты, варианты*. В: *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск 1973, с. 103—107; В.М. Лейчик: *Семантическая омонимия и многозначность в сфере терминов*. В: *Лексика и лексикография: сб. науч. трудов*. Москва 1991, с. 115—121.

⁸ Е.В. Маринова: *Синонимия и вариантность в лингвистической терминологии: на материале терминов морфемики и словообразования*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород 1998.

держания, т.е. иметь как формальные, так и семантические варианты»⁹. В работе Е.В. Мариновой рассматривается именно формальная вариантность терминов, т.е. модификация термина с точки зрения плана выражения.

По характеру внешних различий формальные варианты терминов делятся на фонетические и нефонетические, или грамматические. Фонетические варианты различаются фонемным составом, местом ударения, произношением и подразделяются ещё по другим параметрам. Таким образом выделяются фонематические, акцентные, орфоэпические, графические и орфографические варианты. В свою очередь, грамматические (нефонетические) варианты терминов могут различаться грамматическими морфемами или компонентами составных терминов. Это морфологические варианты, т.е. варианты с разными грамматическими морфемами, а также синтаксические варианты с составными терминами в виде разных предложений, наличия или отсутствия предлога, порядка расположения компонентов и др.

В своей концепции исследовательница представила основные принципы разграничения синонимов и вариантов с точки зрения их структуры. Синонимы и варианты терминов могут выступать в форме однословных или составных терминологических единиц, а также в паре составной и однословной единицы. Эта концепция также не является подходящей для наших целей, так как она посвящена только формальной вариантности, а семантические варианты в неё не входят.

С.В. Гринёв-Гриневиц в своей классификации вариантных форм термина ввёл понятия *равнозначность* и *равнозначные термины*. «Равнозначные термины — это термины с одинаковым или подобным значением, используемые для называния одного понятия в рамках одного языка, но и для разноязычных терминов»¹⁰.

Равнозначные термины учёный классифицировал по двум критериям:

- I. С точки зрения числа языков.
- II. С точки зрения объёма синонимии.

В первой группе автор выделяет:

- а) Равнозначные термины одного языка (термины-синонимы);
- б) Разноязычные равнозначные термины (эквиваленты). Вместе с тем эквиваленты подразделяются также на полные эквиваленты, т.е. эквиваленты с тождественным значением, и квазиэквиваленты (частичные эквиваленты, неполные эквиваленты, аналоги), которые являются эквивалентами с нетождественным, но частично совпадающим значением. При переводе они используются как равнозначные.

⁹ Там же, с. 6—7.

¹⁰ С.В. Гринёв-Гриневиц: *Терминоведение*. Москва 2008, с. 105.

Во вторую группу входят:

- а) Абсолютные синонимы, т.е. синонимы с тождественным значением; они используются в определённых условиях.
- б) Условные синонимы с нетождественным, но подобным значением, позволяющим в определённых условиях использовать их как равнозначные.

Среди абсолютных синонимов выделяются варианты, возникающие в связи с вариацией формы термина. На основании признака полноты данный тип вариантов делится на полные и краткие. С учётом языкового уровня разграничивают графические, фонетические, фонетико-графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, морфолого-синтаксические синонимы с такими подтипами, как эллиптические, композитные и аббревиатурные варианты.

К абсолютным синонимам относятся также дублиеты, т.е. абсолютные синонимы с различной формой. Разновременные дублиеты отличаются разным хронологическим статусом, а ареальные дублиеты характеризуются ареалом своего распространения. Кроме того, существуют разноязычные дублиеты, которые образуют исконный и заимствованный дублиет. Некоторые дублиеты могут быть также заимствованы из разных языков. Разновидностью разноязычных дублиетов выступают ещё супплетивные дублиеты. Их существование вызвано невозможностью образования производных терминов от исконного термина и параллельным использованием исконного и заимствованного термина.

В свою очередь, разграничиваются также условные синонимы. В их круг входят квазисинонимы с частично совпадающим значением; текстуальные синонимы (или синонимы речи), когда один из них синонимов по значению намного шире, но с точки зрения формы короче и используется в тексте для замены более протяжённого термина в условиях, исключающих ошибку в понимании. Третья подгруппа — это денотативные синонимы (или разнопонятийные синонимы). Здесь речь идёт об условных синонимах, называющих один и тот же денотат, которому соответствуют разные понятия. Среди денотативных синонимов С.В. Гринёв-Гриневиц выделяет аспектные синонимы. Они отражают разные аспекты рассмотрения одного денотата в зависимости от различных теорий научных школ, подходов и классификаций, в которых одновременно может рассматриваться и по-разному определяться один и тот же денотат. Сюда же относятся и ситуационные синонимы. В них находят отражение функциональные различия, обусловленные различными ситуациями, в которых находится денотат.

Хотя автор говорит о том, что подход к равнозначным терминам неоднозначен в связи с многообразием их разновидностей, мы считаем его концепцию наиболее подходящей для наших целей. Она приемлема для ре-

шения проблем синонимии и вариантности не только в рамках лингвистической терминологии одного языка (русского или чешского), но также по отношению к терминам двух родственных языков (русского и чешского).

Подводя итоги, следует отметить, что в статье в сжатой форме был представлен проект русистов из Остравы и частные результаты исследований за полтора года по двум направлениям их деятельности. Несмотря на то, что в коллективе преобладают молодые учёные, они могут гордиться своими достижениями: 17 рефератов на конференциях (в Чехии и за рубежом), 2 статьи в научных журналах базы данных ERIH PLUS¹¹, 7 глав в коллективных монографиях за рубежом¹², 2 главы в коллективных монографиях в Чешской Республике. 5 докладов включены в сборники конференций за рубежом, 3 доклада в сборники конференций в Чехии¹³ и 1 доклад в сборник базы данных Web of Science. Достижением терминографической работы исследовательского коллектива можно считать базу данных лингвистических терминов русского и чешского языков объёмом свыше 20 тыс. заголовочных слов для создания переводного словаря. В нашей статье были также рассмотрены концепции трёх российских лингвистов по изучению вариантов и синонимов в области терминологии, из которых одна благодаря своей комплексности станет исходной точкой для дальнейших исследований русской и чешской лингвистической терминологии, входящей в будущий переводной словарь.

¹¹ L. Plesník: *K otázce terminologické nominace analytických adjektiv v současné ruštině, češtině a polštině*. „Studia Slavica” 2018, XXI(2), с. 55—64; Л. Маршик: *Интернациональные эпонимы в лингвистической терминологии русского языка*. „Studia Slavica” 2018, XXI(2), с. 65—74.

¹² В. Вайдо: *Лингвистическая терминология в словарях*. В: *Русистика и современность. Спорные вопросы и новые ответы*. Ред. И. Любоха-Круглик, О. Малыса, Г. Вильк, А. Зых. Katowice 2017, с. 261—270; З. Недомова: *Сопоставительное изучение лингвистической терминологии в Остравском университете*. В: *Русистика и современность. Спорные вопросы...*, с. 249—260.

¹³ В. Вайдо: *Словообразование в русском и чешском языках на фоне технической терминологии, сходства и различия*. V: *Slavica iuvenum XIX 2018-03-28 Ostrava*. Red. S. Mizerová, L. Plesník. Ostrava 2018, с. 49—61; В. Hejňáková: *Slovníky lingvistické terminologie v ruském a českém jazyce*. V: *Slavica iuvenum XVIII 2017-03-28 Ostrava*. Red. S. Mizerová, L. Plesník. Ostrava 2017, с. 42—49; В. Hejňáková: *Termín a terminologie v ruské, české a slovenské lingvistice*. V: *Slavica iuvenum XIX...*, с. 74—79.

Zdeňka Nedomová

**Z problematyki wariantywności w rosyjskiej terminologii językoznawczej
(wprowadzenie teoretyczne)**

Streszczenie

Analiza stanowi prezentację szczegółowych wyników badań z zakresu terminologii językoznawczej uzyskanych w ramach projektu realizowanego przez rusycystów z Uniwersytetu Ostrawskiego. Autorka charakteryzuje różne ujęcia wariantywnych form terminologicznych w opracowaniach współczesnych lingwistów rosyjskich. Ich koncepcje stanowią będą punkt wyjścia do badań nad ekwiwalencją terminologiczną w korpusie rosyjskiej i czeskiej terminologii językoznawczej w ramach planowanego projektu.

Słowa kluczowe: terminologia lingwistyczna, językoznawstwo rosyjskie, wariantywność terminu, ekwiwalencja terminologiczna

Zdeňka Nedomová

**Variations in russian linguistic terminology
(theoretical introduction)**

Summary

The study presents partial research results of linguistic terminology, performed in the framework of project of Russian studies scholars at the University of Ostrava. We map different approaches to variant terminological forms in the works of current Russian linguists, whose concepts will become a basis for research of variant and synonymous equivalents in the corpus of Russian and Czech linguistic terminology in the framework of the project.

Key words: linguistic terminology, Russian linguistics, terminological variants, terminological equivalents

Лукаш Плесник

Остравский университет

Терминологическая система именных частей речи (русско-чешский сопоставительный аспект)*

В настоящей статье рассматриваются **именные части речи** с точки зрения своего терминологического состава. Терминосистема именных частей речи богата и опирается, прежде всего, на основные грамматические категории — падежа, числа и рода. В русском языке в состав именных частей речи входят имя существительное, прилагательное, числительное и местоимение. Группа именных частей речи относится к самостоятельным, т.е. полнозначным частям речи. Они характеризуются изменяемостью по родам, числам и падежам, а также являются членами предложения.

Следует отметить, что «морфологическая категория частеречности находит своё выражение в противопоставлении самых общих, основных грамматических классов слов, которые различаются общекатегориальным грамматическим значением и специфическими для каждого класса частными морфологическими категориями, а также иными формальными признаками (например, особенностями словоизменения и грамматической сочетаемости со словами других частей речи)»¹. Общий список частей речи русского языка постоянно пересматривается, дополняется и уточняется с появлением новых сведений о языке. Современная теория частей речи в русистике сложилась благодаря трудам Александра Афанасьевича По-

* Предлагаемая статья выполнена в Остравском университете в рамках проекта «Корпусы русской и чешской терминологии (подготовительный этап для издания переводных словарей)» SGS08/FF/2017-2018, осуществляемого с помощью средств целевой поддержки специальных исследований в высшем образовании, предоставленных Министерством образования Чешской Республики в 2018 г.

¹ *Современный русский язык*. Ред. П.А. Лекант. Москва 2017, с. 228—229.

тебни, Александра Матвеевича Пешковского, Алексея Александровича Шахматова, Льва Владимировича Щербы, Виктора Владимировича Виноградова и других учёных. Одна из наиболее обоснованных и убедительных классификаций — это классификация В.В. Виноградова. Он делит все слова на четыре структурно-семантических типа: 1. самостоятельные части речи («слова-названия»), 2. связочные, служебные слова, 3. модальные слова, 4. междометия². Исследуемые нами именные части речи относятся к первой группе самостоятельных частей речи.

Приведём дефиниции рассматриваемых нами именных частей речи согласно *Словарю лингвистических терминов* Ольги Сергеевны Ахмановой. Так, **имя существительное** — «часть речи, характеризующаяся категориальным значением предметности, лексико-грамматической категорией рода, грамматическими категориями падежа и числа, синтаксическим употреблением в функции субъекта, объекта и предикативного члена и развитой системой словообразовательных моделей»³. **Имя прилагательное** — «часть речи, характеризующаяся категориальным значением признака, грамматическими категориями степеней сравнения, рода, падежа, числа (выражаемых в форме согласования), синтаксическим употреблением в функции определения (атрибутивная функция) и предикативного члена и развитой системой словообразовательных моделей»⁴. **Имя числительное** — «часть речи, характеризующаяся категориальным значением определенного числа, порядка и кратности (выраженного в обозначениях количества предметов и порядка их по счету), а также особенностями синтаксического функционирования и особыми моделями формо- и словообразования»⁵. **Местоимение** — «часть речи, категориальным значением которой является указание на предмет (признак), исходя из данной ситуации, из обстановки данной речи»⁶.

Данные определения указывают на факт, что с точки зрения разнообразия лингвистических терминологических единиц система именных частей речи очень богата. Основная терминологическая база терминосистемы именных частей речи — термины, относящиеся, в первую очередь, к определённым грамматическим категориям — рода, падежа, числа, степени сравнения. К примеру, в рамках существительного и прилагательного грамматическая категория падежа насчитывает почти 140 лингвистических терминов разнообразного характера (*винительный внешнего допол-*

² Е.Н. Сидоренко: *Морфология современного русского языка. Части речи и контаминанты*. Москва 2017, с. 15; *Современный русский язык...*, с. 229.

³ О.С. Ахманова: *Словарь лингвистических терминов*. Москва 2016, с. 465.

⁴ Там же, с. 357.

⁵ Там же, с. 514.

⁶ Там же, с. 227.

нения / *akuzativ vnějšího předmětu*, дательный цели / *účelový dativ*, надеж с предлогом / *předložkový pád*).

Фактический материал лингвистических терминов именных частей речи русского и чешского языков был выбран из специальных русско-чешских переводных словарей. Главным образом примеры были почерпнуты из *Русско-чешского словаря лингвистической терминологии* (*Rusko-český slovník lingvistické terminologie*) Ольдржиха Мана и Либора Ковала (1960)⁷. Кроме того, иллюстративный материал был дополнен терминами из *Русско-чешского и чешско-русского словаря лингвистических терминов* (*Rusko-český a česko-ruský slovník lingvistických termínů*) Ченека Новачека и Рудольфа Зимека (1981)⁸ и *Лингвистического словаря для русистов* (*Lingvistický slovník pro rusisty*) Зденека Шишки (1988)⁹. Из данных словарей было выбрано 573 лингвистических терминологических единиц, составивших базу для последующего рассмотрения.

Наш анализ лингвистических терминов именных частей речи состоит из двух отдельных частей. Первая из них — это **семантический анализ**, в рамках которого лингвистические термины сгруппированны по тематической характеристике. Вторая — **структурный анализ**, в содержание которого входят три основных структурных типа исследуемых терминов. Следует отметить, что исходной точкой для анализа послужили термины именных частей речи русского языка, а термины чешского языка приводятся в качестве сопоставительного аспекта.

В рамках **семантического анализа** уделяется внимание трём группам лингвистических терминов. Первая группа — термины грамматических категорий, вторая — термины именных частей речи, третья — общие термины именных частей речи.

Термины грамматических категорий именных частей речи (168 терминов, 30% фактического материала) распределяются по четырём группам, т.е. по принципу принадлежности к определённой грамматической категории (грамматическая категория рода, падежа, числа, степени сравнения).

Наиболее многочисленную группу терминов образует **грамматическая категория падежа**, которая в конечном итоге насчитывает 137 терминологических единиц (*абсолютный падеж* / *absolutní pád*, *косвенный падеж* / *nepřímý pád*, *отделительный падеж* / *partitiv*, *приадективный падеж* / *pád závislý na adjektivu*, *эргативный падеж* / *ergativ*). Сравнивая терминологию падежной системы русского и чешского языков, можно отметить, что термины падежных форм русского языка являются кальками

⁷ O. Man, L. Koval: *Rusko-český slovník lingvistické terminologie*. Praha 1960.

⁸ R. Zimek, Č. Nováček: *Rusko-český a česko-ruský slovník lingvistických termínů*. Praha 1981.

⁹ Z. Šiška: *Lingvistický slovník pro rusisty*. Olomouc 1988.

из латинского языка (*casus nominativus* — *именительный падеж*, *casus genitivus* — *родительный падеж*, *casus dativus* — *дательный падеж*, *casus accusativus* — *винительный падеж*, *casus instrumentalis* — *творительный падеж*, *casus prepositional* — *предложный падеж*), в то время как в чешском языке применяется числовое наименование отдельных падежей: *první pád*, *druhý pád*, *třetí pád*, *čtvrtý pád*, *pátý pád*, *šestý pád*, *sedmý pád*. Вместе с тем подчеркнём, что как в русском, так и в чешском языках наряду с национальной терминологической номинацией основных падежных форм параллельно встречаются терминологические наименования латинского языка. В русском языке это *именительный падеж* — *номинатив*, *родительный падеж* — *генитив*, *дательный падеж* — *датель*, *винительный падеж* — *аккузатив*, *творительный падеж* — *инструменталис*, *предложный падеж* — *препозитив*; в чешском языке: *první pád* — *nominativ*, *druhý pád* — *genitiv*, *třetí pád* — *dativ*, *čtvrtý pád* — *akuzativ*, *pátý pád* — *vokativ*, *šestý pád* — *lokál*, *sedmý pád* — *instrumentál*.

Грамматическая категория степени сравнения свойственна имени прилагательному. В фактическом материале она представлена 13 терминами: *положительная степень* / *první stupeň*, *сравнительная степень* / *druhý stupeň*, *превосходная степень* / *třetí stupeň*, *простая степень* / *jednoduchý tvar stupňování*, *сложная степень* / *opisný tvar stupňování*. Сравняя русский и чешский языки, для названия трёх основных форм, выражающих различные степени качества, употребляются аналогично в обоих языках также термины латинского происхождения, ср.: *положительная степень* — *pozitiv* / *první stupeň* — *pozitiv*, *сравнительная степень* — *komparativ* / *druhý stupeň* — *komparativ*, *превосходная степень* — *superlativ* / *třetí stupeň* — *superlativ*.

Одинаковым числом терминов, т.е. 9 терминологическими единицами, представлены в фактическом материале термины **грамматической категории рода** (*мужской род* / *mužský rod*, *женский род* / *ženský rod*, *средний род* / *střední rod*, *грамматический род* / *gramatický rod*, *естественный род* / *přirozený rod*), а также **грамматической категории числа** (*единственное число* / *jednotné číslo*, *множественное число* / *množné číslo*, *двойственное число* / *duál*, *множественность* / *pluralita*, *дистрибутивное множественное число* / *distributivní plurál*).

Термины именных частей речи (172 термина, 30% фактического материала) представляют собой вторую тематическую группу в рамках семантического анализа. В неё включены все терминологические единицы, имеющие с точки зрения своей семантики непосредственную связь с четырьмя грамматико-семантическими классами слов — с существительным, прилагательным, числительным и местоимением.

Собранный нами материал показывает, что самую многочисленную терминосистему образует **имя прилагательное** (57 терминов). Его основ-

ную терминологическую базу составляют термины основных разрядов: *качественное имя прилагательное / jakostní přídavné jméno, относительное имя прилагательное / vztahové přídavné jméno, притяжательное имя прилагательное / přívlastňovací přídavné jméno*. Помимо данного типа терминов большую группу образуют терминологические наименования разнообразного характера, ср.: *краткое имя прилагательное / jmenné přídavné jméno, полное имя прилагательное / složené přídavné jméno, несклоняемое имя прилагательное / nesklonné přídavné jméno, приставочное имя прилагательное / přídavné jméno s příponou, субстантивированное имя прилагательное / substantivizované přídavné jméno*.

Имя существительное представляет в рамках фактического материала 45 терминологических единиц. Большинство из них относится к многочисленным составным терминам (*абстрактное имя существительное / abstraktní podstatné jméno, имя существительное общего рода / obourodé podstatné jméno, нарицательное имя существительное / obecné podstatné jméno, одушевлённое имя существительное / životné podstatné jméno, счётное имя существительное / číselné podstatné jméno*). Встречаются также термины на латинском языке, т.е. в своей первоначальной форме. Речь идёт о терминах *singularia tantum* и *pluralia tantum*, которые, как правило, не переводятся на русский язык. В русском языке принято или их латинское написание, или использование дефиниции (*singulare tantum — имя существительное, употребляемое только в единственном числе, plurale tantum — имя существительное, употребляемое только во множественном числе*). В чешском языке укоренились национальные терминологические наименования (*singulare tantum — podstatné jméno hromadné, plurale tantum — podstatné jméno pomnožné*).

Почти одинаковым числом лексических единиц (44 термина) представлена терминосистема **местоимений**. Среди местоименных терминов встречаются как термины, указывающие на основную классификацию местоимений (*личное местоимение / osobní zájmeno, вопросительное местоимение / tázací zájmeno, указательное местоимение / ukazovací zájmeno, притяжательное местоимение / přívlastňovací zájmeno, возвратное местоимение / zvrtné zájmeno*), так и термины, подчёркивающие связь с другими частями речи (*местоимение-наречие / zájmenné příslovce, местоимение-прилагательное / zájmenné adjektivum, местоимение-существительное / zájmenné substantivum, местоимение-числительное / zájmenná číslovka*).

Имя числительное представляет собой в фактическом материале 26 терминологических единиц. К ним относятся названия разрядов имён числительных (*количественное имя числительное / základní číslovka, дробное имя числительное / zlomek, порядковое имя числительное / řadová číslovka, собирательное имя числительное / druhová číslovka, неопределённое имя числительное / neurčitá číslovka*), а также ряд других терминов (*простое*

имя числительное / *jednoduchá číslovka*, сложное имя числительное / *složená číslovka*, составное имя числительное / *složený číslovkový výraz*).

Общие термины именных частей речи — третья группа семантического анализа (233 термина, 40% фактического материала). Под понятием *общий термин* понимается термин общего характера, имеющий отношение не к конкретной именной части речи, а к группе именных частей речи в целом.

В данную группу входят терминологические единицы, составной частью которых являются вышестоящие термины типа *имя, категория, склонение, флексия, форма* и др. Термин *имя* образует терминологические наименования, определяющие своей семантикой разнообразные типы имени (*имя аппелятивное / apelativum*, *имя гетероклитическое / heteroklitické jméno*, *имя собственное / vlastní jméno*, *имя уменьшительное / zdrobnělé jméno*, *имя управляющее / řídící jméno*). Термин *категория* является составной частью многочисленных терминов-словосочетаний, относящихся к определённой категории именных частей речи (*категория абстрактности / kategorie abstraktnosti*, *категория вещественности / kategorie látkovosti*, *категория неодушевлённости / kategorie neživotnosti*, *категория субъективной оценки / kategorie emocionálního hodnocení*, *категория собирательности / kategorie hromadnosti*). В рамках группы общих терминов в значительной степени представлены также терминологические наименования, в которых задействованы центральные термины *склонение (склоняемость / ohebnost, флексивное склонение / flexivní skloňování, членное склонение / složené skloňování)* и *флексия (внутренняя флексия / vnitřní flexe, неправильная флексия / nepravdelná flexe, нулевая флексия / nulová flexe)*. Своё место среди группы общих терминов находит также термин *форма*, принимающий прежде всего участие в образовании многочисленных составных терминов (*краткая форма / jmenný tvar, полная форма / složený tvar, именная форма / jmenný tvar*).

В рамках **структурного анализа** уделяется внимание типологии терминологических единиц с точки зрения их состава. Представленный ниже анализ опирается на классификацию, включающую три структурных типа терминов именных частей речи. I структурный тип — однословные термины, II структурный тип — термины-словосочетания и III структурный тип — многочисленные составные термины. Указанная классификация исходит из синтаксической иерархии терминологических единиц Валерии Петровны Даниленко¹⁰, согласно которой I структурный тип представляют моноксемные термины именных частей речи, а II и III типы образуют полилексемные терминологические наименования. В нашей кон-

¹⁰ В.П. Даниленко: *Русская терминология. Опыт лингвистического описания*. Москва 1977, с. 103—107.

цепции II структурный тип образован исключительно двухсоставными терминами, а III образуют термины, состоящие из большего числа терминологических единиц. Как обоснование выбора данной синтаксической иерархии можно привести слова В.П. Даниленко, которая отмечает, что «сложная внутренняя соотносительность в кругу понятий современной науки и техники выдвигает традиционный в русском языке способ образования терминов путём словосочетаний различных типов — синтаксический способ терминообразования — в число наиболее продуктивных»¹¹. Несмотря на то, что данное высказывание относится ко второй половине 70-х гг. прошлого века, синтаксический способ терминообразования актуален и продуктивен также в наши дни.

I структурный тип образуют на основе фактического материала 86 терминологических единиц (15% фактического материала). База данного структурного типа — термины именных частей речи, обладающие широкой сочетаемостью и, следовательно, образующие второстепенно термины II и III структурных типов, ср.: *надеж / pád* → *именительный надеж / první pád*, *родительный надеж / druhý pád*, *дательный надеж / třetí pád*; *rod* / *rod* → *мужской rod / mužský rod*, *женский rod / ženský rod*, *средний rod / střední rod*; *число / číslo* → *единственное число / jednotné číslo*, *множественное число / množné číslo*, *двойственное число / duál*. К кругу самых частотных терминов данного типа следует отнести также упомянутые выше так наз. общие термины именных частей речи (*имя, категория, склонение, флексия, форма*). Аналогично терминам типа *надеж, род, число* они выполняют роль активного компонента терминообразования именных частей речи и таким образом принимают участие в формировании многочисленных полилексемных именных терминологических единиц, ср.: *имя / jméno* → *имя существительное / podstatné jméno*, *имя прилагательное / přídavné jméno*, *имя числительное / číslovka*; *категория / kategorie* → *категория конкретности / kategorie konkrétnosti*, *именная категория / jmenná kategorie*, *категория числа / kategorie čísla*; *склонение / skloňování* → *первое склонение / první skloňování*, *второе склонение / druhé skloňování*, *третье склонение / třetí skloňování*; *флексия / flexe* → *внешняя флексия / vnější flexe*, *правильная флексия / pravidelná flexe*, *родовая флексия / rodová flexe*; *форма / tvar* → *простая форма / jednoduchý tvar*, *составная форма / opisný tvar*, *звательная форма / páť pád*. В группу I структурного типа включаются также термины, относящиеся по происхождению к латинскому языку. Моноксемные термины латинского происхождения наблюдаются как в русском, так и в чешском языках, например: *аблатив / ablativ*, *апеллятив / apelativum*, *генитив / genitiv*, *деκлинация / deklinace*, *партитив / partitiv*. Они часто выступают в роли синонима лингвистиче-

¹¹ Там же, с. 103.

ского термина национального языка: *аблатив / ablativ* → *отложительный падеж / odličník*, *апеллятив / apelativum* → *имя нарицательное / obecné jméno*, *генитив / genitiv* → *родительный падеж / druhý pád*, *деκлинация / deklinace* → *склонение / skloňování*, *партитив / partitiv* → *отделительный падеж / pád části celku*.

II структурный тип представляет собой самую многочисленную группу терминов именных частей речи (283 термина, 50% фактического материала). Двухсоставные именные термины встречаются в терминосистемах всех грамматических категорий, т.е. в грамматической категории рода (*грамматический род / gramatický rod*, *естественный род / přirozený rod*, *общий род / společný rod*), падежа (*именительный падеж / první pád*, *родительный падеж / druhý pád*, *дательный падеж / třetí pád*), числа (*единственное число / jednotné číslo*, *множественное число / množné číslo*) и степени сравнения (*положительная степень / první stupeň*, *сравнительная степень / druhý stupeň*, *превосходная степень / třetí stupeň*). Как отмечено выше, двухсоставные именные термины часто создаются на основе общего моноксемного именного термина. Такого рода терминологические единицы образуют значительную часть II структурного типа: *имя увеличительное / zvětšovací jméno*, *категория счислительности / kategorie počítatelnosti*, *синтетическое склонение / syntetické skloňování*, *окаменелая флексия / ustrnulá koncovka*, *членная форма / složený tvar*. Наоборот, лишь в небольшом количестве встречаются двухсоставные именные термины в терминосистемах, присущих отдельным именным частям речи, ср.: *имя существительное / podstatné jméno*, *имя прилагательное / přídavné jméno*.

III структурный тип представляет собой 35% фактического материала (204 термина). Самое высокое число полилексемных именных терминологических наименований наблюдается в терминосистемах отдельных именных частей речи, прежде всего в терминосистемах существительного, прилагательного и числительного. Наличие данного типа терминов обосновано тем, что двухсоставные термины *имя существительное*, *имя прилагательное* и *имя числительное* принимают активное участие в терминообразовании новых полилексемных терминологических единиц. Итак, следует отметить, что полилексемные именные термины образуют устойчивую терминологическую основу имени существительного (*вещественное имя существительное / látkové podstatné jméno*, *нарицательное имя существительное / obecné podstatné jméno*, *имя существительное твердой разновидности / podstatné jméno tvrdého zakončení*), имени прилагательного (*деминативное имя прилагательное / denominativní přídavné jméno*, *имя прилагательное в краткой форме / jmenný tvar přídavného jména*, *местоименно-указательное имя прилагательное / ukazovací zájmenné přídavné jméno*) и имени числительного (*дробное имя числитель-*

ное / *zlomkový číslkový výraz*, неопределённо-количественное имя числительное / *neurčitá číslvka základní*, составное имя числительное / *složený číslkový výraz*). Сравнивая русский и чешский языки, надо отметить, что в терминосистеме имени числительного русского языка, благодаря центральному двухсоставному термину *имя числительное*, преобладают трёхсоставные термины (*количественное имя числительное*, *порядковое имя числительное*, *неопределённое имя числительное*). Наоборот, в терминосистеме имени числительного чешского языка, благодаря центральному однословному термину *číslvka*, высокочастотны двухсоставные термины (*základní číslvka*, *řadová číslvka*, *neurčitá číslvka*).

Кроме того, полилексемные именные терминологические единицы III структурного типа наблюдаются в области терминосистем грамматических категорий (*pod no polu / rod podle pohlaví*, *родительный носителя признака / genitiv nositele vlastností*, *полная сравнительная степень / složený tvar druhého stupně*), а также среди терминологических наименований, в основе которых положены термины общего характера (*имя производителя действия / jméno činitele děje*, *категория субъективной оценки / kategorie emocionálního hodnocení*, *гибридный тип склонения / hybridní skloňovací typ*).

Проведённый анализ лингвистических терминов позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, они касаются тематической группировки исследуемых терминов, совершённой в рамках семантического подхода. С этой точки зрения 40% фактического материала (233 термина) — это общие термины именных частей речи, имеющие отношение к группе именных частей речи в целом, 30% фактического материала (172 термина) — термины, имеющие с точки зрения своей семантики непосредственную связь с четырьмя частями речи (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и местоимение). В свою очередь, 30% фактического материала (168 терминов) принадлежат к терминам, непосредственно относящимся к определённой грамматической категории — рода, падежа, числа, степени сравнения. С другой стороны, исследование подытоживается также в плане структурного анализа, в рамках которого обращается внимание на состав отдельных терминов. Следует отметить, что 50% фактического материала (283 термина) — это двухсоставные терминологические наименования, 35% фактического материала (204 термина) — полилексемные терминологические единицы, а 15% фактического материала (86 терминов) — односоставные термины. Необходимо также подчеркнуть, что терминологическая система именных частей речи русского и чешского языков основана на национальных терминологических наименованиях, которые образуют устойчивую базу исследуемой терминосистемы. Наряду с терминами национального языка встречаются также терминологические единицы латинского происхождения. Та-

кого рода термины имеют своё место в терминосистеме именных частей речи, однако они выполняют, скорее всего, роль синонимов по отношению к терминам национального языка.

Lukáš Plesník

System terminologiczny imiennych części mowy
(komparacja rosyjsko-czeska)

Streszczenie

Artykuł opisuje system terminologiczny imiennych części mowy w języku rosyjskim i czeskim. Głównym przedmiotem rozważań jest semantyczna i strukturalna analiza badanych terminów. W analizie semantycznej zwrócono uwagę na tematyczne ugrupowanie analizowanych jednostek terminologicznych. 40% materiału badawczego to ogólne terminy imiennych części mowy, które są powiązane z imiennymi częściami mowy w ogólnym znaczeniu. 30% materiału badawczego to pojęcia, które mają bezpośredni związek z czterema częściami mowy (rzeczownik, przymiotnik, liczebnik i zaimek) z punktu widzenia ich semantyki. 30% materiału badawczego składa się z terminów należących do określonej kategorii gramatycznej (kategoria gramatyczna rodzaju, przypadku, liczby, gradacji). W ramach analizy strukturalnej zwrócono również uwagę na strukturę leksykalną poszczególnych terminów. 50% materiału badawczego to dwuskładnikowe jednostki terminologiczne, 35% materiału badawczego składa się z wieloskładnikowych jednostek terminologicznych, 15% materiału badawczego to terminy jednoskładnikowe.

Słowa kluczowe: lingwistyka, terminologia, imienne części mowy, język rosyjski, język czeski

Lukáš Plesník

Czech terminological system of nouns, adjectives,
numerals and pronouns
(Russian-Czech comparative aspect)

Summary

The article focuses on terminological system of nouns, adjectives, numerals and pronouns in Russian and Czech, where the main subject of the research is a semantic and structure analysis of the particular terms. In the framework of the semantic analysis we pay attention to thematic grouping of the analysed terminological units. 40% of the documentary material is made of general terms that are related to nouns, adjectives, numerals and pronouns in general. 30% of documentary material is made of terms semantically connected with nouns, adjectives, numerals and pronouns. Equivalently 30% of documentary material is made of the terms that

belong to a particular grammar category (grammatical gender, case, number, comparison). In the framework of structure analysis, we look into lexical composition of particular terms. 50% of documentary material is represented by two-component terminological denominations, 35% of documentary material is made of multi-component terminological units, 15% of the documentary material is made of single-component terms.

Key words: linguistics, terminology, nouns, adjectives, numerals, pronouns, Russian, Czech

Anna Romanik

Uniwersytet w Białymstoku

Креативный і культовый — o modnych przymiotnikach w rosyjskich czasopismach lifestylowych

1. Słowo wstępu

Problemy kultury języka, rozumianej, jako „świadome i celowe posługiwanie się językiem we wszelkich sytuacjach komunikatywnych”¹, od dawna budzą zainteresowanie lingwistów oraz innych użytkowników języka, którym poprawność mowy ojczystej nie jest obojętna. Jedną z bardziej intrygujących kwestii danego obszaru jest zjawisko mody językowej — towarzyszy mu ożywiona polemika, prowadzona zarówno z perspektywy etyki, estetyki, jak i poprawności słowa. Moda w języku skłania do głębszej refleksji, ponieważ, podobnie jak moda w ogólnym znaczeniu tego słowa, posiada ona ogromny potencjał kształtowania wzorców na różnych płaszczyznach życia człowieka, w tym także ludzkiej mowy.

Niniejsza publikacja stanowi głos w dyskusji na temat wspomnianej mody językowej. Celem analizy jest zobrazowanie i interpretacja tego fenomenu lingwistycznego na przykładzie rosyjskich przymiotników *креативный* oraz *культовый*. W centrum uwagi znalazły się przeniesienia semantyczne w obrębie badanych wyrazów, kwestie poprawności ich użycia, cechy łączliwości. Materiał egzemplifikacyjny pochodzi z miesięczników rosyjskojęzycznych: „Cosmopolitan”, „Elle”, „Glamour”, „Harper’s Bazaar”, „Vogue”, „Домашний

¹ A. Markowski: *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*. Warszawa 2011, s. 15.

очар”, „Люблюlife”. Wybór czasopism stanowiących bazę materiałową był podyktowany tym, że są one określane mianem czasopism lifestylowych, w powszechnej opinii mają ogromną siłę perswazji i potencjał kreowania rzeczywistości, stylu życia i jednocześnie wpływania na język, jakim posługują się ich czytelnicy.

Podjęte rozważania wymagają jednak uprzedniej interpretacji kluczowych w danym kontekście pojęć, takich jak *czasopismo lifestylowe* oraz wyraz *modny*. Wydaje się to niezbędne chociażby z tego względu, iż oba terminy nie posiadają jednoznacznych definicji i do chwili obecnej trwa polemika dotycząca ich rozumienia.

2. Czasopisma lifestylowe — próba definicji pojęcia

Podjmując próbę zdefiniowania terminu *czasopismo lifestylowe*, napotykamy permanentne przeszkody, ponieważ słowniki o profilu prasoznawczym nie wyodrębniają tego hasła. Pojawia się ono przede wszystkim w publikacjach naukowych i dyskusjach dziennikarzy, wydawców, pracowników *public relations*. Analiza dostępnych opracowań na temat magazynów lifestylowych skłania do przyjęcia definicji zaproponowanej przez Mateusza Niecia: „Przez pisma *life style* rozumiem prasę kobiecą / dla mężczyzn, która kształtuje określone wartości i postawy społeczne, normy i zwyczaje, styl życia osobistego i zawodowego (moda, rozrywka, zainteresowania, wystrój domu, kulinaria, wypoczynek)”².

W opinii M. Niecia pisma lifestylowe odpowiadają definicji propagandy socjologicznej, której zadaniem jest promowanie dominujących wartości i norm³. Tego typu prasa kreuje określoną wizję kulturową społeczeństwa, popularyzuje współczesną modę, obyczaje i w końcu idealizuje określone zachowania i pewne typy osobowości. Olga Dąbrowska-Cendrowska zwraca uwagę na techniczne parametry tych magazynów, podkreślając, że wyróżnia je wysoka jakość papieru i wydruku, lakierowana okładka o odpowiedniej gramaturze (od 250 do 300 g), objętość powyżej 100 stron itd.⁴

Większość czasopism typu *life style* dodatkowo określa się mianem ekskluzywnych, luksusowych i „prestizowych” i adresuje się je przede wszystkim do

² M. Nieć: *Pisma opinii i czasopisma life style — dwie koncepcje rynkowego dziennikarstwa (analiza Polityki, Wprost, Elle, Playboya i Twojego Stylu)*. „Zeszyty Prasoznawcze” 2010, R. LII, nr 1—2 (201—202), s. 22—23.

³ Ibidem, s. 29.

⁴ O. Dąbrowska-Cendrowska: *Wysokonakładowe magazyny lifestylowe w Polsce w pierwszej dekadzie XXI w. — kryzys, stagnacja czy rozwój?* „Rocznik Bibliologiczno-Prasoznawczy” 2013, t. 5/16, s. 125.

średniozamożnych i zamożnych czytelników, dobrze wykształconych, aktywnych zawodowo i otwartych na świat. Na łamach magazynów tego segmentu z łatwością buduje się renomę różnych towarów i ich marek. W odróżnieniu od czasopism branżowych pojawia się w nich nowa forma promocji, określana jako *publicity*, czyli gatunek balansujący na pograniczu tekstu publicystycznego i reklamy.

Magazyny rosyjskie, które w niniejszej pracy stanowią źródło badanego materiału, reprezentują segment czasopism lifestylowych, ponieważ odpowiadają opisanemu profilowi i jednocześnie przynależą do gatunku prasy ekskluzywnej (w terminologii rosyjskiej *глянцевые журналы*, w angielskiej *glossy magazines*). Wyróżniają się stylistyczną różnorodnością i promocyjnym charakterem treści, często w postaci zawołanych sugestii lub wręcz manipulacji świadomością czytelników.

3. Wyrazy modne — ustalenia terminologiczne

Zjawisko mody językowej pozostaje jednym z bardziej intrygujących zagadnień związanych z kulturą języka. Wnikliwa eksploracja tego fenomenu lingwistycznego wynika zapewne w dużym stopniu z kontrowersji, jakie się wokół niego pojawiają. Chodzi tu głównie o kwestie oceny etycznej mody językowej, co wywołuje nierozstrzygnięty jak dotąd spór. W kontekście niniejszej publikacji ocena moralna tego zjawiska nie ma większego znaczenia, ponieważ tematem rozważań pozostaje istota samego faktu językowego, jego wpływ na kształtowanie współczesnej ruszczyzny i jednocześnie konsekwencje takiego oddziaływania. Jest to niezwykle istotna kwestia, co zresztą podkreśla Witalij Kostomarov, prekursor dyskusji na ten temat w lingwistyce rosyjskiej, twierdząc, że moda językowa jest kategorią języka mającą ogromny wpływ na jego rozwój, a nawet determinującą jego dynamikę⁵.

Termin *moda* w językoznawstwie jest używany w odniesieniu do różnych zjawisk. Modne mogą być formanty, modele słowotwórcze, konstrukcje składniowe, także dyskurs, no i oczywiście wyrazy lub grupy wyrazowe. Zdefiniowanie terminu *wyraz modny* jest nieco kłopotliwe ze względu na brak zgodnych opinii w tej kwestii. O wyrazach modnych pisali między innymi: Danuta Buttler, Andrzej Markowski, Włodzimierz Miakiszew, Bogdan Walczak, Witalij Kostomarov, Oksana Wróblewska, Natalia G. Żurawlowa⁶. Dość czytelną defi-

⁵ В.Г. Костомаров: *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва 1994, s. 8.

⁶ D. Buttler: *Wyrazy modne*. W: *Kultura języka polskiego*. T. II, *Zagadnienia poprawności leksykalnej (Słownictwo rodzime)*. Red. D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz.

nięcie proponuje rosyjska badaczka O. Wróblewska: „Модное слово — слово, актуальное в определённое время. Свежо и актуально оно своей новизной (чаще новизной плана выражения), либо тем, что обозначает значимую для общества проблему (явление и под.)”⁷.

Próbie określenia, czym są wyrazy *modne*, podejmuje także A. Markowski, systematyzując opinie na temat mody językowej. Pisze on, że za wyrazy *modne* można uznać takie jednostki leksykalne, które w jednym ze swoich znaczeń są w pewnym okresie używane w tekstach o wiele częściej, niżby to wynikało z potrzeb komunikacyjnych. Jest to niekiedy spowodowane automatyzmem (mechanicznym kopiowaniem zasłyszanego słowa), a czasem to rezultat świadomego wyboru danej jednostki⁸. Natomiast wspomniana już wcześniej O. Wróblewska w artykule *К трактовке понятия языковая мода в современной лингвистике* podsumowuje literaturę przedmiotu i wyróżnia fundamentalne kryteria wyrazu modnego. Według autorki są to:

- wysoka frekwencja użycia;
- współczesność (aktualność wyrazu);
- uniwersalność (masowość i eksterytorialność);
- prestiżowość;
- demonstratywność (nietypowość formy, wyrazistość)⁹.

Przedstawione kryteria mają oczywiście charakter subiektywny, umowny, ponieważ — jak twierdzi N.G. Żurawlowa — kateryoryczne kryteria definiujące wyraz modny nie istnieją ze względu na płynność pojęcia samej mody językowej¹⁰. Niemniej jednak podjęcie próby określenia cech wyrazów modnych jest niezbędne chociażby ze względu na aktualność zjawiska i jego zakres.

Warszawa 1982; A. Markowski: *Kultura języka polskiego...*; W. Miakiszew: *Мода и норма в современном русском языке*. W: *Innowacje w językach wschodniosłowiańskich*. Vol. II. Zielona Góra 2002, s. 41—47; B. Walczak: *Między snobizmem i modą a potrzebami języka, czyli o wyrazach obcego pochodzenia w polszczyźnie*. Poznań 1987; O.B. Врублевская: *К трактовке понятия языковая мода в современной лингвистике*. «Вестник Кемеровского государственного университета» 2015, № 1 (61), т. 1, s. 84—88; В.Г. Костомаров: *Языковой вкус эпохи...*; Н.Г. Журавлёва: «Модное» слово: к вопросу о содержании понятия. «Научная мысль Кавказа» 2009, № 2, s. 132—136.

⁷ O.B. Врублевская: *К трактовке понятия языковая мода...*, s. 88.

⁸ A. Markowski: *Kultura języka polskiego...*, s. 188.

⁹ O.B. Врублевская: *К трактовке понятия языковая мода...*, s. 84—88.

¹⁰ Н.Г. Журавлёва: «Модное» слово..., s. 132.

4. Modne przymiotniki w czasopismach lifestylowych

Analizowane czasopisma typu *life style* charakteryzują się dość dużym zróżnicowaniem stylistycznym tekstów oraz szeroką formułą wypowiedzeń (wywiad, reklama, reportaż itd.), natomiast ich tematyka oscyluje wokół głównych niezmiennych nurtów, takich jak moda, psychologia, sztuka, kulinaria, zdrowie, kariera, podróże. Przedmiotem opisu jest przede wszystkim rzeczywistość, w której promuje się pozytywne emocje i prestiżowy styl życia współczesnego człowieka — kosmopolity. Konsekwentnie nie podejmuje się kwestii dotyczących polityki i poważnych problemów społecznych. Tym samym „wizerunek” badanego gatunku prasowego ma ogromny wpływ na język, za którego pośrednictwem następuje akt komunikacji z docelowym audytorium. Badając język takich czasopism, nie można lekceważyć ani opisanego profilu, ani głównych celów periodyków, które poza funkcją informacyjną spełniają funkcję rozrywkową, komercyjną i promocyjną (propagują nie tylko konkretne marki i produkty, ale też konkretną ideologię i zachowania). Jeśli w powszechnym odczuciu magazyny lifestylowe są czasopismami prestiżowymi, ekskluzywnymi, z „wyższej półki”, taki też powinien być ich język.

W tekstach o charakterze komercyjnym, publikowanych na łamach czasopism lifestylowych, znaczącą rolę odgrywają przymiotniki. Autorzy, zarówno copywriterzy, jak i dziennikarze, często posługują się przymiotnikami, które posiadają ogromny potencjał wartościowania rzeczywistości. Rzecz jasna, nie każde użycie tej części mowy wynika z misternych strategii manipulacyjnych, jednak w dużej mierze tak właśnie jest. Warto przyjrzeć się bliżej zestawowi przymiotników, którym ze względu na dużą popularność w badanych periodykach bez wahania można przypisać status wyrazów modnych. Z badań wynika, że do najpopularniejszych, najczęściej używanych i ewidentnie promowanych w danym dyskursie można zaliczyć takie jednostki, jak: *винтажный, гениальный, гламурный, глобальный, дизайнерский, креативный, культовый, респектабельный, сексуальный, стильный, тотальный, фешенебельный, харизматичный, эксклюзивный, экстраординарный*. Wszystkie przytoczone przymiotniki to wyrazy o zabarwieniu pozytywnym, za pośrednictwem których z łatwością można opisać „imitację” rzeczywistości kreowanej na łamach *life stylu*, czyli wyobrażenie współczesnego idealnego świata, czytelnikowi podążającemu za współczesnymi trendami, odnoszącemu sukcesy zawodowe, podróżującemu itd.

Do zilustrowania fenomenu przymiotników, którym można przypisać status modnych, posłużą dwie jednostki leksykalne — *креативный* oraz *культовый*.

Прзматник *креативный*

Z analizy materiału empirycznego wynika, że do modnych prзматников z analizowanej grupy należy leksem *креативный*. Wyraz ten (zapożyczenie angielskiego pochodzenia — *creative*) nie jest żadnym *novum* w języku rosyjskim, zadomowił się na dobre w różnych dyskursach, jednak w badanej przestrzeni mediów zajmuje miejsce szczególne. Włodzimierz Nowikow, autor słownika modnych słów języka rosyjskiego, pisze, że prзматник *креативный* pojawił się pierwotnie w sferze biznesu, reklamy, designu¹¹. Dziś natomiast zakres użycia tego wyrazu znacznie się poszerzył, odnotowuje się go praktycznie we wszystkich dziedzinach życia, włącznie z językoznawstwem. W badanym dyskursie słowo *креативный* praktycznie wyparło rosyjskojęzyczny synonim *творческий*, a w zasadzie można by stwierdzić, że zdeprecjonowało jego znaczenie, ponieważ, jak się wydaje, bycie twórczym na skali wartości zajmuje niższe miejsce niż bycie kreatywnym. Elena Naroczna i Galina Szewcowa przekonują, że prзматник *креативный* jest „данью «языковой моде», частью имиджа современного человека, идущего в ногу со временем»¹². O znaczeniu i domniemanym powodzie ekspansji prзматника *креативный*, a także derywatu *креативность* we współczesnym języku piszą Jerzy Bralczyk i Grażyna Majkowska. Wprawdzie odnoszą się do polskiej rzeczywistości językowej, jednak w ruszczyźnie status tej jednostki leksykalnej jest identyczny. Badacze zauważają, że:

zapewne pod wpływem mody językowej miejsce twórczości zajęła kreatywność. Pojęcie twórczości stosowane do określenia niemal każdej aktywności być może zaczęło się dewaluować, kreator zaś, kreowanie i bycie kreatywnym eksponuje to, co w twórczości jest spektakularne, co wiąże się nie tyle z nadawaniem formy bezkształtnej materii, ile z manifestacją swobody (luzu), łamaniem tabu i konwencji. Nie bez znaczenia jest też to, że kreatywnym można być w dziedzinach, które z tradycyjnie pojmowaną twórczością (zwłaszcza artystyczną czy intelektualną) mają niewiele wspólnego, np. kreatywny menadżer, polityk. Bycie kreatywnym jest zawołaniem, które w nadchodzącej epoce post-masowej ma zwiastować zanik podziału na elity i masy. Tworząc, wszyscy stajemy się elitą¹³.

¹¹ Вл. Новиков: *Словарь модных слов*. Москва 2012, s. 104.

¹² Е.Б. Нарочная, Г.В. Шевцова: *Иноязычные слова в современной российской публицистике*. «Язык и культура. Языкознание» 2008, s. 92. <https://cyberleninka.ru/article/n/inoazychnye-slova-v-sovremennoy-rossiyskoy-publitsistike> [data dostępu: 20.08.2018].

¹³ J. Bralczyk, G. Majkowska: *Język mediów — perspektywa aksjologiczna* W: *Język w mediach masowych*. Red. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska. Warszawa 2000, s. 47—48.

Na łamach analizowanych czasopism przymiotnik *креативный* cieszy się sporą popularnością, wydaje się, że jest wręcz nadużywany. Jednostkę tę zdecydowanie można uznać za modną, ponieważ wyróżnia ją szereg cech wyrazu modnego, o których była mowa już wcześniej, tzn. między innymi wysoka frekwencja użycia, aktualność, współczesność, masowość, uniwersalność, demonstratywność i atrakcyjność. Jej popularność zwiększa także fakt, że jest ona zapożyczeniem. Jak powszechnie wiadomo, obcojęzyczne słownictwo masowo przenika dziś do języka rosyjskiego, a szczególna rola w jego rozpowszechnianiu przypada mass mediom, w tym badanym periodykom.

Warto przyjrzeć się łączliwości wyrazu *креативный*. Odnotowano przypadki użycia tego przymiotnika w stałych związkach wyrazowych — w określeniach zawodów (stanowisk) ze sfery designu, mass mediów, reklamy, np. *креативный директор* czy też *креативный консультант* (*В Москве открывается выставка известного граффити-художника и креативного консультанта часового бренда TAG Heuer Алека Монополи, „Elle”, lipiec 2018, s. 36; Эксперт моды и креативный директор Эвелина Хромченко рассказала о нарядах, которые не стоит надевать на первое свидание, о любимой домашней одежде и воспитании сына, „Домашний очаг”, luty 2018, s. 22).*

Podane wyrażenia są kalkami anglojęzycznych zapożyczeń, które przeniknęły do języka rosyjskiego nie tylko jako kalki strukturalne, ale też semantyczne, przenosząc znaczenie desygnatu, tzn. nowe stanowisko osoby koordynującej proces twórczy. Wyrażenia *креативный директор* czy *креативный консультант* posiadają melioratywny ładunek i z aksjologicznego punktu widzenia plasują się wysoko na skali prestiżowych zawodów.

Przymiotnik *креативный* odnotowano również w luźnych połączeniach wyrazowych, niekiedy bardzo zaskakujących. Kreatywny może być bowiem nie tylko desygnat ze sfery określonej w słownikowym znaczeniu przymiotnika, czyli z zakresu reklamy, sztuki i mass mediów. Kreatywność przypisuje się zarówno człowiekowi, przedmiotom, jak i pojęciom abstrakcyjnym (*В 2000 году Verbal предложил Юн переехать из Нью-Йорка в более креативный Токио, она сразу же согласилась: „В Японии мода — форма самовыражения. Здесь люди открыты всему новому, прежде чем что-то критиковать, они пытаются разобраться”, „Vogue”, lipiec 2018, s. 35; В субботу рынок заполняется торговцами винтажем, а также дизайнерами, продающими свои подделки, а в воскресенье — самый бойкий день — свои креативные творения выставляют и продают выпускники британских колледжей моды, „ЛюблЮlife”, maj—czerwiec 2017, s. 45; Небоскребы креативны до безумия: изломанные линии, многоуровневые крыши, необычные цвета, „ЛюблЮlife”, maj—czerwiec 2017, s. 109).*

W badanych czasopismach odnotowano także użycia analizowanego przymiotnika w kontekstach zupełnie nieadekwatnych, czego efektem są wręcz

absurdalne wypowiedzenia, np.: *Для своей аудитории мы придумываем креативные посты в соцсетях: „Посмотрите, я на модном показе”, „А-а-а, я стою под ручку с Томом Крузом”, „Вот миллион алых роз от бойфренда”, „Я классная, правда”* („Cosmopolitan”, wrzesień 2018, s. 257). Ten przykład użycia wyrazu *креативный* zadziwia, ponieważ przytoczonych postów w żaden sposób nie można uznać za twórcze, tym bardziej za kreatywne, wręcz przeciwnie — są banalne, a nawet prymitywne.

Прzymiotник *культовый*

Kolejnym przymiotnikiem, któremu także warto poświęcić uwagę, jest leksem *культовый*. To wyraz polisemiczny i status wyrazu modnego można mu przypisać tylko w jednym znaczeniu: 'legendarny, niezwykle istotny dla pokolenia lub grupy ludzi, dla których pewien obiekt staje się obiektem uwielbienia, podziwu, wzoru'. Leksem *культовый* w tym właśnie znaczeniu zyskał ogromną popularność na łamach badanych czasopism. Używa się go najczęściej do określenia obiektów ze świata szeroko rozumianej sztuki (filmu, muzyki, literatury), obserwuje się też znaczne rozszerzenie jego semantycznej łączliwości, gdyż cechę kultowości (chyba nie do końca słusznie) przypisuje się coraz szerszej grupie pojęć, które trudno uznać za legendarne, popularne, wielbione.

Wydaje się, że przypisywanie obiektom atrybutu kultowości powinno być zdeterminowane szeregiem wyjątkowych cech, wybitnych zasług, sukcesów danego obiektu, cenionego i zapamiętanego przez masy. Bycie kultowym wiąże się także z aspektem diachronicznym — w ten sposób powinno się określać ludzi, przedmioty, zjawiska, które dokonały czegoś lub czymś zasłynęły w relatywnie odległej przeszłości. Można tego dokonać dopiero po upływie czasu, kiedy wiadomo, czy obiekt, któremu przypisuje się miano wyjątkowości, rzeczywiście pozostawił po sobie znaczący ślad dla pokoleń. Przykładami adekwatnego użycia przymiotnika *культовый* wydają się następujące cytaty: *Неподалёку — BerBer-fin, в котором можно приобрести футболку с принтами культовых групп и музыкантов: Metallica, The Cure, Led Zeppelin, Дэвид Боуи и всё-всё-всё* („Vogue”, lipiec 2018, s. 36); *Коренной ньюйоркец Майкл Корс помнит улицы и электрички, которые 30 лет назад „бомбили” Баския и Fab 5 Freddy. Его 1980-е — не ультрадиско с ламе и принтами „вырви глаз”, а граффика и оммаж культовым „райтерам”* („Elle”, lipiec 2018, s. 29).

Jednak przesadą wydaje się nazywanie kultowymi młodych aktorów, reżyserów z niewielkim jeszcze dorobkiem artystycznym, dziwi również przypisywanie tej cechy przedmiotom banalnym, takim jak puder, pomadka, perfumy, krem: *Сценарий „Потерянного места” (смотрите в кинотеатрах осенью) про подростков, расследующих загадочные смерти друзей, написали драматурги братья Пресняковы — культовый дуэт начала 2000-х, в кино прославившихся фильмом Кирилла Серебренникова „Изображая жертву”* („Vogue”, lipiec 2018, s. 154); *Отмевив юбилей „Секса в большом городе”,*

мы размышляем, почему **культовый** сериал совсем не так хорош, как нам показалось раньше, и как с тех пор изменились телегероини („Glamour”, sierpień 2018, s. 100); **Культовые** румяна Orgasm выйдут в лимитированной упаковке большого размера, а значит наслаждаться цветущим видом можно будет максимально долго („Домашний очаг”, lipiec 2018, s. 34); В весенней коллекции появились **культовые** лодочки представлены в новых оттенках: в линии появились сиреневая, изумрудная, бирюзовая и другие версии („Vogue”, kwiecień 2016, s. 151).

Nadużywanie przymiotnika *культовый* w badanej przestrzeni czasopiśmienniczej wynika z różnych przyczyn. Ta jednostka leksykalna posiada duży potencjał aksjologiczny, nie dziwi więc jej częsta obecność w tekstach reklam i artykułach typu *publicity*. Jak powszechnie wiadomo, jedną ze strategii skutecznego komunikatu oferty komercyjnej jest właśnie stosowanie przymiotników wartościujących, które mają skłonić potencjalnego klienta do zakupu towaru: РЕКЛАМА „ULTIMUNE / Концентрат, восстанавливающий энергию кожи / **КУЛЬТОВОЕ** средство для защиты красоты кожи / Результат 25-летних исследований в области защитных функций кожи, 116 премий международных печатных изданий, 38 патентов... Легендарный концентрат Shiseido Ultimune теперь представлен с обновленной формулой на основе последних научных достижений” („Cosmopolitan”, wrzesień 2018, s. 33).

W odbiorze badacza języka, który nie musi być stałym czytelnikiem czasopism lifestylowych, przymiotnik *культовый* w badanym dyskursie zdecydowanie jest nadużywany, natomiast w subiektywnym odczuciu wiernego audytorium, głównie kobiet, dla których aspekt urody jest jednym z ważniejszych w ich życiu i które posiadają szeroką wiedzę na temat historii i rozwoju branży kosmetycznej i modowej, przypisanie miana kultowości reprezentującym je produktom może być jak najbardziej trafne. Jednak niezależnie od oceny adekwatności użycia przymiotnika *культовый* można stwierdzić za A. Markowskim, że „w świadomie używanych wyrazach modnych następuje stałe rozszerzanie znaczenia”¹⁴, a kultowymi określa się już nie tylko „wytwory kultury, lecz cywilizacji i po prostu różne popularne obiekty”¹⁵. Okazuje się, że miano kultowego, legendarnego obiektu można zyskać zdecydowanie szybciej niż w przeszłości. Kultowość rodzi się na oczach czytelników i cechę tę przypisuje się niemalże współczesnym wytworom z kręgu sztuki (serial, kino, film), mody, kosmetologii i życia codziennego.

¹⁴ A. Markowski: *Kultura języka polskiego...*, s. 206.

¹⁵ Ibidem.

Wnioski końcowe

Istnienie na rynku wydawniczym (prasowym) czasopism typu *life style* budzi wiele kontrowersji z różnych względów. Po pierwsze, toczy się dyskusja dotycząca sprecyzowania definicji tego gatunku, a po drugie, część komentatorów i badaczy języka podkreśla jedynie negatywne strony tych periodyków, zarzucając im snobizm, promowanie modelu życia opartego na iluzjach stworzonych przez wszechogarniającą komercję. Wydaje się, że taka postawa jest niesprawiedliwa, daleka od tolerancji dla ludzi z kosmopolitycznym nastawieniem do życia. Poza tym często twierdzą tak osoby, które nie czytają tego typu prasy i bazują głównie na utartych stereotypach. Tymczasem nie należy lekceważyć roli tego medium w kształtowaniu pewnych postaw społecznych, stylu życia, ale także współczesnego języka rosyjskiego. Za pośrednictwem prasy, w tym czasopiśmie, wprowadza się do języka nowe słownictwo, promuje się nowe znaczenia wyrazów, tworząc „modę” na ich używanie, co w konsekwencji prowadzi do zmian o charakterze normatywnym.

Ewentualną ilustracją analizowanego zjawiska mody językowej są przymiotniki *креативный* oraz *культовый*. Ich popularność w czasopiśmie lifestylowych nie dziwi, ponieważ doskonale wyrażają ideologię propagowaną w mediach komercyjnych. Z całym przekonaniem można im przypisać status wyrazów modnych. Charakteryzują się wysoką frekwencją użycia, a w wielu przypadkach można zaryzykować stwierdzenie, że są nadużywane. Śledząc specyfikę łączliwości danych jednostek, poza połączeniami z utartym znaczeniem słownikowym, odnotowano również zaskakujące związki wyrazowe, w których znaczenie atrybutu można uznać za zdeprecjonowane. Wynika to prawdopodobnie z tego, że autorzy tekstów, podejmując próbę wartościowania wypowiedzi i nadania prestiżu zjawiskom, ludziom, markom i produktom, niejednokrotnie stosują wspomniane wyrazy w nieadekwatnym kontekście. Ponadto moda na analizowane przymiotniki sprawiła, że praktycznie całkowicie wyparły one synonimiczne jednostki typu: *творческий*, *легендарный*.

Konkludując, można wyrazić pewnego rodzaju zaniepokojenie wobec zmian semantycznych w obrębie analizowanych modnych leksemów, których świadome nadużywanie w wielu przypadkach prowadzi do „aksjologicznego pustoszenia znaczeń”, ponieważ moda na używanie danych przymiotników w badanym dyskursie poniekąd deprecjonuje znaczenia słownikowe danych jednostek. Jednakże znając naturę zjawiska mody, która tak samo szybko i dynamicznie pojawia się, jak przemija, można przypuszczać, że wyrazy aktualnie modne, popularne i chętnie używane zostaną zastąpione nowymi.

Анна Романик

Креативный и культовый — о модных именах прилагательных
в российских лайфстайловых журналах

Резюме

Автор статьи исследует модные имена прилагательные *креативный* и *культовый*, отобранные из русскоязычных глянцевого журналов типа *life style* «Cosmopolitan», «Elle», «Glamour», «Harper's Bazaar», «Vogue», «Домашний очаг», «ЛюблЮlife». Предметом настоящего анализа является, между прочим, сочетаемость данных лексических единиц и семантические изменения исследуемых прилагательных. Анализ показал, что модные прилагательные отличаются высокой частотностью употребления в текстах, а иногда злоупотреблением ими. Отмечено случаи, когда модные слова входят в состав синтаксических словосочетаний, в которых наблюдаются семантические изменения внутри прилагательных (опустошение значения). Анализируемые единицы являются ярким примером языковой моды, а их популярность объясняется, между прочим, коммерческими потребностями.

Ключевые слова: гляцевый журнал, имя прилагательное, русский язык, языковая мода

Anna Romanik

Креативный & культовый — fashionable adjectives
in Russian lifestyle magazines

Summary

The author of the paper deals with fashionable adjectives *креативный* and *культовый* excerpted from Russian lifestyle magazines, such as, "Cosmopolitan", "Elle", "Glamour", "Harper's Bazaar", "Vogue", "Домашний очаг", "ЛюблЮlife". The subject of the analysis of this article are the following issues: correctness of use of these adjectives, semantic transfer within the words and characteristic of their connectivity. The study has shown that fashionable adjectives in question have a high frequency of usage and they may even be misused. There are situations where researched adjectives are part of surprising expressions compounds in which the meaning of them can be considered depreciated. Selected individuals are an excellent example of the phenomenon of language fashion which is observed in lifestyle magazines. Their popularity is largely due to commercial needs.

Key words: adjective, lifestyle magazine, language fashion, Russian Language

Anna Rudyk

Uniwersytet Rzeszowski

O wybranych ekspresywnych zwrotach adresatywnych (na podstawie polskich tekstów literackich i ich rosyjskich przekładów)

Mianem zwrotów adresatywnych określa się jednostki języka, które oznaczają odbiorcę lub się doń odnoszą i zostały użyte w pragmatycznej funkcji zwrócenia się do niego¹. Performatywy te wytwarzają określony, społecznie ukształtowany stopień i charakter dystansu między nadawcą i odbiorcą, zachodzący w bezpośrednim kontakcie i określonej sytuacji². Mogą one pełnić funkcję fatyczną bądź perswazyjną, przypominając osobom, do których się zwracamy, że to właśnie do nich kierowana jest wypowiedź. Bywa też, że sygnalizują rozpoczęcie lub zakończenie interakcji — stanowią wówczas środek delimitacyjny³.

Zwroty adresatywne nie wchodzą w związki składniowe z innymi wyrazami w zdaniu, co jest oczywiste z punktu widzenia pragmatyki językowej, gdyż można je traktować jako samodzielne akty mowy z illokucją przywołania. Ich performatywny charakter oddaje definicja zaproponowana przez Natalię Formanowską: «я — тебя (вас) — здесь — сейчас — имея мотив и цель — зову (называя) — чтобы включиться в контакт — в избранной тональности»⁴.

¹ M. Łaziński: *O panach i paniach. Polskie rzeczowniki tytułowe i ich asymetria rodzajowo-płciowa*. Warszawa 2006, s. 16.

² E. Tomiczek: *System adresatywny współczesnego języka polskiego i niemieckiego: socjolingwistyczne studium konfrontatywne*. Wrocław 1983, s. 25.

³ M. Krauz: *Komunikacja w rodzinie na podstawie serialu Rodzinka.pl (analiza zwrotów adresatywnych)*. W: *Język nasz ojczysty w sferze życia rodzinnego*. Red. B. Taras, W. Kochmańska. Rzeszów 2016, s. 95.

⁴ Н.И. Формановская: *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. Учебное пособие*. Москва 1998, s. 113.

Ekspresywne zwroty adresatywne nie tylko nazywają adresata wypowiedzi, ale również stanowią przejaw uczuć i emocji mówiącego. Przywołaną eksplikację można zatem nieco zmodyfikować, by odpowiadała terminowi *ekspresywny zwrot adresatywny*: ja — ciebie / was / pana / panią / państwa — tutaj — teraz — mając powód i cel, by zainicjować bądź podtrzymać kontakt — przywołuję (nazywając) — w wybranej tonacji socjostylistycznej — wyrażając jednocześnie swoje uczucia wobec ciebie / was / pana / pani / państwa bądź przekazując informację o moim aktualnym stanie emocjonalnym.

Przedmiotem analizy w niniejszym artykule są zwroty adresatywne zawierające komponent emotywny w postaci przymiotnika *kochany*, któremu *Wielki słownik języka polskiego*⁵ przypisuje trzy podstawowe znaczenia:

- ‘taki, którego mówiący bardzo lubi’;
- ‘wyraz używany, gdy ktoś zwraca się do osoby traktowanej poufale lub protekcjonalnie lub mówi o niej w ten sposób’;
- ‘taki, który jest przez kogoś darzony miłością erotyczną’.

Jak pisze Teresa Skubalanka, „ekspresywny jest każdy fakt językowy, który kojarzy się z jakimś wzruszeniem”⁶. W mojej ocenie każde z przywołanych znaczeń świadczy o emocjonalnym ustosunkowaniu się wobec osoby, którą takim określeniem charakteryzuje rozmówca, niekoniecznie jednoznacznie pozytywnym, niemniej nie obojętnym. Dlatego właśnie uważam za uzasadnione zaliczenie zwrotów adresatywnych — których komponentem, jedynym bądź jednym z dwóch czy trzech, jest właśnie eksplikowany wcześniej przymiotnik — do grupy ekspresywnych.

Materiał faktograficzny został wybrany na bazie wyszukiwania morfologicznego z *Polsko-rosyjskiego i rosyjsko-polskiego korpusu równoległego*⁷ i obejmuje łącznie 357 użyc leksemu *kochany* w funkcji adresatywnej, zarówno samodzielnych, jak i w połączeniu z innymi wyrazami. Wśród zebranych przykładów można wyróżnić następujące grupy formalno-semantyczne:

- zwroty adresatywne w postaci przymiotnika *kochany* (22 użycia): *kochana, kochany, kochani*;
- zwroty adresatywne wyrażone przymiotnikiem *kochany* w połączeniu z zaimkiem dzierżawczym (17 użyc): *moi kochani, mój kochany, moja kochana, kochany mój, kochana moja*;
- zwroty adresatywne złożone z przymiotnika *kochany* i terminu pokrewieństwa (72 użycia): *bracie kochany, kochany bracie, braciuszki kochane, kochany szwagrze, matuszko kochana, kochana matko, matko kochana, matuleńko kochana, kochana matuniu, moja kochana matko, siostrzyce kochane*,

⁵ *Wielki słownik języka polskiego*. <http://www.wsjp.pl/> [data dostępu: 27.11.2018].

⁶ T. Skubalanka: *O ekspresywności języka*. „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska”, vol. XXVII, 1972, 8, s. 125.

⁷ *Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski korpus równoległy*. <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/index.php?id=02&lang=pl> [data dostępu: 5.09.2018].

siostrzyczko kochana, siostrze kochana, kochany szwagrze, kochany wujaszku, moje dziecko kochane, kochane dziecko, kochana ciociu, moi kochani rodzice, kochany stryjcium Antoni⁸, kochany stryjcium, kochany stryju, stryju kochany, kochany dziaduniu, ojczeniu mój kochany, ojcie kochany;

- zwroty adresatywne złożone z przymiotnika *kochany* i antroponimu (imienia własnego w formie pełnej, zdrobnionej lub spieszczonej bądź nazwiska), niekiedy z dodatkową przydawką (136 użyć): *kochana Ewelino, Arnaku kochany, kochany Pentuerze, kochany Aleksy, kochany Julianie, kochana Anno, kochany Edmundzie, kochany Jerzy, kochany Henryku, kochany panie Benedyckie, kochany panie Konstanty, kochany panie Nikodemie, panie Nikodemie kochany, kochany panie Tadeuszu, kochany panie Tomaszu, mój Brühlu kochany, kochany święty Suminie, kochany Taziu, kochana Maryniu, kochany Piotrusiu, Helo kochana, Helu kochana, kochana Teciu, kochana Nineczko, Wiciuńka kochany, kochana Anusiu, kochany Julku, Julku kochany, kochany Munciu, kochany Jurku, kochana Lasiu, Lasiu kochana, kochana Faniu, kochany Felku, kochany Maciusiu, mój Jasiu kochany, kochana pani Hanko, moja kochana Helo, moja Anuleńko kochana, kochany Jurku nasz, kochana pani Szwejc, kochana pani Świcka, kochany panie Dyżma, moja pani Kropidłowska kochana, pani Okszyńska kochana, kochany panie Prucki, kochana Hoym, Hoym kochany, mój kochany Hoym, kochany panie Unglücku, moja kochana Cosel, kochany panie van Tinen, mój kochany panie van Tinen, mój kochany van Tinen;*
- zwroty adresatywne złożone z przymiotnika *kochany* i rzeczowników *pan* lub *pani*, ewentualnie z zaimkiem dzierżawczym (35 użyć): *kochana pani, kochany panie, kochani panowie, mój kochany panie, o moje panisko kochane, kochana, droga pani, panie kochany, moja pani kochana, moja kochana pani, mój kochany panie;*
- zwroty adresatywne złożone z przymiotnika *kochany* w połączeniu z nazwą funkcji pełnionej przez adresata, jego stanowiska, zawodu, noszonego tytułu szlacheckiego itp., czasem z dodatkową przydawką (42 użycia): *kochany dyrektorze, dyrektorze kochany, kochany generale, nasz kochany wodzu, kochany cześniku, cześniku kochany, kochana dyrektorowo, kochany prezesie, kochany hrabio, kochany panie koniuszy, kochany koniuszy, kochany panie radco, kochana hrabino, hrabio kochany, kochana księżno, kochana baronowo, kochana podskarbino, kochany szambelanie, mój doktorze kochany;*
- zwroty adresatywne złożone z przymiotnika *kochany* w połączeniu z innymi nazwami osób (20 użyć): *kochani ludzie, chłopie kochany, kochany sąsiedzie, kochani przyjaciele, kochany przyjacielu, gołąbeczko kochana, kochani czytelnicy, kochany gospodarzu, kochany opiekunie, kochany gościu, kochany mój mieszczechu, kochany mój opiekunie;*

⁸ W jednym przykładzie wystąpiło dodatkowo imię własne.

- zwroty adresatywne z przymiotnikiem *kochany* i komponentem z zakresu leksyki religijnej (7 użyć): *Jezusie kochany*, *kochany Jezu*, *Jezus kochany*, *Boże kochany*⁹;
- zwroty adresatywne złożone z przymiotnika *kochany* w połączeniu z rzeczownikiem nieżywotnym, czasem dodatkowo z zaimkiem dzierżawczym (6 użyć): *drzwi kochane*, *serduszko kochane*, *mieczu kochany*, *mój kochany poranek*, *słoneczko kochane*, *kochana akcyzo*.

Biorąc pod uwagę ograniczenie objętościowe publikacji, postanowiłam poświęcić uwagę tylko jednej z wymienionych grup. Przedmiotem analizy w niniejszej pracy będą zwroty adresatywne złożone z nacechowanego emocjonalnie przymiotnika *kochany* i terminów pokrewieństwa, czyli jednostek leksykalnych, za pomocą których nazywa się występujące w społeczeństwie relacje między członkami rodziny, wskazuje się osoby, z którymi obcujemy zasadniczo w sytuacjach nieoficjalnych¹⁰. Jak już wcześniej wspomniałam, w zebranych materiale odnotowano łącznie 72 takie formy (25 różnych zwrotów). Tabela 1 przedstawia ekwiwalenty poszczególnych użyć i zależności liczbowe.

Tabela 1

Odpowiedniki przekładowe analizowanych form adresatywnych

Użyty termin pokrewieństwa	Zwrot adresatywny w tekście oryginału	Liczba odnotowanych przykładów	Ekwiwalent przekładowy	Liczba odnotowanych przykładów
1	2	3	4	5
brat	bracie kochany	4	приятель	1
			друг милый	1
			возлюбленный мой брат	1
			милый брат	1
	kochany bracie	6	брат	1
			любезный брат	2
			милый брат	2
			дорогой брат	1
	braciszki kochane	1	дорогие мои	1
ciotka	kochana ciciu	1	дорогая тетя	1
dziadek	kochany dziaduniu	1	дорогой дедушка	1

⁹ Tego rodzaju wyrażenia funkcjonalnie są wykrzyknikami, pełnią funkcję *stricte* adresatywną, np. w modlitwie, tj. w wypowiedzi faktycznie skierowanej do Boga.

¹⁰ О.Ю. Николенко: *К вопросу о разграничении синонимии и формальной вариативности наименований родства*. «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика» 2015, №3, s. 129.

cd. tab. 1

1	2	3	4	5
dziecko	moje dziecko kochane	1	доченька моя милая	1
	kochane dziecko	1	дорогое дитя	1
matka	kochana matko	14	дорогая матушка	1
			милая маменька	13
	kochana matuniu	1		1
	matko kochana	2		2
	matuleńko kochana	1	милая матушка	1
	matuszko kochana	1	матушка-голубушка	1
	moja kochana matko	1	дорогая матушка	1
ojciec	ojczulu mój kochany	1	дорогой мой батюшка	1
	ojcze kochany	1	уважаемый отец	1
rodzice	moi kochani rodzice	1	мои дорогие родители	1
siostra	siostro kochana	1	сестрица родная	1
	siostrzyczko kochana	1	сестрица милая	1
	siostrzyce kochane	1	сестрицы любимые	1
stryj	kochany stryjciu	2	дорогой, любимый дядя	1*
	kochany stryjciu Antoni	1	дорогой дядя Антоний	1
	kochany stryju	16	милый дядюшка	13
			дядюшка	1
			brak ekwiwalentu	2
	stryju kochany	1	милый дядюшка	1
szwagier	kochany szwagrze	10	дорогой зять	1
			любезный пан Бенедикт	1
			brak ekwiwalentu	8
wuj	kochany wujaszku	1	милый дядюшка	1

* Forma ta występuje w tekście przekładu na miejscu powtórzonego wokatywu *kochany stryjciu*.

Jak pokazuje tabela, najliczniejszą (łącznie 20 użyć) i najbardziej różnorodną (6 różnych form) grupę stanowią zwroty kierowane do matki. Przyjrzyjmy się podanym przykładom:

- (1) — Ej, **matuszko kochana** — odezwał się naprzód do starej Dobrogniewy niby wesoło — co bo na was dziś przyszły za strachy! [Józef Ignacy Kraszewski, *Boleszczyce*]
- Ой, **матушка-голубушка**, — обратился он сначала к матери, с напускной веселостью, — откуда у тебя — такие страхи?
- (2) — **Kochana matko** — rzekł całując jej ręce drżące — na zamku, pomimo pory spóźnionej, pełno jest, czekają na Michała [...]. [Józef Ignacy Kraszewski, *Król Piast*]
- **Дорогая матушка**, — сказал Любомирский, целуя ее трепетные руки, — в замке, несмотря на позднюю пору, полно, ожидают вашего Михаила [...].
- (3) — I owszem, **matko kochana**, żyjmy ze swymi — odpowiedział Aleksy — ale jakże mam począć? radź mi, będę chętnie posłusznym [...]. [Józef Ignacy Kraszewski, *Dwa światy*]
- Правда ваша, **милая маменька**, лучше жить со своими, — отвечал Алексей. — Но что мне делать теперь? Присоветуйте, я охотно послушаюсь [...].
- (4) — **Kochana matuniu** — rzekł Aleksy, zbliżając się i chcąc ją pocałować w rękę, którą przed nim cofnęła z urazą — proszę mi darować... [Józef Ignacy Kraszewski, *Dwa światy*]
- **Милая маменька**, простите меня! — воскликнул Алексей, подходя к матери и желая поцеловать ее руку.

W przykładzie na miejscu przymiotnika *kochana* występują określenia *милая* i *дорогая*, będące ekwiwalentami słownikowymi¹¹. Zwrot adresatywny w pozycji inicjalnej (2, 4) ma przyciągnąć uwagę adresata, zainicjować kontakt, dodatkowo w przykładzie (4) wzmacnia illokucyjną siłę prośby o wybaczenie. Patrząc na przykład (3), można mówić raczej o funkcji fatycznej, przy czym nacechowany emocjonalnie zwrot adresatywny łącznie z treścią wypowiedzi świadczy o szacunku, jakim mówiący darzy adresata wypowiedzi. Za sygnał fatyczny, który służy nawiązaniu kontaktu i ustala płaszczyznę rozmowy¹², można również uznać poprzedzające zwrot do adresata w przykładzie (1) wykrzykniki *ej* / *ой*. Ekwiwalent *маменька* (3, 4), który według słownika jest używany jako ‘почтительно-ласковое обращение к матери’¹³, został opatrzonej kwalifikatorem *устаревшее*. Z kolei wariant *матушка* (2) wśród innych znaczeń funkcjonuje jako ‘фамильярное обращение к пожилой женщине’¹⁴. Podwójnie hipokorystyczna forma *матушка-голубушка* może nawiązywać

¹¹ Por.: ‘**kochany** 1. прич. от kochać; 2. любимый, возлюбленный; 3. в обращении дорогой, милый’. D. Hessen, R. Stypuła: *Wielki słownik polsko-rosyjski A—Ó*. Warszawa 1979, s. 326.

¹² M. Krauz: *Komunikacja...*, s. 99.

¹³ Т.Ф. Ефремова: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. www.udarenieru.ru [data dostępu: 27.11.2018].

¹⁴ Ibidem.

do rosyjskiej pieśni poety tworzącego pod pseudonimem Nikromski¹⁵. O ile oczywista jest obecność zdrobnień (*матушка, маменька*) jako odpowiedników polskich deminutywów *matuszko, matuniu*, dość zaskakujące może się wydać zastosowanie takich form w roli ekwiwalentów zwrotów *kochana matko* i *matko kochana*. Co ciekawe, pierwotnie słowo *matka* miało odcień hipokorystyczny, dopiero z czasem nabrało oficjalnego charakteru. Obecnie *matko* jest postacią formalną obowiązującej formy adresatywnej, jednak — postrzegana jako brzmiąca zbyt podniosło i sztucznie — nie jest najczęściej używana przez dzieci. Chętniej stosowane są formy zdrobniałe i afektonimy, które świadczą o więzi uczuciowej z rodzicami¹⁶. Przykłady odnalezione w korpusie pochodzą z powstałych w XIX wieku powieści historycznych, w zebranych materiale nie dziwi zatem brak formy adresatywnej *mamo*, najbardziej typowej w danej relacji dla współczesnej polszczyzny. Emocjonalne nacechowanie wyekscerpowanych adresatywów wynika z obecności emotywnego komponentu w postaci przymiotnika *kochany*, jednak nie tylko. Bliskość, czułość, pozytywne ustosunkowanie się do rozmówcy wyrażają się poprzez kategorię deminutywności, z kolei zwrot *kochana matko* (*matko kochana*) brzmi uroczyście i podkreśla szacunek do adresata wypowiedzi.

Pewną różnorodność wykazują też zwroty złożone z przymiotnika *kochany* i wariantów wyrazu *brat*. Porównajmy przykłady:

- (5) — Ty, **kochany bracie**, jesteś uczonym, nie żołnierzem. [Stefan Żeromski, *Popioły*]
— Ты, **брат**, ученый, а не солдат.
- (6) **Kochany bracie!** Jak mi nie żal ciebie, że tak męczysz się i gryziesz ze swoim gospodarstwem [...]. [Eliza Orzeszkowa, *Nad Niemnem*]
Любезный брат! Мне очень жаль, что ты так бьешься своим хозяйством [...].
- (7) Królu mój a **bracie kochany** — odezwał się w końcu Władysław — mnie o ciebie niewysłowna ogarnia trwoga. [Józef Ignacy Kraszewski, *Boleszyce*]
— Король мой и **возлюбленный мой брат!** — ответил, наконец, Владислав. — Я очень беспокоюсь о твоей судьбе...
- (8) Bracie, **kochany bracie**, kwita z przyjaźni naszej, jeżeli mnie opuścisz! [Józef Ignacy Kraszewski, *Hrabina Cosel*]
Дорогой брат, конец дружбе нашей, если ты сейчас уйдешь.
- (9) — Nie, **bracie kochany**. To na nic. [Bohdan Czeszko, *Pokolenie*]
— Нет, **приятель**. Так дело не пойдет.
- (10) Ładnie by to wyglądało, **bracie kochany**. [Bohdan Czeszko, *Pokolenie*]
Хорошенькое бы могло дело получиться, **друг милый!**

¹⁵ <http://cyclowiki.org/wiki/Ниркомский> [data dostępu: 28.11.2018].

¹⁶ B. Żebrowska: *Pieszczotliwe określenia używane przy zwracaniu się do matki dawniej i dziś*. „Język Polski” 2015, t. 95, nr 5, s. 418—432.

Jak pokazują przykłady, przymiotnik *kochany* zastępowany jest w tłumaczeniu różnymi określeniami: *любезный* (6), *дорогой* (8), *возлюбленный* (7), bywa też pomijany (5). Wszystkie odnotowane użycia, a szczególnie przykład (7), mają poważny, podniosły charakter, co we współczesnym języku jest rzadko spotykane. Obecnie typową formą zwracania się do rodzeństwa jest imię własne, a użycie w relacji symetrycznej terminu pokrewieństwa jako formy adresatywnej nadaje wypowiedzi uroczysty ton. Warto w tym miejscu podkreślić, że leksem *brat* ma dużo szersze znaczenie niż osoba płci męskiej mająca tych samych rodziców co ta, która go w ten sposób nazywa. Porównajmy: ‘Możemy nazwać **bratem** [...] mężczyznę, który jest nam bliski ze względu na wspólne przeżycia, przekonania, wyznawanie tej samej religii, tę samą narodowość itp. [...] Możemy powiedzieć **bracie** do mężczyzny, do którego mamy serdeczny i poufały stosunek. Słowo potoczne, używane z sympatią’¹⁷. To oczywiście tylko niektóre ze znaczeń opisanych w słowniku, natomiast przywołano właśnie te, gdyż odpowiadają one użyciom w przykładach (9) i (10), gdzie w roli ekwiwalentów wystąpiły odpowiednio formy *приятель* i *друг милый* — zastosowany w takim kontekście leksem *brat* oznacza osobę bliską, godną zaufania.

W zebranym materiale odnotowano również kilka wariantów zwrotu do siostry. Porównajmy następujące egzemplifikacje:

- (11) **Siostrzyce kochane**, miłe dziewczki moje! z kądziescie dostały tych kwiatczków złotych? [Józef Ignacy Kraszewski, *Kunigas*]
Сестрицы любимые, девушки мои милые! Откуда у вас веточки золотые?
- (12) — **Siostrzyczko kochana!** czegoś się na rączce oparła tak smutna, i nie nucisz pieśni? [Józef Ignacy Kraszewski, *Kunigas*]
 — **Сестрица милая!** Что ты так печально опустила головку на ручку и не поешь?
- (13) Żegnaj mi, **siostro kochana**, żegnaj, mój bracie rodzony, i tobie, ojcie mój siwy, do nóg upadam, spłakana... [Józef Ignacy Kraszewski, *Stara Baśń. Powieść z IX wieku*]
 Прощай ты, **сестрица родная**, Прощай, мой единственный братец, Вам, батюшка, кланяюсь в ноги и слезы опять проливаю...

Podczas gdy rosyjski wyraz *сестрица* jest używany jako ‘ласковое обращение к лицу женского пола’¹⁸ lub po prostu zdrobnienie od *сестра*, polskie *siostrzyca*, które dawniej oznaczało siostrę¹⁹, to obecnie wyraz książkowy, którym można nazwać ‘zjawisko lub uczucie podobne do innego i w jakiś

¹⁷ M. Bańko: *Inny słownik języka polskiego. A—Ó*. Warszawa 2000, s. 123.

¹⁸ Т.Ф. Ефремова: *Новый словарь русского языка...* [data dostępu: 20.11.2018].

¹⁹ M. Bańko: *Inny słownik języka polskiego. P—Ż*. Warszawa 2000, s. 584.

sposób z nim powiązane lub współwystępujące²⁰. Tak jak w przypadku wcześniej przytaczanych przykładów, ton wypowiedzi zdaje się zbyt patetyczny w porównaniu ze współcześnie używanym językiem. W przykładach (11) i (12) zwroty adresatywne w pozycji inicjalnej pełnią funkcję przywołania, zwrócenia uwagi odbiorcy wypowiedzi. Podobnie jest w przypadku formy *siostra kochana* / *сестрица родная* w przykładzie (13) — mimo interpozycji forma ta ma przyciągnąć uwagę kolejnych osób, do których zwraca się mówiący.

Zbliżona różnorodność cechuje zwroty do stryja. Porównajmy wybrane przykłady:

- (14) — **Kochany stryjcju, kochany stryjcju...** [Tadeusz Dołęga-Mostowicz, *Znachor*]
 — **Дорогой, любимый дядя...**
- (15) — Wystaw sobie, **kochany stryju**, ten najzaciejszy z ludzi, nie nam nie mówiąc, pracował, siłił się... [...] [Józef Ignacy Kraszewski, *Dwa światy*]
 — Представьте себе, **дядюшка**, этот благороднейший человек, ничего не говоря нам, занимался, трудился... [...].

Rosyjski wyraz *дядя* to słownikowy ekwiwalent dwóch polskich terminów pokrewieństwa: *stryj* (brat ojca) i *wuj* (brat matki), przy czym we współczesnej polskiej mowie zdecydowanie częściej występuje słowo *wuj* (*wujek*), nazywające obie relacje. W przytoczonych przykładach ekwiwalencja została osiągnięta w ciekawy sposób: w przekazie powtórnego dwukrotnie zwrotu *kochany stryjcju* (14) wyraz określany wystąpił tylko raz, natomiast użyto dwóch różnych przymiotników wyrażających pozytywną pod względem emocjonalnym ocenę (*дорогой, любимый*). Z kolei w egzemplifikacji (15) użycie formy deminutywnej (*дядюшка*) stanowi niejako kompensację opuszczenia komponentu emotywnego w postaci przymiotnika *kochany*.

Przyjrzyjmy się odnotowanym zwrotom do ojca:

- (16) — **Ojczulu, kochany mój** — patrząc nań i wpół go obejmując, zawołał Marcik — ażeście odmłodzieli! [Józef Ignacy Kraszewski, *Kraków za Łoktka*]
 — Ах, **дорогой мой батюшка!** — глядя на него и обнимая его за талию, вскричал Мартик. — Да вы даже помолодели!
- (17) — **Ojcie kochany** — rzekł. [Józef Ignacy Kraszewski, *Kraków za Łoktka*]
 — **Уважаемый отец!** — сказал он.

Leksemy nacechowane emotywnie (*ojczulu, kochany, дорогой*) wystąpiły obok wyrazów, które wyrażają szacunek do adresata wypowiedzi (*батюшка, уважаемый*).

²⁰ *Wielki słownik...* [data dostępu: 30.11.2018].

Zwroty do innych osób występowały incydentalnie, ich rosyjskie ekwiwalenty zostały ujęte w tabeli, dlatego nie będziemy przytaczać przykładów użycia. Przejdźmy zatem do podsumowania.

Użycie form adresatywnych cechuje duży stopień zautomatyzowania, ponieważ członek danego społeczeństwa zachowuje się na ogół stosownie do sytuacji, w której się znajduje, i dobiera adekwatne środki językowe. W odniesieniu do form adresatywnych można zastosować reguły poprawności językowej oraz uzus, ale ważnym, a czasami nawet najważniejszym aspektem są normy obyczajowe²¹.

Nawiązując do tych ustaleń, można by się pokusić o refleksję na temat zmian, jakie zaszły na przestrzeni wieków w życiu rodziny czy ogólnie w obyczajowości, jednak nie to było celem prowadzonego badania. Współcześnie najbardziej typową formą zwrotu do członka rodziny będącego przedstawicielem tego samego pokolenia jest imię własne, natomiast do rodziców — warianty *mamo* i *tato*. Dlatego zasadne powinno okazać się badanie dwutekstów wyekscerpowanych z literatury współczesnej, obyczajowej, tym bardziej że materiał korpusowy tworzą wypowiedzi najczęściej wyizolowane z kontekstu, a jego obecność jest, w mojej ocenie, kluczowa w badaniach nad emotywnością języka. Można natomiast z całą pewnością stwierdzić, iż ekspresywność analizowanych zwrotów adresatywnych opartych na schemacie *kochany* + *termin pokrewieństwa* polega na sygnalizowaniu pozytywnych uczuć wobec adresata wypowiedzi, stanowiąc przede wszystkim przejaw szacunku do niego.

²¹ W. Sosnowski: *Formy adresatywne. Aspekt językowy i socjologiczny*. W: *Sematyka a konfrontacja językowa 5*. Red. D. Roszko, J. Satoła-Staśkowiak. Warszawa 2015, s. 321.

Анна Рудык

Об избранных экспрессивных обращениях (на материале польских литературных текстов и их перевода на русский язык)

Резюме

Предметом статьи является анализ обращений, в составе которых имеется прилагательное *kochany*. Фактический материал отобран из Польско-русского и русско-польского параллельного корпуса.

Ключевые слова: экспрессивные обращения, польский язык, русский язык, термины родства

Anna Rudyk

On the selected expressive addressative forms (based on Polish literary texts
and their Russian translations)

Summary

The subject of the article is the analysis of references, which include the adjective *kochany*.
The actual material is selected from the Polish-Russian and Russian-Polish parallel corps.

Key words: addressative forms, Polish language, Russian language, relationship words

Матеуш Смага

Силезский университет в г. Катовице

Наименования российских и британских футбольных клубов (сопоставительный анализ)

В последнее время можно отметить процессы интенсификации отражения спортивных событий в средствах массовой информации, сказавшиеся на повышении лингвистического интереса к так называемому «спортивному языку». Развитие спорта в современном мире и расширение списка спортивных дисциплин позволяют утверждать, что данная тема оставляет широкое поле для самых различных исследований. Анализируется специфика языка как малоизвестных дисциплин (парашютизм, альпинизм), так и более масштабных видов спорта (футбол, хоккей). Однако предметом изучения языковедов крайне редко становится образование названий спортивных учреждений и организаций. Цитируя слова Марека Олейника, среди наиболее известных польских исследователей спортивного языка следует назвать фамилии Яна Ожджиньского, Казимежа Ярушевского, Зенона Лицы, Богуслава Дуная и Артура Галковского. Тем не менее, как отмечает Олейник в своей статье о названиях украинских футбольных клубов¹, футбольная ономастика в Польше и на Украине не стала предметом подробного изучения с точки зрения языкознания. Подобные утверждения можно отнести также к Англии и России, футбольным федерациям которых принадлежат клубы, выбранные для лингвистического анализа в настоящей статье. В силу недостаточности освещения данной темы, авторам соответствующих научных публикаций стоит рассматривать и популярные статьи, ко-

¹ M. Olejnik: *Nazwy ukraińskich klubów piłkarskich. Próba analiza semantycznej i strukturalnej*. W: *Język i sport*. Red. A. Czapla, M. Koper. Lublin 2016, с. 121—133.

которые представляют собой основной источник знаний о мотивации названий спортивных клубов. Подтверждение сведений, содержащихся в текстах такого типа, во многих случаях можно найти и на официальных сайтах клубов, что позволяет воспринимать популярные интернет-источники как более или менее достоверные сведения о футбольной ономастике.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении семантико-структурных особенностей в названиях клубов двух высших футбольных лиг Англии и России в сезоне 2018/2019². В силу ограниченности объёма статьи предметом изучения были исключительно полные названия клубов. Не менее интересный материал для лингвистического рассмотрения представляют также и прозвища команд. Однако они не были предметом принятого анализа в силу обширного спектра мотиваций для их образования и значительно большего количества по сравнению с основными названиями.

Характерной чертой нашего исследования является также его сопоставительный характер. Как было упомянуто ранее, ономастика спортивных клубов изучена далеко не достаточно. Поэтому не удивительно, что сравнительных работ в данной области языкознания имеется ещё меньше. Компаративность анализа и обнаруженные благодаря ему отличия в структуре и семантике названий позволяют сформулировать некоторые выводы исторического и геокультурного характера. Однако, прежде чем перейти к анализу, следует обратить внимание на возможность двойственного толкования изучаемых имён собственных. Некоторые языковеды склонны относить их к разряду хремотонимов, в то время как другие высказывают иное мнение, считая названия футбольных организаций эргонимами. Как правило, хремотонимами определяют названия неодушевлённых предметов материальной культуры. При этом следует подчеркнуть, что хремотонимия считается одной из наиболее проблематичных областей ономастики, так как ею нередко определялись названия, не вписывающиеся в рамки самой дефиниции³. Восприятие футбольного клуба в качестве материального объекта также трудно обосновать. С юридической точки зрения, это спортивная деловая организация, обладающая определённым правовым статусом. Необходимо также подчеркнуть обобщённый характер

² Следует отметить, что в упомянутых лигах принимают участие также команды из Уэльса, Чеченской Республики и Дагестана. Это не позволяет подразделять материал исключительно на английские и русские клубы. По данной причине наиболее подходящими определениями будут прилагательные *британский* и *российский*. В то же время подчёркивается принадлежность команд к лигам английских и российских футбольных федераций, так как не существует общебританская футбольная лига, а анализируемые британские команды принимают участие в английских чемпионатах.

³ С. Kosyl: *Chrematonimy*. W: *Współczesny język polski*. T. 2. Red. J. Bartmiński. Wrocław 1993.

названий спортивных команд, в силу которого с ними могут отождествляться болельщики всего мира. Принимая во внимание данные предпосылки, более точным обозначением изучаемых наименований считаем эргоним — собственное имя делового объединения людей⁴. Хотя двойная ономастическая интерпретация не является основным вопросом настоящей статьи, отметим, что анализируемый материал будет толковаться через призму эргонимии. По этой причине нами не будут рассматриваться организационно-правовые формы, стоящие перед названиями клубов российских лиг, так как они не считаются частью эргонима⁵.

Первая часть статьи посвящена семантическому анализу. Следует оговориться, что в его рамках не учитывались основные названия в целом. В выделенных группах характеризовались их составные части, представляющие собой лингвистический интерес. По этой причине к выделяемой далее топонимической группе были отнесены также те названия, которые входили и в другие семантические категории. Однако, в связи с большим количеством команд, название которых содержит топонимический компонент, в отдельной группе они не рассматривались. Первую часть предлагаемой классификации представляют семантические группы составных частей названий британских команд. Затем следуют категории, в которые попадают элементы наименований клубов российских чемпионатов. Под конец приводятся группы, общие для обеих частей материала. Рассуждения заканчиваются структурным анализом и выводами.

Семантический анализ

Семантические категории наименований клубов

Premier League и EFL Championship

1. Лексические компоненты наименований, происходящие от административного статуса города либо административно-территориальной единицы:

⁴ Н.В. Подольская: *Словарь ономастической терминологии*. 2-е изд. переработ. и доп. Москва 1998, с. 151.

⁵ Ф.В. Фонг: *Особенности образования и функционирования русских эргонимов с точки зрения межкультурного контакта*. Москва 2012, <http://www.dslib.net/russkij-ja-zyk/osobennosti-obrazovanija-i-funkcionirovanija-russkih-jergonimov.html> [дата обращения: 7.09.2018].

Общее число клубов: 12 (*Birmingham City, Bristol City, Cardiff City, Derby County, Ipswich Town, Hull City, Huddersfield Town, Leicester City, Manchester City, Norwich City, Stoke City, Swansea City*).

Помимо топонимов, наиболее многочисленную семантическую категорию представляют слова, относящиеся к правовому статусу города, в котором обосновалась команда (*City, Town*). Следует также отметить наличие клуба *Derby County* в данной категории. Его основатели использовали название основной административно-территориальной единицы Англии — графства. Среди российских клубов административные статусы подобным образом не используются. Следовательно, эти слова не имеют эквивалентов во второй части материала.

2. Лексические компоненты наименований, указывающие на создание команды путём объединения разных клубов:

Общее число клубов: 6 (*Leeds United, Manchester United, Newcastle United, Rotterham United, Sheffield United, West Ham United*).

Названия такого типа образовались посредством использования слова *united* (англ. 'единый, объединённый'). Как правило, целью, сопровождающей именование клубов подобным образом, становится указание на объединение двух команд из разных частей города. Однако этот принцип далеко не последовательный, и не все команды, названия которых содержат данное слово, прошли через подобный процесс. В настоящее время, скорее всего, эти наименования ассоциируются с общим стремлением игроков, менеджмента, руководства клуба и его фанатов к единой цели.

3. Лексические компоненты наименований, связанные с отсутствием собственного стадиона:

Общее число клубов: 4 (*Blackburn Rovers Bolton Wanderers, Queens Park Rangers, Wolverhampton Wanderers*).

Не все футбольные клубы с начала своего существования имели собственный стадион. Это заметно отразилось на ономастике британских команд. Для обозначения отсутствия стадиона и необходимости проведения матчей на другой футбольной площадке использовались слова *Wanderers, Rovers* и *Rangers*. Формы единственного числа этих существительных можно перевести с английского как 'бродяга, странник'. Тем не менее, в названиях команд они выступают исключительно во множественном числе. Стоит подчеркнуть, что в прошлом эти слова использовались ещё чаще, но приобретение стадиона стало для многих команд фактором, повлиявшим на решение об устранении данного компонента из названия. В ономастике российских футбольных клубов подобная особенность не наблюдается.

4. Лексические компоненты наименований, происходящие от архитектурного объекта:

Общее число клубов: 2 (*Aston Villa, Crystal Palace*).

Команда *Crystal Palace* получила свое название от известного Хрустального дворца, построенного в лондонском Гайд-Парке. После пожара в 1936 году эта достопримечательность восстановлена не была. В отношении команды из Бирмингема (*Aston Villa*) следует говорить о церкви Вилла Кросс, прихожане которой решили основать собственную футбольную команду. В данном наименовании отражён вместе с тем и топоним *Aston* — название района в Бирмингеме. В свою очередь, топонимический компонент отсутствует в названии *Crystal Palace*, из чего следует, что Хрустальный дворец (как архитектурный объект) оказался единственным мотиватором для основателей этой команды.

5. Лексические компоненты наименований, содержащие латинское обозначение страны или города:

Общее число клубов: 2 (*Brighton & Hove Albion*, *West Bromwich Albion*).

Англия обязана своим древним названием *Альбион* белым скалам Дувра, обрамляющим английскую береговую линию пролива Па-де-Кале. Это название происходит от латинского слова *albus* ('белый'), использованного учредителями двух обозначенных клубов.

6. Лексические компоненты наименований, происходящие от элемента городского пространства:

Общее число клубов: 2 (*Nottingham Forest*, *Preston North End*).

Клуб *Ноттингем Форест* был создан в общественном месте отдыха — *Forest Recreation Ground*. Именно оно считается мотивацией названия клуба, хотя некоторые придерживаются того мнения, что команда обязана своим наименованием Шервудскому лесу. Что касается *North End*, то такими словами определяется большое число городских объектов и районов в англоязычных странах. В случае описываемого клуба данное имя собственное имеет отношение к северному району Аштон, в котором команда проводит свои домашние матчи.

7. Лексические компоненты наименований, связанные с культурным признаком истории клуба:

Общее число клубов: 1 (*Sheffield Wednesday*).

Хотя наименование *Шеффилд Уэнсдей* может показаться нетипичным, несложно найти объяснение того, почему руководство клуба решило назвать данную команду с помощью английского слова *wednesday*. В начале своего существования *Шеффилд* проводил свои матчи только по средам. Отсюда и возникло такое наименование.

8. Лексические компоненты наименований, обозначающие характер человека:

Общее число клубов: 1 (*Tottenham Hotspur*).

Слово *hotspur*, подобно единицам из третьей группы, является названием человека. На этом сходства заканчиваются и начинаются различия. Во-первых, слово используется в единственном числе. Во-вторых, оно

имеет иное значение. В английском языке это слово используется для обозначения порывистого, необузданного человека.

9. Лексические компоненты наименований, указывающие на спортивный характер организации:

Общее число клубов: 1 (*Wigan Athletic*).

Слово *athletic* не требует объяснений. Такое же слово используется в аббревиатуре клуба *Борнмут*, отображая общую сферу деятельности организации.

Семантические категории наименований клубов
Премьер-Лиги и Футбольной национальной лиги

1. Лексические компоненты наименований, происходящие от спортивных сообществ:

Общее число клубов: 6 (*Динамо Москва, Zenit, Zenit-2, Крылья Советов, Spartak-Москва, Spartak-Москва-2*).

Данная группа может представиться спорной, так как каждое из названий, входящих в неё, имеет собственное происхождение. Несмотря на это, показалось целесообразным их объединить, не исключая возможности также какого-то другого толкования. К примеру, словом *зенит* определяется астрономическое явление, исходя из чего возможным было бы составление отдельной семантической группы⁶. Что касается клуба *Крылья Советов*, эта тема будет затронута при обсуждении одной из последующих категорий.

2. Лексические компоненты наименований, указывающие на статус фарм-клуба:

Общее число клубов: 3 (*Zenit-2, Краснодар-2, Spartak Москва-2*).

В наименованиях российских фарм-клубов используется дополнение в виде арабских цифр. В низших лигах, помимо цифры 2, появляются и другие, соответствующие клубной иерархии⁷. В Великобритании фарм-клубы не существуют в таком же виде, вместо них имеются молодежные команды. Их обозначают дополнением в виде латинской буквы *u* (от англ. *under* — ‘ниже, под’) и числом, определяющим возрастную категорию.

3. Лексические компоненты наименований, связанные с источником света / огня:

Общее число клубов: 2 (*Луч Владивосток, Факел Воронеж*).

⁶ Предпосылку к созданию данной семантической группы представляет также наименование клуба *ФК Сатурн*, в данном анализе не рассматриваемого.

⁷ Для сравнения, в Германии для этого используются римские цифры, а во многих европейских странах первые буквы латинского алфавита, начиная с «В».

В статье «Газеты.ру» о названиях российских футбольных клубов⁸ эти команды были описаны с помощью определения *светлый*. И действительно, между этими обозначениями наблюдается несомненное сходство, позволяющее поместить их в данную группу.

4. Лексические компоненты наименований, связанные с армейским происхождением клуба:

Общее число клубов: 2 (*СКА-Хабаровск*, *ЦСКА*).

Эти наименования были унаследованы ещё с советских времен. Армейские клубы, такие как *СКА*, *ЦСКА*, *ЦСК*, *ВВЦ* и *ЦСК ВМФ* были частью физкультурно-спортивного объединения Вооружённых сил.

5. Лексические компоненты наименований, происходящие от имени деятеля:

Общее число клубов: 1 (*Ахмат*).

Эта категория получила своё отражение в списке из-за относительно недавнего решения клубного руководства бывшего *Терека*. После обращения многих тысяч болельщиков совет клуба в 2017 году сменил его название на *Ахмат*, в честь первого президента чеченской команды — Ахмата Кадырова.

6. Лексические компоненты наименований, происходящие от технического объекта:

Общее число клубов: 1 (*Рубин Казань*).

Многие болельщики были уверены в том, что клуб получил название от драгоценного камня. Это предположение было вполне логичным, тем более, что в названии другого российского клуба появляется такой хрема-тоним (*Жемчужина-Сочи*). Однако, после выпуска фильма *Под прицелом Рубина* в 2015 году, стало понятно, что название досталось команде от радиолокационной станции *Рубин*, оснащающей военные самолёты. По этой причине в СССР действительная мотивация названия клуба была засекре-чена. К данной категории можно отнести также самарский клуб *Крылья Советов*, так как его наименование было изначально дано одному из пер-вых советских многоместных пассажирских самолетов. Однако для сохра-нения порядка команда из Самары была представлена среди клубов, обя-занных своим наименованием спортивным сообществам.

⁸ https://www.gazeta.ru/sport/2014/08/20/a_6183713.shtml?updated [дата обращения: 7.09.2018].

Семантические категории, общие для наименований команд российских и английских чемпионатов

1. Лексические компоненты наименований, связанные с профессиональной деятельностью и используемыми в ней техническими устройствами:

Общее число клубов российских лиг: 5 (*Авангард*, *Арсенал*, *Локомотив*, *Ротор*, *Шинник*).

Общее число клубов английских лиг: 1 (*Arsenal*).

Помимо топонимической группы, это единственная категория, в которой имеются как российские, так и британские клубы. Однако это можно считать исключением: помимо клуба *Arsenal*, нет другой британской команды, название которой соотносимо с обсуждаемой категорией. Во второй части изучаемого материала подобных наименований 5, однако их общая численность в отношении российских клубов намного больше. В прошлом команды часто переименовывались в связи со сменой сферы деятельности того или иного завода или завода-хозяина. Особое внимание стоит обратить на слова французского происхождения, *авангард* и *арсенал* (англ. *arsenal*). Такие компоненты наименований перечисленных клубов следует отнести к профессиональной деятельности их основателей. Речь идёт о машиностроительном заводе *Авангард* и артиллерийских заводах из Тулы и Лондона. Тем не менее, помимо оружейного предприятия слово *арсенал* может означать также склад оружия, а существительное *авангард* в первоначальном значении относилось к передовому отряду армии или флота.

2. Топонимические элементы наименований:

А) Названия городов:

Клубы английских лиг: 35/44⁹ (Примеры: *Liverpool*, *Leicester City*).

Клубы российских лиг: 21/36 (Примеры: *Краснодар*, *Оренбург*).

Б) Названия районов:

Клубы английских лиг: 7/44 (Примеры: *Everton*, *Chelsea*).

Клубы российских лиг: 1/36 (*Чертаново*).

В) Названия пригородов:

Клубы английских лиг: 1/44 (*Brentford*).

Клубы российских лиг: 0/36.

⁹ Первая цифра в приведённой статистике обозначает число клубов, составной частью которых оказался данный вид топонима. Вторая показывает общее число команд, принимающих участие в двух ведущих английских/российских лигах по футболу в сезоне 2018/2019.

Г) Названия географических регионов:

Клубы английских лиг: 0/44.

Клубы российских лиг: 4/36 (Примеры: *Балтика*, *Мордовия*).

Д) Названия рек (потамонимы):

Клубы английских лиг: 0/44.

Клубы российских лиг: 2/36 (*Томь*, *Енисей*).

Е) Старинные названия регионов:

Клубы английских лиг: 0/44.

Клубы российских лиг: 1/36 (*Анжи*).

Общее число топонимов среди клубов английских лиг: 43/44.

Общее число топонимов среди клубов российских лиг: 29/36.

Статистика топонимических элементов в изучаемом материале показывает их широкое употребление при образовании наименований как британских, так и российских клубов. Их видовая классификация позволяет увидеть существенные отличия в частотности употребления. Среди английских и уэльских клубов преобладают названия городов. Помимо этого, встречаются также наименования районов и одно название пригорода. Во второй части материала также преобладают астионимы, но спектр топонимов намного шире: встречаются региональные онимы (*Балтика*, *Мордовия*, *Урал*, *Сибирь*), потамонимы (*Енисей*, *Томь*) и даже древнее название региона (*Анжи*).

Структурный анализ

Несмотря на то, что структура большинства наименований футбольных клубов может показаться во многом сходной, она не является вполне однородной. Структурные схемы названий клубов своей страны могут вводить в заблуждение даже спортивных журналистов, пишущих о зарубежных командах. Такая тенденция наблюдается в польскоязычных спортивных СМИ. В преобладающем большинстве неотъемлемой частью наименований польских футбольных команд являются астионимы (названия городов). Эти топонимы не всегда используются в названиях европейских клубов, в связи с чем журналисты часто добавляют к ним польское название города, в котором данная команда проводит свои матчи (*Inter Mediolan*, *Lazio Rzym*). Такой подход встречается и в рунете, однако там астионимы помещаются в скобки, что позволяет сделать вывод об их отсутствии в официальном названии.

В первую очередь, следует уделить внимание аббревиатурам, указывающим на принадлежность команды к данному виду спорта — футболу. Наиболее распространённой аббревиатурой является *F.C.* (*Football Club*). Она имеет точный эквивалент в русском языке — *ФК* (Футбольный Клуб). Помимо этого, при названиях некоторых российских команд можно встретить аббревиатуру *ПФК* (Профессиональный Футбольный Клуб), а в названии *Шинника* появляется *ЯФК* (Ярославский Футбольный Клуб) — сокращение, имеющее топонимическую функцию. Аббревиатура *F.C.* также иногда предстаёт в ином виде и заменяется буквами *A.F.C.* (*Athletic Football Club* или *Association Football Club*). Несмотря на совпадающий графический вид, эти сокращения не соответствуют друг другу и используются разными клубами (*Athletic Football Club Bournemouth*, *Hull City Association Football Club*, *Swansea City Association Football Club*). Перечисленные примеры отличает также и то, что первая из этих аббревиатур записывается в начале наименования. Такой порядок не характерен для команд из английских лиг, так как аббревиатуры от *Football Club* и *Association Football Club* обычно помещаются в конце эргонима, в то время как *ФК* и *ПФК* всегда предшествуют полному названию.

Помимо стандартных аббревиатур, указывающих на вид деятельности организации, встречаются также сокращения в основной части названия (*ЦСКА*, *СКА-Хабаровск*). Эти названия принято употреблять без расшифровки¹⁰. В британском материале аббревиатуры в основных названиях не встречаются, но они нередко сокращаются журналистами. Такая практика особенно часто применяется к наименованиям клубов, названия которых составлены из четырёх лексических единиц (*West Bromwich Albion FC* — *WBA*, *Queens Park Rangers FC* — *QPR*). Эти буквенные аббревиатуры обычно не сопровождаются аббревиатурой *FC* или её эквивалентами.

Присутствие четырёх лексических компонентов в наименованиях клубов однако является редкостью среди команд из Англии и Уэльса. Следует также отметить их полное отсутствие в российских лигах. При сопоставлении количества единиц в изучаемых названиях выявилось ещё одно существенное отличие. В образовании 24 из 36 российских наименований использовались лишь две лексические единицы (слово, сопровождаемое стандартной аббревиатурой). Вместе с тем основатели британских команд, давая название своему клубу, намного реже ограничивались двумя лексическими компонентами. Таким образом возникли наименования 11 клубов *Premier League* (8) и *Championship* (3). Как было сказано ранее, иногда к наименованиям российских клубов добавляется в скобках астионим, однако производимый анализ учитывал лишь официально принятые названия. Эргонимов с двумя лексическими компонентами примерно напо-

¹⁰ *ЦСКА* — Центральный спортивный клуб Армии, *СКА* — Спортивный клуб Армии.

ловину меньше среди команд из Англии и Уэльса. Там преобладают наименования с дополнительным, третьим лексическим элементом.

Важно также обратить внимание на последовательность слов в названиях с топонимическими единицами. В изучаемых российских именах собственных топонимы всегда занимают второе место (*Динамо Москва*, *Факел Воронеж*), в то время как те же онимы всегда находятся в начале британских названий (*Manchester United*, *Huddersfield Town*).

Ниже приводится соответствующая статистика клубов с определённым числом лексических компонентов в наименовании.

А) Названия с двумя лексическими компонентами:

Клубы английских лиг: 13/44 (Примеры: *Milwall FC*, *Middlesbrough FC*).

Клубы российских лиг: 24/36 (Примеры: *ФК Урал*, *ФК Ростов*).

Б) Названия с тремя лексическими компонентами:

Клубы английских лиг: 26/44 (Примеры: *Wolverhampton Wanderers FC*, *Aston Villa FC*).

Клубы российских лиг: 12/36 (Примеры: *ФК Факел Воронеж*, *ФК Спартак Москва*).

В) Названия с четырьмя лексическими компонентами:

Клубы английских лиг: 5/44 (Примеры: *Preston North End FC*, *West Ham United FC*).

Клубы российских лиг: 0/36.

Выводы

О целесообразности анализа выбранного материала свидетельствует число непересекающихся семантических групп. Помимо топонимической классификации, была выделена лишь одна общая семантическая категория (лексические компоненты, связанные с профессиональной деятельностью и используемыми в ней техническими устройствами). Некоторые отличия обусловлены историческим контекстом развития футбола в Советском Союзе и Великобритании. Учредителями британских клубов часто становились частные лица, в то время как в советское время многие команды создавались при заводах, армейских организациях или спортивных сообществах, которым они обязаны своим названием до сих пор.

Значительное число топонимов в обеих частях материала заставляет обратить внимание на процесс трансонимизации — перехода имён собственных из одного класса в другой. Следует также отметить, что английские топонимы нередко используются в названиях клубов из Африки и Южной Америки (напр., *Everton de Viña del Mar* из Чили и *Berekum Chelsea FC*

из Ганы). Несомненно, причиной этому является всемирная популярность клубов, соперничающих в английских чемпионатах.

Дифференциация топонимов также позволяет прийти к определённым выводам. В силу огромной территории, которой обладает Россия, в стране существует большое количество культурно-исторических регионов. Подразделение на подобные регионы в Англии имело место лишь в 1994 году. Предположительно, это можно считать одной из причин диспропорции в употреблении данных видов топонимов.

По сравнению с семантическими отличиями, расхождения в структуре наименований менее очевидны. Однако следует ещё раз отметить наиболее важные из них. Большинство британских обозначений содержит, по крайней мере, 3 лексические единицы, в то время как 66% процентов российских названий состоят только из двух элементов. Во многих случаях это связано с тенденцией возвращения исторических наименований, в которых не было астионимов. Отличия выявляются также в последовательности топонимических элементов. В британских названиях они всегда занимают первую позицию, в российских — последнюю.

Mateusz Smaga

Nazwy rosyjskich i brytyjskich klubów piłkarskich (analiza porównawcza)

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest nazwom klubów w dwóch najwyższych rosyjskich i angielskich ligach piłkarskich w sezonie 2018/2019. Celem analizy było określenie ich podobieństw i różnic na tle semantyczno-strukturalnym. W artykule poruszono także kwestię dwójakiej interpretacji onomastycznej nazw klubów sportowych, określanych w środowisku językoznawczym terminami *ergonim* i *chrematonim*. Końcowa część została poświęcona przypuszczalnym przyczynom, mającym wpływ na różnice w kategoriach semantycznych obu części materiału badawczego.

Słowa kluczowe: onomastyka, ergonimia, semantyka, nazwy klubów piłkarskich, piłka nożna

Mateusz Smaga

The names of Russian and British football clubs (comparative analysis)

Summary

This article deals with the specifics of Russian and British football team names. The author took into consideration all clubs, contesting in the two major leagues of Russia and England

during the 2018—2019 season. The aim of the analysis was to find similarities and discrepancies in their semantic and structural elements. Moreover, the article concerned the issue of onomastics terminology, as the analyzed names can be assigned to both *ergonyms* and *chrematonyms* categories. The last part of the article includes some of the the possible reasons, which could influence the semantic differences between two parts of lexical material.

Key words: onomastics, semantics, football, football team names

Irina Smirnova-Bereza

Uniwersytet Warszawski

Słowiańskie przygody Kubusia Puchatka Porównanie polskich i rosyjskich kultowych przekładów tekstu Alana Alexandra Milne'a

Słynne opowiadania autorstwa Alana Alexandra Milne'a o pluszowym misiu powstały prawie sto lat temu i do dziś zostały przetłumaczone na dziesiątki języków świata. Liczne wydania i ekranizacje tych historii przyniosły międzynarodową sławę bohaterom i zapewniły im miejsce wśród archetypów światowej literatury dziecięcej, na której wychowało się niejedno pokolenie czytelników mieszkających w różnych krajach i posługujących się różnymi językami. Jako rozpoznawalny wzór angielskiej bajki historia Kubusia Puchatka i jego przyjaciół w każdym kolejnym przekładzie wykazywała dodatkowe konotacje, właściwe kulturom języków tłumaczenia, a z czasem nabrała nowych wymiarów, stosownie do towarzyszących im wyobrażeń, kształtujących językowy obraz świata użytkowników tych języków. W celu pokazania różnic, jakie pojawiają się w wyniku tłumaczenia kultowego tekstu, możemy poddać analizie porównawczej rosyjskie i polskie wersje językowe bajki.

Wybór tych języków nie jest przypadkowy, ponieważ należą one do jednej grupy języków słowiańskich, ale reprezentują różne jej odgałęzienia: odpowiednio wschodnie i zachodnie. Z kulturą zarówno polską, jak i rosyjską wiąże się długa historia piśmiennictwa oraz bogaty dorobek w dziedzinie literatury pięknej. W obu kulturach funkcjonuje wielowiekowa tradycja bajki ludowej i bajki autorskiej, odnajdziemy też szeroki wachlarz tłumaczeń literatury obcej. Przy bardzo dużym stopniu pokrewieństwa języków i wynikających stąd licznych podobieństwach strukturalnych rosyjski i polski różnią się istotnie pod względem reprezentacji językowego obrazu świata, przez co stanowią wyraz różnych systemów odbioru estetycznego.

Podczas analizy cech przekładu nie można pominąć roli tłumacza, jego podejścia do przekładu i wyboru strategii tłumaczeniowej. Badacze tego obszaru literaturoznawstwa i teorii tłumaczenia nie dają jednoznacznej odpowiedzi na pytanie, jaki powinien być przekład: słownikowo precyzyjny czy dopasowany do kultury języka odbiorcy, i w jakim stopniu powinien odwoływać się do tych kryteriów. Nawet na akademickich wykładach z teorii tłumaczenia podaje się jednocześnie kilka definicji poprawnego tłumaczenia. Jak można zauważyć, ostateczna kwestia wyboru leży w gestii osoby podejmującej się przekładu tekstu źródłowego z języka A na tekst docelowy w języku B. Z tych względów tylko tłumacz odpowiada za tę magiczną proporcję dokładności przekładu i harmonijnego brzmienia tekstu w innej płaszczyźnie kulturowej. Na potrzeby rozważań dotyczących cech kulturowych tekstu zasadne wydaje się przywołanie terminu „terytorium języka”, którego używa Borys Zachoder w odniesieniu do obszaru wyznaczającego swoiste reguły adaptacji tekstu w oparciu o kod kulturowy tego języka. Przyjęcie koncepcji terytorium języka oznacza, że przekład powinien brzmieć „w nowym żywiole językowym”¹.

Zagadnienia przekładu w szczególnie sposób odnoszą się do gry słów, ironii, opisu wymyślonych światów. Sposób, w jaki elementy te są oddawane, analizowało wielu tłumaczy i pisarzy, takich jak Dirk Delabastita, Olgierd Wojtasiewicz, Wolter, Nikołaj Gogol i wielu innych. Historia przekładu na język polski i rosyjski książek A.A. Milne’a o Kubusiu Puchatku odzwierciedla skalę problemów, z jakimi styka się tłumacz, gdyż popularność tych tekstów niesie ze sobą dodatkowe konotacje komunikacyjne. Mimo podobieństwa etapów w podejmowaniu prób tłumaczeniowych, a nawet podobieństwa strategii wybranych przez polskich i rosyjskich autorów, przekłady te wykazują pewne rozbieżności w obu językach i funkcjonują w innej przestrzeni komunikacyjnej. Uniwersalna historia zanurzona językowo w innych kulturach owocuje zastosowaniem szeregu idiomów i powiedzonek, zrozumiałych wyłącznie dla nosicieli jednego języka przekładu i nieznajdujących odpowiedników w innych językach, w których powstają tłumaczenia. W konsekwencji odwołanie się przez reprezentanta jednej kultury podczas rozmowy do „wszystkim znanej bajki” może być niezrozumiałe dla osoby swobodnie posługującej się językiem rozmówcy, lecz będącej reprezentantem innej kultury i użytkownikiem innego języka ojczystego. Innymi słowy, szeregi skojarzeniowe, asocjacje idiomatyczne nawet w dwóch bliskich sobie językach będą znacznie się różnić i zamiast usprawniać komunikację międzykulturową, będą ją zaburzać. A uniwersalność pojęć i podobieństwo języków tylko potęgują pułapkę niezrozumienia.

¹ Б. Заходер: *Приключения Винни-Пуха. (Из истории моих публикаций)*. «Вопросы литературы» 2002, № 5, s. 201; «в новой языковой стихии»; tłumaczenie autorki artykułu.

Historia powstania oryginalnego tekstu

Alan Alexander Milne rozpoczął literacką karierę jako dramatopisarz i eseista publikujący na łamach satyrycznego czasopisma „Punch”, lecz światową sławę zdobył jako autor książek dla dzieci. Tym gatunkiem literatury zainteresował się po narodzinach syna Christophera Robina Milne’a w 1920 roku. Na początku powstawały pojedyncze wiersze, których jednym z bohaterów był niedźwiadek. Drukowane w czasopiśmie szybko zyskały przychylną ocenę czytelników i już w lutym 1924 roku został wydany ich pierwszy zbiór *When We Were Very Young*, zawierający wierszyk *Teddy Bear*². Dwa lata później ukazał się pierwszy zbiór prozy *Winnie-the-Pooh*, składający się z 10 opowiadań o przygodach tytułowego niedźwiedzia i jego przyjaciół. Kontynuacja cyklu, *The House et Pooh Corner*, którą również tworzyło 10 opowiadań, została ogłoszona drukiem w 1928 roku, a rok wcześniej opublikowano drugi zbiór wierszy dla dzieci *Now We Are Six*.

Narratorem bajkowych opowiadań był ojciec Christophera Robina, czyli sam autor, a prototypami bohaterów jego pluszowe zabawki. Syn pisarza wraz ze swoimi pluszakami stał się też inspiracją dla malarza Ernesta Howarda Shepada, autora wyjątkowych ilustracji stanowiących nieodłączną część bajecznego świata A.A. Milne’a. Dzięki twórczemu tandemowi pisarsko-malarskiemu fantazje małego chłopca, zwyczajnie bawiącego się koło domu, przeniosły się w zaczarowany świat i wkroczyły do pokoi dziecięcych w wielu krajach i kulturach.

Przyczyn gwałtownej popularności opowiadań A.A. Milne’a można się doszukiwać w okolicznościach zewnętrznych. Po I wojnie światowej dominującą potrzebą ludzi stał się szybki powrót do normalności, przejawiający się w zwrocie ku rodzinie, pragnieniu wychowywania dzieci w spokoju i przekazywania im podstawowych zasad i wartości. Rozbrajająca naiwność i beztroska bohaterów, ich autentyczność w aurze lekkiej i pozytywnej ironii, a przy tym zabawa wieloznacznością słów, stwarzają unikatowe połączenie uniwersalności i wyjątkowości. Właśnie owa wyjątkowość staje się największym wyzwaniem w próbach przekazania klimatu bajki w innych realiach językowych i kulturowych.

Powstanie przekładów na język polski i język rosyjski

Pierwszego przekładu na język polski serii opowiadań o misiui i przyjaciółkach dokonała w 1938 roku poetka i autorka literatury dziecięcej Irena Tuwim, która

² W tym podrozdziale wszystkie nazwy własne i imiona bohaterów przytoczono w angielskiej wersji językowej.

nadała utworowi tytuł *Kubuś Puchatek*³. Znacznie później, dopiero w latach 80. powstała inna wersja tłumaczenia, autorstwa Moniki Adamczyk-Garbowskiej, pt. *Fredzia Phi-Phi*⁴, uważana za znacznie bliższą oryginałowi.

Można wskazać wielu krytyków zarówno pierwszej, jak i drugiej wersji przekładu. Zbyt duża dokładność charakteryzująca późniejsze tłumaczenie zdaje się przeszkadzać czytelnikom. Trudne do zaakceptowania jest zwłaszcza wprowadzenie innych imion bohaterów i nazw własnych, co kłóci się z wcześniej wprowadzonym i przez to bardziej rozpoznawalnym nazewnictwem I. Tuwim. To właśnie w drugim tłumaczeniu miś otrzymał imię żeńskie, mimo że konsekwentnie używane są odpowiadające tej postaci formy męskie, co należy uznać za próbę powtórzenia zabiegu samego A.A. Milne'a. Z kolei pierwsza wersja przekładu jest krytykowana za brak tej dokładności, przy czym kwestia żeńskiego imienia dla misia została zupełnie pominięta, ponieważ tłumaczka nadała głównemu bohaterowi zdrobniałą formę imienia męskiego.

Dyskusję dotyczącą odbioru obu wariantów przez szerszą publiczność można odnaleźć w publikacjach prasowych, które ukazały się w 2016 roku, z okazji dziewięćdziesiątych urodzin słynnego niedźwiedzia. Wyraźnie wyczuwa się w nich sympatię do starszej wersji bajki. Autorzy artykułów traktują ją jako ogólnie przyjęty standard, próbując uzasadnić podejście I. Tuwim do przekładu i odpowiedzieć na pytanie, na ile *Kubuś Puchatek* z 1938 roku jest tłumaczeniem oryginału A.A. Milne'a, a na ile jej autorskim dziełem. Mateusz Borończyk stwierdza, że „Tuwim wyczyściła książkę z brytyjskich odniesień, nadała koślawym w oryginale mruczankom Tuwimowskiej poetyckości, pominięła niektóre wątki. Najbardziej doniosłą ingerencją tłumaczki była zmiana imienia bohatera — z żeńskiego Winnie na męskiego Kubusia”. Autor podparł się przy tym nazwiskiem słynnego pisarza: „A Stanisław Lem chciał prof. Adamczyk-Garbowską »tępy młotem zamordować«. Uważał, że tłumaczenie Tuwim jest lepsze od oryginału”⁵.

Barwność języka autorki starszej polskiej wersji przekładu pozwoliła zachować urok pierwowzoru, a zarazem oddać beztroską „atmosferę dziecięcego pokoju” w konotacjach zrozumiałych dla polskiego czytelnika. Warto przy tym zauważyć, że stopień rozbieżności między polskim tłumaczeniem a oryginałem miał wpływ na tłumaczenia dokonane z wersji I. Tuwim na inne języki. Przykładem jest pierwsze tłumaczenie książki A.A. Milne'a na język litewski dokonane w 1958 roku przez litewskiego tłumacza Virgilijusa Čepaitisa. Kiedy tłumacz miał już dostęp do źródłowego tekstu angielskiego, zmuszony był wnieść szereg poprawek i dostosować swoją wersję do oryginału.

³ A.A. Milne: *Kubuś Puchatek*. Przeł. I. Tuwim. Warszawa 1938.

⁴ A.A. Milne: *Fredzia Phi-Phi*. Przeł. M. Adamczyk-Garbowska. Lublin 1986.

⁵ M. Borończyk: *Irena Tuwim matka Puchatka*. <http://wyborcza.pl/7,75398,20828972,irena-tuwim-matka-puchatka-sylwetka.html> [data dostępu: 1.10.2018].

Ze względu na rolę, jaką odgrywa *Kubuś Puchatek* w przekładzie I. Tuwim w literaturze polskojęzycznej wobec innych tłumaczeń bajki, oraz z uwagi na popularność bohaterów pod imionami nadanymi przez tłumaczkę, właśnie tę wersję bierzemy do analizy porównawczej.

Historia przekładów serii o Winnie-the-Pooh na język rosyjski wykazuje wiele podobieństw do historii powstania polskich wersji językowych. Pierwsze próby tłumaczenia pary rozdziałów pierwszej książki zostały opublikowane w czasopiśmie „Мурзилка” w 1939 roku jako „bajka angielska” bez wskazania autora. Dziś prawie nie są znane. Pierwszego rosyjskiego tłumaczenia całej książki dokonał poeta i bajkopisarz Borys Zachoder w latach 1960—1965. Jak on sam wspomina, zobaczył w angielskiej encyklopedii dziecięcej ilustracje do tekstów A.A. Milne’a i zakochał się w nich⁶. Najpierw ukazał się drukiem pierwszy zbiór opowiadań, następnie cały cykl *Винни-Пух* i *Винни-Пух. Дом на Пуховой Опушке*⁷. B. Zachoder jako znany pisarz świadomie pozwolił sobie na autorskie podejście do przekładu. O historii swojej pracy z tekstami A.A. Milne’a napisał artykuł, w którym odpowiedział na zarzuty krytyków i wyjaśnił swoje stanowisko w następujący sposób: „Мой вклад в книгу был иного рода. Он был, так сказать, не на ‘макро’, а на ‘микроуровне’”⁸. Z tego właśnie względu sam siebie uznał za współautora bajki: „Да, без всяких сомнений, это его [Милна] русская книга. И вместе с тем — столь же несомненно — это книга моя. Я считаю себя в данном случае равноправным соавтором”⁹.

Tłumaczowi nie od razu się udało przekonać wydawnictwo „Детская литература” do opublikowania bajki, dlatego pierwsze wydanie ukazało się pod szyldem nowego wydawnictwa „Детский мир”. Książka okazała się wielkim sukcesem i była wielokrotnie wznawiana nie tylko w całym Związku Radzieckim, ale i w Stanach Zjednoczonych dla czytelników posługujących się językiem rosyjskim jako ojczystym. B. Zachoder jest również współautorem scenariusza animowanej ekranizacji przygód bohaterów A.A. Milne’a, planowanej jako pełen cykl fabularny, lecz produkcja zakończyła się po trzecim odcinku, między innymi z powodu kontrowersji wokół interpretacji postaci i braku porozumienia pisarza z reżyserem Fiodorem Chitrukiem. W konsekwencji zrealizowano filmy *Винни-Пух* (1969), *Винни-Пух идет в гости* (1971) i *Винни-Пух и день забот* (1972), na podstawie pierwszego, drugiego, czwartego i szóstego rozdziału pierwszego zbioru opowiadań. Dzięki kreskówkom Zachoderowski przekład stał

⁶ „Наша встреча произошла в библиотеке, где я просматривал английскую детскую энциклопедию. Это была любовь с первого взгляда: я увидел изображение этого симпатичного медвежонка, прочитал несколько стихотворных цитат — и бросился искать книжку. Так наступил один из счастливейших периодов моей жизни — дни работы над «Пухом»”. Б. Заходер: *Приключения Винни-Пуха...*, s. 200.

⁷ А.А. Милн, Б. Заходер: *Винни-Пух. Дом на Пуховой Опушке*. Москва 2017.

⁸ Ibidem, s. 204.

⁹ Ibidem, s. 201.

się popularny do tego stopnia, że znalazł się wśród kanonicznych tekstów literatury rosyjskojęzycznej. W latach 80. i 90. pojawiły się nowe tłumaczenia książki A.A. Milne'a, w których zastosowano inne strategie przekładu (w tym m.in. zmianę imion na bardziej odpowiadające angielskiemu oryginałowi, zmianę płci głównego bohatera, inne tłumaczenie gry słów), jednak nie spotkały się one z przychylnością czytelników. Właśnie dlatego w niniejszym szkicu za podstawę porównania z polskim przekładem *Kubusia Puchatka* I. Tuwim przyjmujemy tłumaczenie bajki o misiu autorstwa B. Zachodera.

Analiza porównawcza kanonicznych wersji przekładu

Imiona bohaterów

Pierwsze problemy pojawiają się przy tłumaczeniu imion bohaterów. Oryginalny miś w angielskiej wersji bajki jest płci męskiej, lecz nosi angielskie żeńskie imię *Winnie*, co w językach słowiańskich nie daje się pogodzić. W polskiej wersji głównemu bohaterowi I. Tuwim nadała jednoznacznie męskie imię *Kubuś Puchatek* w myśl zasady: „tłumaczyć wszystko, co się da”, starając się przy tym oddać sens określenia ‘pooh’. Dlatego zdrobnienie męskiego imienia Kuba w połączeniu z rzeczownikiem odprzymiotnikowym oddającym cechę ‘puszystości’¹⁰ brzmi dla polskiego czytelnika wyjątkowo harmonijnie i naturalnie. Z kolei w języku rosyjskim nadrzędna okazała się zasada zachowania oryginalnego brzmienia imion obcych, stąd B. Zachoder po prostu zapisał cyrylicą angielskie imię *Винни-Пух* i nawet zachował angielski zwyczaj połączenia członów jednej nazwy myślnikiem. Takie rozwiązanie również wydaje się naturalne dla użytkownika języka rosyjskiego, ponieważ w angielskiej bajce muszą być angielskie imiona, a rzeczownik *Пух* nie tylko całkowicie pokrywa się z brzmieniem angielskiego *Pooh*, lecz także w rosyjskim wyraża znaczenie ‘puszystości’ i ‘przytulności’, czyli trafnie oddaje jedną z kluczowych cech oryginalnego niedźwiadka, pluszowej zabawki. W ten sposób kultowe imię *Winnie-the-Pooh* otrzymuje swoje słowiańskie odpowiedniki: *Kubuś Puchatek* i *Винни-Пух*.

Warte uwagi są sposoby wprowadzenia imienia głównego bohatera, które różnią się w porównywanych wersjach bajki. W angielskim oryginale czytelnik ma okazję zapoznać się z historią powstania i ze znaczeniem składników imienia niedźwiadka w *Przedmowie (Introduction)*, gdzie zostaje wyjaśniona niejed-

¹⁰ Według słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego słowo „puchaty” ma znaczenia ‘okryty puchem; puszysty’. *Słownik języka polskiego*. Red. W. Doroszewski. Warszawa 1958—1969.

noznaczność nazewnictwa oraz powody zastosowania „żeńskiego” imienia dla „męskiego” bohatera. I. Tuwim wprowadzie tłumaczy *Przedmowę*, ale całkowicie pomija kwestię rozbieżności między płcią tytułowego bohatera a jego imieniem i od razu wprowadza męskie imię *Kubuś*. Z kolei B. Zachoder z niewyjaśnionych powodów całkowicie pomija *Przedmowę*, a wątek imienia dodaje do Rozdziału I (*Глава первая*), gdzie jedynie naświetla zawarte w niej informacje i wyraźnie zaznacza, że w języku angielskim imię *Winnie* jest rodzaju żeńskiego, a mimo to autor postanowił nadać je misiowi.

Również kwestia narratora została potraktowana w obu tłumaczeniach w odmienny sposób. W angielskiej wersji narratorem jest ojciec opowiadający bajki synowi, czyli sam A.A. Milne, który rzeczywiście pisał o własnym synu i jego zabawkach. W polskim tłumaczeniu taka konstrukcja zostaje zachowana, co jest wyraźnie zaznaczone w *Przedmowie*. Natomiast w rosyjskiej wersji bajki ojciec staje się odrębnym bohaterem, a narrator opowiada o rozmowach ojca z synem i opisuje historyjki, jakie jeden bohater wymyśla dla drugiego. Trudno powiedzieć, dlaczego B. Zachoder wprowadził taką zmianę, można jedynie przypuszczać, że taka konstrukcja bardziej niż układ oryginalnej wersji angielskiej odpowiada wzorom bajki rosyjskiej.

W przypadku imienia chłopca obserwujemy odwrotną sytuację, odzwierciedlającą troskę o zachowanie oryginału. W angielskiej wersji językowej od początku stosowane jest pełne dwuczłonowe imię dziecka *Christopher Robin*. Również pełne imię chłopca *Кристофер Робин* zostało zachowane w rosyjskim przekładzie, w myśl zasady maksymalnego fonetycznego naśladowania imion obcych, mimo że używanie dwóch imion w języku rosyjskim jest zjawiskiem nietypowym i podkreśla „angielskość” bajki. Z kolei w polskiej wersji językowej wprowadzenie dwóch imion mogło być zupełnie naturalne i zgodne z polską tradycją językową, ale I. Tuwim nie tylko zdecydowała się pozostać przy pierwszym imieniu bohatera, lecz także użyła jego zdrobniałej formy — *Krzyś*, tym samym spolszczając je i dostosowując jego brzmienie do imienia *Kubuś*. Ten zabieg, polegający na stosowaniu polskich zdrobnień, pozwala oddać atmosferę dziecięcego świata i utożsamiać się małym czytelnikom z bohaterami bajki.

Imiona pozostałych bohaterów zostały w większości wiernie przetłumaczone w stosunku do oryginału i nie powodują znacznych trudności w interpretacji, niemniej jednak niektóre z nich są warte uwagi. Na przykład osiołek po angielsku ma na imię *Eeyore*, po rosyjsku *Иа-Иа*, podczas gdy w polskiej wersji jest *Kłapouchym*. Oznacza to, że B. Zachoder zachował zamysł autora i stworzył imię naśladujące dźwięk, jaki wydają osły, zaś I. Tuwim skupiła się na wyglądzie zabawki. Mała świnka w wersji angielskiej nazywa się po prostu *Piglet*, a w wersji polskiej jest *Prosiaczkiem*. W przekładzie rosyjskim mógłby to być np. *Поросянок*, jednak u B. Zachodera bohater ten nosi imię *Пятачок*, podkreślające fizyczną cechę świnki — formę jej noska. Możemy założyć, że taki wybór był uwarunkowany negatywnymi konotacjami świnki w kulturze

rosyjskiej. Podane przykłady świadczą o tym, że autorzy przekładów uwzględniają zarówno konotacje związane z nominatami, jak i tradycję lingwistyczną swoich kultur. Nie dążą przy tym do przesadnego spolszczenia czy zruszczenia imion bohaterów.

Strategie słowotwórcze i frazeologizmy

Obie wersje językowe przekładów stanowiących podstawę niniejszej analizy częściowo odbiegają od oryginału. Reprezentują jednak podobne podejścia translatologiczne ich twórców. Zarówno I. Tuwim, jak i B. Zachoder byli wprawnymi poetami i pisarzami i w celu zachowania atmosfery oryginału mogli sobie pozwolić na prowadzenie własnej gry słownej z odbiorcą. Gatunek bajki i obszar świata wyobrażonego sprzyjają zastosowaniu tej strategii i dają większe pole manewru, a nawet wymagają od tłumacza stworzenia własnego, równoległego świata w języku docelowym.

Wyrazy lub dłuższe frazy onomatopieczne występują w każdym języku, gdyż nie tylko pełnią funkcję dźwiękonaśladowczą, ale pozwalają też wyrazić emocjonalność cechującą oryginalne dialogi. Ze względu na specyfikę tych określeń istnieje pewien zasób zróżnicowanych językowo synonimów, pozwalających tłumaczowi na najbardziej trafny, jego zdaniem, wybór odpowiedników przekładowych. Autor oryginału, aby oddać odgłos spadającego ze schodów pluszaka, użył onomatopei *bump, bump, bump*¹¹. W wersji rosyjskiej jej odpowiednikiem jest bliskie fonetycznie *бум, бум, бум*. Natomiast w przekładzie na język polski pojawia się *tuk-tuk, tuk-tuk*, mimo iż w polskim systemie leksykalnym istnieje synonimiczny wyraz onomatopieczny *bum*. Przyjęte przez I. Tuwim rozwiązanie można uznać za w pełni udane, ponieważ, jak się wydaje, *tuk-tuk, tuk-tuk* lepiej oddaje odgłos uderzeń turlającego się ze schodów pluszowego misia. Konsekwencją tych wyborów są motywowane wyrazami dźwiękonaśladowczymi czasowniki: *bumping* (ang.) — *бумкать* (pys.) — *tuktukać* (pol.), z których dwa ostatnie to neologizmy stworzone na potrzeby analizowanej bajki. Z kolei w innym miejscu tekstu napotykamy odwrotną sytuację, gdy polskie tłumaczenie onomatopiecznego zwrotu całkowicie pokrywa się z oryginałem angielskim: *Tra-la-la, tra-la-la* (ang.) — *Tra-la-la, tra-la-la* (pol.), natomiast rosyjskie różni się od niego mimo braku przeszkód ze strony systemu językowego: *Трапа-мапа-мапа-па!* (ros.).

W przypadku wykrzyknika oddającego radość z odniesionego sukcesu tłumacze odwołali się do brzmieniowych odpowiedników funkcjonujących w ich językach ojczystych: *Hooray!* (ang.) — *Hura!* (pol.) — *Ураааа!* (ros.), ale do

¹¹ Wszystkie przytoczone w tej części artykułu przykłady pochodzą z pierwszych trzech rozdziałów pierwszej książki *Winnie-the-Pooh* i jej przekładu na język polski: A.A. Milne: *The House at Pooh Corner. Chatka Puchatka*. Dwujęzyczna wersja książki w tłumaczeniu I. Tuwim. Warszawa 2007 oraz rosyjski: А.А. Милн: *Винни-Пух и все-все-все*. Пер. Б.В. Заходер. Москва 2012.

wyrażenia innych emocji posłużyły frazy, które podyktowała tłumaczom ich praktyka językowa: *oh, help* (ang.) — *ratunku* (pol.) — *мама* (ros.); *Bother!* (ang.) — *Do licha* (pol.) — *Простите!* (ros.).

O tym, że dosłowne tłumaczenie może nie być najlepszym rozwiązaniem, świadczy zastosowany przez tłumaczy sposób przekładu angielskiej frazy *he hasn't any brain*, znaczącej tyle, co „on nie ma rozumu”. Mając na uwadze dziecięcego odbiorcę, słowiańscy tłumacze złagodzili jej wydźwięk poprzez użycie formy deminutywnej przymiotnika „głupi”: *bo jest głupiutki* (pol.) — *ведь Пух совсем глупенький* (ros.).

Różne systemy miar w kulturach Wschodu i Zachodu wymogły na tłumaczach konieczność doboru odpowiednich nazw jednostek miary. W poszukiwaniu ekwiwalentu dla angielskiej stopy I. Tuwim sięgnęła po stare polskie określenie miary długości — łokieć: *ten feet* (ang.) — *pół łokcia* (pol.), które wprawdzie nie w pełni odpowiada długości angielskiej stopy, ale jest do niej zbliżone. B. Zachoder natomiast zastosował współczesną, bliższą młodemu czytelnikowi nazwę jednostki miary — *мемп: добрых три мемпа* (ros.).

Kolejnym zabiegiem stylistycznym charakterystycznym dla bajki jest reduplikacja, która pozwala zachować potoczny charakter narracji. Zarówno A.A. Milne, jak i tłumacze jego utworu trzymają się tradycji i stosują powtórzenia (szczególnie przy onomatopejach), ale w inny, charakterystyczny dla ich języka i kultur sposób, co powoduje drobne przesunięcia w przekładach: *Once upon a time, a very long time ago now* (ang.) — *Pewnego razu, bardzo dawno temu* (pol.) — *Давным-давно* (ros.); *lived in a forest all by himself* (ang.) — *mieszkał sobie Kubuś Puchatek zupełnie sam* (pol.) — *жил в Лесу один-одинёшенек* (ros.); *was a large oak-tree* (ang.) — *rósł wielki dąb* (pol.) — *рос высокий-превысокий дуб* (ros.); *and rolled and rolled until he was black all over* (ang.) — *tarzać i tarzać, aż zrobił się całkiem czarny* (pol.) — *как следует вывалился в грязи, чтобы стать совсем-совсем черным* (ros.); *blow up as big as big* (ang.) — *stał się bardzo, bardzo duży* (pol.) — *раздулся так, ... , вот-вот лопнет* (ros.).

Jak widać, rosyjska tradycja bajkowa nakazuje częstsze stosowanie powtórzeń niż angielska czy zachodniosłowiańska.

Tłumaczenie frazeologizmów nie sprawiło trudności doświadczonym pisarzom, co ilustruje następujący przykład: *turned head-over-heels and crashed* (ang.) — *fikając koziołka i zlatując na leb, na szyję* (pol.) — *перевернувшись вверх тормашками* (ros.).

Literacki kunszt tłumaczy możemy podziwiać, analizując neologizmy, w które obfituje oryginalny tekst A.A. Milne'a i które są rozpoznawalnym znakiem autora. Zarówno I. Tuwim, jak i B. Zachoder umiejętnie je tworzą i śmiało stosują. Decydują się na ich użycie nawet w tych miejscach tekstu, w których w oryginale ich nie ma: *little song to himself* (ang.) — *taką sobie pioseneczkę-truczaneczkę* (pol.) — *пел про себя песенку* (ros.). Neologizm występuje tu

tylko w polskiej wersji językowej. W następnym akapicie pojawia się za to jedynie w wersji rosyjskiej: *another song* (ang.) — *inną piosenkę* (pol.) — *другая песенка-пыхтелка* (ros.).

W tłumaczeniu *a Complaining Song* (ang.) — *zaśpiewał Żalosną Piosenkę* (pol.) — *Пыхтелка получила жалобная* (ros.) polska tłumaczka kopiuje angielski neologizm nawet w postaci graficznej, poprzez zastosowanie wielkich liter. Rosjanin natomiast korzysta z określenia, które wprowadził wcześniej: *пыхтелка*. Za pomocą przymiotnika *жалобная* podkreśla smutny charakter utworu.

Kolejne przykłady neologizmów w analizowanych wersjach językowych bajki pokazują pewną asynchroniczność w użyciu form gramatycznych (liczby pojedynczej i mnogiej) oraz zastosowaniu zwrotów najlepiej oddających sens oryginalnego tekstu: *Cloud Song, cloud might sing* (ang.) — *Piosenka Chmurek, tylko Chmurka może zaśpiewać* (pol.) — *Тучкина Песня, поют все тучки в небесах* (ros.); *a little something* (ang.) — *małe Conieco* (pol.) — *чем-нибудь подкрепиться немного подкрепиться* (ros.).

Cytaty z Kubusia Puchatka w komunikacji codziennej

Dzięki tłumaczom bajka o tytułowym misiu podbiła serca Polaków i Rosjan. Obecne w niej trafne i niekonwencjonalne powiedzonka na stałe weszły do słownika przedstawicieli obu narodów. Sprzyjały temu nie tylko wydania książkowe, lecz również liczne ekranizacje przygód pluszowych bohaterów A.A. Milne'a. Czytelnicy i widzowie zwracali uwagę na trafne frazy i riposty bohaterów, używali ich w codziennej komunikacji.

Mechanizm upowszechniania się cytatów jest ściśle związany z wrażliwością użytkowników konkretnego języka, dlatego najbardziej popularne i najczęściej przywoływane w rozmowach Polaków cytaty i powiedzonka bohaterów A.A. Milne'a nie muszą się pokrywać z tymi, które zdobyły uznanie Rosjan. Na taki stan rzeczy miały wpływ również ekranizacje bajki, ponieważ odbiór wizualny i dźwiękowy wywiera znacznie większy wpływ na wyobraźnię niż tekst czytany, bardziej zapada też w pamięć. W języku rosyjskim zdecydowana większość skrzydlatych słów pochodzi z dialogów bohaterów filmowych. Rosyjski widz mógł obejrzeć kilka odcinków serii rosyjskich filmów animowanych o misiu, zrealizowanych na początku lat 70. na podstawie czterech rozdziałów pierwszego zbioru opowiadań, polski widz miał dostęp do ekranizacji amerykańskich z lat 70. i 80., na podstawie całego materiału literackiego, oraz do autorskich wersji twórców filmowych.

Efekt rozbieżności między tłumaczeniami może mieć wpływ na komunikację międzykulturową. Niektóre wyrażenia popularne w jednym języku

mogą być rozpoznawane przez użytkowników drugiego, ale są i takie, które, chociaż najbardziej trafne i popularne, „nie brzmią” w innej wersji językowej. Przykładowo w języku polskim *piosenki-mruczanki* łatwo skojarzyć z ich rosyjskim odpowiednikiem przekładowym *песенки-мышек*, ale już angielskie *a little something*, które nieoczekiwanie w polskim tekście nazwane zostało *małym Conieco*, w rosyjskiej wersji tekstu przetłumaczono jako *чем-нибудь подкрепиться* i *немного подкрепиться*. Frazy te brzmią uroczo, ale nie mogą konkurować ze słynnym *Conieco* pod względem efektu komunikacyjnego.

Z drugiej strony niewinne *What sort of Me?* (ang.), przetłumaczone dokładnie na polski *Co za Ja?* (pol.), w rosyjskiej wersji rozbudowano do *Что значит „Я”?* „Я” *бывают разные!* (ros.), dzięki czemu nabrało uroku i stało popularnym powiedzonkiem. Niczym niewyróżniający się oryginalny zwrot *Rabbit's relations* (ang.) w interpretacji I. Tuwim dał nam *krewnych-i-znajomych Królika* (pol.) i nie mniej popularnych Zachoderowskich *Родных и Знакомых* (ros.) oraz *этот Родственник и Знакомый* (ros.).

Problemy dotyczące różnic w zrozumieniu i poprawnym odczytaniu komunikatu pomiędzy rosyjskojęzycznymi a polskojęzycznymi rozmówcami pojawiają się wówczas, gdy cytat nie może być poprawnie zidentyfikowany przez użytkownika jednego z języków. Słynne polskie powiedzonko *to, co tygrysy lubią najbardziej* (stosowane również przez dorosłych) nie wywołuje żadnych skojarzeń u Rosjan (nawet u tych, którzy posługują się językiem polskim). Dzieje się tak dlatego, że w rosyjskiej kreskówce Tygrysek nie występuje, a w rosyjskim tekście książki powiedzonko to funkcjonuje w kilku wariantach językowych. Natomiast zarówno w oryginale, jak i w polskiej wersji językowej całe zdanie powtarza się kilkakrotnie w niezmienionej postaci, co sprzyja jego zapamiętaniu.

Z kolei popularne w języku rosyjskim wyrażenie, do którego odwołują się politycy, dziennikarze, a nawet urzędnicy państwowi w randze ministra¹²: *...это неправильные пчёлы! [...] И они, [...] делают неправильный мёд!* może być przyczyną niezrozumienia przez polskiego odbiorcę (nawet dobrze znającego język rosyjski) intencji nadawcy. W języku polskim nie ma go „na liście ulubionych cytatów z *Kubusia Puchatka*”. Aluzja do pszczoł w wypowiedzi na temat polityki zewnętrznej Stanów Zjednoczonych może budzić zdziwienie u nierosyjskojęzycznego odbiorcy i wywoływać konsternację tłumaczy symultanicznych pracujących na posiedzeniach organizacji międzynarodowych.

¹² Minister spraw zagranicznych Siergiej Ławrow stosuje to powiedzonko w kontaktach z dziennikarzami. <http://politrussia.com/world/diplomaticheskie-batalii-354/> [data dostępu: 1.10.2018]. Politolog Siergiej Michejew w autorskim programie radiowym „Железная логика” z dnia 14.05.2018 emitowanym w radiu Вести FM, dyskutując z amerykańskim gościem, użył tego wyrażenia pod koniec rozmowy (dokładny czas w przytoczonym nagraniu 02.01.15 godz./min./sek.): <https://www.youtube.com/watch?v=Wwv2izPCJGQ> [data dostępu: 1.10.2018].

Owa rozbieżność skojarzeń i konotacji powoduje ciekawy efekt podczas rozmów Rosjan i Polaków (pod warunkiem, że rozmawiają po polsku lub po rosyjsku i swobodnie posługują się wybranym językiem). Użycie cytatu z powszechnie znanej bajki o misiu nie będzie sprzyjać porozumieniu między rozmówcami, może nawet wprowadzić zamieszanie lub spowodować błędne odczytanie intencji nadawcy.

Podsumowanie

Analiza porównawcza polskiej i rosyjskiej wersji językowej angielskiej bajki *Winnie-the-Pooh* autorstwa A.A. Milne'a pozwoliła zauważyć, że podobieństwa dotyczą przede wszystkim strategii tłumaczenia. Przekłady zostały dokonane przez słowiańskich bajkopisarzy, którzy stworzyli autorskie wersje historii o pluszowym niedźwiadku. Stosując grę słów, naśladowując sposób narracji prowadzonej w oryginale, zachowali w nich klimat dziecięcego świata fantazji oraz umiejętnie oddali charakterystyczne cechy bohaterów (takie jak naiwność i bezpośredniość). Właśnie te cechy stały się nadrzędne w poszukiwaniu adekwatnych odpowiedników angielskiego oryginału, kosztem dokładności tłumaczenia. Dzięki takiemu podejściu obydwa teksty mogły zaistnieć w płaszczyznach kulturowych języków polskiego i rosyjskiego. Udało się również wyeliminować angielskie elementy, bez narażania się na zbędną polonizację czy rusyfikację. Podobieństwo obu analizowanych wersji językowych jest jeszcze bardziej wyraźne, gdy uwzględnimy los, jaki spotkał późniejsze wersje tłumaczeń książki na język polski i rosyjski. Wprawdzie charakteryzowały się one precyzją i dokładnością w stosunku do treści oryginału, ale nie znalazły szerokiego uznania wśród czytelników. W pokojach dziecięcych oraz na półkach sklepowych w Polsce i Rosji wciąż znajdziemy przede wszystkim kanoniczne wersje autorstwa I. Tuwim i B. Zachodera, porównanie właśnie tych dwóch tekstów jest także porównywaniem językowych obrazów świata, jakie są w nich zakodowane.

Autorstwo zwrotów, które z czasem stały się popularnymi cytatami z bajki, należy do tłumaczy, a raczej do twórców wersji językowych. Filmy animowane też odegrały znaczącą rolę w powstaniu nowych kodów kulturowych w komunikacji codziennej. Polski widz oglądał amerykańskie kreskówki, rosyjski natomiast na początku rozkochał się w rosyjskim cyklu, będącym autorską interpretacją tłumacza i reżysera, dlatego jeszcze bardziej różniącym się od oryginału. Taki przebieg wydarzeń spowodował, że każdy z autorów kolejnych przekładów stworzył niepowtarzalny język artystyczny, mocno zakorzeniony w tradycji własnego języka ojczystego, co równocześnie przyczyniło się do

powstania swoistego „kodu nieporozumienia”. Bajka jest powszechnie znana i lubiana, postacie są archetypami literatury światowej, lecz użytkownicy różnych języków mają własne szeregi skojarzeń i zasoby idiomów związanych z tekstem. Dlatego w kontaktach przedstawicieli różnych kultur zastosowanie żartobliwego powiedzonka przywołującego Winni czy Kubusia może wywołać zdziwienie u odbiorcy komunikatu i stać się przyczyną niezrozumienia intencji nadawcy. Autorka nieraz doświadczyła tego zadziwiającego efektu, co skłoniło ją do podjęcia próby zgłębienia zakamarków zaczarowanych tłumaczeń.

Ирина Смирнова-Бэрэза

Славянские приключения Винни-Пуха

Сравнение популярных переводов на польский и русский языки текста
Алана Алехандра Милна

Резюме

Серия рассказов Алана Алехандра Милна о плюшевом медведе, которая была переведена на десятки языков мира, предоставляет обширный материал для сравнительного анализа культурных аспектов стратегий перевода. Целью статьи является сравнение переводов сборников рассказов «Winnie-the-Pooh» и «The House et Pooh Corner», которые сделала Ирена Тувим на польский язык и Борис Заходер на русский. Предметом сравнительного анализа являются лексические единицы (например: Kubuś Puchatek по-польски и Винни-Пух по-русски), а также стилистические методы, которые адаптируют тексты к культурным кодам целевых языков. Среди них выделяются фразы, которые приобрели характер крылатых выражений (по-польски «Co tygrysy lubą najbardziej», а по-русски «Это неправильные пчёлы и они делают неправильный мёд») и неологизмы различного характера, которые относятся к звуковым ассоциациям носителей языка (на польском языке — «mruczkanki», на русском — «пыхтелки»). Анализ показывает, что переводы одного и того же исходного текста, который является каноном мировой детской литературы, на два славянских языка при погружении в культурные коды этих языков создают отдельные системы ассоциаций и коннотаций. В результате этих процессов, всем известная сказка вместо того, чтобы быть основой для межкультурного взаимопонимания, может создать коммуникационный барьер между пользователями близких друг к другу языков и культур.

Ключевые слова: перевод, стратегии перевода, крылатые выражения, коммуникация, межкультурная коммуникация

Irina Smirnova-Bereza

Slavic adventures of Winnie the Pooh
Comparison of Polish and Russian iconic translations of the text
by Alan Alexander Milne

Summary

Alan Alexander Milne's series of stories about a teddy bear, which has been translated into dozens of languages, provides extensive material for a comparative analysis of cultural aspects of translation strategies. The purpose of the article is to compare the translation of the collections of the stories "Winnie-the-Pooh" and "The House at Pooh Corner", which were made by Irena Tuwim into Polish and Boris Zakhoder into Russian. The subject of comparative analysis are lexical units (for example: *Kubuś Puchatek* in Polish and *Винни-Пух* in Russian), as well as stylistic methods that adapt texts to the cultural codes of the targeted languages. Among these phrases that have gained the character of catch phrases (in Polish "*Co tygrysy lubią najbardziej*" and in Russian "*Это неправильные пчёлы и они делают неправильный мёд*") and neologisms of different nature, which belong to the sound associations of native speakers (in Polish — "*mru-czanki*", in Russian — "*пыхтелки*"). The analysis shows that translations of the same source text, which is the iconic of world children's literature, into two Slavic languages, when immersed to the cultural codes of those languages, create separate systems of associations and connotations of readers. As a result of those processes, a well-known story tale, instead of being the basis for intercultural understanding, can create a communication barrier between users of close languages and cultures.

Key words: translation, translation strategies, idiom, communication, intercultural communication

Mariola Szymczak-Rozlach

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Z problemów leksyki ekspresywnej języka słowackiego

W ramach leksyki ekspresywnej języka słowackiego, stanowiącej przedmiot moich rozważań, znajduje się słownictwo służące wyrażaniu różnych emocji, przede wszystkim pozytywnych, o charakterze melioratywnym, ale też negatywnych, o zabarwieniu pejoratywnym. Wśród leksyki ekspresywnej są również jednostki, których granice są rozmyte i trudne do wytyczenia. Należą do nich na przykład hipokorystyka, deminutywa, augmentatywa. Deminutywa i hipokorystyka na płaszczyźnie formalnej się krzyżują, natomiast semantycznie różnią się od siebie¹.

Ekspresja jest niezwykle istotnym elementem komunikacji międzyludzkiej w wymiarze nominacyjnym, a funkcję ekspresywną uznaje się za jedną z dwóch istotnych znaków językowych. Powołując się na Teresę Smółkową: „ekspresywne składniki znaczenia jednostek leksykalnych niosą dwa rodzaje informacji: jedną o emocjach nadawcy, drugą o stylistycznych cechach ekspresywnych znaków językowych”². Ekspresywność ponadto sprowadza się do zmiany znaczenia leksemu, motywowanej zmianą cech nadawcy. Owo naznaczenie stanem emocjonalnym sytuuje jednostki ekspresywne głównie w aspekcie komunikacji spontanicznej, wręcz potocznej.

Wśród jednostek leksykalnych o konotacjach pozytywnych (*LJ s kladným expresívnym príznakom*) zostały wyróżnione przede wszystkim leksemy eufemizujące z formantami deminutywnymi, hipokorystyka (*lichotivé slová, laudatíva*), deminutywa niewłaściwe, w których dominuje funkcja ekspresywna

¹ Por. J. Bartmiński: *O języku folkloru. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej*. T. 32. Wrocław 1973.

² T. Smółkowa: *Nominacja językowa na materiale nazw rzeczownikowych*. Wrocław—Warszawa—Kraków 1989, s. 146.

(*nepravé deminutíva*), a także wyrazy dziecięce (*detstské slová*) i familiaryzmy (*familiarizmy, familiárne slová*)³. Wyodrębnione grupy leksemów należą do kategorii melioratywów i stanowią opozycję wobec kategorii pejoratywów. Warto jednak zaznaczyć, że niektóre z nich semantycznie mogą mieć konotacje negatywne i są przejawem pogardy i lekceważenia, np. *advokatík, úradníček*. Na marginesie rozważań pozostawiam pejoratywy, które wymagają odrębnych badań lingwistycznych. Pejoratywom odpowiadają zazwyczaj środki ekspresywne, takie jak: augmentatywa, dysfemizmy, wyrazy grubiańskie, ordynarne i wulgarne, wyrazy tabuizowane⁴.

Wśród jednostek stanowiących przedmiot badań wyróżniamy słowackie derywaty rzeczownikowe, przymiotnikowe i czasownikowe (*slovesné deminutíva*). W artykule analizowane będą głównie derywaty rzeczownikowe, a w dalszej kolejności derywaty innych części mowy. Ostatnia grupa derywatów — formacje czasownikowe — nie posiada swoich ekwiwalentów w polszczyźnie, a jeśli je ma, to w ilościach śladowych⁵.

Pragnę zaznaczyć, że moje badania nawiązują do rozważań, jakie podjęłam w publikacji z roku 2018 i nadal są aktualne⁶. Ze względu na to, iż granice kategorii melioratywnych są płynne i niejednokrotnie rozmyte, ustalenie jednoznacznych klasyfikacji takich jednostek w badaniach słowiańskich lingwistów jest trudne (por. prace Ewy Siatkowskiej, Stanisława Warchoła, Kristiny Heltberg⁷). Wskazani badacze podkreślają, iż tym formacjom melioratywno-deminutywnym i hipokorystycznym towarzyszy inne dodatkowe znaczenie pieśczołliwości. Dopiero właściwy kontekst tych jednostek oraz odpowiednia konsytuacja wykazują ich właściwe granice i znaczenia. Moje badania odnoszą się też do ustaleń opublikowanych w roku 2018⁸.

Problematyczne wydaje się usytuowanie jednostek deminutywnych w systemie słowotwórczym, który ulega nieustannym przemianom. W opinii Krystyny Kleszczowej zmieniają się relacje między funkcjonującymi już

³ Termin *familiarizm* wprowadzam na wzór tożsamego terminu w języku słowackim, oznaczającego słownictwo pochodzące z kręgu familijnego. W polszczyźnie funkcjonują podobne pojęcia, takie jak *potocyzm, kolokwializm, egzotyzm* czy *dialektyzm*.

⁴ Por. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. T. 1 [A—G]. Red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava 2006, s. 37—38.

⁵ S. Warchoł: *O ekspresywach typu mamusia, córuchna oraz pijusiać 'pić', bawiuchnać 'bawić'*. „Prace Filologiczne” 1991, T. XXXVI, s. 343—350.

⁶ Por. M. Szymczak-Rozlach: *Słowackie deminutywa w funkcji eufemizującej*. „Językovedný časopis” 2018, r. 69, č. 3, s. 58—597.

⁷ E. Siatkowska: *Deminutywa rzeczownikowe we współczesnych literackich językach zachodniosłowiańskich*. „Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej” 1967, T. VI, s. 157—170, S. Warchoł: *Geneza i rozwój słowiańskich formacji ekspresywnych z sufiksalnymi -k- i -c-*. Warszawa 1984; K. Heltberg: *O deminutywach i augmentatywach*. „Prace Filologiczne” 1964, T. XVIII, s. 93—102.

⁸ Por. M. Szymczak-Rozlach: *Słowackie deminutywa...*

klasami derywatów, a kłopoty w ocenie wartości deminutywnej słowoformy wynikają przede wszystkim z wielofunkcyjności formantów słowotwórczych, które tę wartość kreują⁹. Wśród słowackich formantów służących wyrażaniu uczuć o zabarwieniu pozytywnym należy wymienić m.in. sufiksy: *-ka*, *-ik/-ík*, *-ko*, *-ček*. Najważniejszym czynnikiem powodującym przekształcanie się systemu słowotwórczego jest poziom leksykalny. Można też mówić o pozornej deminutywności, gdzie funkcje formantu *-k* dają się interpretować w kategoriach wielkości, tworząc regularne typy słowotwórcze, podczas gdy chodzi o przedmioty podobne w kształcie lub funkcji do podstawy słowotwórczej¹⁰, por. sł. *taška*, *ceruzka*, *vreckovka*, *polievka*, *dáždnik*, pol. *młynek* (*do kawy*), *torebka* (*damska*), *chusteczka* (*do nosa*). Ich semantyka w żadnym razie nie obejmuje cechy deminutywności. Od niektórych wskazanych tu rzeczowników deminutywa prymarne są tworzone za pomocą sufiksów, które w przypadku innych rzeczowników pełnią funkcję sekondarnego sufiksu deminutywnego: *polievka* — *polievočka* czy *dáždnik* — *dáždniček*. O swoistym napięciu między znaczeniem leksykalnym wyrazów a znaczeniem wynikającym z jego formy słowotwórczej (tzn. z jego elementów strukturalnych) pisał również Miloš Dokuli¹¹.

O kategorii deminutywności można orzekać w dwóch aspektach: jako o kategorii słowotwórczej modyfikacyjnej, stanowiącej opozycję w stosunku do augmentatywów, oraz w aspekcie jej ekspresywnego charakteru. Problem niejednorodności kategorii deminutywności, w ostatnim czasie podejmowany chętnie w badaniach słowiańskich lingwistów, stał się przedmiotem rozważań m.in. K. Kleszczowej i Magdaleny Pastuchowej¹². Badaczki powoływały się na prace Julii Bałtovej, Cvetanki Avramovej czy Ameli Šehovič, które podkreślały krzyżowanie się kategorii deminutywności z ekspresywnością, postulując m.in. wprowadzenie bardziej ścisłych kryteriów rozróżniania deminutywów w systemie i tekście, choćby przez parafrazę słowotwórczą czy konieczność rozgraniczania kwalifikatorów towarzyszących ich opisom leksykograficznym¹³. Obecność kwalifikatorów w słownikach jednojęzycznych wydaje się niezbędna i zasadna dla rozróżnienia deminutywności czy ekspresywności w systemie i tekście. Warto podkreślić, że badania w zakresie kategorii deminutywności i krzyżowania się z nią kategorii ekspresywności w aspekcie

⁹ K. Kleszczowa: *Neutralizacja deminutywności w polskich derywatach*. V: *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga*. Red. I. Stramljič. Maribor 2015, s. 159.

¹⁰ Ibidem, s. 160.

¹¹ M. Dokuli: *Teoria derywacji*. Przeł. A. Bluszcz, J. Stachowski. Wrocław 1979.

¹² K. Kleszczowa, M. Pastuchowa: *Deminutywność w słowiańskich badaniach słowotwórczych*. *Sprawozdanie z Konferencji Komisji słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów (Słowenia, Maribor, 25–29 maja 2015)*. „Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej” 2016, T. 51, s. 332–333.

¹³ Ibidem, s. 333–334.

pragmatycznym i morfopragmatycznym podjęła polska lingwistka Iwona Kaproń-Charzyńska¹⁴.

Z uwagi na to, że przedmiotem dociekań w niniejszej pracy jest melioratywność, konieczne jest objaśnienie samego terminu oraz uzasadnienie jego użycia. Pojęcie melioryzacji jest związane z rodzajem przeobrażenia semantycznego. Słowniki języka polskiego tego pojęcia raczej nie rejestrują. Termin *melioryzacja*, jak zaznacza Witold Doroszewski, określa zmianę semantyczną, w której wyraz otrzymuje dodatni odcień znaczeniowy¹⁵.

O melioryzacji w aspekcie eufemizmów wypowiada się Anna Dąbrowska: „Melioryzacja polega również na tym, że dotychczas negatywne oceniane zjawisko, a tym samym i wyraz, wskutek nadania mu nowej nazwy jest oceniane lepiej, przy czym nie musi to być sprzężone z pejoratywizacją wyrażenia pełniącego funkcję eufemizmu”¹⁶. W słowackiej literaturze lingwistycznej pojęcie *melioratívum* jest powszechnie znane i utożsamiane z terminem *eufemizm*. Odnotowują je takie słowniki jednojęzyczne, jak: *Slovník slovenského jazyka* (SSJ), *Krátky slovník slovenského jazyka* (KSSJ), *Slovník súčasného slovenského jazyka* (SSSJ)¹⁷.

Kategoria melioratywów obejmuje różne klasy leksemów o pozytywnym zabarwieniu, notowane przez słowniki jednojęzyczne języka słowackiego za pomocą następujących kwalifikatorów: [expr.] — ekspresywa, [zjemn.] — eufemizmy, [hypok.] — hipokorystyka, [det.] — leksemy dziecięce, [fam.] — leksemy rodzinne, [zdrob.] — zdrobnienia. Są to zazwyczaj jednostki leksykalne konstruowane i odnotowywane metodą gniazd słowotwórczych, np. tzw. „deminutywa gniazdowana” mogą mieć formy wariantywne typu: *frajer*, *frajerček*, *frajerík* lub mogą tworzyć wielostopniowe derywaty deminutywne, również o charakterze ekspresywnym, np. *dážd'*, *dáždik*, *dáždiček*. Z kolei wyrazy z osłabionym znaczeniem deminutywnym, opatrzone kwalifikatorem [oslab.] — osłabione, opracowane są jako warianty, jeśli są stosowane w tej samej funkcji, np. *fľaša* — *fľaška*¹⁸. Wśród derywatów rodzinnych odnotowujemy określenia odnoszące się do bliskiej sercu osoby, np. *chrústik*, *kocúrik*, *chrobáček*.

Przykładowy materiał melioratywów, będący ilustracją omawianych zjawisk, pochodzi przede wszystkim z dostępnych słowników jednojęzycznych języka słowackiego i jest weryfikowany odpowiednio przez przykłady pocho-

¹⁴ I. Kaproń-Charzyńska: *Pragmatyczne aspekty słowotwórstwa. Funkcja ekspresywna i poetycka*. Toruń 2014.

¹⁵ Por. <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/melioryzacja;5450434.html> [data dostępu: 7.01.2019] oraz *Wielki słownik wyrazów obcych*. Red. M. Bańko. Warszawa 2005.

¹⁶ A. Dąbrowska: *Eufemizmy współczesnego języka polskiego*. Łask 2006, s. 60.

¹⁷ *Slovník slovenského jazyka*. Red. Š. Peciar. Bratislava 1959—1968; *Krátky slovník slovenského jazyka*. Red. J. Kačala. Bratislava 2003; *Slovník súčasného slovenského jazyka*. T. 1—3. Red. K. Buzássyová. A. Jarosová. Bratislava 2006, 2011, 2015.

¹⁸ Por. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. T. 1 [A—G]..., s. 43.

dzące z narodowego korpusu języka słowackiego, funkcjonujące w określonym kontekście. Narodowy korpus języka słowackiego (*Slovenský národný korpus*) jest korpusem synchronicznym obejmującym ponad 100 miliardów wyrazów, z wykorzystaniem tekstów publikowanych po roku 1955. Jest on lematyzowany, posiada anotacje morfologiczne oraz odpowiednie przyporządkowanie syntaktyczne, a także właściwe zaszerzowanie stylowo-gatunkowe. Jest niezbędny w rozwiązywaniu kwestii spornych w zakresie kwalifikowania jednostki do określonej kategorii. Sposób wyszukiwania jednostek ekspresywnych i ich weryfikacja wymaga dokonywania operacji technicznych przy użyciu złożonych narzędzi, ale także przygotowania odpowiedniego zaplecza teoretycznego do badań przedmiotowych.

Przedmiotem analizy semantycznej są formacje melioratywno-deminutywne, także hipokorystyki, które mogą występować w funkcji eufemizującej. Wśród melioratywów na szczególną uwagę zasługują eufemizmy, i tu nie brak leksemów dziecięcych oraz zdrobnień. Pozostałe przykłady, uwzględnione jedynie na marginesie rozważań, dotyczą leksemów hipokorystycznych i familiaryzmów.

Zanim przejdziemy do analizy formalno-semantycznej wyodrębnionych jednostek, wróćmy do stanu badań nad interesującą problematyką melioratywną. Wśród kompleksowych monografii podejmujących tematykę ekspresywności, często w połączeniu z emocjonalnością, należy wymienić prace sławistyczne Jaroslava Zimy¹⁹, Stanisława Grabiasa²⁰ czy Anny Wierzbickiej²¹. Zagadnieniu temu są poświęcone liczne artykuły słowackich lingwistów, m.in. Klary Buzássyovej²², Ľubicy Balážovej²³, Miry Nábelkovej²⁴, publikowane w pracach leksykologicznych, brak jednak kompleksowej monografii w języku słowackim, ujmującej całościowo problematykę interesujących nas melioratywów. J. Zima dokonuje rozróżnienia znaków ekspresywnych od ekspresywnych użyc znaków i wydziela trzy typy ekspresywności: inherentną, adherentną i kontekstową. Z kolei S. Grabias przypisuje ekspresywność znakom predykatywnym i nominatywnym. Wśród znaków nominatywnych wyróżnia wyrazy o eksplicyt-

¹⁹ J. Zima: *Expresivita v súčasnej češtině. Studie lexikologická a stylistická*. Praha 1961, s. 282.

²⁰ S. Grabias: *O ekspresywności języka: ekspresja a słowotwórstwo*. Lublin 1981, s. 216.

²¹ A. Wierzbicka: *Problemy ekspresji. Ich miejsce w teorii semantycznej*. W: Eadem: *Dociekania semantyczne*. Wrocław 1969, s. 33—61.

²² K. Buzássyová: *Lexikálne zmeny v súčasnej slovenčine. (Tendencie, motívy, komunikačné efekty)*. W: *Języki słowiańskie 1945—1995. Gramatyka — leksyka — odmiany. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej*. Red. S. Gajda. Opole 1995, s. 195—203.

²³ Ľ. Balážová: *Osobné (depersonálne) deminutíva: špecifická polysémia a jej lexikografické spracovanie*. V: *Slovo — tvorba — dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej*. Red. M. Šimková. Bratislava 2010, s. 20—223.

²⁴ M. Nábelková: *Domiská, knižiská, psiská a iné modifikačné deriváty v slovensko-českom pohľade*. V: *Slovo — tvorba — dynamickosť...*, s. 396—425.

nych (jawnych) wykładnikach ekspresywności, takich jak wyspecjalizowane formanty czy zmiany znaczenia, oraz wyrazy, w których ekspresywność jest implicytna. Eksplicytna i implicytna emocjonalność, jego zdaniem, odpowiada ekspresywności inherentnej i adherentnej u J. Zimy. Jak zaznacza S. Grabias, informacje o ekspresywności niosą odpowiednio formanty. Formanty są jednostkami polifunkcyjnymi, co znaczy, że oprócz funkcji strukturalnej i syntaktycznej mogą pełnić funkcję semantyczną. Składnik ekspresywny formantu wskazuje na aprobatę, dezaprobatę lub emocjonalną ambiwalencję względem komunikowanych faktów. Można zatem mówić o formantach melioratywnych, pejoratywnych lub emocjonalnie ambiwalentnych (oscylujących między znaczeniem melioratywnym a pejoratywnym)²⁵.

O takim łączeniu pejoratywności z melioratywnością możemy mówić w odniesieniu do niektórych derywatów augmentatywnych, które komunikacyjnie są stosowane do wyrażenia pozytywnego zabarwienia, a tę tzw. wyższą miarę „stosunku pozytywnego” wnosi sufiks augmentatywny w rzeczownikach takich jak *dobráčisko*, *chudačisko*²⁶.

W swoich rozważaniach dotyczących kategorii ekspresywności w słowiańszczyźnie zachodniej (badania polskich i słowackich lingwistów) jedynie sygnalizują pewne koncepcje badawcze, a także ujmują to zagadnienie z nieco odmiennej perspektywy. Warto podkreślić, że w ramach słowotwórstwa synchronicznego niewiele jest monografii w całości poświęconych nacechowaniu ekspresywnemu w odniesieniu zarówno do polszczyzny, jak i do języka słowackiego.

Moje badania będą stanowić jedynie próbę oglądu bardzo obszernego zagadnienia, jakim są melioratywa. Wśród derywatów eufemizujących o formantach deminutywnych oraz deminutywów i quasi-deminutywów (np. czasowniki deminutywne) wyróżniliśmy leksemy rzeczownikowe, przymiotnikowe i czasownikowe. Warto zaznaczyć, że próby klasyfikacji deminutywów, hipokorystyków czy quasi-deminutywów w ujęciu pragmatycznych funkcji formantów podjęła się Alicja Nagórko²⁷.

Z uwagi na to, iż w definicjach słowackich eufemizmy traktowane są jako jednostki nacechowane, wartościujące dodatnio, łagodzące negatywne konotacje, trudno o nich nie mówić w kontekście szeroko pojętej ekspresywności. Świadczą o tym takie przykłady jednostek leksykalnych, jak: *somárik*, *sprostáček*, *darebáček*, *huncútik*, *hlúpuček*.

Eufemizmom i zjawisku eufemizacji towarzyszy ekspresywność oraz wartościowanie. Świadczy o tym m.in. wypowiedź Jozefa Mistrika: „Eufemizmy sú

²⁵ S. Grabias: *O ekspresywności języka...*, s. 50—53.

²⁶ Por. M. Nábeľková: *Domiská, knižiská, psiská...*, s. 406—407.

²⁷ A. Nagórko: *Tendencje w sferze pragmatyczno-stylistycznej*. W: *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja*. Red. I. Ohnheiser. Opole 2003, s. 189—197.

vždy emocionálne zafarbené a vhodné sú do príležitostných rečníckych prejavov, do kondolenčných listov alebo do nepríjemných správ o nešťastí a nehodách”²⁸. Zabarwienie ekspresywne odnosi się nie tylko do derywatów eufemizujących o formantach deminutywnych, ale dotyczy także obrazowych związków frazeologicznych. Derywaty eufemizujące wyrażają rodzaj relacji jakościowo-ilościowej. W tej relacji między bazą a znaczeniem sufiksu zdrabniającego nie ma kongruencji, np. *cigán* — *cigánik* (*cygan* — *cyganiątko*), *bumbaj* — *bumbajček* (*głupek* — *głuptas*).

Poprzez dodanie morfemu słotwórczego *-ik* do derywatu modyfikacyjnego, czemu towarzyszą alternacje, dochodzi do swoistego dysonansu znaczeniowego (inaczej rozprzężenia znaczeniowego) między derywatem a wyrazem podstawowym. Formant deminutywny nadaje nowemu leksemowi znaczenie złagodzone — eufemistyczne. Do wyrażania uczuć o nacechowaniu pozytywnym, poza sufiksem *-ik*, służą w języku słowackim rozmaite inne formanty, takie jak: *-ko*, *-ek*, *-lk/-ik*, czy też sekundarne sufiksy typu: *-ček*, *-uško*, *-enko*, *-inko* i heterogenne: *-ček*, *-ička*, *-očka/-ôčka*. O tzw. derywatach eufemizujących można mówić w odniesieniu do kategorii deminutywów, które stanowią środek *par excellence* eufemizujący. Oczywiście nie wszystkie deminutywa eufemizują. Eufemizacja dokonuje się tylko wtedy, kiedy dochodzi do osłabienia cech negatywnych człowieka, zwłaszcza tych związanych w jego cechami zewnętrznymi czy cechami charakteru. Eufemizowane są zazwyczaj wyrazy o niskim poziomie wulgarności, choć zdarzają się przykłady bardziej wulgarne, np. *prasa*, *rit'*. Ich znaczenie ulega osłabieniu przez dodanie formantu: *-ko*, np. *prasiatko*, lub *-ka*, np. *ritka*. Niektóre deminutywa ze znaczeniem osłabionym są zazwyczaj stosowane w komunikacji dorosłych z dziećmi. Mają zabarwienie pozytywne, dodatkowo, ze względu na nazwanie pierwotnie małego „obiektu”, a jednocześnie „obiektu” bardzo miłego i bliskiego, chociaż charakteryzowana cecha czy właściwość może mieć wydźwięk negatywny, np. *leñoško*, *mrzáčik*, *holúbätko*.

Wiele derywatów jest tworzonych za pomocą formantu *-ik* lub *-ko*. Są to przeważnie struktury deminutywne emfatyczne²⁹, gdzie przyrostek wnosi wyłącznie informacje o emocjonalnym zaangażowaniu nadawcy. Podobnie z innymi grupami wyrazów, np. z rzeczownikami rodzaju męskiego, których cechy negatywne zostają osłabione za pośrednictwem sufiksu. Dotyczy to głównie leksemów o charakterze potocznym, wśród nich mogą być deminutywa personalne, wyrażające specyficzny typ polisemii. W przypadku deminutywów personalnych obserwujemy zjawisko swoistej enantiosepii ekspresywnej, gdzie to samo deminutywum ekspresywne może wyrażać nacechowanie zarówno pozytywne,

²⁸ J. Mistrik: *Štylistika*. Bratislava 1997, s. 82.

²⁹ Termin wprowadzony przez Ewę Siatkowską; por. E. Siatkowska: *Deminutywa rzeczownikowe...*, s. 157—170.

jak i negatywne. Ľ. Balážová postuluje wówczas konieczność użycia kontekstowego³⁰. Prezentowane deminutywa mogą mieć zabarwienie pozytywne, prezentując typ inherentnej ekspresywności, lub zabarwienie negatywne, i wtedy są wyraźnym przykładem ekspresywności adherentnej, a w części nazw jest odwrotnie. Chodzi tu o takie przykłady derywatów deminutywnych, które z jednej strony wyrażają melioratywność, odcień bliskości, czułości i familiarności: ‘niektó blízky, milý’, np. w derywatach: *doktorko, farárko, inžinierko*, a z drugiej odcień pejoratywności, pobłażliwości, a nawet lekceważenia, np. *farárik, advokátik, inžinierik*. Za pośrednictwem form deminutywnych rzeczowników osobowych wyrażamy relacje pozytywne, dodatnie (tzw. *kladný citový vzťah*). Inny rodzaj deminutywów personalnych reprezentują omawiane już wcześniej zdrobnienia nazywające osoby o charakterystycznych cechach, właściwościach, np. *trul'ko, darebáčik*. Zdrobnienia te uzyskują efekt złagodzenia, a dotyczą jedynie osób dorosłych. Zazwyczaj są to derywaty rodzaju męskiego. Interesujące są również deminutywa oznaczające nazwy mieszkańców krajów oraz nazwy etniczne o zabarwieniu pozytywnym, np. *Chorvátik, Poliačik, Maďarik*.

Charakter jakościowo-ilościowy mają deminutywne formy osobowe nazywające istoty młode, dzieci; formy te są oznaczane jako ekspresywne zdrobnienia — hipokorystyki i używane w komunikacji dorosłych z dziećmi lub w komunikacji na temat dzieci, np. *synáčik, baťko, drobečku, moje mačiatko, moje zlatičko*. Posiadają pozytywne, dodatnie zabarwienie ekspresywne, często wzmocnione przez zaimki dzierżawcze. Wśród nich odnajdujemy spieszczone, modyfikowane nazwy i formy imion, np. *Danielka, Danuľka, Kubík, Filipiatko*. Niektóre przykłady o pozytywnym zabarwieniu są jednak złożone z leksemów (będących określeniami zwierząt) przywołujących pierwotnie negatywne konotacje. W codziennej komunikacji są stosowane jako łżejsze formy przekleństw, np. *môj sráčik malý, malý cigánik* itp. Tworzą w języku słowackim także warstwę substantywnych melioratywów. Wśród osobowych deminutywów o wyraźnym nacechowaniu łagodzącym znajdują się wskazane już wcześniej hipokorystyki typu: *bratanček, dedko, babka, kmotrik, komotrička*, czy typowe dla komunikacji żeńskiej przykłady: *Alžbetka, Betuška, Betulienka*. Zdrobnienia odnoszące się do osób starszych mają jedynie wartość hipokorystyczną.

Trudno dokładnie wyznaczyć granice między deminutywami o zabarwieniu pozytywnym a hipokorystykami — specyficzną podgrupą nazw ekspresywnych. Owo związanie deminutywów z ich funkcją ekspresywną powołuje hipokorystyka, choć nie zawsze tak się dzieje. Dla porównania dodanie formantu: *-ek* w języku polskim, np. *profesorek, rektorek*, do nazw ważnych funkcji daje w efekcie odcień pogardy i lekceważenia, podobnie słowackie *-iček*, np. *uradniček*. Formant *-ko* (*farárko*), o którym wspominaliśmy wcześniej, jest charakterystyczny dla zdrobnień mających wartość hipokorystyczną.

³⁰ Ľ. Balážová: *Osobné (depersonalne) deminutíva...*, s. 211.

Deminutywa w swoim sekundarnym znaczeniu „emocjonalnym” są domeną leksyki dziecięcej, powodując pewnego rodzaju zmiany i przekształcenia semantyczne, np. zmianę znaczeń pierwotnie pejoratywnych na jednostki pozytywnie wartościujące: *papať* (*jest*), *ritulienka* (*ritka*), *hubenka* (*huba*)³¹. Wśród eufemizmów o charakterze melioratywnym są leksemy dziecięce, które nie zawierają sufiksu zdrabniającego, np. *pusa*, *havo* ‘pes’, *hopať* (*sedieť*), *papať*. Niektóre z nich tworzą serie aspektowe: *spapať*, *popapať*, *napapať* *sa*.

Do eufemizmów leksykalnych należą głównie deminutywa łagodzące utworzone od podstawy słowotwórczej odpowiedniego rzeczownika lub przymiotnika za pomocą takich formantów melioratywnych, jak: *-ik/-ík*, *-ko*, *-ček*, *-čik*, *-učký*. Wszystkie te deminutywa o funkcji eufemizującej wykazują emocjonalny stosunek nadawcy, oddając swojskość i poufałość wypowiedzi.

Do produktywnych i niezwykle ekspansywnych derywatów należą również przymiotniki, lecz w przypadku tych właśnie derywatów: *čistučký*, *sprostučký*, *dobručký*, *kratučký* [expr. zjemn.] chodzi o formacje ekspresywne wyrażające natężenie, intensyfikację cechy. Są to formy powstałe w drodze derywacji sufiksальной, gdzie sufiks nadaje przymiotnikowi zabarwienie pozytywne, dodatnie o postaci złagodzonej. Funkcję taką spełniają najczęściej następujące sufiksy przymiotnikowe: *-učký*, *-unký*, *-ulinký* (*tučňučký*, *chudunký*, *chudulinký*). Niektóre z nich wskazują na sekundarną deminutywność.

Ekspresywnością odznaczają się liczne deminutywa formalne, na podstawie formy zdrobniającej nazywające i określające przedmioty i zjawiska, które nie są lub nie mogą być małe, lecz prymarnie wyrażają stosunek uczuciowy osoby mówiącej, np. *dáždiček*, *fajnovôstka*, *cukrárnička*. Są też deminutywa wyrażające wariant znaczenia wyrazu podstawowego, np. *listok*, *vodička*, *minutka*. Dopiero w określonym kontekście uzyskują odpowiednie znaczenie polepszające, łagodzące wypowiedź, np. *Ondrej je človečik!* Spośród wszystkich formacji deminutywnych w językach słowiańskich najbardziej produktywną kategorią są formacje rzeczownikowe.

O melioratywności można mówić również w stosunku do derywatów czasownikowych, które są traktowane zazwyczaj jako quasi-deminutywa. Deminutywność odnosi się tu do jakości wypowiedzi, zatem derywaty czasownikowe pełnią nie tylko rolę ekspresywną, ale także rolę swoistych intensyfikatorów. Intensywność cechy jest sygnalizowana w sposób morfologiczny i wyraża tym samym różny stopień ekspresywności, typu: *čuškať* od *čušať* lub *grckať* od *grcať*, *vrackať* od *vracať*. Są to ekspresywa z formantem *-k-*, których można użyć ze względów grzecznościowych. Wyrażają one życzliwy i pozytywny stosunek mówiącego do wykonywanej czynności, np. *chrappať* — eufemizm (od czas. *chrapať*), *driemkať* — deminutywum właściwe (od czas. *driemať*). W języku

³¹ Por. S. Zajacová: *Eufemizujúca lexika v reči matky a v reči otca orientovanej na dieťa. Epištoly o jazyku a jazykovede*. Red. J. Kesselová, M. Imrichová. Prešov 2012, s. 108—123.

słowackim stanowią niezwykle produktywną grupę formacji deminutywnych, w odróżnieniu od niewielkiej liczby derywatów występujących dla porównania w czeszczyźnie³². Na śladowe przykłady takich czasowników w języku polskim (por. *pijusiać*, *bawiuchnać*, *plakuchnać*) wskazują S. Warchoł³³ i Bogusław Kreja³⁴. Niektóre z czasowników deminutywnych funkcjonują jako eufemizmy, a niektóre wyrażają jedynie ekspresywność. Eufemizacji poddają się tylko te deminutywa werbalne, których używamy w komunikacji dorosłych z dziećmi lub takie, które służą nawiązywaniu kontaktu, np. specyficzne „czasowniki infantylnie”, związane z czynnościami fizjologicznymi, np. *kakuškať*, *cikuškať*, *papať* itp. Niektóre z deminutywów dewerbatywnych tworzą ekspresywa inhereentne, gdyż ekspresywność uzyskują na drodze operacji sufiksальной lub za pomocą tego zabiegu słowotwórczego w pewien sposób ją modyfikują, np.:

bežať — expr. *bežkať*,
 expr. *čušať* — zjemn. *čuškať*,
 expr. *hačať* — det. al. expr. *hačkať*.

Jeśli mówimy o ekspresywności deminutywów, nie możemy pominąć przykładów z negatywnym semem wartościującym, realizowanym w formie ironii. M. Nábělková zaznacza, że można mówić o krzyżowaniu się zabarwienia ekspresywnego na osi melioratywność — pejoratywność³⁵. Deminutywa czasownikowe w odróżnieniu od deminutywów o postaci rzeczownikowej w słowniku jednojęzycznym notowane są jako samodzielne jednostki hasłowe, np.:

chrápať 2. expr. ‘oddávať sa spanku, oddychu, spať’: *spokojne si chrapať*
chrapakáť 2. zjemn. ‘oddávať sa spanku, driemať’: *pokojne si ch.*

Do opisu melioratywów w słowniku jednojęzycznym (KSSJ) stosuje się tzw. kwalifikatory wartościujące, oznaczone skrótem [expr.]. W ramach ekspresywności wyróżnia się wyrazy o różnym zabarwieniu. Słowackie eufemizmy zostały wyróżnione za pomocą odpowiedniego kwalifikatora: [zjemn.] (*zjemnené alebo eufemistické* — *eufemizujúce*). Natomiast niektóre jednostki leksykalne, tzw. deminutywa niewłaściwe o znaczeniu osłabionym, oznaczone kwalifika-

³² Por. M. Nábělková: *Domiská, knižiská, psiská...*, s. 397.

³³ S. Warchoł: *O ekspresywach typu mamusia, córuchna...*, s. 343—350.

³⁴ B. Kreja: *O akategorialnym przyrostku ekspresywnym -uchn-* (por. *mat-uchn-a, mal-uchn-y, plak-uchn-ać*). W: *Studia lingwistyczne ofiarowane K. Polańskiemu na 70-lecie Jego urodzin*. Red. W. Banyś, L. Bednarczyk, S. Karolak. Katowice 1999, s. 398—405.

³⁵ „Semanticko-pragmatický efekt modifikačnej derivácie deminutív a augmentatív kolíše pri jednotlivých slovách v priestore kvantitatívnej a kvalitatívnej modifikácie. Kvantitatívna zložka modifikácie vedie k protikladu deminutívnost—augmentatívnost, pri kvalitatívnej možno zvažovať rozličné významové zafarbenie derivatov na osi melioratívnost—pejoratívnost”. M. Nábělková: *Domiská, knižiská, psiská...*, s. 406.

torem [oslab.], pełnią funkcję eufemistyczną. Słownik tego jednak eksplicytnie nie odnotowuje. Można jedynie założyć, że tam, gdzie występuje kwalifikator [oslab.], mamy do czynienia z jednostką eufemistyczną.

W słowniku współczesnego języka słowackiego (SSSJ) stosuje się jednolity kwalifikator, tzw. kwalifikator funkcjonalny, w ramach którego istnieje kwalifikator emocjonalno-wartościujący: [zjemn.] obok innych, oznaczających leksykę melioratywną, np. [expr., hypok., det., fam., żart.]. Wśród melioratywów substantywnych, oznaczonych odpowiednio kwalifikatorami: [zdrob. expr. < zdrob. i expr.], możemy wskazać grupy jednostek o charakterze ekspresywnym, takie jak: 1) *čajík, džúsik, kofolka, bryndzička, centimetrik*; 2) *jarabinka, izbička, jablčko, kočička*. W pierwszej grupie forma słowotwórcza deminutywna owej zdrobniałości nie wyraża, natomiast akcentuje znaczenie leksykalne, ekspresywne. Druga grupa wyraża rozmiar oraz zabarwienie dodatnie danej jednostki leksykalnej. Kwalifikatorem [hypok.] opatrzone są takie leksemy — deminutywa osobowe, które charakteryzują różne stopnie pokrewieństwa. Stanowią one przykład komunikacji spontanicznej, nieoficjalnej, np. *kmotrička, kolegyňa, kapláňko, farárko*. Kolejny kwalifikator, [fam.] oznacza zwrot do bliskiej, miłej sercu osoby, np. *môj anjelič, holúbok* (w połączeniu: *dušička moja*). I wreszcie [zjemn. slová], czyli interesujące nas w szczególności eufemizmy utworzone od pejoratywnych lub zbliżonych pejoratywnie leksemów, np. *hovadinka, idiotinka, kravinka*. Pozostałe przykłady, które tu uwzględniamy, mają postać przymiotnikową bądź przysłówkową: *hnedučký, ľahučký, dobručký, čistučký, kratučký, hlúpučko*.

Warto zwrócić uwagę na rejestrowanie jednostek eufemistycznych w dostępnych słowackich słownikach jednojęzycznych. W publikacjach tych nie ma tradycji eksplicytnego oznaczania takich jednostek leksykalnych, z uwagi na brak sygnalizowania leksemów o ekspresywności pozytywnej. Natomiast w słowniku współczesnego języka słowackiego można odnotować przykłady leksemów, które oznaczają nazwy osób wykonujących określone czynności o nacechowaniu ironicznym, np. *direktorik, asistentik* w odróżnieniu od **pol'nohospodárik*. Taki opis leksykograficzny jednostek leksykalnych jest związany z przyjętą przez autorki słownika koncepcją jego budowy. Na marginesie warto przypomnieć, że najnowsze badania i prace prowadzone nad *Wielkim Słownikiem Języka Polskiego* pokazują, iż odchodzi się od umieszczania kwalifikatora [euf.] w odniesieniu do interesujących jednostek leksykalnych.

Oto kilka danych liczbowych związanych z eufemizмами słownikowymi o formantach deminutywnych. *Krátky slovník slovenského jazyka* podaje 35 eufemizmów oznaczonych eksplicytnie kwalifikatorem [zjemn. i zdrob.]. To przede wszystkim formy deminutywne — derywaty utworzone w drodze derywacji, urobione od podstaw rzeczownikowych lub przymiotnikowych, czasem czasownikowych. Pierwszy tom słownika współczesnego języka słowackiego wymienia około 16 wyodrębnionych przez kwalifikator funkcyjny jednostek

eufemizujących, zaś drugi tom — aż 41 artykułów hasłowych, które często oprócz kwalifikatora [zjem.] zawierają jeszcze inne kombinacje kwalifikatorów, takie jak [zdrob. zjemn.], [expr. zjemn.], np.: *bambuľko* — zdrob. zjemn. *to je tiež taký b. bruško* — zdrob. *brucho dieťaťa al. malého zvieráťa: m. boľavé b.; položiť dieťa na b.*; expr. zjem. *čučkať*, expr. zjemn. *spať*; syn. *spinkať, hajať: pekne čučkaj!*; *mami, ešte nejdeme č.*; zjem. al. iron.³⁶. Wśród kwalifikatorów wątpliwych należy wskazać obecność kwalifikatora [det.] — dziecięcy w słownikach języka słowackiego wobec braku takiego kwalifikatora w słownikach języka polskiego. Zresztą nie bardzo mieści się on w wyodrębnionej klasyfikacji wszystkich kwalifikatorów, stanowi raczej element socjolektu. Słowacki kwalifikator [det.] odnotowujemy aż w 42 przykładach jednostek hasłowych. Duża część leksemów to deminutywa, które jako istotny składnik leksyki dziecięcej służą podtrzymywaniu kontaktów dorosłych z dziećmi. Są także stosowane w komunikacji z ludźmi starszymi, pacjentami.

Na zakończenie naszych rozważań, dla zilustrowania zjawiska ekspresywności prezentuję kilka danych statystycznych świadczących o obecności leksyki ekspresywnej, również tej nacechowanej negatywnie, w najnowszym słowniku SSSJ. Pierwszy tom obejmuje 30 293 leksemy, drugi — 25 418 leksemów. Wśród nich odnotowujemy następujące przykłady: expr. — 2044 / 1934; zdrob. expr. — 170 / 225; zjemn. — 16 / 41; hypok. — 29 / 11; det. 22 / 21; pejor. 309 / 458; trochu pejor. — 22/41; hrub. — 42 / 62; vulg. — 6 / 19.

W niniejszym tekście starałam się wykazać specyfikę melioratywów w systemie słowotwórczym języka słowackiego, zwracając uwagę jedynie na niektóre aspekty ich funkcjonowania oraz niejednoznacznego i różnorodnego postrzegania w badaniach lingwistów słowiańskich. Warto podkreślić ogromną potencję słowotwórczą języka słowackiego. Zasygnalizowany tu zarys tej kategorii w leksykografii słowackiej wydaje się interesujący i wymagający gruntownego i indywidualnego opisu.

³⁶ Por. *Slovník súčasného slovenského jazyka*. T. 1. [A-G]..., s. 221, 538.

Мариола Шимчак-Розлах

Экспрессивная лексика в словацком языке – постановка проблемы

Резюме

В составе экспрессивной лексики можно выделить группы слов, служащих для выражения положительных или отрицательных эмоций. Некоторые из экспрессивных лексем трудно однозначно причислить к одной из названных групп, так как границы между

ними размыты. Мы имеем в виду слова с ласкательным, диминутивным (уменьшительно-ласкательным) и аугментативным значениями.

В статье обращается внимание на словообразовательные свойства этих слов и специфику их функционирования в словацком языке, а также на неодинаковые мнения словацких лингвистов относительно состава и классификации анализируемой группы слов. Слова с эмоционально-экспрессивной окраской в словацком языкознании до сих пор недостаточно изучены и разработаны. Затронутые в статье вопросы являются лишь частью тех, которые требуют решения и тщательного изучения.

Ключевые слова: экспрессивность, ласкательные слова, слова с диминутивным значением, слова с аугментативным значением, словацкий язык, эвфемизмы

Mariola Szymczak-Rozlach

Some problems of Slovak expressive lexis

Summary

The expressive lexis which the author is interested in, there is a vocabulary expressing different emotions, both positive ones — melioratives, and negative — pejoratives. Expressive lexis also includes such items which boundaries are blurred and often difficult to delineate. These include, for instance, hypocoristics, diminutives or augmentatives. In our deliberations, we tried to demonstrate the specificity of meliorative processes in the word-formation of the Slovak language, pointing only some aspects of their functioning and the ambiguous and diverse perception in the research of Slavic linguists. An outline of this category in the Slovak lexicography seems to be interesting and worth of thorough and individual description.

Key words: expressiveness, melioration, Slovak language, diminutives, euphemism

Иоанна Василюк

Варшавский университет

Воздействующий потенциал прецедентных высказываний (на материале заголовков электронных версий печатных СМИ: «Известия» и «Коммерсантъ»)

Рассматривая вопрос электронных СМИ, надо отметить, что согласно традиционной классификации, в разряд электронных СМИ, учитывая способ передачи сигнала, попадают: Интернет и Интернет-медиа. Они, конечно, обладают набором признаков, значительно отличающих их от традиционных СМИ, таких как: мультимедийность, возможность моментальной обратной связи в виде онлайн-комментариев читателей, возможность моментальной горизонтальной связи в виде общения читателей между собой на страницах Интернет-СМИ, а также потоковый характер распространения информации (в традиционных СМИ информация предоставляется порционно, выпусками). Однако в то же время, по ряду других параметров (аудиторная направленность, подбор тем, характер собственника), Интернет-СМИ описываются теми же типологическими характеристиками, что и классические массмедиа¹. Следовательно, во многом они выполняют одни и те же функции, а также преследуют одну и ту же цель — привлечь внимание аудитории.

В настоящее время одной из наиболее значимых функций СМИ, в том числе и Интернет-СМИ, наряду с информационной и коммуникативной является функция воздействия. Диапазон её влияния довольно широк, на-

¹ А. Мирошниченко: *Работа в пресс-службе. Журналистика для пресс-секретарей*. Москва 2012, с. 22—23.

чина с формирования общественного мнения и заканчивая воздействием на ценности, идеалы, мировоззрение аудитории.

Как подчёркивается, феномен речевого воздействия прежде всего связан с целевой установкой говорящего. Таким образом, дискурс следует считать персуазивным лишь в том случае, когда он неравноправный, т.е. один из коммуникантов сознательно осуществляет попытку речевого воздействия². Данную точку зрения разделяет и Людмила Л. Фёдорова, отмечая, что речевое воздействие можно понимать, «[...] как однонаправленное речевое действие, содержанием которого является социальное воздействие говорящего на собеседника в процессе общения, диалога»³. При этом процесс речевого воздействия одного субъекта на другой субъект совершается при определённых когнитивных условиях, вызывая изменения в когнитивной системе воспринимающего⁴. Исходя из вышеизложенного, необходимо разграничивать:

- 1) сознательно оказываемое воздействие, когда адресант ставит перед собой такую задачу, напр. убедить реципиента. Однако оно не всегда достигает цели и может просто не подействовать или вызвать чувство раздражения;
- 2) сознательно не оказываемое воздействие, которое тем не менее испытывается собеседником во время общения в результате восприятия речи. Это наблюдается в частности в тех случаях, когда для убедительности приводится в пример мнение или поведение какого-то выдающегося человека, а реципиент по каким-то причинам не любит эту личность⁵.

Следует отметить, что «[...] в реальности, большинство речевых действий рассчитано на комплексную реакцию, включающую и эмоциональный настрой, и изменение коннотативных значений, и — что самое главное — коррекцию модели мира, существующую в сознании реципиента»⁶. Как утверждал Ролв М. Блакар: «Выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект»⁷.

Аналогичной точки зрения придерживается Иосиф А. Стернин. Он утверждает, что основным предметом науки о речевом воздействии является эффективность общения, т.е. выбор подходящего, адекватного спо-

² О.С. Иссерс: *Речевое воздействие*. Москва 2013, с. 21.

³ Л.Л. Фёдорова: *Типология речевого воздействия и его место в структуре общения*. «Вопросы языкознания» 1991, № 6, с. 46.

⁴ Н.А. Кузьмина: *Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса*. Электронный научный журнал «Медиаскоп» 2011, вып. 1, <http://www.mediascope.ru/node/755> [дата обращения: 7.08.2018].

⁵ О.А. Филиппова: *Обучение эмоциональному речевому воздействию*. Москва 2014, с. 12.

⁶ О.С. Иссерс: *Речевое...*, с. 21.

⁷ Р.М. Блакар: *Язык как инструмент социальной власти*. В: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Отв. ред. В.В. Петров. Москва 1987, с. 92.

соба вербального воздействия на реципиента в определённой коммуникативной ситуации. Главное здесь — это умение правильно сочетать различные тактики для достижения наибольшего, востребованного адресантом, эффекта⁸. В этом плане следует различать⁹:

- 1) речевое воздействие в широком смысле — это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиций одного из коммуникантов;
- 2) речевое воздействие в узком смысле, которое обычно используется в сфере так наз. координативных отношений, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не отношения субординации (формальные или неформальные). Такой тип речевого воздействия предполагает, что его субъект регулирует деятельность другого человека, в определённой мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями. Именно этот тип отношений наблюдается в средствах массовой информации.

Рассматривая вопрос эффективности воздействия СМИ по отношению к реципиенту, необходимо учесть и перлокутивный аспект (реакция адресата), который положен в основу таких видов речевого воздействия, как:

- 1) оценочное, т.е. изменение отношения субъекта к объекту, коннотативного значения объекта для субъекта, напр. призывы, лозунги;
- 2) эмоциональное, т.е. формирование общего эмоционального настроения, напр. политическое воззвание;
- 3) рациональное, т.е. перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в неё новых категорий.

Несмотря на то, что большинство речевых действий предполагает комплекс перлокутивных реакций (включающих и регулирование эмоционального настроения, и изменение когнитивных значений, и коррекцию категориальной структуры, существующей в сознании адресата), попытаемся на основании данной типологии определить, какую реакцию стремится вызвать адресант у реципиента, используя прецедентные высказывания.

Несомненно, воздействующий потенциал прецедентных высказываний усиливается, в случае если поместить их в заголовке. Такой приём, безусловно, можно назвать речевой (коммуникативной) тактикой. Понятие *речевая тактика* соотносится с понятием *речевая стратегия* (как понятия *приём* и *метод*), которое воспринимается как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели»¹⁰. Это «некоторая последовательность действий (в данном слу-

⁸ И.А. Стернин: *Введение в речевое воздействие*. Воронеж 2001, с. 4—5.

⁹ О.С. Иссерс: *Речевое...*, с. 22—23.

¹⁰ Е.В. Ключев: *Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия*. Москва 2002, с. 18.

чае речевых, организованных в зависимости от цели взаимодействия)»¹¹. Следовательно, коммуникативная стратегия реализуется в речевых тактиках, воспринимаемых как речевые техники, которые востребованы для достижения целей, поставленных в специфической ситуации. Таким образом, речевые тактики относятся к стратегии как виды к роду¹². По отношению к нашему анализу речевую тактику, основанную на использовании прецедентных высказываний, следует воспринимать как приём расположения к себе реципиента, создания у него хорошего настроения, способствующего появлению других положительных эмоций и реакций. Всё это может проецировать успех восприятия текста.

Как мы уже отметили, немаловажную роль в плане воздействия на адресата играет заголовок. Общение с реципиентом посредством заголовка обладает специфическими особенностями, поскольку имеет опосредованный, дистантный характер. Как подчёркивается, «это акт общения автора с читателем, [...] в котором происходит реализация коммуникативных намерений говорящего»¹³. С помощью заголовка журналисты стремятся

пробудить у читателя активность, вовлечь его в процесс сотворчества. В этом они видят главное условие перерастания непроизвольного первичного внимания в сознательную сосредоточенность. С этой целью работники печати широко используют различные приёмы актуализации языковых средств, приёмы усиления языковой нагрузки, оживления заголовка, выявления авторского отношения к тексту газетного материала¹⁴.

Всем перечисленным требованиям отвечают прецедентные высказывания.

Следует отметить, что заголовок можно рассматривать двояко. Во-первых, как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определённую самостоятельность. В таком случае он функционирует автосемантически. Автосемантические заголовки

это заголовки, которые полностью понятны читателю: ему ясно, о чём пойдёт речь в газетном материале. [...] В них действует только эффект необманутого ожидания, так как первоначальная

¹¹ О.С. Иссерс: *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва 2003, с. 100—101.

¹² О.А. Филиппова: *Обучение...*, с. 44—45.

¹³ Е.В. Полякова, Е.В. Полякова: *Газетный заголовок в качественной и некачественной прессе*. Таганрог 2007, с. 22.

¹⁴ А.А. Сафонов: *Стилистика газетных заголовков*. В: *Стилистика газетных жанров*. Ред. Д.Э. Розенталя. Москва 1981, с. 205—206.

информация, полученная после прочтения заголовка, во всех существенных моментах подтверждается в газетном тексте¹⁵.

Во-вторых, заголовок может пониматься как составляющая целого текста, ср.:

[...] одновременно заголовок и полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими его компонентами. В этом случае, газетный заголовок функционирует уже синсемантически — на фоне текста, т.е. как производная от текста и какой-либо прогноз по поводу содержания газетного текста отсутствует¹⁶.

Учитывая вышесказанное, а также тот факт, что основными функциями заголовка как коммуникативного акта являются прагматическая (заголовки-прагмемы) и информативная функции (заголовки-информемы)¹⁷, необходимо подчеркнуть, что автосемантические заголовки представлены заголовками-информемами и заголовками-прагмемами, в то время как синсемантические заголовки представлены только заголовками-прагмемами.

Рассматривая газетный заголовок в исключительно прагматическом аспекте, следует отметить механизм целенаправленного воздействия на читателя, в котором особую роль играют социопсихологические, коммуникативные и информационные факторы. Социопсихологические факторы свойственны любому заголовку, так как они связаны с адресантом и адресатом, которые должны отвечать следующим правилам:

- 1) иметь определённый минимум общих фоновых знаний,
- 2) владеть общим кодом — необходимым объёмом вербальных и невербальных коммуникативных единиц,
- 3) уметь пользоваться этим кодом и правильно интерпретировать его единицы,
- 4) обладать мотивацией — обоюдным стремлением к осуществлению коммуникации, при которой целенаправленная информация отвечает ожиданиям её получателя.

Коммуникативные факторы связаны с функцией установления контакта с массовой аудиторией. Здесь важную роль играет категория референта, которая в газетном заголовке связана с коммуникативным речевым намерением, выраженным в форме коммуникативной интенции:

¹⁵ А.Э. Долгирева: *Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте*. Таганрог 2002, с. 13.

¹⁶ И. Васильюк: *Дискурсивные функции газетного заголовка. Общая характеристика вопроса*. „Komunikacja Specjalistyczna” 2014, Т. 7, с. 204—216.

¹⁷ А.Э. Долгирева: *Газетный заголовок...*, с. 8.

- 1) положительной (предполагающей создание коммуникативных актов поощрения, пропаганды, агитации, рекламы),
- 2) отрицательной (связанной с актами критики, осуждения, отказа, выговора, порицания),
- 3) нейтральной (в основе которой находятся акты констатации, обсуждения, демонстрации, анализа).

Информационные факторы предполагают выделение содержательного аспекта, связанного с отбором информации, с её структурированием и способами выражения¹⁸.

Существенным является рассмотрение заголовков с точки зрения их содержания. В данном случае различаются три основных типа заголовка: фактический, образный и заголовок-клише¹⁹.

Фактический заголовок, как правило, применяется в деловой прессе. В основном, он выступает в форме простого предложения (с глаголом) и передаёт главную мысль или сюжетную линию текста. Наличие глагола придаёт заголовку динамику и соответствует деловому стилю, так как журналистика должна отражать не столько существующее, сколько происходящее. Заголовки информационных и аналитических жанров почти всегда содержат глаголы. Собственно публицистические жанры в этом плане свободнее.

Образный (игровой) заголовок формирует эмоциональную реакцию, призванную вовлечь читателя в текст. Заголовки такого рода часто используются в газете «Коммерсантъ», а также в «Известиях» (особенно в рубрике «Мнения»). Многие из заголовков находятся в диапазоне между фактическими и образными.

В заголовке-клише используются известные афоризмы, штампы, клише, крылатые выражения, изречения великих, поговорки, пословицы, известные политические лозунги и прочее. Эти средства применяются с той целью, чтобы вызвать у читателя устойчивые эмоциональные и смысловые ассоциации, которые должны облегчить «вход» читателя в текст. При этом журналистам следует соблюдать чувство меры и вкуса, так как при неумелом подходе заголовок-клише может вызвать у адресата отторжение.

Предметом нашего анализа стали заголовки-клише, использующие прецедентные высказывания. Термин ‘прецедентные высказывания’ является одним из видов прецедентных феноменов. Впервые термин ‘прецедентный’ был употреблён Юрием Н. Карауловым по отношению к тексту. Прецедентными он назвал тексты:

¹⁸ А.Э. Долгирева: *Газетный заголовок...*, с. 9—10.

¹⁹ А. Мирошниченко: *Работа в пресс-службе...*, с. 86—89.

значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности²⁰.

Вопрос прецедентности впоследствии рассматривался многими учёными: Викторией В. Красных, Дмитрием Б. Гудковым, Юрием Е. Прохоровым, Натальей А. Кузьминой и др. Их исследования привели к созданию теории, касающейся прецедентных феноменов. Термин *прецедентные феномены* является родовым по отношению к таким терминам, как: *прецедентное имя*, *прецедентный текст*, *прецедентная ситуация* и *прецедентное высказывание*²¹.

Прецедентное имя — это индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, напр. *Московский Шерлок Холмс раскрыл дело по осколку стекла / Следовательно применил метод известного британского сыщика* (Из. 2.12.16).

Прецедентный текст — это законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица, сложный знак, отождествляемый любым средним членом лингвокультурного сообщества. Обращение к данному тексту многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с ним высказывания и символы, напр. *Да, были дикторы в наше время* («Известия» 29.09.09) — Михаил Ю. Лермонтов: *Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя* (из стихотворения «Бородино»).

Прецедентная ситуация — это некая эталонная, идеальная ситуация с определёнными коннотациями, напр. *Путин назвал действия США в Сирии повторением иракского сценария* («Известия» 11.04.17).

Прецедентное высказывание — это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может как быть, так и не быть предикативной. Такие высказывания составляют наиболее многочисленную группу, которая состоит в большинстве из фразеологизмов, крылатых слов, а также цитат из кинофильмов, песен и сказок.

На основе анализа 200 заголовков статей, почерпнутых из электронной версии газет «Известия» и «Коммерсантъ» за период с января 2017 г. по

²⁰ Ю.Н. Караулов: *Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности*. В: *Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ*. Ред. Л.Ю. Максимов и др. Москва 1986, с. 105.

²¹ Ю.Е. Прохоров: *Действительность. Текст. Дискурс*. Москва 2004, с. 150—152.

август 2018 г.²², представим, какие из прецедентных высказываний встречаются чаще всего и чем обусловлен их выбор. Кроме того, попытаемся определить тип обращения к прецедентным высказываниям.

Итак, самую многочисленную группу среди прецедентных высказываний представляют собой фразеологизмы и крылатые выражения, напр.:

1. **Пишем — значит существуем** / Писатель Роман Сенчин — о сохранении литературных и лингвистических традиций ('Я мыслю, значит, существую' в переводе с латинского: 'Cogito ergo sum');
2. **Перетягивание нон грата** / Что последует за массовой высылкой российских дипломатов из США, Канады и Европы ('persona non grata' — нежелательная персона/лицо);
3. **Партийная система: изменить нельзя оставить** / Глава Агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрий Орлов — о консерватизме политических партий ('Казнить нельзя помиловать' — распространённое крылатое выражение для описания двух взаимоисключающих возможностей);
4. **Шаг от смешного до великого** / Почему главным ньюсмейкером минувшего дня ЧМ всё равно была бы Аргентина ('От великого до смешного — один шаг' — это крылатое выражение с французского: 'Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas' буквально: 'От возвышенного до смешного только один шаг');
5. **Большой Брат Биг-Бена** / Как в Великобритании следят за гражданами (персонаж романа Джорджа Оруэлла «1984», единоличный лидер государства Океания и партии «Ангсоц»);
6. **Лебедь, рак и щука** / Директор Центра политического анализа Павел Данилин — о выдвижении единого кандидата от парламентской оппозиции на предстоящих выборах (басня Ивана А. Крылова «Лебедь, рак и щука» стала основой фразеологизма, обозначающего совершенно разных людей, не имеющих общих стремлений и несогласованных в деле);
7. **Facebook потерял лицо** и \$65 млрд. Данные 50 млн подписчиков сети могли быть использованы в политических целях;
8. **Пороховая бочка Европы** / Политолог Игорь Пшеничников — о том, к чему может привести подписание соглашения между Сербией и Косово;
9. **Владимир Путин взял Вину на себя** / Как его приезд взбудоражил сонную столицу Австрии ('взять вину на себя').

Отметим, что по отношению к фразеологизмам намечаются трансформации двоякого рода. Во-первых, это замена или перестановка одного или нескольких лексических компонентов фразеологических единиц, напр.:

²² Официальный сайт газеты «Известия»: <http://izvestia.ru/>, газеты «Коммерсантъ»: <https://www.kommersant.ru/>.

1. У Дональда Трампа **ракеты чешутся** / США пообещали наказать Сирию, а Израиль уже отбомбился ('руки чешутся' — острое желание побить кого-либо);
2. **Саммит по себе** / Президенты России и США нашли, где встретиться ('сам по себе');
3. Деньги стали **камнем раздора** ('яблоко раздора');
4. **Хиджаб раздора** / Как мусульманский платок стал мировой проблемой;
5. **Глас вопиющего поэта...** / Поэт Илья Резник — о том, почему сегодня нужно бороться за умы современного поколения ('Глас вопиющего в пустыне');
6. **Ни «бе», ни Месси** / Третий день футбольного чемпионата преподнес массу сюрпризов ('ни бе ни ме ни кукареку').

Во-вторых, это усечение, сокращение или увеличение состава фразеологических единиц, что встречается значительно реже, чем трансформации первого типа, напр.:

1. **Типун на язык** / О чём россияне предпочитают молчать ('тебе на язык');
2. **Трамповы тучи над Ираном** ('тучи сгущаются над головой');
3. **На чистую воду** / Политолог Денис Денисов — о том, почему нельзя оставлять без внимания доклад ООН о событиях под Иловайском ('выводить/вывести на чистую воду');
4. Америка и Франция **нашли общий атлантический язык** / Эмманюэль Макрон и Дональд Трамп укрепляют отношения между США и Европой ('найти общий язык');
5. Словно **шапочка на воре...** / Политолог Алексей Мухин — о подоплеке и последствиях ареста Улюкаева ('на воре шапка горит');
6. В Сирии **подлили яду в огонь** / Атака в Восточной Гуте чревата российско-американским столкновением ('подливать/подлить масло в огонь').

Довольно большую группу составляют высказывания, отсылающие к заглавиям кинофильмов или к текстам песен, напр.:

1. **Краска больше, чем жизнь** / Выставка Николая Фешина в Русском музее («Ставка больше, чем жизнь»);
2. **Самая обаятельная и активная: 70 лет Татьяне Васильевой** («Самая обаятельная и привлекательная»);
3. **Вместо встречи изменить уже нельзя** / Как сорвались российско-американские переговоры по кибербезопасности («Место встречи изменить нельзя»);
4. **Почему Москва словам не верит** / Опубликованные документы проливают свет на вопрос, обещала ли НАТО не расширяться на восток («Москва слезам не верит»);
5. **38 попугаи** / Санкции США довели до российских миллиардеров («38 попугаев» — цикл (10 серий) советских кукольных мультфильмов для детей);

6. *У природы нет плохого потепления* / Писатель и журналист Игорь Мальцев — о том, стоит ли верить борцам с изменением климата («У природы нет плохой погоды» — песня из кинофильма «Служебный роман»);
7. *Америка сегодня: «этот поезд в огне»* / Американист Александр Домрин — о том, грозит ли Дональду Трампу импичмент и чем он чреват для американского общества («Поезд в огне» (1987) — песня Бориса Гребенщикова (Аквариум)).

Следующая группа, не столь многочисленная как предыдущие, состоит из пословиц, поговорок и афоризмов, напр.:

1. *Чья бы корова мычала* ('чья бы корова мычала, а твоя бы молчала');
2. *Не рой другому яму* / Политолог Александр Ведруссов — о невыученных уроках 9.11 и реальной борьбе с международным терроризмом ('не рой другому яму, сам в неё попадешь');
3. *Методом маленького пряника и большого кнута* / США усиливают санкционное давление на Россию ('метод кнута и пряника');
4. *С глаз домой* / На фоне протестов в Хемнице в бундестаге поднимут вопрос о необходимости помочь РФ в восстановлении Сирии ('с глаз долой — из сердца вон');
5. *Собака лает — «Северный поток» идёт* / Аналитик Александр Пасечник — о попытках Вашингтона помешать строительству новой очереди газопровода ('Собака лает, караван идёт').

В нижеуказанном, последнем, примере приводятся известные слова Никиты Сергеевича Хрущёва:

«Прекратить это безобразие!» / О гордом и скандальном юбилее московского Манежа («Запретить! Всё запретить! Прекратить это безобразие! Я приказываю! Я говорю!» — Никита Сергеевич Хрущёв: Реплики Хрущёва на выставке авангардистов).

Итак, на основании приведённых примеров и собранного материала в целом, учитывая форму обращения к прецедентным высказываниям, можно выделить две группы заголовков:

- 1) заголовки, в которых используются фразеологизмы, пословицы и поговорки;
- 2) заголовки, в которых используются крылатые выражения, афоризмы, фразы из популярных кинофильмов и песен.

Анализ данных заголовков показал, что преобладают единицы первой группы, однако явное предпочтение здесь отдаётся трансформациям фразеологических оборотов. Следует отметить, что тенденция к трансформациям свойственна как заголовкам первой, так и второй группы,

где первенство остаётся за крылатыми выражениями и фразами из кинофильмов.

Собранный нами материал является бесспорным доказательством того, что прецедентные высказывания наряду с воздействующей функцией выполняют ещё три функции:

- 1) экспрессивную, связанную с выражением эмоционального состояния автора,
- 2) оценочную, выражающую положительное или отрицательное субъективное отношение автора,
- 3) паролную, которая свидетельствует о принадлежности автора текста к той же культурной группе, что и адресат.

Подводя итоги нашего анализа, следует отметить, что проблематика лингвистического исследования речевого воздействия заключается в изучении стратегий адресанта и всех находящихся в его распоряжении языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели²³. Мы сосредоточились на анализе воздействующего потенциала прецедентных феноменов, а точнее, прецедентных высказываний. Они играют в этом плане существенную роль, поскольку помогают модифицировать картину мира, имеющуюся у адресата, задают определённую систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества (объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим»)²⁴. Оценка, которая скрывается за прецедентными высказываниями в силу их экспрессии, воспринимается реципиентом более легко, более непринуждённо. Благодаря прецедентным высказываниям можно выразить намёк, который имеет психологически благоприятное восприятие (кроме тех, против кого он направлен) и часто вызывает смех. Следовательно, возрастает и прагматический потенциал таких заголовков. Конечно, в таком случае сложно говорить об объективности медиа, хотя именно субъективность является фактором, объединяющим многие СМИ, причём во всем мире.

²³ О.С. Иссерс: *Речевое...*, с. 23.

²⁴ Е.А. Нахимова: *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург 2007, с. 143.

Joanna Wasiluk

Wypowiedzi precedensowe jako sposób oddziaływania językowego
(na przykładzie nagłówków zamieszczanych w elektronicznych wersjach gazet
„Izwestija” i „Kommiersant”)

Streszczenie

W obecnym czasie funkcja oddziaływania, obok funkcji informacyjnej i komunikatywnej, jest jedną z najbardziej istotnych funkcji, jakie pełnią środki masowego przekazu. W niniejszym artykule na podstawie literatury naukowej opisano różne aspekty oddziaływania ze szczególnym uwzględnieniem jego efektywności w odniesieniu do nagłówków zamieszczanych w elektronicznych wersjach gazet. Przedstawiono charakterystykę nagłówków, skupiając się na aspekcie pragmatycznym, gdzie ważną rolę odgrywają czynniki społeczno-psychologiczne, komunikacyjne i informacyjne. Opisano typy nagłówków, koncentrując się na tych, które wykorzystują teksty precedensowe. Na podstawie analizy nagłówków wskazano, jakie rodzaje tekstów precedensowych występują najczęściej i w jakiej formie oraz jaka jest ich funkcja.

Słowa kluczowe: oddziaływanie językowe, nagłówek, wypowiedź precedensowa, rosyjskie media elektroniczne

Joanna Wasiluk

Precedent utterances as a way of linguistic influence
(on the example of the headlines of electronic versions of newspapers
“Izvestia” and “Kommersant”)

Summary

The impact function is one of the most important functions of the mass media at the present time in addition to the informative and communicative function. This article describes the various aspects of the impact on the basis of the scientific literature, with particular emphasis on its effectiveness in relation to the headlines included in the electronic versions of newspapers. The headline characteristics are presented, focusing on the pragmatic aspect, where socio-psychological, communication and information factors play an important role. The types of headers are described, focusing on those that use the precedent utterances. It is indicated what types of precedent utterances occur most often and in what form and what function they perform next to the function of impact.

Key words: the impact of language, headline, precedent utterances, Russian electronic media

Redakcja: Oksana Małysa, Joanna Szewczyk

Projekt okładki: Tomasz Tomczuk

Redakcja techniczna: Małgorzata Pleśniar

Korekta: Lidia Szumigala

Łamanie: Bogusław Chruściński

Wersją referencyjną publikacji jest wersja elektroniczna

Publikacja na licencji Creative Commons

Uznanie autorstwa-Na tych samych warunkach 4.0

Międzynarodowe (CC BY-SA 4.0)

ISSN 0208-6336

ISBN 978-83-226-3885-9

Wydawca

Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

ul. Bankowa 12B, 40-007 Katowice

www.wydawnictwo.us.edu.pl

e-mail: wydawus@us.edu.pl

Ark. druk. 16,25. Ark wyd. 18,0. PN 3943

ISSN 0208-6336

Egzemplarz bezpłatny

ISBN 978-83-226-3885-9

Więcej o książce

